

**ДЬЕРДЬ ЛУКАЧ — МЫСЛИТЕЛЬ
И ПОЛИТИК**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

А. С. СТЫКАЛИН

ДЬЕРДЬ ЛУКАЧ – МЫСЛИТЕЛЬ И ПОЛИТИК

ИЗДАТЕЛЬ СТЕПАНЕНКО
Москва 2001

УДК 1(439)(092)+929Лукач

ББК 87.3

С88

Стыкалин Александр Сергеевич. Дьердь Лукач – мыслитель и политик. – Москва: издатель СТЕПАНЕНКО, 2001. - 348 с.

Утверждено к печати Институтом славяноведения РАН

Ответственный редактор В. Т. Серeda

Рецензенты: кандидат филологических наук Н. М. Куренная
кандидат филологических наук В. В. Нехотин

В монографии, написанной с привлечением обширного архивного материала, дается жизнеописание и прослеживается идейная эволюция выдающегося венгерского философа и литературного критика Дьердя Лукача (1885–1971), оказавшего влияние на Франкфуртскую школу и другие направления европейской мысли XX века.

ИЗДАТЕЛЬ СТЕПАНЕНКО

ЛР № 04694 от 28.04.2001

Сдано в набор 29.09.2001. Подп. в печать 18.10.2001. Формат 60×90/16. Бумага офсетная №1. Гарнитура Баскервиль. Печать офсетная. Объем 21,75 печ. л. Тираж 316 экз.

ISBN 5-901882-05-9

ББК 87.3

С88

© А. С. Стыкалин – 2001
© Институт славяноведения РАН – 2001
© Степаненко А. Ю. – оформление, 2001

ВВЕДЕНИЕ

Имя Дьердя (Георга) Лукача (1885–1971) принадлежит истории духовной культуры нескольких европейских стран. Уроженец Венгрии, он учился философии в Берлине у Георга Зиммеля, состоял членом гейдельбергского кружка Макса Вебера. Уже его ранние эссе встретили немалый отклик в Германии кануна первой мировой войны, и все последующее, громадное по объему, теоретическое наследие Лукача стало неотъемлемой частью немецкой философской культуры XX в. В 1920-е годы, живя в Вене, Лукач был в числе людей, определявших неповторимую интеллектуальную, духовную атмосферу австрийской столицы – во всяком случае, ее слоев, тесно связанных с крайне левыми течениями. Опубликованная в 1923 г. книга «История и классовое сознание» на десятилетия стала Библией западного неомарксизма, от которой в 1920–1930-е годы во многом отталкивались в своих исканиях представители Франкфуртской философской школы и к которой уже в конце 1960-х годов обращались идеологи «новых левых». Находясь в 1933–1945 гг. в эмиграции в Советском Союзе, Лукач активно участвовал в литературной и научной жизни, его статьи неоднократно вызвали оживленные дискуссии.

«Отнюдь не разделяя умонастроение, мировоззрение и социальное вероисповедание д-ра Георга Лукача, я уважаю и нравственно восхищаюсь его строгим, чистым и гордым умом и причисляю его критические работы «Душа и формы», «Теория романа» и т. д. несомненно к наиболее значительному, что написано на эти темы за последнее десятилетие на немецком языке», – писал о венгерском философе хорошо знавший его Томас Манн¹. Дважды, когда Лукачу грозила выдача хортистским властям, собиравшимся судить его за участие в революционном движении, (в ноябре 1919 г. и в 1928 г.), Т. Манн среди других видных немецких интеллектуалов подписывал письма протеста. Правда, тот же Т. Манн не принимал нравственной позиции Лукача, проявлявшейся и в его политической деятельности в качестве комиссара Венгерской советской республики, а затем революционера-подпольщика. Заочная полемика с ним нашла отражение и в художественном творчестве Т. Манна. Существует версия, согласно которой венгерский философ стал прототипом образа Нафты в одном из лучших романов крупнейшего немецкого прозаика, – «Волшебной горе»².

«Самым умным и интересным, наиболее самостоятельным из коммунистических писателей» назвал Лукача в 1935 г. Николай Бердяев³. Михаил Бахтин, ознакомившись в 1920-е годы с работой Д. Лукача

«Теория романа» (1916), отметил близость многих ее идей собственным построениям и попытался завести переписку с автором. Однако Лукач к этому времени считал «Теорию романа» пройденным этапом своей творческой биографии, к тому же был всецело сосредоточен на конспиративной революционной работе. Полноценного диалога не получилось. На предложение опубликовать «Теорию романа» в СССР Лукач ответил отказом¹.

Парадоксы длительной духовной эволюции Д. Лукача уже несколько десятилетий не перестают удивлять исследователей новейшей философии, посвятивших ему не одну тысячу работ, опубликованных во многих странах мира (наиболее полная из имеющихся библиографий, вышедшая в 1983 г., а значит, не включающая исследования последних 15 лет, насчитывает 2000 названий²). В самом деле, почему сын богатейшего будапештского банкира, выходец из буржуазной элиты венгерской столицы с самого начала и до последних дней выступал непримиримым критиком современных ему экономических форм западной цивилизации (при том, что этот острый антибуржуазный настрой, оставаясь стержнем мировоззрения Лукача, в разные периоды его жизни и деятельности проявлялся отнюдь не в одинаковой философской оболочке)? В силу каких обстоятельств столь многообещающий молодой эссеист с конца 1918 г. навсегда связал свою судьбу с мировым коммунистическим движением? Без ответов на эти и на многие другие вопросы невозможно определить то место, которое занял в истории европейской культуры XX в. крупнейший венгерский мыслитель, оказавший своими работами заметное влияние на последующее развитие философии, эстетики, литературоведения.

Начиная с рубежа 1900–1910-х годов, когда сборник эссе «Душа и формы» попал в поле зрения не только венгерской, но также немецкой и французской критики³, работы Лукача многократно становились предметом споров как в философской, так и в литературной среде. В середине 1920-х годов прошла международная философская дискуссия вокруг книги «История и классовое сознание», ставшая вехой в осмыслении идейного наследия марксизма, взаимосвязи учения Маркса с традицией немецкой классической философии, способности марксистского течения общественной мысли дать свои ответы на вопросы, поставленные перед человечеством «эпохой войн и мировых революций».

Проходившая в 1934–1935 гг. в СССР дискуссия вокруг работы Д. Лукача «Роман как буржуазная эпопея» привлекла внимание многих ведущих советских литературоведов самых разных направлений — от последователя плехановской социологической эстетики В. Перверзева

до «формалиста» В. Шкловского⁷. Еще более значительным явлением литературной жизни СССР стала полемика 1939–1940 гг. об отношении к реалистической традиции, инициированная книгой Д. Лукача «К истории реализма». Она завершилась шумной проработочной кампанией, направленной против журнала «Литературный критик», отстаивавшего менее ортодоксальную точку зрения и закрытого решением высоких партийных инстанций в конце 1940 г.

Д. Лукач был одной из центральных фигур в литературных дискуссиях, начатых в антифашистских изданиях веймарской Германии начала 1930-х годов и продолженных в немецкой эмигрантской прессе. Достаточно упомянуть его споры с Б. Брехтом о сущности социалистического искусства и отношении к традиции, а также участие венгерского философа в дискуссии об экспрессионизме на страницах журнала «Дас Ворт».

Широкий международный отклик вызвали «дискуссии о Лукаче» 1949–1950 и 1957–1960 гг. Обе они, особенно последняя, далеко перешагнули границы Венгрии, нашли отзвук как в СССР и странах «народной демократии», так и на Западе. Хотя оппоненты Лукача в своей критике неизменно отталкивались от его литературоведческих и эстетических концепций, каждая из этих дискуссий явилась событием политической жизни Венгрии. Критика взглядов Лукача отнюдь не ограничивалась эстетикой, она распространялась на его представления о сущности социализма и путях его построения.

На Западе после второй мировой войны споры вокруг отдельных работ Лукача разгорались по мере их появления в немецко- и англоязычных изданиях. Вызывали резонанс также интервью венгерского мыслителя, публиковавшиеся в зарубежной прессе. Выступления Лукача на ряде форумов европейской гуманитарной интеллигенции, проходивших в Швейцарии и Италии в первые послевоенные годы, привлекли к его личности внимание философов разных направлений. В присущей этому времени атмосфере переосмысления многих общечеловеческих ценностей, поиска новых духовных ориентиров, в Лукаче видели наиболее значительного представителя современного марксизма, его своеобразную витрину на всеевропейском «рынке идей». По справедливому замечанию венгерского историка-эмигранта Ф. Фейте, «непримиримый враг упрощенчества, Лукач мог успешнее, чем кто бы то ни было, представлять марксизм «большого масштаба» — во всем его отличии от вульгарного марксизма — перед «декадентскими философами» Ясперсом, Мерло-Понти и Сартром»⁸.

Этапная в творчестве Лукача как историка европейской философии монография «Разрушение разума» (1954) вызвала на Западе негативный отклик. В этой книге Лукач пытался на большом конкретном материале проследить основные тенденции развития немецкой философии во второй половине XIX — начале XX в., показав преемственность в ее эволюции от Шопенгауэра через Ницше к Розенбергу и другим идеологам Третьего рейха. Речь шла о неуклонном усилении иррационалистических начал в «буржуазном» сознании новейшего времени. Работа Лукача явилась результатом 20-летних штудий, начатых еще в первой половине 1930-х годов, когда выявление идейных корней фашизма стало насущной задачей для европейских интеллектуалов разных направлений. Определенной вехой в процессе реализации замысла Лукача явились статьи об идеологии немецкого нацизма, написанные в годы второй мировой войны. Естественное для военного времени «черно-белое» восприятие неоднозначных духовных явлений в известной мере проявилось и в окончательной редакции «Разрушения разума». Многим оппонентам историко-философская концепция Лукача показалась крайне прямолинейной и упрощенной, еще более их шокировало искусственное объединение на платформе иррационализма фашистской идеологии и ряда современных философских течений, включая экзистенциализм. Под влиянием этой книги на Западе сложилось (или укрепилось) представление о Лукаче как о мыслителе, поставившем свой незаурядный талант и огромную эрудицию на службу сталинскому режиму. Подобное отношение к нему доминировало впрочем недолго, ибо в 1956 г. выступления Лукача с критикой сталинской политической практики, а затем и его роль в событиях «будапештской осени», участие в качестве министра культуры в правительстве Имре Надя и нежелание отмежеваться от И. Надя, объявленного предателем социализма и казненного в 1958 г., дали повод для новых переоценок личности Лукача — не только политического деятеля и гражданина своей страны, но и философа, готового отстаивать собственные убеждения в самой экстремальной жизненной ситуации. Корректировке отношения к Лукачу способствовал и выход на Западе начиная с 1957 г. новых его работ, выдвигавших требование коренного обновления существующих форм социализма, а также способа их отражения в художественном сознании.

В 1960-е годы многочисленные интервью Лукача зарубежным изданиям, посвященные выявлению философских основ сталинизма, осмыслению сущности и перспектив реального социализма, проблемам международных отношений и мирного сосуществования привлекали живой интерес западной публики, поддерживали представление о нем

как о наиболее ярком, при всех противоречиях его мировоззрения, представителе современного марксизма.

В то же десятилетие специалистами были внимательно прочитаны фундаментальные работы позднего Лукача по эстетике (прежде всего «Своеобразие эстетического» (1963)). В 1960-е годы также впервые издаются либо переиздаются на немецком и английском языках наиболее важные исследования Лукача по истории романа, истории и теории реализма, о творчестве Т. Манна, написанные по большей части в 1930–1940-е годы⁹.

Высказывания венгерского критика о произведениях А. Солженицына, одного из наиболее значительных, по его мнению, представителей современного реализма, органично вписались в контекст тех споров, которые проходили на Западе в связи с публикацией прозы этого писателя (при том, что система мировоззрения Солженицына быстро обнаружила полную иллюзорность связывавшихся Лукачем с его творчеством надежд на коренное обновление *социалистически ангажированного* реалистического романа). Определенный отклик вызвало также переиздание «Теории романа», наиболее значительной завершённой работы, относящейся к домарксистскому периоду творчества Д. Лукача (1916).

Возникновение движения «новых левых» в конце 1960-х годов заставило европейскую интеллектуальную элиту заново перечитать написанную в 1923 г. «Историю и классовое сознание», ставшую одним из источников идеологии этого течения. Следующая, уже посмертная волна интереса к Лукачу на Западе пришлась на середину 1970-х годов, когда были выявлены и опубликованы оставленные автором на хранении в Гейдельберге в 1917 г. относящиеся к 1910-м годам фрагменты незавершённых рукописей по эстетике. С конца 1960-х годов в Западной Германии, Италии, Великобритании, Франции, США, Швеции, Японии, других странах выходят многочисленные монографии и диссертации о разностороннем творчестве Д. Лукача — философа, специалиста в области эстетики, литературоведа, критика¹⁰.

С наступлением неоконсервативной волны на Западе с конца 1970-х годов намечается некоторый спад внимания к Лукачу — философу и критику явно левой идейно-политической ориентации. Число монографий о нем несколько сокращается, однако интерес (пусть и актуально-политический, а историко-философский) западных интеллектуалов к философским, этическим, эстетическим исканиям одного из наиболее глубоких представителей марксистской мысли XX в. сохраняется — при том, что идейные построения Лукача, являясь продуктом совсем другой

эпохи, очень далеко отстоят от сегодняшних попыток синтеза либеральной и социалистической систем ценностей. Новые работы о творчестве Лукача продолжали выходить во всем мире и в 1990-е годы (см. прим. 10).

В странах социалистического лагеря отношение к творчеству крупнейшего венгерского философа и критика претерпело в последние десятилетия, пожалуй, еще большие метаморфозы, чем на Западе, ибо воздействие политики на духовные процессы здесь было более непосредственным. Известно, что примерно с 1910–1911 гг. Георг Лукач писал свои основные философские и литературоведческие труды на немецком языке, обладавшем более развитым категориальным аппаратом, чем венгерский, на всю жизнь оставшийся для Дьердя Лукача только языком публицистики (и реже литературной критики), обращенной лишь к соотечественникам. Вплоть до венгерских октябрьских событий 1956 г. Лукач принимал самое деятельное участие в культурной и научной жизни Восточной Германии, выступал с лекциями, много печатался в литературных и философских журналах. Берлинское издательство «Ауфбау» в течение только трех лет издало и переиздало 13 книг с его работами разных времен. В апреле 1955 г. по инициативе И. Бехера, обычно покровительствовавшего Лукачу, в ГДР было широко отмечено 70-летие философа, вышел в свет юбилейный сборник¹¹. Однако в конце 1956 г. смертельно напуганные венгерскими событиями В. Ульбрихт и его окружение увидели в Лукаче главного пропагандиста враждебной режиму идеологии. Министр культуры И. Бехер отодвигается на вторые роли, директор издательства «Ауфбау» В. Янка был арестован за связи с Лукачем, а летом 1957 г. ряд публикаций положил начало очередной «дискуссии» о взглядах Лукача, объявленных ревизионистскими. Именно из Восточной Германии кампания перекинулась в Венгрию, а оттуда в Советский Союз.

Венгерское партийное руководство рассчитывало, что Лукач, как это было в 1950 г., выступит хотя бы с частичной, «ритуальной» самокритикой. Однако этого не произошло. С конца 1950-х годов в своих многочисленных интервью иностранным корреспондентам и в предисловиях к новым западным изданиям своих старых работ философ упорно делал акцент на критике сталинизма не просто как политической практики одного человека, а как определенной системы представлений о социализме и институтах их реализации. Идя в этом смысле гораздо дальше половинчатой хрущевской критики Сталина, он вызывал раздражение жестких коммунистических ортодоксов как у себя дома, так и за рубежом. Указав, что ряд выступлений Лукача в иностранной печати «носит уже характер полного ренегатства», Политбюро ЦК Вен-

герской социалистической рабочей партии (ВСРП) в 1959 г. наметило активизировать критическую кампанию. Выдвигалась даже идея арестовать 74-летнего философа и лишь нежелание вызывать излишнюю шумиху на Западе заставило власти отказаться от ее осуществления¹².

С весны 1957 г., живя почти безвыездно в Будапеште, философ работал над фундаментальными сочинениями, содержащими систематическое изложение проблем эстетики, этики, онтологии с марксистских позиций. В то время как на Западе популярность Лукача именно в 1960-е годы достигла своего апогея, в Венгрии и других странах социалистического лагеря ситуация была более сложной. Идеи совершенствования марксистского метода и демократизации социализма, выдвигавшиеся в ряде выступлений Лукача по актуальным политическим проблемам, находили отклик у реформаторски настроенной интеллигенции — достаточно сказать, например, о внимании к венгерскому философу высвободившейся весной 1968 г. из-под цензурного пресса чехословацкой печати. Философами, пытавшимися вырваться из пут примитивной псевдомарксистской ортодоксии, с интересом была встречена работа «Своеобразие эстетического», изложившая весь комплекс проблем художественного сознания на несравнимо более высоком уровне философской абстракции, со знанием основных направлений западной философии XX в. В то же время ярко выраженная антиавангардистская направленность эстетики Лукача делала ее совсем не созвучной творческим устремлениям молодого литературного поколения в странах Восточной Европы, которое, пользуясь некоторой либерализацией режима (в Польше, Венгрии, в 1963–1968 гг. в Чехословакии), наверстывало упущенное по части художественного экспериментирования, активно осваивало новейший опыт западных литератур. При всем том интеллектуальный и моральный авторитет Лукача продолжал оставаться относительно высоким и каждое новое его выступление вызывало отклик в Венгрии и за ее пределами. Так произошло и с его интервью, опубликованным главным органом ВСРП газетой «Непсабадшаг» в рождественском номере 24 декабря 1967 г. Венгерская и мировая общественность впервые смогли узнать из него о примирении Лукача и партии, состоявшемся несколько ранее (15 августа 1967 г. Политбюро положительно решило вопрос о членстве Лукача в рядах ВСРП, в которую он не был принят в 1957 г.).

Кадаровский режим вот уже несколько лет развивался в направлении большей либерализации. 1 января 1968 г. в Венгрии вступал в действие новый экономический механизм, предполагавший широкий комплекс мер по сочетанию планового и рыночного начал в экономике,

расширение самостоятельности предприятий, обеспечение некоторой свободы частно-предпринимательской инициативы в сфере обслуживания и легкой промышленности. Лукач не только всецело поддержал руководство ВСРП в его реформаторских начинаниях, но в ряде интервью, опубликованных в 1967–1968 гг. в ФРГ, Югославии, Чехословакии, попытался набросать политическую концепцию реформ, которой у Кадара, собственно говоря, в это время не было. Важный упор в ней делался на многообразии форм общественного контроля за действиями властей, обеспечении условий для широкого приобщения масс к управлению.

«Пражская весна» предоставила кадаровскому руководству лишний повод четче обозначить собственные установки, дать свой ответ на вопрос о пределах терпимости коммунистического режима, возникший в связи с развернувшимися как в ЧССР, так и в ВНР, реформами. Идеолог режима Д.Ацел в апреле 1968 г. выступил с программным заявлением, в котором развил тезис о том, что ВСРП стремится не к установлению монополии своей идеологии, а лишь к ведущей роли в обществе. Допускалось существование в определенных рамках и иных идейных течений. Хотя предпочтение в отношениях с оппонентами отдавалось открытым спорам, не исключалась, однако, и возможность административного вмешательства. Было, в частности, принципиально заявлено, что допускаемое многообразие мнений ни в коем случае не должно привести к созданию политической оппозиции¹³. Там, где возникала угроза режиму, кадаровский либерализм напоминал о существовании границ. Четкое разъяснение венгерской интеллигенции основных постулатов своей идейной платформы казалось Кадару тем более своевременным, что развитие событий в соседней Чехословакии могло породить кое у кого в Венгрии ненужные иллюзии.

Лукач в своих идеях в который раз опережал партию. В феврале 1968 г. высшие инстанции ВСРП, снова обсудив вопрос о его многочисленных интервью для западной аудитории, приняли решение не развешивать публичной критики, но попросить философа в своих беседах с зарубежными журналистами по возможности воздерживаться от выступлений по проблемам текущей политики и вообще сосредоточиться на «более полезной для партии» разработке вопросов эстетики, литературоведения, а еще лучше — на критике новейших течений буржуазной мысли¹⁴. Подобного рода пожелание свидетельствовало о принципиальных изменениях в установках культурной политики в сравнении с 1950-ми годами. На смену попыткам вытолкнуть Лукача из духовной жизни, показавшим свою полную неэффективность, приходит стремление интегрировать его в «социалистическую культуру» современной Венгрии.

Вторжение в Чехословакию 21 августа 1968 г. Лукач воспринял негативно, не делая при этом секрета из своей позиции. А ряд учеников философа (А. Хеллер, Д. Маркуш и др.) открыто подписали письмо протеста. Это принесло им определенные неприятности при том, что сохранявшийся пиетет кадаровских властей по отношению к живому классику современной марксистской мысли уберег в то время его учеников от грубой травли.

После смерти Лукача ученики пошли гораздо дальше своего учителя в осмыслении сущности постсталинского социализма и его перспектив. В это время возникла реальная угроза монополии официальной версии марксизма. Весной 1973 г. было принято постановление ЦК ВСРП о деятельности ряда философов школы Лукача, повлекшее за собой их исключение из партии. Во второй половине 1970-х годов А. Хеллер и ряд других видных представителей этой школы эмигрируют из Венгрии. В постановлении 1973 г. достаточно отчетливо прозвучало противопоставление Лукача его ученикам, которые (как не могли не заметить и их оппоненты) гораздо последовательнее своего учителя связывали пути разрешения антиномий современного венгерского общества со все более широким выражением многообразных общественных интересов и выходили в результате на проблему политического плюрализма, что уже ставило под сомнение монопольную власть компартии.

Отношение официальной культурной политики в Венгрии к творчеству Лукача в 1970–1980-е годы весьма показательно для понимания характера кадаровского режима. Если в ГДР еще долго сохранялось настороженное отношение к Лукачу, то в Венгрии на его поздние политологические и эстетические работы все чаще ссылались идеологи ВСРП, обеспокоенные, по мере усугубления кризиса реального социализма, недостаточной конкурентоспособностью марксизма в споре с иными идеологиями. При последовательном напоминании о том, что в политике Лукач совершал «серьезные ошибки», его авторитет как философа пытались использовать для обоснования тезисов о преимуществах социалистического строя перед капиталистическим, о большем гуманистическом потенциале, заложенном в социалистической системе отношений и т. д. Еще при жизни Лукача, в конце 1960-х годов, выходит собрание его избранных сочинений на венгерском языке, а с начала 1970-х годов предпринимается публикация полного собрания, включившего в себя и его ранние, домарксистские работы.

В 1985 г., когда отмечалось столетие со дня рождения выдающегося философа, по всему миру состоялось около сотни юбилейных

научных конференций. Особенно широко годовщина была отмечена на родине Лукача. Однако даже в это время наследие крупного мыслителя не было востребовано в полном объеме. Так, его наиболее поздняя работа «Настоящее и будущее демократизации», ставшая откликом на события 1968 г. в Чехословакии, полностью увидела свет на венгерском языке только в 1988 г. Надо заметить при этом, что канонизация некоторых текстов Лукача коммунистическим режимом (пускай и выборочная) не способствовала повышению престижа его философии и эстетики в сознании «либеральной» венгерской интеллигенции, в будущем главного организатора и вдохновителя «смены систем». Впрочем, ознакомление с онтологией и эстетикой Лукача оставалось уделом избранных. Что же касается его историко-литературных концепций, то они вызывали все большее неприятие у значительной части интеллигенции, обвинения (отчасти обоснованные) в предвзятом отношении ко многим сложным, неоднозначным культурным феноменам XX в., трактуемым Лукачем прежде всего как проявления иррационализма современного «буржуазного» сознания. В 1977 г., незадолго до своей смерти, в родной Будапешт вернулся из Англии другой всемирно известный эстетик, А. Хаузер, соратник Лукача по «Воскресному обществу» времен первой мировой войны. Поскольку его концепция отличалась большей открытостью в отношении новейших течений в культуре, Хаузер на какое-то время становится знаменем тех, кого рационалистический ригоризм эстетики Лукача раздражал и отталкивал¹⁵. Интересно также, что с критикой Лукача за узость взгляда на современную «буржуазную» культуру были готовы согласиться, исходя из сугубо прагматических соображений, и многие из тех советских, венгерских, восточногерманских ортодоксов, которые одновременно продолжали обвинять его в «правом ревизионизме»¹⁶.

Несколько по-иному, чем в Западной Европе, а также в Венгрии, складывалась судьба наследия Лукача в СССР, где отношение к нему как к ревизионисту и «уклонисту» (сначала левого, а потом правого толка) было устойчивым начиная еще с 1920-х годов. К середине 1960-х годов критика «ревизионистской» эстетики венгерского философа в советской общественно-политической и литературной периодике затихает, сменившись многолетним замалчиванием его работ. При всей подчеркнутой марксистской ортодоксальности позднего Лукача, при всей его последовательной приверженности социалистическому выбору и достаточной лояльности реальному социализму, сложившемуся в СССР и странах Восточной Европы, творчество выдающегося венгерского философа на протяжении многих лет неизменно внушало подо-

зрения блюстителям идеологической чистоты со Старой площади. И основания для этого, безусловно, были. Один из столпов официозного литературоведения брежневской эпохи А. Дымшиц был прав, когда в 1968 г. писал в ЦК о том, что теория реализма Лукача расчищает пути «односторонне критическому направлению, наиболее отчетливо представленному у нас в ряде произведений, напечатанных в журнале «Новый мир» (где, кстати сказать, ученики Лукача, а также и ученики его учеников, обладают весьма определенным влиянием)»¹⁷. Что правда, то правда. Ведущий советский марксист, идейно близкий Лукачу, М. Лифшиц на протяжении десятилетий входил в ближайшее окружение А. Твардовского, соратник Лукача по редакции довоенного журнала «Литературный критик» И. Сац состоял в 1960-е годы членом редколлегии «Нового мира», И. Виноградов был учеником М. Лифшица, В. Лакшин встречался с Д. Лукачем в Будапеште в середине 1960-х годов, о чем оставил воспоминания¹⁸.

Даже после того как более либеральный кадаровский режим в 1970-е годы предпринял явную попытку интегрировать многие идеи позднего Лукача в свою концепцию социализма, отношение к венгерскому философу в Москве как к одному из мэтров европейского ревизионизма отнюдь не изменилось. Характерно, что даже весной 1985 г., в год юбилея, в идеологических отделах ЦК КПСС составлялись записки о том, что чрезмерное «выпячивание» Лукача ведет к принижению роли «ленинского этапа» в развитии марксистской философии. Эта мысль отчетливо прозвучала и в санкционированной инстанциями юбилейной статье Б. Бессонова и И. Нарского в «Вопросах философии» (1985. № 3).

Если партийные идеологи считали Лукача правым ревизионистом, то в отношении к нему в литературных кругах (и со стороны отдельных философов) доминировал, как это ни парадоксально, совсем иной, во многом прямо противоположный подход. Лукача нередко пытались представить как твердокаменного догматика-марксиста, не способного в силу своей идейной заскорузлости оценить многие новейшие явления в мировой литературе XX в.¹⁹ Для того, чтобы убедиться в несостоятельности или, по крайней мере, в односторонности такого мнения, отечественному читателю было бы достаточно самому взять в руки любую фундаментальную работу Лукача по философии или эстетике. Такой возможности у него, однако, долго не было. Публикация ряда крупных, причем относящихся к марксистскому этапу в творчестве Лукача трудов («Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества», «Своеобразие эстетического», «К онтологии общественного бытия») была пред-

принята в СССР лишь в конце 1980-х годов²⁰. Но к этому времени авторитет марксизма в сознании отечественной гуманитарной интеллигенции настолько упал, что выход книг Лукача, восполнив определенные пробелы в нашем знании серьезных достижений марксистской мысли XX в., вместе с тем мало способствовал повышению интереса к марксистской традиции. В поисках ответов на наиболее животрепещущие вопросы, стоявшие перед отечественным обществоведением в условиях глубокого кризиса реального социализма, обращение к работам Лукача действительно мало чем могло помочь.

В Венгрии на рубеже 1980–1990-х годов на отношении к творчеству Лукача еще сильнее, чем когда-либо ранее, сказалось глубочайшее разочарование основной части интеллигенции в социалистической идее, возможностях ее осуществления. Критика его философии, политической мысли, эстетики звучала со многих трибун. Дело дошло до разрушения в Будапеште мемориальной доски, посвященной Лукачу, наиболее воинствующими ниспровергателями его наследия.

Но к середине 1990-х годов ниспровержение идолов, неизбежное в пору смены систем, уступает место более спокойному, уравновешенному отношению. Наследие Лукача очищается от конъюнктурных политико-идеологических наслоений, становится предметом объективного, профессионального изучения как достояние истории европейской мысли XX в.²¹

Многогранность творческой природы Лукача предопределила внимание к его работам со стороны представителей различных научных дисциплин – историков философии и эстетики, литературоведов, искусствоведов, историков политических движений, правоведов; специальные труды писались об этических воззрениях Лукача, о его педагогических взглядах, отношении к религии и т.д. Значительное место среди исследований занимают интерпретации онтологии и эстетики Лукача в сопоставлении с другими философскими системами XX в.²² Также немало работ биографического характера, рассматривающих деятельность Лукача как мыслителя и политика в контексте эпохи; часть из них посвящена какому-то определенному периоду жизни философа²³. Есть серьезные исследования сугубо литературоведческого профиля, основанные на анализе работ Лукача о мировой литературе, об отдельных крупных писателях²⁴. Все это, однако, относится прежде всего к зарубежному «лукачеведению». В сравнении с обширной литературой на английском, немецком, итальянском, венгерском, французском языках русскоязычная литература довольно бедна. Доминируют в ней работы философов (Т. Ойзермана, М. Хевеши, К. Долгова, Б. Бессонова,

И. Нарского, С. Поцелуева, А. Гайды, В. Китаева, С. Земляного) и историков общественной мысли (А. Дмитриева)²⁵. Литературоведческие исследования, специально посвященные Лукачу, почти ограничиваются предисловиями к редким публикациям его статей²⁶. Особый жанр составляют воспоминания о Лукаче его друзей и единомышленников — М. Лифшица, Т. Мотылевой²⁷.

Наше исследование носит прежде всего биографический характер, автор стремился показать разностороннюю деятельность Д. Лукача (ученого, мыслителя, политика) на фоне общественно-исторических и культурных процессов в странах, с которыми была тесно связана его творческая судьба (Венгрии, Германии, Австрии, СССР). Большое внимание уделено участию Лукача в литературной жизни этих стран, некоторым из его литературоведческих концепций и, в первую очередь, теории «большого реализма» 1930-х годов, имевшей в свое время в СССР немало приверженцев и пропагандистов²⁸. Но даже, когда речь идет о деятельности Лукача как литературного критика, исключительная многогранность и вместе с тем внутренняя цельность его натуры зачастую не дают исследователю замыкаться на имманентных, сугубо внутрилитературных факторах его творчества. Подобный подход был бы в корне чужд самому Лукачу, его отношению к литературе как феномену, хотя и имеющему свои собственные закономерности, но при этом связанному теснейшими узами взаимозависимости с общественными, экономическими, политическими реалиями той или иной эпохи. Близко знавшая его Т. Мотылева вспоминает, что Лукач всегда «подходил к произведениям словесного искусства не как филолог, а как социолог и философ», а «о тех русских коллегах, которые копались в рукописях, сличали варианты, комментировали тексты, он отзывался со снисходительной улыбкой: «честные филологи»»²⁹. Конечно, из такой позиции проистекали и некоторые слабости творческого метода Лукача — чрезмерная абстрактность, схематизм, умозрительность некоторых его построений, не всегда должным образом подкреплявшихся опытом новейшей литературы. Но недостатки подхода Лукача были продолжением его достоинств. Можно согласиться с тем, что венгерского философа отличали «умение мыслить синтетически, видеть мировой литературный процесс в его социальной обусловленности и единстве, широта исторического, идеологического кругозора»³⁰. В нашей работе предполагается рассмотреть как сугубо литературные, так и внелитературные (философские, а также социальные, политические) импульсы, определявшие творчество Лукача как литературного критика. Кроме того, как и в любой другой биографии Лукача, нельзя обойти вниманием и его философские искания, и участие в общественно-политических движениях.

И в литературной критике, и в политической публицистике Лукач оставался прежде всего философом и историком литературы. Даже тогда, когда брался за перо во имя решения задач сегодняшнего дня, когда преследовал цели политической агитации и партийной пропаганды. Глубокая философская культура и историко-литературная эрудиция проявились во многих его выступлениях «на злобу дня», относившихся прежде всего к тем периодам жизни Лукача, когда он был активно вовлечен в политическую деятельность (1919–1929, 1931–1933, 1945–1948, 1956). Вообще не всегда возможно провести четкую грань между литературной критикой и публицистикой Лукача, так же как между его философией и эстетикой, эстетикой и теорией литературы, теорией и историей литературы, между его деятельностью литературоведа и критика, участника текущего литературного процесса.

В нашем исследовании нельзя обойти стороной и программные заявления Д. Лукача в области культурной политики. Независимо от того, стоял ли он во главе культурной политики государства (как это было в Венгрии в 1919 г. и в течение нескольких осенних дней 1956 г.) или же к его мнению прислушивались исключительно в силу большого научного и морального авторитета (как, например, в Венгрии 1945–1948 или конца 1960-х годов), выступления Лукача по вопросам политики в области литературы и искусства неоднократно становились весомым фактором литературной, художественной жизни.

Принимаясь за обширную биографическую работу о Д. Лукаче, в которой главное внимание акцентировано на его деятельности как литературного критика, публициста, политика в области культуры, автор не только стремился заполнить совершенно явный пробел в нашей науке — явный, поскольку речь идет о философе мирового масштаба и о наиболее крупном, наряду с Э. Фишером и Р. Гароди, представителе марксистского литературоведения XX в. Он ставил своей задачей обогатить новыми данными мировую литературу о Лукаче. Ведь при всем обилии работ об этом незаурядном мыслителе многие моменты его биографии изучены очень слабо. Особенно много белых пятен приходится на годы, проведенные им в СССР (1929–1931, 1933–1945). Недостаточно известны и некоторые другие страницы жизненного пути Лукача, в частности относящиеся к ноябрю 1956 г., когда философ, бывший министром культуры в правительстве Имре Надя, после свержения этого правительства нашел убежище в югославском посольстве в Будапеште, откуда был позже незаконно переправлен советскими силовыми службами в Румынию. Главная причина недостаточной изученности этого и ряда других эпизодов в биографии философа вполне тривиальна, она

заключается в ограниченности источниковой базы исследований, в недоступности вплоть до самых последних лет многих архивных документов, проливающих свет как на деятельность самого Лукача, так и на отношение к нему в литературных, философских кругах и со стороны высших партийно-государственных инстанций Венгрии, СССР и ГДР. Для того, чтобы составить более полную биографию своего героя, автор использовал документы из восьми московских архивов — Архива Президента Российской Федерации (АПРФ), Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ, бывший РЦХИДНИ), Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ, бывший ЦХСД), Государственного Архива Российской Федерации (ГАРФ), Архива РАН, Архива ФСБ, Архива внешней политики России МИД РФ. Привлечены также материалы Венгерского государственного архива и архива Д. Лукача в Будапеште. Большинство использованных архивных документов вводится в научный оборот впервые.

Среди архивных источников, привлекаемых в работе, как тексты самого Лукача (неизвестные ранее письма, автобиографии и пр.), так и другие материалы — письма, адресованные Лукачу, записи дискуссий с его участием, письма и записки, содержащие отзывы о его творчестве и общественной деятельности, и т. д. Использовано также следственное дело Лукача, арестованного в 1941 г. на основании ложных обвинений и проведенного два месяца на Лубянке (автор этих строк вместе с В. Т. Середой, выполняя волю наследников Д. Лукача, получил в 1994 г. доступ к этому делу, хранящемуся в Архиве ФСБ). Все эти документы способны значительно дополнить наше знание о Лукаче, уточнить многие факты его биографии, живее представить отклик современников на его деятельность критика, историка литературы, философа. Наряду с документами, относящимися к периодам пребывания Д. Лукача в СССР (1929–1931, 1933–1945), привлекаются и более поздние по своему происхождению архивные материалы. Это прежде всего различного рода записки о творчестве и общественно-политической деятельности Д. Лукача, составившиеся в 1940–1980-е годы для руководящих идеологических органов ВКП(б)-КПСС. Они отражали и в то же время формировали господствовавшее в СССР на протяжении десятилетий официальное мнение об этом крупнейшем философе и литературоведе-марксисте послевоенной эпохи.

Но сколь бы значительна ни была в нашем исследовании роль впервые вводимых в научный оборот архивных документов, они ни в коей мере не могут заменить анализа тех литературно-критических и

публицистических текстов Лукача, которые были опубликованы еще при его жизни, становились предметом бурных дискуссий, составили славу ему как литератору. Только новое, более глубокое и внимательное их прочтение способно, на наш взгляд, преодолеть те стереотипы, которые до сих пор нередко довлеют над нашими представлениями о Лукаче. В книге уделяется необходимое внимание и анализу идей его оппонентов, дискутировавших с ним в разные годы по самому широкому кругу вопросов литературной теории и практики. Так, специальная глава посвящена той, доминировавшей в Венгрии начала 1950-х годов, концепции культурной политики, которая сложилась отчасти в полемике со взглядами Лукача.

Ввиду того, что различные этапы творческого пути Д. Лукача изучены неравномерно, автор, устанавливая пропорции освещения в данной работе тех или иных периодов жизни и деятельности своего героя, исходил не только из значимости каждого из них для понимания мировоззренческой эволюции Лукача, но и из степени их изученности в мировом «лукачеведении». Так, например, полтора года, проведенные философом в веймарской Германии накануне прихода Гитлера к власти, сравнительно неплохо исследованы немецкими и венгерскими литературоведами и историками. Стремясь избежать повторов, автор осветил этот период творчества Лукача без какой-либо детализации, лишь в той мере, в какой это необходимо для составления целостной картины его духовного развития. Более подробно представлены московские и послевоенные этапы биографии Лукача, содержащие гораздо больше белых пятен.

В течение всей многолетней научной, литературной деятельности Лукача постоянно критиковали и «справа», и «слева», и с антимарксистских, и с ортодоксально марксистских позиций. Его последовательная, начиная с 1919 г., приверженность учению Маркса нередко вызывала по меньшей мере недоумение и на родине, в Венгрии, и в других странах. Уже упомянутый нами Ф. Фейте в резкой и далеко не всегда корректной форме писал, например, в 1950-е годы следующее: после критики, которую вызвала в коммунистическом движении 1920-х годов книга «История и классовое сознание», «Лукач непрестанно стремился засвидетельствовать свою безусловную ортодоксальность, выкорчевывая из своих трудов и мыслей все, что могло не понравиться его бдительным цензорам... Увы, стремление уничтожить в себе все оригинальное и самобытное наложило заметный отпечаток на его творчество. Интеллигент, воспитанный на немецкой философии, обладавший изысканным и утонченным умом, Лукач был прежде всего крупнейшим диалектиком.

Чтобы угодить своим хозяевам, он отрекся от своих прошлых произведений и поставил всю свою эрудицию, все свое глубокое знание классической и в особенности немецкой литературы на службу эстетике «социалистического реализма», сознавая при этом, насколько ограничен и неясен ее характер... Хотя в некоторых его работах еще встречались проблески интеллектуальной честности, которую ему не удалось заглушить в себе полностью... последующие работы Лукача, посвященные доказательству того, что он сам считал недоказуемым, свидетельствуют об огромной жертве, принесенной этим блестящим, великим даже в своих заблуждениях умом на алтарь верности весьма зигзагообразной линии, которую наметили ведущие идеологи партии»³¹. Эта длинная цитата хорошо показывает, сколь острое неприятие части европейской интеллектуальной элиты вызывал поздний Лукач своей последовательной приверженностью коммунистической идее, а тем более просоветской политической ангажированностью.

В резкой характеристике Фейте среди прочего вызывает возражение тезис о том, что Лукач ставил всю свою эрудицию на службу эстетике «социалистического реализма». На самом деле он не так уж часто прибегал в своих работах к этому термину, а если и использовал его, то видел за ним (мы попытаемся показать это в нашей работе), как правило, не конкретную художественную практику официальной советской литературы (и литературы стран народной демократии), к которой относился весьма скептически, а лишь ориентир, своего рода идеальную модель большой литературы будущего, способной столь же полноценно выразить эпоху перехода к социализму в общечеловеческом масштабе, как творчество Гете и Бальзака, Толстого и Достоевского выразило во всех противоречиях эпоху становления буржуазного общества.

Верно то, что Лукач связывал будущее человечества с коммунизмом, а в реальном социализме советского образца долгие годы видел единственную существующую в действительности общественную систему, обладающую, по его мнению, перспективой роста. Конечно, живя в СССР в 1930-е годы, он был свидетелем сталинских репрессий и сам провел некоторое время в бериевских застенках, подвергаясь жестким допросам. Критика сталинизма, его идейных основ и политической практики, сначала — в 1940-е годы — проявлявшаяся в латентной форме, а затем, после XX съезда КПСС, открытая и более последовательная, заняла виднейшее место в наследии позднего Лукача. Но даже в последние годы жизни, подводя итоги, он не стыдился своей общественно-политической позиции 1930-х годов. «В то время, — писал он, — каждому мыслящему человеку нужно было исходить из тогдашней всемирно-

исторической ситуации: на карте же того времени было видно, как прорывается вперед Гитлер, как он готовится к уничтожающей войне против социализма. Я со своей стороны все время ясно осознавал, что действиям, вытекающим из этой ситуации, нужно без всяких условий подчинить все, именно все, если бы даже речь шла о самом дорогом для меня, о моем творчестве... Советский Союз непосредственно стоял перед схваткой не на жизнь, а на смерть с фашизмом. Что бы ни делала в этой ситуации партия, в которой многие так же думали, как и я, мы должны были быть безусловно солидарны с ней в этой схватке, и эту солидарность мы должны были поставить выше всего»³². Как видим, и в 1960-е годы Лукач не изменил своей принципиальной позиции: по его мнению, при всем антидемократизме сталинской системы СССР являлся не только важнейшей антифашистской силой, но и единственным носителем социалистической перспективы, которая одна лишь была, по его мнению, способна вывести цивилизацию из тупика. Хотя в своем понимании социализма Лукач не стоял на месте, эволюционируя в 1940–1960-е годы ко все более демократическим концепциям (его работы вдохновляли и идеологов «пражской весны» 1968 г., и итальянских еврокоммунистов), свои социалистические идеалы он сохранил до последних дней, до самого конца сохранялось и его скептическое отношение к западной демократии, ее перспективам³³. «Я знаю: скепсис и пессимизм в интеллигентских кругах вот уже более ста лет считаются чертами более аристократическими, чем вера в великое дело прогресса человечества — если даже формы проявления этого прогресса пока что весьма проблематичны», — заметил Лукач в 1960-е годы³⁴. Стремление понять причины верности такого неординарного мыслителя коммунистической идее, не оправдавшейся историческим опытом XX века, последовательности в отстаивании этой идеи, оставалось сверхзадачей нашего исследования.

Работа над монографией была бы едва ли возможна без содействия коллег. В первую очередь я считаю себя обязанным В. Т. Серее, в плодотворных беседах с которым родились многие идеи будущей книги. Столь же полезным было для меня постоянное общение с другими знатоками творчества Дьердя Лукача — профессором Ласло Иллешем (Венгрия) и кандидатом исторических наук А. Н. Дмитриевым. Хотелось бы также поблагодарить за ценные советы рецензентов книги кандидатов филологических наук Н. М. Куренную и В. В. Нехотина. Среди тех, кто взял на себя труд внимательно ознакомиться с рукописью и высказал при этом замечания и предложения, учтенные при ее доработке, — мои коллеги по Институту славяноведения РАН доктор исторических наук

Т. М. Исламов, доктор философских наук Ю. С. Новопашин, доктора филологических наук Ю. П. Гусев, В. А. Хорев, С. А. Шерлаимова, кандидат филологических наук Ю. В. Богданов. При подготовке рукописи к печати мне помогала сотрудница редакционно-издательского отдела Института Е. В. Пономарева.

ГЛАВА 1

НАЧАЛО ТВОРЧЕСКОГО ПУТИ

Дьердь Лукач родился в Будапеште 13 апреля 1885 г. в семье очень состоятельного банковского служащего, впоследствии директора Венгерского кредитного банка, крупнейшего в стране. Его отец Йозеф Лукач (Левингер), уроженец г. Сегеда, еврей, уже в зрелом возрасте принявший христианство и взявший венгерскую фамилию, был сыном небогатого ремесленника, едва умевшего написать свое имя, и сделал головокружительную карьеру исключительно благодаря собственным усилиям.

Наиболее незаурядным человеком в роду Левингера был его дед со стороны матери, известный среди венгерских евреев талмудист. Возможно, именно от него унаследовал правнук страсть к философствованию. На протяжении всей долгой и бурной жизни Дьердю Лукачу неоднократно приходилось испытывать на себе последствия своего еврейского происхождения. Вместе с тем еврейское самосознание всегда оставалось для него чем-то периферийным, а временное увлечение в начале 1910-х гг. мистическим иудаизмом Мартина Бубера (мыслителя, весьма влиятельного в еврейских кругах Австрии и Венгрии) стало лишь эпизодом в духовной эволюции философа.

Отец Д. Лукача Йозеф Левингер родился в 1855 г. В 13 лет он оставил школу и пошел работать в банк, продолжая заниматься самообразованием и достигнув в этом немалых успехов — он был начитан, владел основными европейскими языками, безукоризненно держался в светском обществе. В 24 года Й. Левингер, отличавшийся незаурядными данными финансиста, возглавил венгерское отделение Англо-австрийского банка, а в 1906 г. стал директором Венгерского кредитного банка. В 1890 г., когда Дьердю было пять лет, отец, всегда считавший себя патриотом Венгрии, взял мадьярскую фамилию, а в 1899 г. получил дворянство (вместе с титульной прибавкой к фамилии, которая отныне стала звучать Сегеди Лукач). И многие десятилетия спустя, когда Д. Лукач, будучи влиятельным членом компартии, пытался отстаивать в ней неортодоксальные взгляды, его соратники по венгерскому коммунистическому движению хорошо помнили и не упускали случая напоминать другим, что он «пришел в партию из буржуазной семьи, глава которой своим золотом купил себе в свое время баронство»¹.

В 1910-е годы Й. Лукач входил в число приближенных премьер-министра И. Тисы, человека твердого и волевого, в последние годы австро-венгерского дуализма ставшего знаменем консервативного лагеря в Венгрии.

Надо заметить, что в Венгрии конца XIX в. существовали более благоприятные, чем в большинстве европейских стран, условия для продвижения евреев по ступеням социальной лестницы. Наряду с более давними традициями веротерпимости в мультиконфессиональном венгерском обществе это было связано с особенностями этнической структуры Венгерского королевства. Поскольку венгры составляли всего около 50% населения восточной (управлявшейся из Будапешта) половины дуалистической Австро-Венгрии, правительство сознательно стремилось увеличить удельный вес венгерского элемента в монархии за счет ассимиляции 5%-ного еврейского национального меньшинства, около трех четвертей которого к началу XX в. было мадьяризировано. Решение этой задачи было возможно лишь при отсутствии каких-либо дискриминационных мер в отношении евреев. Однако, даже на общем неплохом фоне карьера Йозефа Лукача выглядела блистательно.

Свое влияние в финансовой жизни Венгрии Й. Лукач сохранил и в эпоху хортизма, когда его младший сын Дьердь за революционную деятельность в период Венгерской советской республики 1919 г. был заочно приговорен властями к повешению. Умер Й. Лукач в 1928 г.

В детстве Дьердь Лукач довольно мало времени проводил с отцом, жившим напряженной жизнью крупного бизнесмена. Между ними никогда не было духовной близости. Вместе с тем Йозеф Лукач рано оценил незаурядные способности сына. Отбросив с огорчением свою заветную мечту сделать из Дьердя политика правящей партии, он, однако, весьма благосклонно отнесся к его творческим пристрастиям, очень гордился его успехами на литературном и научном поприще, финансировал поездки за рубеж, выступал меценатом начинаний молодого Д. Лукача и его друзей в театральной жизни. Письма Й. Лукача к сыну, уже зрелому литератору, относящиеся к началу 1910-х годов, не только полны любви, но и раскрывают остро переживавшуюся им горечь взаимного непонимания.

Мать Д. Лукача, урожденная Вертхаймер, родилась в Вене, в богатой еврейской буржуазной семье. Впитанный с молоком матери, язык Гегеля и Гете стал первым родным языком Лукача, тогда как венгерский был языком ранних уличных впечатлений, общения с прислугой и друзьями детства. (Начав писать и печататься по-венгерски, молодой эссеист сразу снискал репутацию не очень хорошего стилиста, и это стало в то время одним из мотивов обращения к немецкому языку, которым Лукач владел безукоризненно.) Женщина светская и неглубокая, к тому же с детства отдававшая явное предпочтение старшему брату Дьердя Яношу, Адель Лукач вызывала в будущем философе еще более

сильное чувство отчуждения, чем отец. Острая, неудовлетворенная жажда теплых, интимных отношений с близкими людьми стала одним из главных двигателей в духовных исканиях юного Лукача.

Детство и юность философа прошли в одном из фешенебельных районов Будапешта — Липотвароше. На склоне лет он вспоминал о царившей в семье атмосфере обязательных ритуалов, этикета и «протокола», буржуазной респектабельности и благовоспитанности, когда десятилетнего ребенка вопреки его воле чуть ли не ежедневно принуждали воздавать почести посещавшим родительский дом гостям из благородных аристократических фамилий или состоятельных бюргерских семей⁹. Не меньшее внутреннее отторжение вызывала в нем обстановка в престижной будапештской евангелической гимназии с господствовавшим там духом «добропорядочной» верноподданности престарелому императору Францу Иосифу Габсбургу и стоявшей за его спиной венской камарилье.

Отрицая за своей родной гимназией способность к формированию самостоятельного мышления, развитию в учащихся творческих навыков, Лукач, возможно, был излишне критичен. Среди выпускников этой гимназии в разные годы были люди, снискавшие мировую известность в совершенно различных областях — кибернетик Я. Нейман, лауреат Нобелевской премии физик Е. Вигнер, основоположник идеологии сионизма Т. Херцль, руководитель Национального оркестра США дирижер А. Дорати, «король оперетты» композитор И. Кальман.

Как бы там ни было, Лукач сразу не принял системы ценностей, при которой главным мерилом достоинства считался жизненный успех. Юный нон-конформист находил духовное убежище в книгах, где его влекли, в первую очередь, образы бунтарей, маргиналов, изгоев.

Литературный дебют Лукача состоялся в год окончания гимназии (1902) в амплуа театрального критика. В 1902–1903 гг. его рецензии на постановки столичных театров появлялись в не самых популярных будапештских газетах «Мадьяр салон», «Йевенде». Сотрудничал он и в газете «Мадьяршаг», которую издавал отец его друга Марцела Бенедекка известный в то время в Венгрии детский писатель Элек Бенедек, человек, вызывавший уважение юного Лукача независимостью взглядов. Уже в первых рецензиях, написанных под несомненным влиянием модного на рубеже веков венского критика-импрессиониста Альфреда Керра, проявился интерес к серьезной литературе: Лукач писал о таких значительных современных писателях, как Герхарт Гауптман, датчанин Герман Банг. Показательно и другое: в самых ранних своих, еще незрелых опусах будущий философ уже не боялся идти наперекор устоявшемуся

общественному мнению³. В конце 1960-х годов, беседуя со своим учеником И. Эрши, Лукач вспоминал, как в 1902 г. именитый писатель Шандор Броди, столкнувшись с резкими обвинениями в антипатриотизме, захотел познакомиться с автором единственной рецензии на свою новую пьесу, выпадавшей из общего ряда. И каково же было его удивление, когда в рецензенте он обнаружил 17-летнего гимназиста⁴.

По окончании гимназии Лукач, следуя наставлению отца, поступил на юридический факультет Будапештского университета. Материальное состояние семьи вполне позволяло ему в студенческие годы ездить в дорогостоящие заграничные путешествия, набираться впечатлений, в том числе и театральных. Как-то перед такой поездкой в редакции одной из будапештских газет Лукача попросили подготовить серию заметок о наиболее ярких постановках театрального сезона в Германии и Франции. Задание осталось невыполненным. По мере духовного взросления Лукача импрессионистский стиль его первых рецензий казался ему все более легковесным и поверхностным. В это время будущий философ примерно на три года перестал писать для прессы, обратившись к более углубленному изучению мировой культуры. Эти штудии принесли свои плоды уже в работах, относящихся к 1906–1909 гг.

Австро-венгерская культура *fin de siècle* с ее изломанностью линий и гипертрофированной чувственностью, с бальными танцами в венских аристократических салонах, увеселительными паровозными прогулками по «голубому Дунаю» и другими особенно явными (хотя, конечно, и не выражающими всей ее сути) атрибутами, при всем внешнем блеске, лоске и рафинированности не отличалась в наиболее характерных своих проявлениях духовной глубиной. Дефицит в ней философского начала юный Лукач ощущал с гимназических лет. Еще больше претил ему крикливый национализм антигабсбургской консервативной оппозиции, набиравший силу в политической жизни Венгрии и заявлявший о себе среди прочего разнузданной антисемитской демагогией. (Составлявшие главную социальную базу консервативно-националистических сил выходцы из среднепоместного дворянства, не без труда приспособившись к закону капиталистической экономики, видели в молодой еврейской буржуазии преуспевающего, а значит, весьма опасного для них конкурента. Основания для этого, безусловно, были. Достаточно сказать, что уже в 1896 г. евреям, составлявшим всего 5% населения Венгрии, принадлежало 30% банковских вкладов. Острый политический кризис 1905–1906 гг. завершился компромиссом сторонников и противников системы дуализма и приходом к власти националистически ориентированной коалиции. С этих пор происходит корректировка

политики в отношении евреев — благоприятствование сменяется некоторым сдерживанием. Принадлежность отца к будапештской элите отнюдь не помешала Лукачу испытать это на себе, когда ему в 1911 г., хотя и под более благовидным предлогом, было отказано в получении преподавательской вакансии в Будапештском университете.)

Одним из ярких детских впечатлений философа, однозначно негативных, было отпразднованное в 1896 г. с огромной патриотической помпой тысячелетие обретения венграми родины в Среднем Подунавье. «С ранних лет я был движим чувством неприятия официальной Венгрии во всей ее целостности», — напишет Лукач в 1969 г.³ Однако, будущему мыслителю мало импонировала и пришедшая с опозданием в Венгрию в начале века, ставшая знаменем радикальной интеллигенции философия спенсеровского позитивизма с ее унылым рационализмом, плоским прагматизмом, отсутствием метафизических устремлений.

В поисках путей обновления венгерской культуры Лукач в 19 лет, будучи студентом, с группой единомышленников основал при финансовой поддержке отца театральное общество «Талия», ставшее вехой в истории венгерского театра. Предпринятая «Талией» (как правило, впервые в Венгрии) постановка ряда пьес Г.Ибсена, А.Стриндберга, Г.Гауптмана, А.Чехова, М.Горького явилась броским вызовом вкусам мещанской публики, привыкшей видеть на будапештской сцене третьеразрядные сентиментально-мелодраматические или романтические драмы с их избитыми канонами.

Идея создания театра возникла у Лукача как раз в результате поездок во Францию и Германию, сопровождавшихся ознакомлением с новейшими веяниями театральной жизни. Воодушевленный творчеством таких режиссеров, как А. Антуан и О. Брам, Лукач по возвращении домой предложил своему другу Марцелу Бенедеку подумать о путях реализации смелых театральных идей на погрязших в рутине будапештских подмостках. Юные энтузиасты связались с профессиональным режиссером Ш. Хевеши (в то время режиссер-ассистент Национального театра в Будапеште, Хевеши со временем, уже в 1920–1930-е годы, встал во главе этого театра и много сделал для повышения его сценической культуры). Увлечшись предложением, молодой режиссер принял за работу. Первая премьера театра (4 одноактные пьесы) состоялась 25 ноября 1904 г.

Проявив определенные организаторские способности, юный Лукач и его единомышленники смогли заручиться поддержкой ряда университетских профессоров, других представителей интеллигенции, не удовлетворенных состоянием венгерского театра. Актив общества «Талия» составила молодежь, в том числе будущие знаменитости —

композиторы Б. Барток и З. Кодай, один из основоположников эстетики кино Б. Балаж. Председателем общества стал близкий друг Д. Лукача Л. Баноци, сам Лукач вошел в художественный совет, занимался отбором пьес для постановки и их переводами. Его попытки познакомиться с режиссурой завершились неудачей. Вместе с тем на склоне лет философ, с неизменной строгостью относившийся к раннему этапу своей творческой деятельности, достаточно уважительно отзывался о своем юношеском театральном увлечении, не только способствовавшем углублению его знаний о современной европейской драме, но и позволившем лучше постичь закономерности восприятия искусства публикой⁶. Опыт работы в «Талии» сказался уже через несколько лет в историко-литературных работах Лукача. Забегая вперед, заметим, что его первую большую литературоведческую монографию «История развития современной драмы» (1911) отличало особое внимание именно к социологическим проблемам литературы, воспринятым сквозь призму новейшей немецкой философии.

Четырехлетняя деятельность театра «Талия» неплохо изучена в венгерской литературе⁷, хотя за пределами Венгрии малоизвестна. Здесь хотелось бы только отметить, что Лукач и его единомышленники ощущали глубокую потребность не только в обновлении репертуара, но и в завоевании более широкой публики. Впервые в истории венгерского театрального искусства «Талия» (кстати, представлявшая собой узкоинтеллигентское начинание и никогда не имевшая никаких связей с культуртрегерским социал-демократическим движением) устраивала спектакли специально для пролетарской аудитории. На примере этого театра, таким образом, хорошо видно, как венгерская элитарная культура рубежа веков в усиленном стремлении к разрыву с рутинной иногда пыталась навести мосты к массам, не представляя без этого подлинного обновления.

В 1906 г. Лукач получает на родине университетский диплом юриста. Руководителем его работы был профессор Б. Шомло, авторитетный в то время в Венгрии правовед либерально-позитивистского направления. Юридические науки, между тем, не слишком привлекали юного Лукача; гораздо больше его уже в те годы интересовала философия. Болезненно переживая отсутствие в Венгрии глубокой и самостоятельной национальной философской традиции, он отправляется в том же 1906 г. в Берлин и в течение семестра учится там в университете у выдающегося философа, социолога и историка культуры Георга Зиммеля. Одновременно Лукач возобновляет сотрудничество в венгерских периодических изданиях. Начиная с 1906 г. его критические статьи,

уже гораздо более зрелые, охотно публикуют самые влиятельные среди интеллигенции журналы – орган Общества по изучению социальных наук оплот венгерского позитивизма «Хусадик Сазад» («Двадцатый век»), «Будапешти семле» («Будапештское обозрение»), «Хет» («Неделя»), а с 1908 г. и наиболее значительный на протяжении нескольких десятилетий (1908–1941) литературный журнал «Нюгат» («Запад»), к которому так или иначе тяготело большинство крупных писателей Венгрии 1900–1930-х годов. Работа Лукача по проблемам теории драмы выиграла в 1909 г. конкурс литературного общества Кишфалуди⁸. Тогда же Лукач защищает ее в качестве второго своего университетского диплома – он становится доктором философии.

В эссеистике 1906–1910 годов и в относившихся к этому же времени более строгих по жанру философских, социологических работах Лукача преломился духовный опыт многих школ и направлений от немецкой классической философии через Шопенгауэра и Кьеркегора до современного неокантианства (кстати, венгерский философ был в числе первых европейских интеллектуалов, которые, проявив интерес к выдающемуся датскому мыслителю первой половины XIX в. С. Кьеркегору, одному из предтеч экзистенциализма, вывели его из тьмы забвения). Из современников наибольшее воздействие на Лукача оказали представители «философии жизни», известные также как историки культуры, Г. Зиммель и В. Дильтей, классик неокантианской социологии М. Вебер, а несколько позже, уже в 1910-е годы, оригинальный представитель неоромантической, утопической философии Э. Блох (в отличие от других упомянутых мыслителей последний относился к поколению Лукача, связи между собой два философа поддерживали на протяжении многих десятилетий). Наряду с широко понимаемой европейской философской традицией духовный мир молодого Лукача питал и другой источник – литература и искусство разных времен и народов. В эссеистике 1900-х годов глубоко волновавшие его «вечные» философские проблемы (и в частности проблема «отчуждения» человека от его сущности) осмыслились по преимуществу на материале художественной литературы от Л. Стерна и Новалиса до современных ему авторов.

Дьердь Лукач начал свой путь в философии в канун первой мировой войны, когда наиболее чуткие умы Европы жили ожиданием глубоких потрясений, смертельно угрожающих завоеваниям культуры. Эсхатологические предчувствия, пронизывавшие духовную атмосферу предвоенного времени и нашедшие многообразное выражение в европейской культуре тех лет, отразились и в раннем творчестве венгерского мыслителя. В своем неприятии венгерской отсталости (пускай, довольно

относительной по общеевропейским меркам), сохранившихся пережитков феодализма и несовершенной политической системы страны молодой Лукач сходилась с ведущими мыслителями радикального направления (О. Яси и др.). Но в отличие от большинства своих современников он еще в годы, предшествовавшие первой мировой войне, не склонен был идеализировать западные модели буржуазной демократии и совершенно не питал иллюзий в отношении постепенной вестернизации Венгрии как основного средства разрешения социальных противоречий. Его трагическое в своей основе мировосприятие определялось настроениями безысходности, а глубокая духовная неудовлетворенность философией позитивизма стимулировала метафизические искания. Сборник эссе «Душа и формы» (венгерское издание — 1910, немецкое, дополненное, издание — 1911), вызвавший немалый резонанс в Германии, насквозь пронизан «трагическим отчаянием современной души, стремящейся к цели, содержание которой потеряно»⁹. Ощущение ненадежности опор, тоска по «устойчивости, мере и норме», стремление найти духовные и нравственные абсолюты, необходимые для постижения мира во всей его целостности и обретения внутренней душевной гармонии — главные мотивы эссеистики Лукача. «Что в этой жизни надежно? Где то место, каким бы голым, безотрадным и далеко заброшенным, свободным от всяких красот и богатств оно ни было, где человек мог бы обрести твердую почву под ногами? Где есть нечто, что не утекало бы, как песок, сквозь пальцы, когда захочешь зачерпнуть его из бесформенной массы жизни, зачерпнуть хотя бы на мгновение?»¹⁰. Преодолеть хаотичность, бесформенность, расплывчатость, неопределенность, царящие в повседневной действительности, согласно Лукачу, может только искусство в его классических образцах. Приобщаясь к нему в своем творчестве, художник также не способен исчерпать трагизм собственного индивидуального бытия. В относящихся к началу 1910-х годов набросках фундаментальной работы по философии искусства Лукач писал об извечной трагедии художников, когда «вся та завершенность, которую они придают своим произведениям, и вся та глубина пережитого, что перетекает из них в их искусство — все это остается для них самих чем-то бесполезным, и они оказываются еще более немymi и невыраженными, чем запертые в себе люди повседневности; и хотя их художественные произведения становятся в высшей степени чем-то чисто по-человечески доступным, сами их авторы остаются несчастными и менее всего спасенными среди людей»¹¹. И все-таки только через искусство, всегда стоящее выше непосредственных проявлений жизни, можно приобщиться к сути вещей, постигнуть

смысл существования. Вслед за своим учителем Зиммелем Лукач утверждал активную, организующую, житнетворческую роль художественной формы, ее способность в противовес повседневности и эмпирии создать свой собственный, автономный, неразобренный и неотчужденный мир.

Предвоенное десятилетие явилось временем настоящего подъема венгерской художественной культуры, пробуждавшейся от ложных националистических иллюзий, навеянных празднованием тысячелетия. Художественная программа влиятельнейшего литературного журнала «Нюгат», отличаясь некоторым эклектизмом, в первую очередь все-таки была важна открытостью к новому в западной культуре. Она была направлена на преодоление венгерской литературой инерции духовного провинциализма, стремилась вывести ее на передовые рубежи. Начинают свой путь композиторы Б. Барток и З. Кодай, чья деятельность по освоению и творческому претворению музыкального фольклора имела международное значение. Развитие изобразительных искусств отличалось не только многообразием стилей и школ, но и присутствием ярких, европейского масштаба творческих индивидуальностей (мастер психологического портрета Л. Меднянски, мэтр сецессии в венгерском искусстве Й. Риппл-Ронаи, глубоко оригинальный художник Т. Костка Чонтвари, признанный лишь после смерти). Расширились международные связи венгерской культуры: на гастроли в Будапешт приезжают лучшие зарубежные театральные труппы – Немецкий театр М. Рейнхардта из Германии, балет С. Дягилова из России.

Центральной фигурой венгерской культуры начала века был, безусловно, Эндре Ади, символическая поэзия и яркая публицистика которого выразили с наибольшей полнотой и глубиной не только тысячелетний исторический опыт Венгрии, но и парадоксы современного венгерского общества, «трагикомически барахтающегося между полуварварством и ультрацивилизацией», дилеммы запоздалого буржуазного развития в политически зависимом государстве, на территории которого проживали многочисленные национальные меньшинства, в свою очередь подвергавшиеся немалому воздействию великомадьярского шовинизма.

Мироощущению молодого Лукача были весьма созвучны полные горечи и сарказма слова Ади о том, что вопреки всем усилиям стать мостом между Востоком и Западом его страна стала не мостом, а разве что «паромом», который движется «между двух берегов: от Восточного к Западному, но охотней – обратно». Сборник Ади «Новые стихи», опубликованный в 1906 г., писал Лукач на склоне лет, «совершенно перевернул

меня, они... были первым венгерским литературным произведением, в котором я обрел себя, которое я ощутил своим... В то время — надо признаться — внутренней общности с венгерской классической литературой у меня не было, формирующее влияние оказывала на меня только зарубежная литература, в первую очередь немецкая, скандинавская и русская, и помимо того — немецкая философия... Потрясение, испытанное мною от стихов Ади, в сущности этого не изменило... и в Венгрию меня не вернуло. Можно сказать, что Венгрией были для меня тогда стихи Ади»¹². Именно поэзия Ади с ярко выраженными в ней предчувствиями грядущих перемен («На горизонте трепет новой смуты, и жуткой новизной полны минуты»*) смогла придать наиболее завершенную художественную форму тем не совсем отчетливым мистическим ожиданиям, которыми жил молодой Лукач.

Венгерский культурный ренессанс начала века не мог в полной мере удовлетворить Д. Лукача прежде всего в силу отсутствия интереса многих ведущих его представителей к новейшим философским течениям. Ведь в самом деле: ставший рупором прогресса в Венгрии журнал О. Яси «Хусадик Сазад» упорно прикреплял к своему знамени имя позитивиста Г. Спенсера, как бы не замечая, что не только в Германии, но и во Франции, и даже в консервативной Англии давно наметился поворот от позитивизма к поискам новых абсолютов в русле философии жизни и неокантианства. Полное равнодушие, а зачастую и отвращение к идолам, которым поклонялась радикальная венгерская интеллигенция, делали Лукача «чужим» среди «своих», ставили его (по собственному позднему признанию) в положение «эксцентричного аутсайдера» в среде своих соотечественников-прогрессистов. В журнале «Нюгат», на страницах которого Лукач также неоднократно печатался¹³, мирно сосуществовали под одной крышей течения, на Западе находившиеся в состоянии непримиримой полемики, и это также не могло удовлетворять молодого философа, к тому времени уже превосходно познавшего основные тенденции духовной жизни современной Европы.

При всей оригинальности, «особости» своих позиций и в целом критическому отношению к современной венгерской культуре Лукач все же чутко реагировал на те явления в ней, которые были созвучны его интеллектуальным устремлениям. Одна из его статей была посвящена художникам-постимпрессионистам группы «Восемь». С их творчеством, развивавшим традиции П. Сезанна, философ связывал плодотворную попытку выявления неизменных качеств предметного мира, преодоления

* Пер. Ю. Тарнопольского

неприемлемой для Лукача импрессионистской эстетики, не способной выйти за рамки визуальных впечатлений, проникнуть в суть вещей¹¹.

Эссе, вошедшие в сборник «*Душа и формы*», были опубликованы в Венгрии и Германии с интервалом всего в один год. Изначально написанные по-венгерски, они тем не менее были восприняты на родине как плод «абстрактного немецкого духа», несколько инородное для национальной культуры явление. Такое мнение в своей рецензии на книгу Лукача высказал даже известный поэт М. Бабич, художник гуманистического склада, отнюдь не тяготевавший к националистическому лагерю. Отклик в Германии оказался более благоприятным¹⁵. Этому можно найти ряд объяснений. С одной стороны, Лукач в своих эссе обращался почти исключительно к иностранцам, в первую очередь немецкоязычным литературным источникам (произведениям разных авторов — от Новалиса до современников: крупного немецкого поэта неоклассического направления С. Георге, австрийского философа Р. Каснера, прозаика, представителя венского модерна Р. Бир-Хоффмана). С другой стороны, «вечные темы», затронутые в эссе, находились лишь в довольно отдаленном созвучии актуальным социальным и политическим проблемам современной Венгрии.

Философская эссеистика была в эти годы лишь одним из направлений в духовных исканиях молодого Лукача. Параллельно шла работа над фундаментальным научным трудом «*История развития современной драмы*», впервые полностью опубликованным в 1911 г. (этому изданию предшествовали публикации ряда фрагментов в журнальной периодике, в том числе тех, которые непосредственно были связаны с его дипломной работой по теории драмы, защищенной в 1909 г.)¹⁶.

Проблема трагического отчуждения человека от социальных форм, бытующих в обществе, занимала Лукача и в этом исследовании, однако теперь он не просто стремился выразить свое мироощущение, обратившись к близким ему художественным образам и моделям человеческих отношений, представленным в ряде литературных произведений. Его задачей было раскрыть на материале истории европейской драмы социально-исторические истоки того душевного состояния, которое определялось обостренным чувством одиночества, изолированности индивидов в окружающем мире. В этой работе Лукач, по собственному более позднему признанию, впервые «попытался уловить сущность литературного явления с помощью... определения главных линий общественного развития»¹⁷. Эта книга оказала заметное влияние на труды видного эстетика А. Хаузера (уроженца Венгрии и хорошего знакомого Лукача), а через него на всю англоязычную и немецкоязычную

социологию культуры. Монографии об истории драмы был присущ глубокий историзм — качество, развитое Лукачем в его работах 1930–1940-х годов по узловым проблемам культуры, философии, литературы Германии, Австро-Венгрии, Франции, России. Анализируя исторические корни возникновения и основные тенденции дальнейшей эволюции драмы как рода литературы, особенно отчетливо передающего межличностные связи и выражающего общественные противоречия. Лукач в определенной мере использовал методологию своего учителя М. Вебера, придававшего решающее значение не реальному бытию исследуемых объектов, а исходному ракурсу восприятия их историком. Популярная в то время неокантианская методология подчеркивала активное начало в познавательной деятельности, предлагала исследователям субъективные мыслительные средства («идеальные типы») для сцепления рассыпающихся фактов, овладения эмпирией во всем ее многообразии.

Наиболее последовательным воплощением драмы как рода литературы, согласно Лукачу, является трагедия, которая воспринималась венгерским философом не просто как один из литературных жанров, а как аутентичная форма современной жизни, нашедшая выражение и в литературе. Трагизм бытия, в основе которого лежит отчуждение, одиночество изолированных индивидов, — метафизическая, а не просто социально-историческая реальность (вечный характер трагического в жизни людей заключается в заведомом фатализме, безысходности, невозможности изменить судьбу ни индивида, ни целого класса или общественного слоя). Вместе с тем в каждую эпоху трагическая реальность приобретает конкретные очертания. Своего апогея трагедийное начало достигает в век упадка того или иного класса, в период, когда лучшие его представители, люди, воплощающие в себе его наивысшие возможности, терпят на глазах всего общества жизненный крах, имеющий надличностное значение. Так было, например, в эпоху расцвета древнегреческой драмы, пришедшуюся на годы кризиса афинского полиса. Если класс переживает подъем, он не ощущает трагизма своего существования — трудности осознаются как временные и преходящие, и подлинная трагедия невозможна. Даже Ф. Шиллер, живший в эпоху подъема немецкой буржуазии, не обладал абсолютным трагическим мироощущением и в «Марии Стюарт» ослабил чистоту трагедийного начала, сделав упор на греховности своей героини. Без подлинно трагического мироощущения, отрицающего свободу воли, трагедия так и останется всего лишь эстетическим упражнением, «уроком на заданную тему». Начавшийся упадок буржуазии как класса лежит в основе современной драмы, корифеем которой Лукач считал Г. Ибсена (творчеством великого нор-

вежского драматурга он увлекся еще в гимназические годы. Будучи студентом, в 1903 г., Лукач всерьез готовился к поездке в Скандинавию, прежде всего с целью знакомства с Ибсеном. Только смерть драматурга не позволила осуществиться этому намерению. В 1906 г. Лукач пишет статью об Ибсене — одну из лучших своих ранних критических работ¹⁸.

Экзистенциально-трагическое мироощущение молодого Лукача, таким образом, довольно парадоксально сочеталось с его склонностью к конкретному социально-историческому анализу, на что впоследствии многократно обращали внимание французский социолог-структуралист Л. Гольдман и другие поклонники творчества раннего Лукача¹⁹. Предпринятая венгерским мыслителем в книге об истории драмы попытка выявить социальные истоки тех или иных важнейших литературных явлений и целых жанров получила развитие в его последующих работах, в том числе относящихся к марксистскому периоду его творчества²⁰.

В годы написания «Истории развития современной драмы» на долю Лукача выпали первые жизненные испытания. Лучший его друг и ближайший единомышленник Л. Поппер (способный искусствовед, с которым Лукач обговаривал все свои творческие планы), умер в 1910 г. от туберкулеза. Еще более серьезной личной драмой стало самоубийство в 1911 г. любимой женщины, художницы Ирмы Зайдлер²¹.

Смерть Ирмы повлекла за собой острое осознание вины: оно нашло отражение в философском эссе «О нищете духа»²², сказке о короле Мидасе (единственном опыте Лукача в художественной беллетристике), а еще более на пронизанных отчаянием страницах флорентийского дневника (зиму 1911–1912 годов Лукач провел в Италии)²³. Кстати, ни до разрыва с Ирмой (вскоре вышедшей замуж, но не нашедшей семейного счастья), ни в более поздние периоды своей жизни Лукач никогда не вел дневника.

Сознание собственной вины в смерти И. Зайдлер обострило в Лукаче чувствительность к этическим проблемам. В своих философских исканиях он постепенно приходил к мнению, что искусство должно выполнять не метафизическую, а скорее моральную функцию — создавать образ (микрокосм) нового мира, некую утопическую целостность, находящуюся в резком контрасте со старым миром и способную вдохновить людей на ее воплощение в реальности. Присущее искусству люциферово начало позволяет ему восстать против мира, созданного Богом, во имя другого, более совершенного. Конфронтация между миром отчуждения и миром утопии должна в идеале завершиться победой последнего; радикальное уничтожение мира отчуждения сможет сделать утопическую тотальность реальной, эмпирической тотальностью. Таким

образом, по мере преодоления душевного кризиса, связанного с гибелью Ирмы, в духовной эволюции Лукача стал постепенно намечаться поворот от трагического видения мира к утопическому, от чувства безысходности к мессианизму и апокалиптической надежде. Отныне он уже не считал отчуждение конечным человеческим состоянием. Реальность, какой бы она ни была — отнюдь не исключает возможности сознательного выбора, человек — не раб реальности. Бог покинул мир, но возможно второе пришествие Христа. Духовный путь Лукача вел его к принятию наиболее еретической версии христианской религии — признанию возможности установить Царство Божие на Земле. Книга «Душа и формы» еще продолжала находить отклик в прессе, но уже стала глубоко чуждой автору. В работах 1910-х годов и прежде всего в наиболее известной из них, «Теории романа»²⁴, преобладал уже не трагизм мироощущения, а утопические надежды.

Любая утопия, сколь ни оторвана она от жизни, не может ограничиться идеальным проектом, «моделью» будущего, она предполагает для своего осуществления «новых людей», носителей утопического сознания. И размышляя над тем, есть ли в реальности социально-политическая сила, способная обнаружить выход из глубокого кризиса и нравственного тупика современной западной цивилизации, молодой Лукач не мог обойти вопроса об отношении к современному социализму. «Надежда может быть только на пролетариат и социализм, — писал он в 1910 г. — Надежда, что придут варвары и грубыми руками отбросят в сторону всю эту презренную утонченность; надежда, что революционный дух, который всегда разоблачал любую идеологию, повсюду видел свежие силы революции, и здесь сможет ясно все увидеть и почувствовать, сметая на своем пути все второстепенное и возвращаясь к существу дела»²⁵. Но далее следовало весьма пессимистическое заключение: современный социализм «не обладает религиозной силой, затрагивающей душу целиком — какой владело первоначальное христианство». Идеология II Интернационала, делавшая упор на эволюционное, органическое развитие общества, явно не отвечала радикальным мессианским устремлениям молодого Лукача, исключительной бескомпромиссности его романтического антикапитализма. Как и многим другим охваченным революционным нетерпением интеллектуалам его поколения, Лукачу виделась в социал-демократических доктринах недооценка активного, субъективного фактора в истории. Более мессианский социализм, способный привести ко второму пришествию Христа и «новых христиан» и составить реальную альтернативу современной западной цивилизации (бездуховной, чреватой войнами и несущей в себе

угрозу гибели культуры), венгерский философ увидел в России. Едва ли будет преувеличением сказать, что 1911–1918 годы прошли в его жизни под знаком огромного интереса к русской классической литературе и, в первую очередь, к творчеству Ф. М. Достоевского.

В 1914 г. Лукач приступил к написанию книги о Достоевском. Из этой рукописи, оставшейся в набросках, выросло одно из главных его ранних сочинений – «Теория романа» (опубл. в 1916 г.)²⁶. Работа Лукача отразила его растущий интерес к Гегелю, при этом, по справедливому замечанию автора предисловия к российской публикации «Теории романа» С. Зенкина, венгерский философ подобно многим интеллектуалам XX в. взял у великого немецкого идеалиста не столько оптимистическую идею закономерного мирового развития, сколько мысль о драматических последствиях этого развития для судьбы конкретного человека²⁷. Синтезируя в анализе литературных форм гегелевский классический историзм в его предельной абстрактности толкования философских и эстетических категорий, и методологию В. Дильтея, обращавшегося к выявлению «духа» отдельных эпох путем «вживания», «сопереживания», «вчувствования» в их культуру, «Теория романа» была с интересом прочитана М. Вебером и Т. Манном, оказала влияние на Т. Адорно, В. Бенямина, Р. Барта²⁸. Гегельянский универсализм сочетался в ней со вниманием к конкретно-историческим условиям возникновения определенных жанров: «высшие нормы художественных произведений и субстанциональной этики коренятся в бытии всезавершающего Бога, в идее Спасения; потому что нормы эти в своей истинной сущности остаются нетронутыми властелином современности, будь он Демон или Господь Бог. Однако осуществление нормативности в душе или произведении не может отрешиться от их субстрата, от современного в философско-историческом смысле, не угрожая при этом их внутренней силе, их конститутивному столкновению со своим предметом. Так и мистик, стремящийся выйти за пределы традиционных богов к переживанию окончательного, единственного Божества и даже достигающий такого переживания, все же остается привязанным к современному Богу. И в какой мере мистическое переживание завершается произведением, оно завершается в категориях, предписанных показанием мировых часов»²⁹.

За типологией художественных форм, возникающих на той или иной стадии саморазвития духа, у Лукача явственно проглядывает типология экзистенциальных ситуаций (по выражению С. Зенкина); каждый литературный жанр отражает определенную, исторически обусловленную форму отношения, конфликта между человеком и окружаю-

щим его миром. Преодоление тех или иных жанров (например, ранних эпических форм) в процессе развития литературы в силу этого рассматривается не столько как эстетическая, сколько как этическая проблема, связанная с преодолением в ходе исторического развития определенных экзистенциальных ситуаций, вызвавших к жизни соответствующие литературные формы. Роман в его сложившейся классической форме, по Лукачу, принадлежит «эпохе абсолютной греховности (эта характеристика определенного состояния человеческого общества, восходящая к И. Г. Фихте, у Лукача приобрела более конкретно-исторический характер, будучи спроецированной на реальность современной Европы. — А. С.), и откуда мир будет пребывать под знаком такого созвездия, эта форма останется главенствующей»³⁰.

Немалый интерес в работе Лукача представляет попытка выявить диалектику реального и идеального, преломленную в сознании творческой индивидуальности. Писатель посредством иронии (этот термин получил в работе Лукача оригинальное толкование, предвосхитившее позднейшие построения Р. Барта), «изображая действительность в роли победительницы... обнаруживает не только ее ничтожность перед побежденным идеалом, но и то, что победа эта никогда не может быть окончательной, но каждый раз будет сотрясаться все новыми восстаниями идеи»³¹. Конечным объединяющим принципом построения композиции романа (по Лукачу, не просто одного из литературных жанров, а «эпопеи заброшенного мира», наиболее адекватной формы художественного выражения современной эпохи тотальной греховности) является «ясная по содержанию этика творческой субъективности»³². Венгерский философ не только придавал творческой личности формообразующую, формосозидающую роль, но и связывал с ее деятельностью свои надежды на прорыв к новым горизонтам мировидения.

Как полагал Лукач, «предчувствие прорыва в новую мировую эпоху» заметно у Толстого, хотя «лишь на уровне полемики, надежд и абстракции»³³. «Только в произведениях Достоевского этот новый мир показан просто, без всякого противопоставления ныне существующему, как зримая действительность». Достоевский, по мнению Лукача, уже «принадлежит новому миру», независимо от того, «стал ли он Гомером или Данте этого мира, или просто слагает песнопения, которые писатели более поздних времен вкупе с песнями других предтеч сплетут в великое единство». «Знаменует ли он начало или осуществление — все это сможет показать лишь анализ формы его произведений». Задумав проделать эту грандиозную работу (так и не осуществленную), Лукач избрал сверхзадачей определить, «готовы ли мы выйти из

состояния абсолютной греховности или только одушевлены надеждами на приход нового», и в какой мере произведения Достоевского являются предвестниками прихода нового – пускай еще столь немощными, «что они могут быть в любой момент легко задавлены бесплодными силами наличного бытия»³⁴.

Как можно судить на основании незавершенных набросков, разбросанных по ранним работам отзывов, высказываний, запечатленных памятью современников (тема эта еще ждет своих исследователей³⁵), Лукач связывал с творчеством Ф. М. Достоевского не только принципиальное обновление, в известном смысле даже преодоление традиционного жанра романа, но и попытку художественного воспроизведения другой, более глубокой, чем кантовская, этики, утверждающей моральную ответственность индивида не только за свои собственные поступки, но за все зло, совершаемое на земле. Этические нормы, господствующие в современном обществе, есть не более чем одна из сил отчуждения. Мир героев Достоевского выше мира социальных форм и обычных этических норм, отношения между людьми в нем определяются не через их социальный статус, а посредством общения обнаженных душ, преодолевающего социальные узы.

С вниманием к русской литературе перекликался глубокий интерес Лукача к революционному движению в России. Надо сказать, что русская революция 1905 г. вызвала в Венгрии огромный, хотя и, безусловно, неоднозначный отклик. Э. Ади сравнил ее с землетрясением. «Великая славянская держава... начинает срывать с себя последние лохмотья старой одежды, чуть не с мясом... На стороне окровавленного, борющегося исполина – будущее», – писал он³⁶. «Какой великой и счастливой будет эта страна! Разве может быть иным будущее там, где столько примеров благородства, бескорыстия и святой отваги», – такими утопиями жил в то время не только Ади³⁷.

Одно из характерных проявлений новой этики Лукач видел в присущей русским революционерам готовности пожертвовать во имя человечества как жизнью, так и собственным душевным комфортом и даже моральной чистотой. В 1913 г. Лукач, обосновавшийся к тому времени в немецком университетском городе Гейдельберге, женится на русской политэмигрантке, эсерке Елене Грабенко, шокировав своим поступком отца и все семейство (включая стремившуюся к духовной близости с братом младшую сестру Мици). В первой своей жене венгерский философ увидел реальное воплощение не только России Достоевского, но и современной революционной России. Близко знавший Лукача немецкий философ Э. Блох как-то заметил по этому поводу, что

его друг женился на «России Достоевского», которая никогда не существовала в реальности.

Семейное счастье Лукача с российской бомбометательницей оказалось недолговечным. Елена вскоре заводит роман с душевнобольным музыкантом, образуется треугольник. Последующая жизнь Елены Грабенко с двумя мужчинами в одной гейдельбергской квартире была чем-то похожей на сожительство Маяковского с супругами Брик в Москве десятью годами позже: с кризисом цивилизации, многие симптомы которого обозначились еще задолго до войны, по всей Европе происходил распад моральных норм, освященных всей христианской традицией, рушился «буржуазный» институт брака и семьи, отбрасывались в сторону любые предрассудки прежней этики, выкристаллизовывалась новая, совсем другая мораль, основанная на родстве душ, не обремененном какими-либо социальными узами. Дружеские отношения с Еленой Грабенко Лукач сохранял и в Вене 1920-х годов, когда уже навсегда связал свою судьбу с Гертрудой Бортштибер, спутницей жизни на протяжении более чем сорока лет. О дальнейшей судьбе Елены мало что известно. Как установил специально изучавший ее биографию А. Н. Дмитриев, еще в 1920-е годы она возвратилась в родной город Херсон, чтобы сгннуть потом в водовороте истории³⁸.

Интерес молодого Лукача к русской литературе не ограничивался творчеством Ф. М. Достоевского. Большой фрагмент в его «Теории романа» был посвящен Л. Н. Толстому, в котором венгерский философ видел классика современного романа. Лукач писал также об «Обломове» И. А. Гончарова, трактуя роман в духе своих представлений об утопии и ее соотношении с реальностью. «Нет более глубокого противоречия, чем между венгерской бездеятельностью и бездеятельностью Обломова... Венгерская бездеятельность — трезвая. Она точно знает, что надо бы делать, знает и то, что все это досягаемо. Обломов же находится по ту сторону досягаемого, его взор направлен на утопическую действительность», — отметил Лукач в 1910-е годы³⁹. Привлек его внимание и философ Владимир Соловьев, не слишком известный в то время на Западе. В своей рецензии на сборник работ Соловьева, вышедший на немецком языке, Лукач сочувственно отозвался о стремлении русского мыслителя преодолеть западноевропейский индивидуализм, противопоставив ему идеал человеческих отношений, основанных на совсем других принципах. Однако ожидаемого философского эквивалента художественной прозы Толстого и Достоевского Лукач в трудах Соловьева не нашел, не скрыв при этом своего разочарования. Если немецкий философский идеализм, писал он, дополнял Гёте, Шиллера, романтиков,

то применительно к Соловьеву этого сказать нельзя, читатель находит лишь эклектическое смешение (хотя и довольно тонкое) античной и современной идеалистической философии⁴⁰.

Политические противоречия между Германией и Австро-Венгрией, с одной стороны, и Россией, с другой, не перечеркивали, однако, усилия немецких и российских интеллектуалов, направленные на взаимное общение и сближение. В 1910 г. одновременно в Германии и России было налажено издание международного философского журнала «Логос», в котором сотрудничали как немецкие, так и российские философы разных направлений (от неокантианцев Генриха Риккерта и Вильгельма Виндельбанда до Федора Степуна и Николая Лосского). Лукач становится одним из авторов «Логоса». Работа «Метафизика трагедии» вышла и в российском издании журнала, став первой его публикацией на русском языке⁴¹.

К рубежу 1910-х годов Д. Лукач становится если не значительной, то во всяком случае довольно заметной фигурой в литературной жизни Венгрии. Достаточно сказать, что все эссе, вошедшие в сборник «Душа и формы», предварительно публиковались также в «Нюгате». И все-таки его этические и эстетические искания слишком далеко отстояли от основного потока современной венгерской культуры, в котором доминировала совсем иная тенденция — не критики, как у Лукача, современной западной культуры, а, напротив, ориентации на ее новейшие образцы, причем ориентации зачастую безразборной, лишенной должной дифференциации, грешащей эклектизмом.

В 1911 г. Лукач, опять-таки не без материальной поддержки отца, предпринял совместно с искусствоведем Л. Фюлепом издание философского журнала «Селлем» («Дух») по образцу германо-российского «Логоса». Новое издание было нацелено на повышение философской культуры в Венгрии. Наряду с переводами современных немецких авторов в нем предполагалась публикация оригинальных работ венгерских мыслителей. Однако аудитория такого журнала оказалась в Венгрии очень узкой. После двух номеров «Селлем» прекратил существование.

Неудача с изданием философского журнала лишний раз убедила Лукача в невозможности найти на родине сколько-нибудь широкий отклик своим идеям. В 1912 г. венгерский философ переезжает в Гейдельберг, где, вращаясь в самой рафинированной интеллектуальной среде, постоянно общаясь с Максом Вебером и его учениками, стал готовиться к преподавательской карьере в одном из наиболее престижных университетов Германии. Там его и застал август 1914 г.

ГЛАВА 2

**ДУХОВНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ДЬЕРДЯ ЛУКАЧА В ГОДЫ ПЕРВОЙ
МИРОВОЙ ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИЙ В АВСТРО-ВЕНГРИИ
(1914–1919)**

Первая мировая война вначале вызвала прилив энтузиазма, настоящий душевный подъем среди интеллигенции многих воюющих стран, включая людей последовательно либеральных убеждений, чуждых крайностям национализма. В числе тех, кто ее активно поддержал, были европейски известные интеллектуалы А. Бергсон, Э. Дюркгейм, З. Фрейд, Т. Манн и др. Великий французский поэт Г. Аполлинер пошел добровольцем на фронт, где был тяжело ранен в голову. Истоки подобного, в своей основе романтического, ощущения лежали в пресыщении «пошлым» мещанским укладом жизни, жажде неизведанного, ожидании грядущих социальных перемен, рождения нового, очищенного в горниле фронтовых лишений, более справедливого и гуманного мира. Прокламировавшаяся правящими кругами идея священного единения во имя победы своей родины находила бескорыстных поборников среди интеллигентов, увидевших во фронтовом братстве модель преодоления духовной изоляции, установления новых, идеальных, лишенных отчуждения межчеловеческих отношений¹. Этому способствовала и общность переживаемых страданий, разрушавшая привычные социальные перегородки. «Людей охватило какое-то пылкое стремление к единению друг с другом», — так жена всемирно известного социолога Макса Вебера вспоминала впоследствии настроения в гейдельбергском окружении своего мужа².

Д. Лукач не склонен был разделять пафоса коллег, за что подвергся остракизму с их стороны. Лукач упорно продолжает видеть милитаризм там, где «для меня речь идет именно об освобождении от милитаризма» с его самоцельностью и бессмысленностью, — замечал в этой связи в одном из писем его учитель Георг Зиммель³.

По мнению Лукача, война не только не способствовала преодолению всеобщего отчуждения в межчеловеческих отношениях, но обостряла это отчуждение в грандиозной степени. Войну он воспринял как предельное выражение абсолютной иррациональности, бесчеловечности и греховности современной цивилизации, пока не найдя реальной силы, которая смогла бы вызволить человечество из такого состояния (эта позиция нашла отражение и в его главной работе тех лет — «Теории романа»). Укреплению в нем подобного отношения к всемир-

ной бойне способствовал и личный жизненный опыт — потеря друзей. В омском госпитале для военнопленных скончался высоко ценимый Лукачем философ Б. Залаи, предвосхитивший ряд положений теории систем. На фронте погиб молодой гейдельбергский философ Э. Ласк. Кстати, сам Лукач в условиях всеобщей военной мобилизации избежал отправки на фронт (в том или ином качестве) лишь благодаря высокому положению отца, что он признал впоследствии в беседах с И. Эрши⁴.

Духовная встряска 1914 г. поставила Лукача в оппозицию уже не только существующему порядку вещей, но в известной мере и той освященной авторитетом Гегеля немецкой интеллектуальной традиции, которая считала разумным этот порядок. Как писал Лукач одному из своих друзей, немецкому литератору и философу П. Эрнсту в 1915 г., «мы должны вновь и вновь подчеркивать, что единственно существенным являемся мы сами, наша душа, и даже ее вечно-априорные объективации... — не более, чем бумажные купюры, чья ценность зависит от обмениваемости на золото. Реальную власть этих творений, правда, нельзя опровергнуть, но смертным грехом духа является то, что наполняет немецкую мысль со времен Гегеля, когда любую власть наделяют метафизическим освящением»⁵.

Вернувшись из Германии в Венгрию, Лукач окунулся в среду, где поначалу доминировали те же провоенные настроения. Общественное мнение, хранившее в исторической памяти интервенцию фельдмаршала И. Паскевича против венгерской революции в 1849 г., всецело поддержало войну с Россией. «Европейская культура вступает в борьбу с российским варварством... Падение России означает победу более высокой культуры и большей свободы», — писала 3 сентября 1914 г. социал-демократическая газета «Непсава». Духовно близкий в то время Лукачу поэт, драматург и философ Бела Балаж ушел добровольцем на фронт. В статье «Париж или Веймар?», опубликованной в журнале «Нюгат», он попытался увидеть в начавшейся войне столкновение двух культур, проявление соперничества между стагнирующим французским (латинским) и более свежим, здоровым немецким духом. Войну поддержали писатели последовательно демократического направления — Ж. Мориц, Д. Юхас. Лишь немногие имели смелость идти против течения. Среди них — поэты Э. Ади и М. Бабич, социолог и политик О. Яси. Писатель Д. Костолани воспринял начало войны как «конец поэзии, конец европейской образованности».

Вопреки чересчур оптимистическим прогнозам прессы, рассчитывавшей, в первую очередь, на мощь германского союзника, ожидавшейся легкой прогулки на Восток не получилось, война приобрела за-

тяжной и изнурительный характер. Уже к концу 1914 г. в венгерском обществе начинает преодолеваться милитаристский угар, усиливаются пацифистские настроения, все заметнее становится разочарование в целях войны. Умеряет свой прежний шовинистический тон пресса, с другой стороны, активизируются антивоенные движения.

Столкновение с суровой реальностью не проходило бесследно для интеллигенции. Ход войны, постоянно напоминавший о неимоверно высокой цене побед, разительное противоречие между патриотическими и общечеловеческими ценностями вновь и вновь подвергали испытанию ее нравственную позицию. В литературе и публицистике все более явно звучит антимилитаристский протест (Л. Кашшак и его журналы «Тетт» и «Ма»). Только наиболее консервативное крыло литераторов продолжало принимать участие в военной пропаганде.

Не только в Венгрии, но по всей воюющей Европе действительность на каждом шагу давала основания для глобальной переоценки ценностей. Терпел крах устоявшийся десятилетиями жизненный уклад миллионов людей. То, что до войны мыслилось невозможным, становилось реальностью. Первоначальная эйфория сменялась острым разочарованием. Растянувшись на целые годы и принося все больше страданий и разрушений, война в огромной мере способствовала радикализации умов. Отбросив саму идею поступательного прогресса, многие европейские интеллектуалы вставали на путь нигилизма и апокалиптизма, обращались к ультралевым социальным доктринам.

Подолгу живя в эти годы в Будапеште (проходя, как венгерский подданный, альтернативную военную службу сначала в больнице, а затем в цензурном ведомстве), Д. Лукач собрал вокруг себя талантливых молодых интеллектуалов (некоторые из них — социолог К. Мангейм, эстетик А. Хаузер, теоретик кино Б. Балаж — получили впоследствии всемирную известность). В ходе еженедельных дискуссий обсуждались отнюдь не конкретно-политические, а философские, этические, эстетические вопросы. Мы занимаемся абстракциями, записал в 1917 г. в дневнике Б. Балаж, в то время как мир перевернулся, «нам нечего есть, нечем отапливать жилища, мы совсем не имеем представления о том, что принесет нам завтрашний день, и испанский грипп свирепствует совсем рядом с нами, подобно средневековой чуме»⁶. Вместе с тем, как отметил Балаж, участники этих еженедельных встреч осознавали, что их собрания «имеют какой-то высокий смысл», они — искреннее свидетельство «о нашем времени и нашем поколении»⁷. Почти полвека спустя Лукач сравнил своих друзей с кружком рассказчиков «Декамерона», пытавшихся найти убежище от ужасов войны⁸.

Участников «Воскресного общества» глубоко волновала проблема выживания духовности в условиях еще невиданной в мировой истории кровавой бойни. Главная из дилемм, стоявших перед Лукачем и его единомышленниками, заключалась в этическом выборе: что предпочтительнее в моральном плане — бегство от общества или прямой вызов? В ходе дискуссий обсуждалась даже идея создания небольшой коммуны близ Гейдельберга как своего рода убежища от современной цивилизации. Интересно, однако, то, что эскапистские настроения парадоксально сочетались со своего рода миссионерским порывом, стремлением расширить круг единомышленников. В 1917–1918 гг. Лукач и его соратники организовали в Будапеште так называемую Свободную школу духовных наук, прочитав в ее рамках большой цикл лекций для интеллигенции, получившей возможность ознакомиться с новейшими веяниями западной философии, литературы, искусства. Осознание исчерпанности позитивизма, интерес к метафизике, трансценденции, этическим и эстетическим абсолютам, неприятие релятивизма импрессионистской эстетики в той или иной мере роднили идейные установки «Воскресного общества» со сходными духовными течениями в других странах (например кругом Стефана Георге в Германии). В мае 1918 г. в Свободной школе духовных наук состоялась при активном участии Лукача дискуссия о «прогрессивном» и «консервативном» идеализме, собравшая едва ли не весь цвет интеллектуальной жизни Венгрии, включая некоторых литераторов. Ее отличал ярко выраженный антипозитивистский пафос. Смысл выступлений большинства участников дискуссии заключался в том, что в наши дни отнюдь не материалистическая (лишенная широких горизонтов, заземленная) философия, а, напротив, обновленный идеализм может стать союзником социально-политического прогресса⁹. Тяготение к левому флангу общественной жизни отличало «Воскресное общество» от некоторых современных ему германских антипозитивистских по духу интеллектуальных сообществ, например кружка С. Георге, эволюционировавшего вправо, к консервативной системе ценностей.

В Гейдельберге Лукач, готовясь получить хабилизацию в университете, в течение ряда лет работал над фундаментальным трудом по эстетике. Размолвка с Вебером, возникшая в начале войны из-за политических расхождений, была преодолена, классик немецкой социологии продолжал оказывать покровительство молодому венгру, ценя в нем философа и не поощряя увлечения эссеистикой (характерно, что, хотя М. Вебер серьезно интересовался русской литературой и особенно творчеством Ф. М. Достоевского, работа Лукача над книгой о Достоев-

ском была воспринята им в штыки как занятие, уводящее в сторону от основного дела¹⁰). Эстетический труд Лукача не только синтезировал феноменологию Гуссерля с неокантианством, но так же, как и «Теория романа», обозначил интерес автора к Гегелю, имевший огромное, можно сказать, роковое значение для всей его последующей духовной эволюции от юношеского нигилизма и бунтарства к признанию разумности одной из тоталитарных систем XX века. Этот труд остался незавершенным — перед одним из своих последних отъездов в Будапешт философ положил незаконченную рукопись на хранение в сейф гейдельбергского банка. По символическому совпадению это случилось 7 ноября 1917 г. Впоследствии, перейдя на марксистские позиции, Лукач, никогда не боявшийся сжигать за собой все мосты, старался всячески принизить значение раннего, домарксистского периода в своем творчестве, считал его пройденным этапом собственной философской биографии. Поэтому он так и не проявил инициативы публикации своих так называемых «Гейдельбергской философии искусств» и «Гейдельбергской эстетики», которые были изъяты из сейфов и опубликованы учениками Лукача лишь после смерти философа, в 1970-е годы, вызвав немалый резонанс.

Февральская революция в России, свергнувшая царизм, пробудила в сознании радикальных венгерских интеллектуалов немало мессианских надежд в связи с грядущим переустройством человечества. «Новый фактор громко заявил о себе в мировой истории: русский народ... Тот народ, который на Западе знали лишь по книгам русских писателей, знали, жалея его за рабский удел, презирая за отсталость, посмеиваясь над его фанатизмом... До сих пор он шел где-то в самых задних рядах, даже не шел, а тащился, лишь верхними своими слоями подключившись к западным нациям... Огромная русская баржа, которая до сих пор плыла, влекомая Европой, совершила крутой поворот, и, возможно, завтра она будет Европу тянуть за собой. Нет слов, велика ее миссия. И если поворот был началом выполнения этой миссии, то новая глава открылась в нашей истории», — писал в июне 1917 г. искусствовед Лайош Фюлеп¹¹. Слова оказались в известном смысле провидческими. Осенью 1918 г. многонациональная дунайская держава рухнула, а через несколько месяцев в Венгрии развернулся социалистический эксперимент, кстати, с немалым воодушевлением поначалу воспринятый многими выдающимися венгерскими интеллектуалами. Российский опыт выступал при этом в качестве образца. В новых условиях совершенно по-новому воспринималась роль русской литературы. «В России столетиями шла подготовка этой революции. Каждая книга, написанная в течение прошедших веков рукою русского человека, — своего рода скры-

тая пропаганда приближающегося нового мира. Вся печаль и тоска, пронизывавшая голоса русских писателей, звучала во имя спасения страдалицы-родины», — писал весной 1919 г. один из крупнейших венгерских прозаиков Дюла Круди¹².

Что касается Лукача, то революция в России произвела на него тем большее впечатление, что не казалась ему неожиданной в свете всех его предшествующих духовных исканий. Февраль, а затем, в еще большей степени, октябрь 1917 г. не только указывали путь выхода из войны. Они явились наилучшим подтверждением давно вынашивавшейся Лукачем мысли о более мессианском характере российского социализма в сравнении с западноевропейским. Задачи коренного обновления современного общества, казавшиеся прежде утопическими, были поставлены русской революцией на повестку дня, перенесены из абстрактной сферы в плоскость непосредственной политической практики. Будучи и теперь уверенным в превосходстве моральной революции над социальной и политической (способной изменить, по его мнению, только внешние параметры человеческого существования), философ и критик, прежде чуравшийся практической политики, в первую очередь именно под влиянием российского опыта стал проявлять к ней несомненный интерес. «Социалистом меня сделали российская революция и последовавшие за ней события в Венгрии», — скажет Лукач впоследствии¹³.

В конце октября 1918 г. Д. Лукач стал свидетелем демократической революции, положившей конец многовековому господству Габсбургов не только в Венгрии, но и во всей Центральной Европе. В сложнейшей экономической ситуации, вызванной военным поражением, левоцентристское правительство графа М. Каройи оказалось неспособным решить стоявшие перед страной социальные проблемы. Не смогло оно должным образом защитить и национальные интересы венгров в условиях, когда руины полиэтничной Габсбургской монархии стали полем столкновения национальных амбиций, разжигаемых с разных сторон державами-победительницами. Все сильнее становилось давление на правительство слева: с первых же недель существования венгерской республики установление советской власти по российскому образцу рассматривалось как возможная альтернатива режиму Каройи, а Советская Россия — как вероятный союзник.

Соотнося венгерскую действительность с тем, что происходило тогда в России, и задумываясь над будущим революции в Венгрии, Лукач в декабре 1918 г. публикует в леволиберальном журнале «Сабадгондолат» («Свободная мысль») статью «Большевизм как моральная проблема», отразившую не столько его воодушевление в связи с обозна-

чившейся перспективой, сколько глубокие сомнения. Марксистское учение о классовой борьбе как движущей силе исторического развития и неизбежном в этой борьбе применении террора и диктаторских методов вступает, по мнению Лукача, в известное противоречие с марксовым видением социализма как бесклассового, лишённого всякого принуждения общества. Это противоречие особенно обостряется, когда воплощение социалистической идеи оказывается в заманчивой близости, становится актуальной политической задачей. Ухватившись за возможность коренного социального переворота, мы неизбежно высказываемся за террор и продолжение классового угнетения (хотя теперь уже в новой форме — диктатуры пролетариата). Отказ от методов диктатуры может привести к замедлению темпов движения к конечной цели и даже утрате этой цели вследствие торжества компромиссов. Какой из этих путей предпочесть? Весь большевизм, писал венгерский философ, в этическом смысле зиждется на том метафизическом допущении, что зло способно породить добро, что именно через ложь пролегает дорога к истине и что искоренить путем насилия прежнее угнетение во имя будущего бесклассового общества — более нравственный выбор, чем увековечить несправедливость классового строя. Мессианские представления большевиков о миссии пролетариата основаны прежде всего не на разуме, а на вере — в то, что с достижением конечной цели мир избавится от зла. По Лукачу, это частный случай того, что выразил своей емкой формулой Тертуллиан: *credo quia absurdum est* (верую, ибо нелепо). Венгерский философ заявил о своей неспособности принять эту веру, расходящуюся с волей большей части человечества.

Но забрезжившая перед Лукачем в революционной атмосфере времени возможность коренного обновления была настолько притягательна, что вскоре начисто смела все поспешно сооруженные на пути ее реализации рассудочные построения. Впоследствии, в 1960-е годы, Лукач пытался дать объяснения произошедшему повороту в своем сознании. Мы увидели, писал он, «что — наконец-то, наконец-то! — перед человечеством открылся путь выхода из войны и из капитализма». В этих условиях, вспоминал Лукач, я «пережил короткий переходный период: мои последние колебания перед окончательно сделанным правильным выбором», сопровождавшиеся выискиванием абстрактных контраргументов по большей части филистерского свойства, были вскоре преодолены¹⁴.

Воспроизводя в своей памяти те последние недели 1918 г., определившие всю его последующую жизнь философа и политика, Лукач десятилетия спустя не мог не признать, что его обращение в большевизм

явилось попыткой выйти из глубокого духовного кризиса. «То, что соответствовало фактам, не могло быть включено в рамки... системы. Таким образом, я проманеврировал до теоретического тупика. Никакого прямого выхода. Лучшее, что из меня могло бы получиться, — это эксцентричный гейдельбергский приват-доцент»¹⁵. Моральные дилеммы, заботившие его, не поддавались разрешению в рамках прежних идейных построений. Лукач чувствовал, что венгерская революция отнюдь не остановится на своей первой ступени (персонифицируемой графом Каройи); разбуженная социальная стихия поднимется на новый виток. Надо было делать выбор «за или против» — выбор не столько философский, сколько моральный и политический. И Лукач сделал свой выбор — через считанные дни после публикации статьи «Большевизм как моральная проблема» вступил в незадолго перед этим созданную венгерскую компартию. Его духовный поворот отразил ряд публикаций, относящихся к началу 1919 г. Моральную дилемму, обозначенную в названной статье, в этих новых работах он был склонен решать по-другому. Правильность выбора, по Лукачу, зависит прежде всего от того, насколько этот выбор ведет к достижению конечной цели. Политика компромисса с существующим строем не приближает к цели, а отдаляет от нее. Достижение цели, однако, ни в коем случае не снимает моральной ответственности с тех, кто, преследуя эту цель, переступил этические нормы. С другой стороны, и бездействие отнюдь не означает, что человек оказывается вне морального выбора и не берет на себя вины (высоко ценимый Лукачем немецкий драматург К. Ф. Хеббель в драме «Юдифь» выразил эту трагическую дилемму следующим образом: «Если Бог между мной и возложенным на меня деянием поставил грех, кто я такой, чтобы уклониться от греха?»). Все, кто пришел в коммунистическое движение, писал Лукач в статье «Тактика и этика», принимают на себя личную моральную ответственность за каждую жертву революционной борьбы. Однако тот, кто встает на сторону противников коммунизма (или даже уклоняется от выбора), ответственен за продолжение войны и классового угнетения, за неминуемые новые жертвы. Выбор, сделанный Лукачем, был однозначен — при том, что для него, как неоднократно признавал он позже, еще долго оставалась не до конца проясненной «научная обоснованность» идеи коммунизма¹⁶. Необходимо вместе с тем отметить, что сомнения в этической правомерности насилия во имя освобождения человечества, выраженные в статье «Большевизм как моральная проблема», не раз искушали Лукача на протяжении всего его последующего жизненного пути, вызывая со стороны сотоварищей по партии обвинения в «правом уклонизме». Помимо всего прочего они про-

являлись в его стремлении найти по возможности менее болезненные пути продвижения к социализму (в частности, в условиях Венгрии второй половины 1940-х годов, о чем речь пойдет в главе 5).

В своих автобиографиях, писавшихся в СССР в конце 1930-х годов (конечно, более формальных и менее откровенных, нежели те, что вышли из-под его пера в десятилетие подведения итогов, в 1960-е годы¹⁷), Лукач стремился показать собственную эволюцию к коммунизму как процесс не только длительный и постепенный, но и напрямую связанный с его ознакомлением с трудами классиков марксизма. «По своему мировоззрению я был идеалистом; я развивался в направлении от Канта к Гегелю. Война обусловила глубокий кризис моего мировоззрения, которое прояснилось лишь благодаря русской революции 1917 г. Я основательно изучал в это время произведения Маркса и все больше приближался к этой точке зрения», — писал Лукач 2 ноября 1940 г.¹⁸ А в другой его автобиографии конца 1930-х годов читаем: «Война вызвала глубокий кризис в моем мировоззрении, под влиянием революции 1917 г. в России мой дальнейший путь стал для меня ясен. В 1918 г. я вступил в Коммунистическую партию Венгрии»¹⁹.

Сознательные попытки Лукача «спрямить» свой путь к Марксу, предпринимавшиеся им в силу хорошо понятных причин в Москве конца 1930-х годов, нуждаются в некоторых комментариях. «Капитал» Д. Лукач впервые прочитал примерно в 1908 г., с самого начала высоко оценив Маркса как экономиста и социолога. Наряду с «Капиталом» ему были известны и некоторые другие работы Маркса и его последователей. Однако марксизм как социальная теория и в годы первой мировой войны оставался на периферии его интересов. Достаточно привести свидетельство А. Хаузера о том, что на заседаниях «Воскресного общества» в течение трех лет о Марксе речь почти не заходила²⁰. Есть, таким образом, основания говорить о том, что политический выбор, сделанный в конце 1918 г., опережал формирование целостного марксистского мировоззрения. Новые взгляды Лукача складываются в систему в работах, относящихся к 1919 и последующим годам. В свете же работ, написанных до ноября 1918 г., поворот к марксизму невозможно было предсказать.

Переход Д. Лукача на позиции пролетарского мессианизма и — как логическое следствие — его вступление в венгерскую компартию в декабре 1918 г. вызвали немалое удивление венгерской, а затем и немецкой интеллектуальной элиты. Духовно близкая философу писательница А. Леснай вспоминала, что обращение Лукача в новую веру произошло буквально в промежутке между двумя воскресеньями, ничем не предвещаемое²¹. С другой стороны, в рядах самих коммунистов появление

Лукача было встречено с немалым недоверием и подозрением. Писатель и художник Л. Кашшак (на протяжении многих десятилетий мэтр венгерского авангарда в искусстве, а по партийной принадлежности левый социал-демократ) передавал в своей автобиографии то большое удивление, с которым было воспринято в ультралевых политических кругах подключение к работе редакции коммунистической газеты «Вёрёш Уйшаг» человека, всего несколькими днями ранее «с философским пафосом писавшего, что коммунистическое движение не имеет под собой никакой этической базы и в силу этого не отвечает задачам создания нового мира. Позавчера он писал именно так, а сегодня восседает за столом в редакции «Красной газеты»»²².

Но какова бы ни была реакция современников на произошедший переворот в мировоззрении Лукача, он доказал всей своей последующей политической, философской, научной деятельностью, что сближение с коммунистическим движением, неожиданное для прежних его единомышленников, не было для него случайным, кратковременным увлечением. Хотя отношения философа с компартией временами были отнюдь не безоблачными, свою приверженность ее политическим целям он сохранил до самой смерти.

В первые месяцы 1919 г. Д. Лукач сосредоточился на публицистической и редакторской деятельности. Он становится одним из редакторов изданий коммунистической партии — газеты «Вёрёш уйшаг» и журнала «Интернационал». В феврале 1919 г., после того, как правительство М. Каройи арестовало за экстремистские призывы первый состав центрального комитета компартии, Лукач избирается в ее ЦК. Его публицистика тех месяцев интересна тем, что в ней впервые были обозначены проблемы, получившие затем развитие в знаменитой книге 1923 г. «История и классовое сознание» — в частности, о необходимости внесения сознательного начала в происходящий независимо от воли людей революционный процесс, об адекватном революционном сознании и его носителях, о роли интеллигенции в революции. Из общего потока венгерской революционной публицистики 1919 года выступления Лукача²³ выделялись не только неизмеримо более высокой философской культурой, но и глубоким интересом к морально-этической проблематике революции (показательны уже сами названия статей: «Большевизм как моральная проблема», «Моральная основа коммунизма», «Роль морали в коммунистическом производстве» и т. д.). Приняв на веру коммунистическую идею, философ испытывал внутреннюю необходимость не столько в логическом, сколько в моральном ее обосновании.

Революция октября 1918 г., свергнув власть Габсбургов, не смогла направить развитие Венгрии в русло демократической конституционности. Не выдержав напора левых сил, требовавших немедленного осуществления социалистических преобразований, граф М. Каройи в сложнейшей внутривластной и международной обстановке весны 1919 г. передал 21 марта свою власть партиям пролетариата (левым социал-демократам и коммунистам), попытавшимся по примеру русской революции установить правление в форме Советов. Социалистический эксперимент в Венгрии продолжался 133 дня.

В период Венгерской советской республики Д. Лукач был заместителем социал-демократа Ж. Кунфи по руководству наркоматом просвещения и, обладая почти такими же полномочиями, как нарком, играл весьма заметную роль в осуществлении культурной политики. Культурная политика Венгерской советской республики, богатая идеями и начинаниями в самых различных областях культурная жизнь венгерской пролетарской диктатуры, а также талантливое революционное искусство этого периода довольно неплохо изучены в венгерской и зарубежной литературе, в том числе в работах Ф. Йожефа, Б. Кеpeci, Д. Кеттлера и других, доступных на русском, английском либо немецком языках²⁴. Избегая ненужных повторов, отметим лишь самое основное, касающееся Лукача и его непосредственной роли в культурной жизни тех месяцев, а также отношения творческой интеллигенции к политике коммунистической диктатуры.

Для общей политической позиции Д. Лукача были характерны революционное нетерпение, склонность к левацким перегибам, во многом питавшиеся его идеалистическими, левогегельянскими философскими воззрениями того времени, утверждением примата идеи, сознания над реальностью, общественным бытием. Стремление укрепить позиции коммунистической идеологии в венгерской культуре лежало и в основе его культурной политики. Вместе с тем концепцию Лукача отличали требовательность к художественному уровню, разумное отношение к культурному наследию. «Культурная программа коммунистов делает различие только между хорошей и плохой литературой и не намерена отбросить ни Шекспира, ни Гёте на том основании, что они не были социалистами... Политика только средство, культура же — цель... Поддержкой наркомпроса будут пользоваться все бесспорные ценности литературы, кем бы они ни были созданы, но естественно и то, что он будет в первую очередь поддерживать искусство, выросшее на пролетарской почве, в той степени, в какой оно будет являться подлинным искусством», — так Д. Лукач в одной из статей тех дней сформулировал установки культурной политики²⁵.

Виднейшие деятели венгерской культуры (в том числе всемирно известные композиторы Б. Барток и З. Кодай, крупные писатели от Ж. Морица до М. Бабича и Д. Костолани) были привлечены к работе созданных под эгидой наркомата просвещения директорий, ведавших вопросами литературы, изобразительного искусства, музыки. В революционной атмосфере тех дней, когда подвергались радикальной переоценке многие устоявшиеся ценности и ожидалось скорое воплощение казавшихся ранее несбыточными политических идеалов, сама идея руководства литературным процессом не всегда воспринималась как абсурдная. «Путь поэзии в коммунистическом государстве прям как стрела. Исчезают «общественные проблемы», отягощавшие до сих пор совесть поэтов, их забирает в свое ведение государство, кардинально решающее их с помощью одного-двух постановлений», — писал классик венгерской художественной литературы Деже Костолани²⁶. Надо сказать, что подобного рода утопиями жили весной 1919 г. многие венгерские литераторы. Лишь по мере их разочарования в новой власти (как и в России, очень склонной к «перегибам» левацкого толка) происходило неизбежное отрезвление.

При содействии Д. Лукача в дни Венгерской советской республики ряд ведущих интеллектуалов Венгрии (среди них М. Бабич, К. Манхейм, А. Хаузер, Б. Балаж) впервые получили назначения на университетские кафедры, хотя не все они разделяли коммунистические убеждения. Планы реформ школьной системы, библиотечного, музейного дела, принятые наркомпросом и за недолгие месяцы существования Венгерской советской республики лишь начавшие внедряться в практику, также при некотором своем утопизме сыграли, несомненно, положительную роль, поскольку способствовали более широкому приобщению масс к культуре. По инициативе Лукача был разработан план издания классики мировой литературы и философской мысли, причем подход к культурному наследию был, пожалуй, не менее широк, нежели в планах петроградского издательства «Всемирная литература», у истоков которого в 1918–1919 гг. стояли М. Горький и А. Блок. Современная «буржуазная» культура, включая философов-идеалистов В. Дильтея, Г. Зиммеля, Э. Маха, а также английских и французских писателей-«декадентов», была весомо представлена в списке предполагаемых публикаций.

Несколько недель лета 1919 г. Лукач провел на северном фронте в качестве политкомиссара — между Венгерской советской республикой и молодым чехословацким государством возник вооруженный конфликт из-за Словакии. Кабинетному мыслителю, сыну крупного буржуа, приш-

лось приобрести совершенно новый жизненный опыт. На старости лет философ, откровенный в своих признаниях, не скрывал, что однажды ему лично пришлось в отчаянной ситуации отдать приказ о расстреле каждого десятого солдата из дезертировавшего батальона²⁷. Возвращенные в тепличных условиях абстрактные представления о новой, революционной морали теперь приходилось поверять суровой жизненной практикой.

Отпугнув со временем «красным террором» многих людей, поначалу поддержавших новую власть, и лишившись, таким образом, прежней социальной базы, Венгерская советская республика 1 августа пала, уступив место более умеренному «профсоюзному» правительству. Но и это правительство вопреки ожиданиям графа М. Каройи и других левоцентристов²⁸ не могло удовлетворить напуганное большевистским экспериментом высшее общество Венгрии (земельную аристократию, крупную финансовую буржуазию, верхушку армии, государственного аппарата, церкви), да и значительную часть среднего слоя, а также крестьянства, крайне недовольного попытками национализации земельной собственности. Соответственно оно не нашло поддержки и стран-победительниц – держав Антанты, заинтересованных в стабилизации внутривнутриполитической обстановки в Венгрии. Это правительство пало в считанные дни, а последующее развитие событий привело к установлению режима, еще на четверть века отодвинувшего перспективу коренной модернизации и демократизации Венгрии.

ГЛАВА 3

**ВЕНА–МОСКВА–БЕРЛИН
(СЕНТЯБРЬ 1919 — МАРТ 1933 г.)**

В начале августа 1919 г., когда в Будапешт вошли поддержанные Антантой румынские войска и произошла смена власти, руководство венгерской компартии эмигрировало в Вену. Однако Д. Лукач вместе с другим членом ЦК, О. Корвином, по инициативе Б. Куна был оставлен в Будапеште для налаживания конспиративной работы в подполье. Почему выбор пал именно на него? Тот факт, что у Лукача были гораздо более обширные связи в «буржуазном» обществе, чем у подавляющего большинства его соратников по партии, вероятно, учитывался, но все же не имел решающего значения. Дело было прежде всего в другом. Вождя венгерской революции Б. Куна и Лукача едва ли не с первых недель их знакомства (а познакомились они в декабре 1918 г. во время вступления Лукача в партию) отличали неприязненные отношения. Кратковременное увлечение Лукача Белой Куном как сильным революционным практиком («гностиком дела», по его выражению), способным твердостью воли добиться воплощения высоких идеалов, быстро сменилось сильным разочарованием. Человек с непомерными вождистскими амбициями, претендовавший помимо всего прочего и на роль главного интеллектуала партии, охотно выступавший по вопросам культуры, литературы, философии и т. д., не мог не видеть в известном за пределами Венгрии литераторе и философе серьезного конкурента. Возможно, именно поэтому он и решил «подставить» Лукача, воспользовался шансом если не отправить его на верную гибель, то во всяком случае подвергнуть его огромному риску¹. Более месяца Лукач скрывался от полиции на квартире у вдовы своего покойного друга философа Б. За-лаи, а в середине сентября сумел нелегально выехать в Вену, тогда как его партнер по конспиративной работе О. Корвин был схвачен охранкой и казнен. 22 года спустя, когда философ находился на Лубянке, следователи в самом факте его спасения в сентябре 1919 г. увидели (вполне в духе своего времени) один из главных аргументов в пользу причастности Лукача к деятельности хортистской разведки.

Между тем, контрреволюционное венгерское правительство упорно требовало осенью 1919 г. выдачи Лукача (как и других видных деятелей Венгерской советской республики). 12 ноября 1919 г. в берлинской газете «Берлинер Тагеблатт» появилось письмо в его защиту, которое подписали целый ряд виднейших немецких и австрийских

литераторов и философов (Томас Манн, Генрих Манн, Пауль Эрнст, Альфред Керр, Бруно Франк и др.). «Не как политик, а как человек и мыслитель Лукач должен быть оправдан... Вопрос о Лукаче не сугубо партийный вопрос. Все, кому довелось лично знать его человеческую порядочность и кто восхищен высотой полета мысли его философско-эстетических книг, должны выступить против выдачи Лукача»². В другой немецкой газете, «Ди Вайссен Бляттер», письмо аналогичного содержания опубликовал близкий друг Лукача Эрнст Блох. Он также защищал своего друга не как венгерского политика, а как выдающегося философа своего поколения³.

Независимо от позиции ведущих немецких интеллектуалов либеральное австрийское правительство не было склонно к выдаче адмиралу Хорти деятелей разгромленной советской республики. Вена, где Лукач прожил с перерывами 10 лет, стала в начале 1920-х годов важным центром венгерской политэмиграции, которая после поражения коммунистической диктатуры в Венгрии насчитывала не менее 4 тыс. человек. Видный философ избирался в состав ЦК венгерской компартии, активно выступал в качестве политического публициста – в начале 1920-х годов его статьи публиковались в венском журнале «Коммунизм» (главном рупоре ультралевых в Коминтерне), в газете «Роте Фане», других немецкоязычных («Интернационал», «Югенд-Интернационал»), а также эмигрантских венгероязычных коммунистических изданиях. «Уже позади были разгром Венгерской советской республики, Баварии (Баварской советской республики 1919 г. – А. С.), убийство Карла Либкнехта и Розы Люксембург, но впереди маячили огни Гамбургского восстания. Для современников ничего еще не было решено..., – вспоминает то время хорошо знавший Лукача Илья Эренбург⁴. Политическая позиция Лукача в начале 1920-х годов отличалась крайним радикализмом, как публицист немецкой коммунистической прессы он тяготел к одному из ультралевых течений в КПГ, выступавшему с так называемой «теорией наступления», идейно подготовившей восстание гамбургских рабочих 23–25 октября 1923 г., последнее серьезное проявление революционной волны на Западе.

Выступив против участия коммунистов в парламентах буржуазных государств, Д. Лукач в одной из статей на страницах журнала «Коммунизм» охарактеризовал мирные, парламентские средства борьбы как сугубо оборонительную тактику, свидетельствовавшую, по его мнению, о разочаровании в наступательных, революционных средствах. Левацкая непреклонность и бескомпромиссность венгерского философа вызвали неудовольствие В. Ленина, боровшегося в это время

с «детской болезнью левизны» в коммунизме и раскритиковавшего Лукача в одной из своих работ 1920 г.⁵

В эти годы в эмигрантских органах КПВ развернулась острая фракционная борьба между двумя группировками, возглавляемыми Б. Куном и Е. Ландлером. В отличие от еще более радикалистской фракции Б. Куна, стремившейся к подчинению всей деятельности КПВ целям «мировой революции», несколько более умеренная фракция Е. Ландлера, в которой в качестве главного идеолога и публициста выступал Д. Лукач, пыталась теснее привязать задачи КПВ к реалиям хортгистской Венгрии и навести мосты к рабочему движению в самой стране. Вместе с тем в борьбе различных фракций внутри партии наряду с принципиальными разногласиями находили проявление и межличностные трения.

В связи с активным вовлечением Лукача в деятельность партийных органов Б. Балаж замечал в дневнике: «Здесь, в Вене, он активно участвует в безнадежной конспиративной работе, выслеживая людей, скрывшихся с партийными деньгами. Тем временем его философский гений остается скрытым, подобно ушедшему под землю течению, расшатывающему и разрушающему верхний слой земли. Он рожден быть исследователем, одиноким ученым, созерцателем вечных сущностей... Он действительно стал бездомным, потому что оставил свой духовный дом»⁶. По мнению Балажа, «Лукач-заговорщик, активная политическая фигура, революционер — это ложные маски, это не его метафизически укорененная миссия... Он не живет своей собственной жизнью. Он впал в метафизический грех»⁷.

Между тем, и в это время Лукач оставался прежде всего философом. В 1923 г. в Берлине выходит самая знаменитая его книга «История и классовое сознание», состоявшая из ряда работ 1919–1922 гг., часть которых сначала была опубликована в периодических изданиях. Собранные воедино, эти работы вызвали широчайший отклик. Книга Лукача была подвергнута резкой критике в рамках мирового коммунистического движения; вместе с тем благодаря постановке и разработке ряда философских проблем (прежде всего проблемы овеществления), она оказала неоспоримое влияние на последующее развитие европейской мысли — на Франкфуртскую школу, отчасти на французский экзистенциализм. В ходе состоявшейся в середине 1920-х годов международной дискуссии вокруг названного сборника статей Лукача обсуждались отнюдь не только сугубо абстрактные, философские проблемы, ведь работа венгерского мыслителя претендовала быть ни много ни мало теоретическим обоснованием всей политической практики большевизма — именно потому она и всколыхнула идеологов Коминтерна.

Главная цель, которую преследовал автор «Истории и классового сознания», заключалась в стремлении восстановить подлинного, аутентичного Маркса, реконструировать его метод, очистив при этом марксистскую теорию от искажений и наслоений, привнесенных теоретиками II Интернационала. Причем еще за десять лет до открытия «молодого Маркса», до публикации его «Экономическо-философских рукописей 1844 г.», Лукач впервые акцентировал внимание на продолжении и развитии Марксом гегельянской философской традиции. У самого Лукача актуальные задачи политической практики коммунистического движения трактовались на языке высокой абстракции, в категориях немецкой классической философии, а также современной социологии М. Вебера (Представитель Франкфуртской школы Ф. Боркенау позже не без сарказма обратил внимание на удивительную способность Лукача соединять высочайшую философскую абстракцию с «грубейшим преклонением перед меняющимися распоряжениями центрального комитета»). Идеи, претендовавшие на право стать путеводной звездой для рабочего движения, «провозглашались на языке, непонятном не только рабочему, но и всякому простому смертному, не вкусившему сладость учебы в Гейдельберге».)⁸ Важно заметить вместе с тем, что предпринятое Лукачем обогащение марксистской парадигмы новейшими достижениями социального исследования (в частности методологией и категориальным аппаратом Макса Вебера) ввело его работу в контекст духовных исканий современной ему немецкой социологии. Последовательное толкование Лукачем марксизма как теории, раскрывающей не просто механизм капиталистической эксплуатации, но более общие закономерности отчуждения человеческой деятельности, было шагом вперед в сравнении с интерпретациями идеологов II Интернационала. Как тонко заметил в уже названной работе А. Н. Дмитриев, оно открыло перспективу определенной «деполитизации» марксизма, выведения Марксова учения как бы из ведомства политических идеологов рабочего класса (можно добавить — независимо от желания самого Лукача). Маркс, воспринимаемый теперь не только как экономист и социолог, но прежде всего как философ, отныне стал гораздо более открыт для теоретических споров далеко за рамками пролетарского движения, к осмыслению его наследия широко обращаются представители тех идейных течений, которые сочетали теоретический радикализм с партийно-политической неангажированностью (Франкфуртская школа, а позже «новые левые»). Именно этот более свежий взгляд на наследие Маркса предопределил успех книги Лукача как явления философской мысли, оказавшего влияние на ее дальнейшее развитие (в этой связи

было бы уместно сказать и о непосредственном участии Д. Лукача в создании в 1923 г. франкфуртского Института социальных исследований).

В центре философских построений Лукача находилась теория овеществления, в которой были своеобразно синтезированы идеи отчуждения Гегеля и молодого Маркса, Марксова политэкономия с ее базисными категориями стоимости и товарного фетишизма, понимание пространства и времени, характерное для А. Бергсона, концепция рационализации М. Вебера⁹. Эта теория, ставшая источником многих вариантов философской и культурологической критики современного капитализма (начиная от М. Хоркхаймера и Т. Адорно и кончая «новыми левыми» конца 1960-х годов), явилась реакцией на прогрессирующую рационализацию всех сфер общественной жизни, попыткой осмысления ее последствий для отдельной личности. При современном капитализме, доказывал Лукач, господство в обществе товарных форм достигает такого уровня, что все отношения между людьми принимают характер «вещности», за которой исчезает истинная человеческая сущность отдельных индивидуумов. В результате нивелирующего воздействия абстрактного (измеряемого только лишь рыночной стоимостью) труда капиталистическая экономика приобретает вид «второй природы», которой присущи те же стихийность и бессознательность, что и «первой природе»; слепые силы «второй природы» подчинили себе все жизненные проявления человека и общества, покорили бытие людей, пространство для самопроявления человеком его субъективной индивидуальности предельно сужается. Втягивая человеческое бытие в систему капиталистического производства, овеществление грозит сделать «ходовой вещь» не только производственные потенции каждой отдельной личности, но и самые интимные стороны ее духовной жизни; качества и способности человека уже не связываются с органическим единством личности, они выступают как вещи, которыми человек владеет и которые при необходимости отчуждает¹⁰. Как справедливо отмечает российский исследователь «Истории и классового сознания» С. Поцелуев, Лукач в своей работе реагировал на наступление специфически нового феномена капитализма — «массового производства и потребления, предполагающего, с одной стороны, невиданную доселе стандартизацию существующих потребностей, а с другой — навязывание новых, искусственно созданных потребностей, существенно видоизменяющих структуру традиционного производства и потребления»¹¹. Осмысляя эти процессы, венгерский философ приходил к выводу, что стремление современного рационализма калькулировать все феномены бытия, включая и те «последние» проблемы человеческого существования,

перед которыми старый рационализм с почтением останавливался. создает лишь иллюзию господства Разума. На самом деле взгляд на целостность предмета утрачивается, тщетным оказывается стремление увидеть смысл в хаосе «второй природы», классический идеал Разума тем самым дискредитируется.

Средством преодоления капиталистического овеществления, прорыва к нерасчлененной современным рационализмом тотальности и к истинной свободе, согласно Лукачу, является практика, в которой мышление тождественно бытию, правильное сознание сливается с материальным преобразованием в едином порыве. Носителем этой практики выступает пролетариат, чей революционный потенциал прямо пропорционален силе воздействия законов капиталистической экономики, приравнивающих человека к вещи. «Это спасительное самосознание обнажается в пролетарии благодаря особой брутальности его овеществления. Именно особая унижительность овеществления человеческого в пролетариате возвышает его до революционного порыва, освобождающего все человечество»¹². Важно подчеркнуть, что критика современного рационализма отнюдь не подвигла Лукача, подобно Ницше, к иррационалистическим выводам, речь у него идет о бунте самосознания, о триумфе разума, а не воли, о миссии пролетариата во имя осуществления объективной исторической логики (здесь в построениях Лукача особенно отчетливо обнажались гегельянские корни). Вместе с тем неожиданный прорыв овеществленного сознания к тотальности и подлинной свободе носил явно романтический и даже мистический оттенок, что признал впоследствии и Лукач в своем предисловии к изданию 1967 г.¹³ Попытка решить эту проблему обращением к роли партии, придающей пролетарскому самосознанию зримую форму, казалась несколько искусственно притянутой к основному философскому содержанию «Истории и классового сознания».

Переходя от высоких философских материй к насущным задачам современного революционного движения, Лукач продолжал делать акцент на адекватное классовое сознание, которое понималось им не только как важнейшее условие выполнения пролетариатом его всемирно-исторической миссии по созданию «царства свободы», но и шире — как главный двигатель исторического прогресса, его мыслительное выражение (теория и практика выступали здесь в полном единстве, как две составляющих единого процесса). Основным критерием адекватности классового сознания пролетариата возложенной на него миссии называлась его тотальность, противопоставленная Лукачем одностороннему экономическому детерминизму теорий II Интернационала.

Тотальное сознание, включающее в себя как самопознание пролетариата, так и познание им общества в целом, по Лукачу, способно не только охватить все факторы исторического процесса, но и (вопреки остающимся в рамках капитализма оппортунистическим социал-демократическим концепциям) ориентировать своего носителя на конечную цель движения. В более высоком философском плане оно, согласно Лукачу, устраняет дуализм бытия и мышления, субъекта и объекта, присущий раздробленному буржуазному сознанию, тем самым преодолевает неизбежное отчуждение человека, творца истории, от его сущности. Вооруженный подлинным классовым сознанием пролетариат представлен на политической арене Коммунистической партией. Существование различных по своим идейным установкам пролетарских партий, по мнению Лукача, проистекает не из социальной неоднородности пролетариата, его внутренней стратификации, оно отражает разные этапы в развитии классового сознания. Тотальность адекватного пролетарского сознания помогает его носителю, не поступаясь конечной целью, применять гибкую тактику, находить себе союзников в борьбе за свои идеалы. Таким образом, концепция Лукача при всем своем революционном, левацком мессианизме в некоторой степени была все же открыта для преодоления крайностей сектантства.

Выход книги Д. Лукача пришелся на месяцы, когда вопрос о мировой революции с поражением Гамбургского восстания окончательно утратил свою актуальность, на первый план все более стала выходить задача построения социализма в одной стране и сам Коминтерн постепенно превращался из «штаба мировой революции» в инструмент упрочения позиций СССР на международной арене¹⁴. Поэтому резкая критика Лукача и его единомышленников на V Конгрессе Коминтерна (июнь 1924 г.) и в коммунистической периодике тех лет имела отнюдь не философскую, а политическую подоплеку, была обусловлена его прежней, теперь уже запоздалой установкой на актуальность мировой пролетарской революции в условиях, когда капитализм начал стабилизироваться во всемирных масштабах.

Как явствует из найденного автором этих строк в московских партийных архивах неопубликованного в то время ответа Д. Лукача одному из своих главных оппонентов, А. М. Деборину, венгерский философ отнюдь не был склонен менять свои убеждения в угоду политической конъюнктуре¹⁵. При том, что откат революционной волны на Западе был той реальностью, которая не могла не заставить Лукача корректировать свои взгляды, он продолжал в работах середины 1920-х годов развивать некоторые идеи «Истории и классового сознания», конкре-

тизируя их с учетом новой ситуации и меняющейся политической практики мирового коммунистического движения.

В 1924 г. выходит работа «Ленин. Исследовательский очерк о взаимосвязи его идей»¹⁶. Предпринятая в ней попытка нарисовать «интеллектуальный портрет» лидера российских большевиков, реконструировать политическую мысль Ленина во всей ее целостности, может быть в полной мере оценена лишь в контексте тех споров вокруг ленинского наследия, за право его канонического истолкования, которые развернулись внутри мирового коммунистического движения после смерти основателя Советского государства¹⁷. В первую очередь работа Лукача была направлена против социал-демократической (разделяемой и некоторыми коммунистическими теоретиками) традиции видеть в Ленине не более, чем выдающегося мастера политической тактики, искусного политического игрока. В противовес такому взгляду венгерский марксист сделал акцент на взаимосвязи деятельности Ленина-политика и его мысли, которую Лукач трактовал как философию практики. Любая философская категория имела для Ленина значение лишь с точки зрения ее действенности в рамках человеческой практики. При этом конкретный анализ данной конкретной ситуации он умел поставить в органичную диалектическую взаимосвязь с общими принципами марксизма; в политической проницательности Ленина, согласно Лукачу, проявилось его теоретическое превосходство над другими современными мыслителями в оценке не только строго определенной ситуации, но исторического процесса в целом. Речь идет не просто о переводе теории в область реальной политики, о практических решениях, ставших следствиями тех или иных теоретических установок, но об имманентности теории ленинской реальной политике; конкретный анализ конкретной ситуации у Ленина — не только органическая составляющая теории, но и ее вершина, поскольку схватывает тот момент, где теория действительно осуществляется, превращается в практику. Именно в политическом реализме Ленина, его способности при любых условиях стоять на почве действительности нашла, по Лукачу, свое осуществление программа Маркса, стремившегося дать практичную теорию, теорию практики¹⁸.

Во взаимосвязи ленинских идей Лукач находил воплощение внутренних взаимосвязей того исторического целого, которое Ленин постиг своей мыслью, устремленной на познание тотальности общества, реальности совокупного процесса, целостности общественного развития. «Революционный взгляд на общество как на находящееся в процессе движения целое» стал у Ленина путеводной нитью диалекти-

ческого конкретного анализа. Причем сила Ленина как теоретика проявилась как раз в его умении определить то «ближайшее звено цепи», через которое постигается целое. Никто иной, как Ленин, «распознал коренную проблему нашей эпохи там и тогда, где и когда она впервые обнаружила свою действительность, — проблему надвигающейся революции»¹⁹. В полемике с социал-демократами, считавшими, что действительность ленинских концепций в лучшем случае ограничена российскими условиями, Лукач настаивал на том, что в проблемах развития современной ему России Ленин разглядел проблемы эпохи в целом. В то же время он предостерег от опасности того вульгарного, догматического взгляда на ленинское учение, который пытается найти в решениях Ленина «повсеместно применимые «рецепты» и «предписания» правильных действий»²⁰. Работа Лукача, таким образом, была обращена не только против социал-демократических, но и против вульгарных коммунистических интерпретаций ленинского наследия²¹. Некоторыми своими положениями она повлияла на течения марксистской мысли второй половины XX в., признававшиеся в СССР ревизионистскими (например, на идейные построения философов, издававших в Загребе журнал «Праксис», почетным членом редколлегии которого состоял в 1960-е годы и Лукач).

По-прежнему признавая актуальной идею социалистической революции, Лукач в работе о Ленине попытался осмыслить ее на основании конкретного опыта революции и постреволюционного развития России. Итогом его размышлений стал вывод об универсальности этого опыта, о применимости большевистской тактики в условиях Центральной Европы. Таким образом, при некоторой неортодоксальности подхода к ленинскому наследию работа Лукача о Ленине в целом была созвучна развернувшемуся в рамках Коминтерна процессу большевизации компартий. Мысль Лукача уже в то время начала двигаться в направлении все большего признания советской модели как образцовой.

В течение всей первой половины 1920-х годов литературная критика находилась на самой отдаленной периферии деятельности Лукача, его новая активизация в этом старом, привычном амплуа пришлось лишь на 1926–1928 гг. Его статьи публиковались как в немецкоязычных (германских и австрийских), так и в эмигрантских венгерских коммунистических изданиях. В 1927–1929 гг. Лукач был фактическим редактором венгерского журнала «100%», принимал активное участие в работе другого журнала — «Уй марциуш» («Новый март», в названии содержался намек на революцию 1848 г., начавшуюся 15 марта).

Руководство работой по изданию журнала «100%» осуществлялось из Вены, однако печатался и распространялся журнал в самой Венгрии, был рассчитан не на эмигрантскую, а на внутреннюю аудиторию. Не ограничиваясь политикой, журнал много выступал по проблемам культуры, публиковал художественные произведения писателей социалистической ориентации, пропагандировал советскую литературу²². К сожалению, из беллетристики, напечатанной на страницах этого издания, практически ничего не выдержало испытания временем. Большое значение имели публицистические и литературно-критические выступления Д. Лукача, Й. Реваи и ряда других авторов, в которых предпринимались попытки осмыслить сущность хортистского режима, проанализировать основные идейные течения современной Венгрии, охарактеризовать важнейшие явления литературной жизни. Что же представлял собой этот режим, какие условия обеспечивал он для развития национальной культуры? Какова была в самом общем плане политическая и культурная концепция Лукача в те годы? К чему призывал он и на что ориентировал своего венгерского читателя, противника режима? В чем совпадали и в чем расходились его взгляды с установками компартии?

История межвоенной Венгрии полна немалых парадоксов и противоречий. Считаясь согласно действующему законодательству королевством, эта страна была монархией без монарха. Попытки низвергнутых Габсбургов вновь овладеть венгерским тронem вызвали резкое противодействие соседних молодых государств, резонно связывавших с реставрацией в Венгрии прежних властителей угрозу реваншистских устремлений с их стороны. Точно также реагировали и державы-победительницы, привыкшие видеть в Габсбургах надежных союзников хотя и повергнутой, но всегда опасной для них Германии. Находившийся за границей законный претендент на престол Карл Габсбург в расчете на поддержку своих не столь уж малочисленных венгерских сторонников дважды предпринимал попытки захватить власть. И оба раза неудачно: опасавшиеся большого международного скандала правящие круги Венгрии предпочли дать отпор легитимистам, сторонникам Карла. Тогда же, в 1921 г., Национальное собрание лишило дом Габсбургов прав на венгерский престол. Немаловажную роль в принятии такого решения сыграл и тот, в чьи обязанности входило временное замещение монарха. Речь идет о регенте Миклоше Хорти, вице-адмирале, бывшем командующем военно-морским флотом Австро-Венгрии. Этот человек некогда служил флигель-адъютантом императора Франца Иосифа. Полтора года регентства не прошли, однако, даром — с познанием вкуса

власти стало притуляться чувство верноподданности. В личные планы Хорти едва ли входило уступать свои весьма широкие полномочия кому бы то ни было, даже прежним властителям. С изгнанием Карла Габсбурга с венгерской земли в борьбе за королевский трон произошла развязка, Венгрия окончательно вступила в период своей истории, названный по имени правителя хортистским²³.

С распадом в 1918 г. двуединой монархии Венгрия наконец полностью обособилась от соседней Австрии. На первый взгляд, казалось бы, сбылись мечты не одного поколения борцов против могущественного венского двора, осуществились идеалы венгерских национальных героев — Ференца Ракоци, Лайоша Кошута, Шандора Петефи. Но триумфального настроения в стране не было и не могло быть. Как одна из составных частей дуалистической монархии, не только обладавшая суверенитетом во внутренних делах, но и оказывавшая немалое влияние на внешнеполитический курс дунайской державы, Венгрия имела все основания быть причисленной к странам лагеря, проигравшего первую мировую войну. Подобное отношение к ней доминировало на Версальской мирной конференции. Державы-победительницы, определявшие послевоенные судьбы народов Центральной Европы, не были заинтересованы в существовании сильного венгерского государства, не только потенциального союзника Германии, но и вероятного претендента на гегемонию в Дунайском бассейне. Политику Антанты при формировании Версальской системы отличало стремление ослабить Венгрию за счет усиления позиций ее соседей. Территория нового венгерского государства, определенная условиями Трианонского договора 1920 г., составляла около 30% площади исторического Венгерского королевства. На ней в год Трианона проживал всего 41% населения довоенной Венгрии, при этом наряду с землями, где основную массу жителей составляли прежние национальные меньшинства (хорваты, сербы, румыны, словаки, украинцы), к соседним странам отошел и ряд территорий с преобладанием венгерского этноса (в частности в Южной Словакии). Более чем каждый четвертый представитель венгерской нации оказался вне пределов своего национального государства. Неизменно претендовавшая на ведущую роль на востоке Центральной Европы Венгрия после поражения в первой мировой войне была низведена до положения одного из малых государств, отчасти зависимых в своей внешней политике от воли не менее, а подчас и более сильных соседей (и Румыния, и Чехословакия, и Югославия превзошли Венгрию по численности населения).

Процесс адаптации венгерского национального самосознания к новой геополитической ситуации протекал крайне болезненно. Дискриминационный по отношению к Венгрии характер Трианонского договора ущемлял национальные чувства миллионов венгров, вызывал недовольство среди всех слоев венгерского общества, равно как и среди мажор в соседних странах. Тем самым создавалась питательная почва для усвоения в массах различного рода концепций ревизии Трианона. Лежавшее в основе внешней политики хортизма стремление к пересмотру границ в пользу Венгрии, возврату отобранных земель могло найти и находило поддержку в довольно широких слоях населения. На протяжении всего межвоенного периода фактор Трианона оставался одной из доминант венгерского общественного сознания, что находило самое непосредственное выражение и в художественной литературе.

Возникший на руинах Венгерской советской республики хортистский режим с крайней неприязнью относился к революциям 1918–1919 гг. Пользовавшаяся официальной поддержкой «христианско-национальная» идеология прямо противопоставляла себя марксизму, понимая последний как губительную для венгерского национального духа систему идей²⁴.

Неприятие революционного пути предопределяло негативное отношение режима ко всей многовековой традиции национально-освободительной борьбы венгерского народа. Залог благополучия венгерской нации на протяжении последних столетий ее истории виделся не в конфронтации с Габсбургами, а в союзе с ними. Это сказывалось и на концепции культурного наследия. В культуре прошлого отвергалось все, что так или иначе было связано с революционной традицией. Характерно в этой связи отношение к Ш. Петефи. Идеологи режима не могли не признавать в нем великого поэта, но принимали далеко не все в его творчестве. Революционные стихи Петефи, писал один из официозных журналов, «не только лишены вдохновения, поэту изменял и вкус, это недостойные большого поэта стихи». О каких стихах здесь идет речь? О тех, где он говорит о мировой свободе, о красных знаменах. «Эти стихи надо не только осудить, но и оградить от них нашу молодежь. Вообще следует помнить, что молодежи не пристало заниматься политикой. Ничто не требует такого опыта, мудрости, взвешенности, трезвости и дисциплины мысли, как политическая деятельность»²⁵. Великий поэт, в 26 лет отдавший жизнь в борьбе за независимость своей родины, оказывался в роли незрелого юнца, с которого не следовало брать пример современной молодежи. «Забыли дух его, хоть имя поминают», — так поэт Дюла Юхас откликнулся в 1923 г. на юбилейные торжества по случаю 100-летия со дня рождения Петефи. Не менее су-

шественной ревизии подвергалось творчество Э.Ади, которое в 1912 г. лидер консервативного лагеря Венгрии И. Тиса называл не иначе, как «расфуфыренным прикрытием духовной анархии»²⁶. В 1920-е годы величие Ади казалось уже настолько неоспоримым, что идеологи режима должны были хоть как-то интегрировать его поэзию в свою концепцию культурного наследия. Для этого им, однако, пришлось интерпретировать ее в духе национализма, затушевывая в то же время органически ей присущее бунтарское начало (Лукач, еще в работе 1910 г. «Эстетическая культура» назвавший Ади революционным поэтом без революции, позже, в статье 1930-х годов довольно аргументированно опроверг подобную трактовку²⁷).

Идеологи хортизма с большой опаской воспринимали все те пласты национальной культурной традиции, которые могли подготовить почву для распространения не только революционных, но и радикальных реформаторских идей. Характерным было, например, довольно настороженное отношение к эпохе Просвещения. По мнению некоторых представителей христианско-национальной идеологии, занесенные в Венгрию с конца XVIII в. идеи просветительства, а затем либерализма подорвали «духовное здоровье» нации, расшатали ее как целостный монолит, вынудили свернуть в 1848–1849 гг. с легитимистского пути развития на «пагубный» революционный. Соглашение 1867 г. с Австрией, напротив, означало торжество здравого смысла. Но семена противостояния с Габсбургами, заложенные в предшествовавшие десятилетия, продолжали давать новые всходы, нарушая плавное органическое развитие освященной христианством венгерской нации. Отношение хортистов к эпохе дуализма (1867–1918) не было однозначным. Отмечая некоторую преемственность своего режима системе дуализма, они в то же время подвергали критике правительства той эпохи за чрезмерный либерализм, попустительство в отношении различного рода радикалистских течений, которые, пользуясь уступчивостью властей, «прибрали к рукам» многочисленные органы прессы, другие культурные институты и начали усиленно распространять «подрывные» идеи социализма и классовой борьбы, бросившие нацию в пучину хаоса 1918–1919 гг. Вся ответственность за Трианон и связанное с ним ущемление национальных интересов возлагалась на марксизм и — шире — революционную традицию, а проводимая на протяжении всей эпохи дуализма недалековидная политика мадьяризации национальных меньшинств оказывалась в ряду второстепенных факторов²⁸.

Поражение революции 1918–1919 гг. повлекло за собой эмиграцию многих видных интеллектуалов, стоявших на левых политических

позициях. За пределами Венгрии оказались талантливые мыслители О. Яси, Д. Лукач, братья К. и М. Полани, А. Хаузер, молодой К. Манхейм, экономист Е. Варга, ряд ученых-естествоиспытателей, писатели Л. Кашшак, А. Габор, Л. Биро, А. Комьят и др., один из основоположников киноэстетики Б. Балаж, кинорежиссеры Ш. Корда (ставший впоследствии главной фигурой английского кинематографа) и М. Кертес (в Голливуде известный как М. Кертиц), один из корифеев авангарда в европейском искусстве Л. Мохой-Надь, известные революционные художники Б. Уитц, Б. Пор, Ш. Бортник и др. Следует еще вспомнить тех писателей, которые покинули Венгрию совсем молодыми вследствие первой мировой войны или после поражения революции 1919 г. и начали свой творческий путь уже в эмиграции (Й. Лендьел, Д. Хай, Ш. Барта, А. Гидаш, Б. Иллеш и др.). Некоторые из эмигрантов (например Л. Кашшак и молодой Т. Дери) смогли вернуться в 1920-е годы в хортистскую Венгрию, но большинство оставили родину надолго или навсегда.

Несмотря на отток части духовной элиты культурная жизнь межвоенной Венгрии продолжала оставаться довольно интенсивной. Во всех без исключения областях художественной культуры венгерские мастера добиваются международного признания (в первую очередь необходимо упомянуть Б. Бартока, несомненно, одного из крупнейших композиторов XX в.)²⁹.

Едва ли было бы большим преувеличением назвать 1920–1930-е гг. «золотым веком» венгерской литературы. Именно в это время переживает расцвет творческих сил поколение писателей, родившихся в конце 1870–1880-е гг., пожалуй, наиболее талантливое за всю историю национальной литературы. К этому поколению среди прочих относились такие разные по своим творческим манерам писатели, как Ж. Мориц, М. Бабиц, Д. Костолани, Д. Круди, Ф. Каринти, А. Тот, Д. Юхас. Наследие этих мастеров, ни один из которых не дожил до 1945 г., вошло в классический фонд венгерской литературы. Пьесы драматурга Ф. Мольнара шли на сценах лучших театров мира, одна из них, «Лилиом», десятилетиями не сходила с бродвейских подмостков. В 1920-е годы пришло более молодое поколение — поэт А. Йожеф, прозаики Т. Дери, Ш. Марай, участники движения «народных писателей», в том числе мастер психологического романа Л. Немет, поэт и прозаик Д. Ийеш, прозаик А. Тамаш.

Оторванный от литературной жизни Венгрии, Лукач мог наблюдать за тем, что происходило в ней, только из эмигрантского далека. Не только это обстоятельство, но и присущее его взглядам некоторое доктринерство, склонность к схематизации, предвзятость исходных посылок, а также стремление по возможности не уклоняться от общей

партийной линии предопределили довольно упрощенный, односторонне негативный его подход не только к отдельным крупным венгерским писателям первой трети XX в., но и к литературному процессу в целом. В его концепции конца 1920-х – начала 1930-х годов абсолютизировалось влияние на венгерскую литературу одного, пускай чрезвычайно важного для судеб страны, политического события – соглашения 1867 года между Венгрией и домом Габсбургов, заложившего основы дуалистической системы и давшего господствующим слоям Венгрии возможность управлять половиной монархии, полученную ценой отказа добиваться полной независимости. Весь литературный процесс начиная с последней трети XIX в. рассматривался Лукачем под знаком компромисса с Габсбургами, одновременно означавшего отступление от революционных идеалов 1848 г. «В венгерской литературе после 1867 г. нет классиков, у которых можно учиться пролетарскому писателю», – столь категоричное его утверждение прозвучало в 1931 г. со страниц издававшегося в Москве журнала венгерской революционной эмиграции «Шарло эш Калапач» («Серп и Молот»)³⁰. Исключение делалось лишь для Э. Ади, восторженное отношение к творчеству которого оставалось для Лукача неизменным на протяжении всей жизни. В то же время такие крупные писатели, как М. Бабич, Д. Костолани, выдающийся мастер критического реализма Ж. Мориц удостоились с его стороны весьма прохладных отзывов³¹. Позже, в конце 1930-х – 1940-е годы, занявшись более углубленно изучением венгерской литературы новейшего времени, Лукач несколько скорректировал свое отношение к Морицу и Бабичу, высоко оценил творчество А. Йожефа, Д. Ййеша, Т. Дери, отметил большую идейно-эстетическую роль движения «народных писателей» 1930-х годов. Однако взгляд на литературный процесс Венгрии конца XIX – начала XX в. как на плод компромисса с Габсбургами продолжал сохраняться в основе его концепции, что в полной мере соответствовало сложившейся в 1930-е годы теории «большого реализма», придававшей решающее (с позиции сегодняшнего дня гипертрофированное) значение в развитии литературы эпохальным политическим событиям, определявшим на многие последующие десятилетия магистральную линию всемирно-исторического процесса, таким, как Великая Французская революция, европейские революции 1848 г., русская революция 1917 г. и т. д.

Большое место в публицистике Лукача конца 1920-х годов занял анализ господствовавших в хортистской Венгрии идейных течений и, не в последнюю очередь, неонационализма К. Клебельсберга, лежавшего в основе культурной политики режима (см. в прим. 28). Делая

акцент на единстве всемирно-исторического процесса и широко обращаясь к историческому опыту Венгрии (к национально-освободительной борьбе 1703–1711 гг. под руководством Ф. Ракоци, к движению за реформы 1820–1840-х годов и особенно к революции 1848–1849 гг.), философ подчеркивал тесную взаимосвязь прогрессивных для своего времени венгерских политических, идейных, культурных течений с общевропейским прогрессом. Содержание современной эпохи составляла, согласно марксистским представлениям Лукача, борьба за социализм во всемирном масштабе. Любое стремление отгородиться от этого объективного процесса, ссылаясь на какой-то особый путь Венгрии, ее национальную исключительность и т. д., обречено, считал он, в конечном итоге на неудачу. Программа Клебельсберга по превращению Венгрии в мощный культурный бастион на востоке Центральной Европы, строившаяся на последовательно консервативном идейном фундаменте, была воспринята Лукачем весьма скептически. Ее последующий крах вследствие глубокого экономического кризиса 1929–1933 гг. подтвердил несостоятельность этой регрессивной по своей сути культурной концепции, критика которой с коммунистических и с леволиберальных позиций по многим пунктам совпадала³².

Публицистика второй половины 1920-х годов, явившаяся довольно второстепенным эпизодом в творческой биографии Лукача, интересна прежде всего тем, что позволяет реконструировать процесс его духовного развития от революционного месианизма начала 1920-х годов к более ортодоксальной и в то же время более реалистической в политическом плане марксистской парадигме. Некоторые статьи 1927–1929 гг. вышли без подписи Лукача, их авторство венгерский исследователь М. Лацко установил на основе анализа стиля и идейной концепции³³.

Домарксистский период творчества Лукача завершился в 1918 г. публикацией сборника эссе о драматургии и поэзии Б. Балажа, его соратника по «Воскресному обществу»³⁴. Бела Балаж (1884–1949), после выхода в свет в 1924 г. в Вене книги «Видимый человек» получивший мировую известность как теоретик кино, был личностью разностороннего дарования. Он занимался философской эссеистикой («Эстетика смерти», 1907), в течение всей жизни писал прозу и стихи, но особенно много выступал как драматург, а с 1920-х годов как кинодраматург. Его перу среди прочего принадлежали либретто наиболее известной оперы Б. Бартока «Замок герцога Синяя Борода» и не менее знаменитых его балетов «Деревянный принц» и «Чудесный мандарин». Не относясь к числу мастеров первого ряда в венгерской литературе своего времени, Балаж тем не менее оставил в ней заметный след своими оригиналь-

ными сказками и легендами, в которых мистический символизм сосуществовал с неоромантическими тенденциями. Лукач в ряде эссе о Балаже попытался (по мнению большинства рецензентов сборника, довольно неубедительно³⁵) спроецировать на беллетристику своего товарища собственные идеальные представления о литературе в традициях Достоевского — в которой общение «обнаженных душ» разрушает любые социальные перегородки. Вскоре после публикации в 1918 г. этого сборника эссе, вызвавшего в литературной жизни Венгрии неоднозначную и скорее негативную, чем позитивную реакцию, Лукача захватил водоворот эпохальных политических событий. На целое десятилетие литературная критика отошла в его деятельности на самую отдаленную периферию. Однако проделанная за эти десять лет громадная философская, мировоззренческая эволюция Лукача не могла не изменить кардинальным образом всю систему его представлений о литературе, равно как и методе ее интерпретации в критике и эссеистике. Новое обращение Лукача к литературно-критическим жанрам должно было неминуемо обнаружить пропасть между его домарксистской и марксистской критикой — очень большую при сопоставлении с его статьями 1930-х годов философских эссе типа «Душа и формы», «Метафизика трагедии» и несколько меньшую (хотя тоже довольно значительную) при сравнении с ними «Истории развития современной драмы» и отчасти «Теории романа» — работ, обозначивших интерес раннего Лукача к историко-социологическим проблемам литературы и в этом смысле предвосхитивших его позднее, марксистское литературоведение.

Драма, писал Лукач в 1913 г., — игра людей и судьбы, а Бог в ней «не более, чем зритель, и никогда ни слово Его, ни жест не вмешиваются в слова или жесты играющих. Лишь его взоры покоятся на них». При этом драма никогда не отражает разноголосицы жизни — «вечной анархии полутеней», в которой ничто «никогда не вызревает и ничто не обретает своего конца». Даже у Шекспира она «скрадывает обилие и богатство жизни и своим грубым, постоянно колеблющимся между смертью и жизнью действием уничтожает наитончайшие движения души». Драма создает вокруг действующих лиц безвоздушное пространство: «так тихое незаметное течение их взаимных отношений друг к другу, которое (только лишь) одно делает действительную жизнь подлинно живой, застывает в этих резко проведенных линиях драмы». Истинная сущность драмы раскрывается отнюдь не в компромиссе между жизнью во всем многообразии ее внешних проявлений и драматической формой, но совсем в другом.

Подлинная жизнь, находящая воплощение в драме, далека от повседневности, продолжал Лукач. Она как молния, вспыхивающая над банальными человеческими путями, она – великое мгновение, чудо, которое не может долго длиться, которое нельзя вынести, ибо человеку не дано жить на пределе своих возможностей. Чудо, врываясь в жизнь, все безжалостно воплощает «в ясную и односмысленную формулу». Сущность этих великих мгновений заключается в чистом переживании своего Я, своей самости. «Чудо всегда исполнение. Оно вырывает у души все ее обманчивые покровы... очерченная резким и безжалостным контуром душа стоит перед ликом чуда в своей обнаженной сущности».

И перед Богом действительно только чудо. «Его взор уничтожает во всяком явлении все временное и все пространственное». Поэтому всякая подлинная трагедия – мистерия; «раскрытие Бога перед Богом – вот ее подлинный смысл... Бог природы и судьбы вызывает здесь замолкшие в жизни звуки того Бога, который спит в человеке. Имманентный Бог пробуждает к жизни Бога трансцедентного». Боги «своими руками... произвольно вторгаются в загадочно-ясное сплетение нитей рока и спутывают все в какую-то слишком уж ясную, даже бессмысленную плановость. Они вступают на сцену, их появление унижает человека до марионетки, судьбу до Провидения». Даже сойдя со сцены, Бог остается зрителем – такова, по Лукачу, «историческая возможность трагических эпох. Еще никогда природа и судьба не были столь бездушны и немы, как ныне, еще никогда души людей не вступали на свой забытый путь столь одинокими, как в наши дни, – все это признак того, что мы имеем право ждать трагедии».

Вопрос о возможности трагедии – вопрос о бытии и сущности человека. Бытие в подлинной трагедии «не знает ни времени, ни пространства», и души людей «вознесены над всякой психологией». Трагедия имеет лишь одно измерение – высоты. У наших душ и наших судеб «отнято все, кроме их последней сущности; все жизненные отношения уничтожены во имя единого образа судьбы», вся атмосфера этих отношений, временных и преходящих, исчезла, уступив место «резкому горному воздуху последних вопросов и последних ответов». Драма и трагедия в их предельной сути лишают своих героев всякого жизненного бытия. Их жизнь – только бледная аллегория их же собственных платоновских идей. Развитие трагедии, напротив, – постоянно нарастающее откровение их единственно подлинного бытия³⁶.

Приведенные отрывки из эссе Лукача «Метафизика трагедии» (1913) представляют сегодня не столько историко-литературный, сколько

историко-философский интерес. Наряду с очевидным влиянием неоплатонизма и «философии жизни» А. Бергсона (кстати, в венгерской литературе начала века нашедшей своеобразное преломление также в лирике Э. Ади) в этом эссе довольно отчетливо проступают экзистенциалистские мотивы — внимание к «пограничным» ситуациям, поиски в индивидуальном переживании предельного человеческого «Я». Такое обилие цитат не кажется излишним постольку, поскольку позволяет в более полной мере раскрыть внутренний мир молодого Лукача, направления его духовных исканий. Приведенный нами не совсем совершенный перевод журнала «Логос», в котором «Метафизика трагедии» предстала перед русской публикой, лишь усиливал в восприятии читателей некоторую чуть ли не нарочитую туманность философских построений Лукача. Если же сопоставить вышеприведенный образец ранней философской эссеистики Лукача с его работой 1928 г., также в значительной степени посвященной проблемам драмы, бросится в глаза столь огромная разница, что оба текста трудно себе представить принадлежащими перу одного автора.

В статье Георга Лукача «Пути творчества Герхардта Гауптмана», опубликованной в четвертом номере московского журнала «Вестник иностранной литературы» за 1928 г., речь идет не только об одном из крупнейших современных писателей Германии, но и об одном из основоположников пролетарской тематики в новейшей немецкоязычной литературе (пьеса «Ткачи» увидела свет еще в 1892 г.). Надо сказать, что творчество Гауптмана неоднократно привлекало внимание Лукача и в юности — в театральных рецензиях, в «Истории развития современной драмы».

Свою статью Лукач начал полемикой с той распространенной в левой немецкой критике трактовкой творчества Гауптмана, которая проводила резкое разграничение между его «революционной юностью» и позднейшим «отщепенством». Лукач же настаивал на том, что Гауптман, с одной стороны, никогда не был истинно революционным писателем, а с другой стороны, ряд моментов в его мировоззрении и творчестве, казавшихся революционными в 1890-е годы, встречается и в более поздних произведениях писателя. Суть мировоззрения Гауптмана, писал Лукач, — его полнейшая растерянность и беспомощность во всех решающих жизненных вопросах. Отношения его героев к обществу и между собой обнаруживают их полную несостоятельность в борьбе с враждебными силами внешнего мира (равно как и с собственными страстями), их пассивное подчинение судьбе. Сам автор заранее убеж-

ден в безвыходности положения своих героев. Будучи не в силах постичь логику событий и вознестись над ней хотя бы мыслью, «он опускает руки перед судьбой с такой же смутной и тупой покорностью, как и его герои». «Беспомощной слепоте рядовых людей, вступающих в поединок с судьбой», Гауптман противопоставляет смирение как признак истинной зрелости и мудрости. Правда, душа автора и его героев горит тоской по настоящей, полнокровной жизни, сообразной с человеческим достоинством. Правда, эта тоска иной раз побуждает к возмущению. Однако здравый смысл подсказывает, что все эти мечты тщетны.

С чувством фатализма, продолжает Лукач, тесно связана и другая сторона творчества Гауптмана — его сострадание к слабому. Потерянность его героев в жестоком мире и их смутное, очень смутное представление о необходимой сплоченности, тщетное возмущение несправедливостью — «все это воспроизводит он с искренним чувством, а в отдельных случаях и с большой творческой мощью. Ибо его собственный фатализм делает его почти ясновидящим и чрезвычайно восприимчивым к тончайшим, сокровеннейшим душевным проявлениям страждущего человечества». Эти особенности творчества Гауптмана и породили его социальную драматургию. Убожество и нищета угнетенных, изображенные им, в частности, в пьесе «Ткачи», способны захватить и взволновать читателя. Однако в силу своей идейной позиции автор, по мнению критика, не в состоянии «осветить мрак», найти выход из тупика. В дальнейших рассуждениях Лукача проступают следы революционного мессианства статей 1919 г., а также «Истории и классового сознания» 1923 г. Сама революция воспринимается им сквозь призму гегельянства: как некая мистическая, чуть ли не одушевленная сила, восходящая в своем развитии со ступени на ступень. С другой стороны, он отдает дань вульгарно-социологическим построениям, распространившимся в 1920-е годы не только в советской, но в некоторой мере также в западной (в первую очередь, в «коминтерновской») марксистской эстетике. В результате критик приходит к следующему выводу: Гауптман, будучи носителем мелкобуржуазного сознания, «стилизует» (в терминологии Лукача) пролетарское революционное сознание в духе собственной ментальности и тем самым низводит революцию на ступень ниже той, которой она реально достигла в пролетарском движении. Честно стремясь в рамках своего миропонимания найти пути разрешения мучающих его жизненных дилемм, искренний и несомненно талантливый художник Гауптман не способен возвыситься над представлениями своего класса. Все его творчество — отражение беспомощ-

ности немецкого мелкого буржуа, равно страшщегося и наступления империалистических монополий, и пролетарской революции»³⁷.

Аудитория дореволюционного философского журнала «Логос» лишь в очень незначительной степени могла пересечься с аудиторией журнала, который, будучи основанным во второй половине 1920-х годов как «Вестник иностранной литературы», затем издавался под названиями «Литература мировой революции» и «Интернациональная литература». Как бы там ни было, читателю, знакомому с творчеством Георга Лукача по публикациям 15-летней давности, теперь под тем же именем предстал совершенно иной литератор — не эссеист, витающий в эмпириях духа, а критик, склонный именно к «заземленному» социально-историческому анализу художественных произведений, причем чувствующий себя в этой роли весьма уверенно (сказались, несомненно, уроки общения с Максом Вебером, а также собственные навыки, приобретенные еще в молодости в процессе работы над «Историей развития европейской драмы», где выявлению социальных корней литературных феноменов уделялось главное место, при том, что неокантианская методология имела мало общего с более поздним марксизмом Лукача)³⁸. Следует заметить вместе с тем, что статья 1928 г. о Гауптмане отразила переходный этап в деятельности Лукача-критика. Вульгарно-социологические моменты (т. е. установление непосредственной зависимости литературного творчества от классовой принадлежности писателя) если и не были впоследствии совсем изжиты Лукачем, то отошли в теории «большого реализма» на дальний план, уступив место ярко выраженному гносеологическому подходу к литературе, о чем речь пойдет ниже. В статье о Гауптмане еще мало что заставляет предугадать дальнейшую эволюцию Лукача к той концепции 1930-х годов, которая и принесла ему славу крупнейшего литературного критика-марксиста своего времени.

В те месяцы, когда статья о Г. Гауптмане, будучи опубликованной в советском журнале, стала фактом, пускай не слишком значительным, литературной жизни СССР, ее автор подвергал себя нешуточной опасности на конспиративной революционной работе, которая на протяжении всего венского периода в жизни Лукача парадоксально сочеталась с его деятельностью литератора, публициста, философа. С февраля по май 1929 г. Лукач нелегально находился в Будапеште, выполняя важные функции, связанные с руководством подпольным коммунистическим движением. По иронии судьбы и явному недосмотру товарищей по партии конспиративная квартира находилась в двух шагах от редакции «Нюгата», где его, конечно, не могли не помнить. Так что заезжему

коминтерновскому деятелю пришлось прилагать дополнительные усилия для того, чтобы не раскрыть свое инкогнито в родном городе³⁹. Как видим, предреволюционное прошлое, которое Лукач стремился вычеркнуть из своей биографии с маниакальностью неофита, неумолимо вторгалось в его жизнь.

Еще за несколько месяцев до приезда в Будапешт, в сентябре 1928 г., ЦК КПВ поручил Д. Лукачу разработать программу действий партии с учетом политической ситуации в Венгрии. Такая программа была представлена им в 1929 г. на суд партийного руководства, получив условное наименование «тезисов Блюма» (такова была в то время партийная кличка Лукача). Непосредственной целью, стоящей перед венгерским коммунистическим движением, тезисы провозглашали установление демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, в которой выделось некое переходное состояние на пути к диктатуре пролетариата. Эта программа, осуществление которой было немыслимо без союза коммунистов с демократическими силами в борьбе против авторитарного хортистского режима, в некоторой мере ориентировала венгерское коммунистическое движение на преодоление наиболее одиозных сектантских крайностей его прежней политической практики. В это время, однако, в Коминтерне набирала силу кампания борьбы с «правой опасностью», что и предопределило судьбу документа. В силу своего несозвучия генеральной линии ИККИ, остававшейся весьма сектантской, «тезисы Блюма», поначалу в целом поддержанные руководством КПВ, были затем (очевидно, не без подачи влиятельного Б. Куна) отвергнуты под давлением московского «штаба мировой революции». Как отмечалось в относящемся к октябрю 1929 г. Открытом письме Президиума Исполкома Коминтерна к членам венгерской компартии, тов. Блюм «видит основные задачи партии не в борьбе против демократических иллюзий, а в борьбе против «нигилизма» в отношении буржуазной демократии. Предлагая, чтобы КП превозносила перед рабочими буржуазную демократию как «лучшую почву борьбы», он становится на точку зрения социал-демократии». Эти взгляды, говорилось далее, «не имеют ничего общего с большевизмом... Всякая иллюзия относительно возможности демократизации венгерского фашизма, сквозящая в формулировке тезисов Блюма... должна рассматриваться как оппортунистическое искажение» основной линии партии. А потому «при проведении подлинно большевистской самокритики партия должна концентрировать свой главный огонь на антиленинских тезисах т. Блюма, который подменил ленинскую теорию пролетарской революции полусоциал-демократической ликвидаторской

теорией. Блюмовское понимание венгерской революции является центром правой опасности в партии»⁴⁰.

Программа действий партии, утвержденная на II съезде КПВ (1930 г.), проходившем в подмосковной Апрелевке, вопреки взглядам Лукача исходила из того, что в стране, где однажды уже была установлена диктатура пролетариата, на повестке дня может стоять лишь задача ее повторного осуществления и в каких-либо промежуточных, переходных формах власти нет необходимости (при том, что социалистическая революция будет попутно решать и задачи общедемократического характера). Впоследствии, в своем выступлении в ходе дискуссии о «тезисах Блюма», организованной Институтом истории партии при Центральном Руководстве Венгерской партии трудящихся (ВПТ) в июне 1956 г., а также в интервью 1970 г., Лукач отметил нацеленность этих тезисов на поиски в рамках коммунистической идеологии более реалистической программы действий КПВ в конкретно-исторической ситуации конца 1920-х годов. Он подчеркивал также их роль в собственной духовной эволюции от ультралевого утопического мессианизма начала 1920-х годов к большому политическому реализму. Вместе с тем философ решительно возражал против преувеличения их значения как документа, якобы предвосхитившего идеи VII Конгресса Коминтерна (1935 г.) об антифашистском народном фронте, поскольку задача борьбы с фашизмом как с главной опасностью не была им еще в конце 1920-х годов осознана и не нашла в этих тезисах отражения⁴¹. Дилемму «демократия или фашизм» Лукач вообще принципиально отрицал, ибо в дискредитированной «буржуазной» демократии ему виделось общественное состояние, непосредственно порождающее фашизм. При том, что «тезисы Блюма» во многих случаях давали более глубокий анализ экономической и политической ситуации, соотношения классовых сил, внешней политики Венгрии, чем подавляющее большинство партийных документов того времени, они даже в случае своего принятия никак не могли, таким образом, ознаменовать собой коренного поворота в венгерском коммунистическом движении. Кстати сказать, в своих «тезисах Блюма» Лукач довольно грубо, вполне в духе коминтерновских установок, обошелся с социал-демократами, главными конкурентами коммунистов в борьбе за рабочий класс. С другой стороны, в «тезисах Блюма» едва ли не впервые были обрисованы контуры идеи «непосредственной демократии» как альтернативы современному капитализму, получившей развитие в послевоенных работах Лукача. Важно заметить, что оппоненты Лукача слева впоследствии то и дело обращались к «тезисам Блюма», пытаясь найти в них корни более поздних, «правоуклонистских»

ошибок философа (так произошло, например, в ходе массивной критической кампании, развязанной против Лукача в 1949–1950 гг.).

Вследствие даже не критики, а острых политических обвинений Д. Лукач как «правый уклонист» не был переизбран в ЦК КПВ. В этой ситуации он предпочел не оставаться в рядах венгерской партии. В июне 1930 г., временно обосновавшись в СССР, философ перешел в ВКП(б), а через год в компартию Германии⁴². Почти 10 лет он дистанцировался от венгерского коммунистического движения. Лишь в конце 1930-х годов, будучи членом КПГ, Лукач вновь наладил с КПВ тесные связи, став членом редколлегии и постоянным автором журнала венгерской коммунистической эмиграции в Москве «Уй ханг» («Новый голос»). Свое членство в венгерской компартии он заново оформил в апреле 1941 г.

Обострение в конце 1920-х годов революционной борьбы в Австрии вынудило венское правительство занять более жесткую позицию в отношении коммунистов — как доморожденных, так и «привозных». Несколько недель 1928 г. Лукач провел в заключении. Против его возможной передачи хортистским властям вновь поднимают голос видные немецкие интеллектуалы, в том числе Т. Манн⁴³. Приехав в декабре 1929 г. в СССР, Лукач около полутора лет работал в Институте Маркса-Энгельса, преобразованного в 1931 г. в Институт Маркса-Энгельса-Ленина. Там он занимался изучением философского и эстетического наследия молодого и зрелого Маркса, участвовал в подготовке к публикации «Экономическо-философских рукописей 1844 г.» Маркса и «Философских тетрадей» Ленина. Как раз в это время развернулась сопровождавшаяся кадровой чисткой института шумная кампания травли его директора, академика Д. Б. Рязанова, не только бывшего меньшевика, не сумевшего скрыть от партии своих контактов с социал-демократической эмиграцией, но прежде всего человека, отстаивавшего независимые взгляды в интерпретации учения Маркса⁴⁴. Как явствует из архивных документов, идеологические органы ВКП(б) с немалым подозрением относились к философу гейдельбергской закваски, авторитетному в среде буржуазной интеллигенции. «Венгерские товарищи того мнения, что он честный и преданный работник, но по философским воззрениям не марксист»; «Политическая позиция несомненно с правыми моментами. Нет ярко выраженных [так в тексте. — А. С.], но правая окраска чувствуется. Как философ он известен как уклонист»; «Безусловно один из образованных людей. Не марксист, идеалист», — таковы характерные отзывы того времени, исходившие от различных партийных инстанций⁴⁵. Как следует из последнего замечания, Лукача

ценили в институте прежде всего как знатока европейской философии, и в первую очередь текстов Гегеля и Маркса.

Работая в ИМЭ, Лукач познакомился с 25-летним Михаилом Лифшицем, впоследствии едва ли не самой противоречивой фигурой отечественного марксизма 1930–1970-х годов. В течение всего советского периода деятельности венгерского философа именно Лифшиц был его ближайшим интеллектуальным партнером. На протяжении всей своей долгой жизни М. А. Лифшицу (1905–1983) приходилось выдерживать нападки с диаметрально противоположных позиций. Объявленный в 1949 г. «безродным космополитом», резко раскритикованный в 1954 г. за статью в «Новом мире» «Дневник Мариэтты Шагинян» с ее «антилакировочным» пафосом, неоднократно лишавшийся права преподавания философии в московских вузах, исключавшийся из партии, Лифшиц в 1970-е годы предстал уже в ином качестве. Резкой критикой авангарда, воинствующей непримиримостью к декадансу, иррационализму, мифотворчеству, а еще более бескомпромиссностью в спорах и язвительно-poleмическим, а иной раз даже оскорбительным тоном статей он в это время уже отпугивал советскую «либеральную» интеллигенцию, нередко видевшую в нем столпа официальной ортодоксии, если не откровенного мракобеса. Однако и в эти годы он оставался для блюстителей идеологической чистоты со Старой площади довольно неудобной персоной. Достаточно сказать, что он был одним из очень немногих советских философов, признанных в еврокоммунистических кругах, воспринимавших его как аутентичного продолжателя марксистской традиции (надо заметить при этом, что Лифшиц не скупился на интервью газетам типа «Униты»). Посмертно опубликованные работы Лифшица раскрывают его как тонкого исследователя классической литературы⁴⁶. Со времени дискуссии 1939–1940 гг. вокруг журнала «Литературный критик» за Лифшицем усилиями многочисленных недоброжелателей закрепилось прозвище эпигона Лукача. Однако последний в беседах с учениками неизменно подчеркивал их интеллектуальное равноправие. Лукач ставил в заслугу Лифшицу ни много ни мало реконструкцию всей системы эстетических взглядов Маркса и Энгельса, считал его работы в этой области классическими⁴⁷. 26 июня 1939 г., на подаренном Лифшицу экземпляре своей только что вышедшей книги «К истории реализма», в работе над которой тот принимал участие в качестве переводчика и редактора, Лукач написал: «Прошло уже десять лет со времени нашей первой встречи, которая не совсем случайно совпадает с началом моей новой творческой деятельности. По поводу всего, что при этом возникает, у меня такое же чувство, какое было у одного

из современников Шекспира, писавшего ему: «Я хотел бы, чтобы все написанное мною читалось в Вашем свете...» Прошу Вас, примите доброжелательно и это создание, при возникновении которого Вы также не остались безучастным»⁴⁸.

К этому следует добавить, что кабинет философии истории ИМЭ, куда Лукач попал на работу после приезда в Москву, в 1930 г. воспринимался в некоторых ортодоксальных кругах как рассадник вольнодумства. Выпускник Института красной профессуры будущий академик П. Юдин, получивший после разгрома «рязановщины» один из руководящих постов в ИМЭЛе, писал новому директору этого института В. Адоратскому: «Т.н. кабинет философии истории занимается тем, что Лукач работает лично над проблемой: экономические и политические взгляды Гегеля; Лифшиц над странной темой: Бруно Бауэр как ранний пророк империализма (в общем что-то в этом роде). В задачу этого кабинета входила работа над историческим материализмом. Но об истмате они и не думали. Там всего есть несколько случайных книжек по истмату... Ни одна из проблем марксизма не разрабатывалась, не говоря уже об изучении ленинизма. Ни в одном из перечисленных кабинетов нет ни единой книжки Ленина и о Ленине. .

В философском кабинете есть отдел по современной философии. Собраны все идеалисты-мракобесы (Шпенглер, Гуссерль, Шпет и т.д.), но к числу современных философов руководителями кабинета Ленин не причислялся... Вся работа СОЗНАТЕЛЬНО строилась с таким расчетом, чтобы не увязывать ее с современными задачами строительства социализма. Вся работа СОЗНАТЕЛЬНО (подбор работников, подбор литературы, планы и т.д.) строилась так, чтобы удовлетворить личные научные (и политические) интересы нескольких жрецов науки (Рязанов, Деборин и др.), к этим интересам приспосабливались темпы работы, ее содержание и все остальное. Вся работа СОЗНАТЕЛЬНО строилась так, чтобы Ленин и ленинизм не находили даже самого ничтожного внимания»⁴⁹.

В 1931 г. активизировалась реорганизация кабинета, которую Лукач застал лишь в самом начале, уехав затем в Берлин. Центр тяжести в изучении был перенесен как раз на «ленинский этап» в развитии марксистской философии, в организационном же плане перестройка предполагала установление более тесной связи подразделений ИМЭЛа с курировавшими их партийно-идеологическими, а также коминтерновскими структурами.

Впрочем, волна проверок и чисток успела его коснуться. 20 ноября 1930 г. на общем собрании партгячейки Института венгерскому философу

пришлось давать объяснения в связи с совсем не забытой книгой «История и классовое сознание», в свое время вызвавшей столько шума в европейском коммунистическом движении. «В настоящее время ни моя книга, ни мой ответ критикам (речь идет о неопубликованном в то время ответе А. Деборину «Хвостизм и диалектика»⁵⁰ – А. С.) не вполне отвечают моим теперешним взглядам. Я все же отклоняю критику тов. Деборина, так как в ней много передержек (например, он утверждает, будто я отрицаю объективную диалектику в природе, что не соответствует действительности), но в некоторых основных вопросах я занимаю теперь совершенно другую позицию, а в других значительно измененную. В настоящее время я ощущаю необходимость изучить развитие философии в Советском Союзе, особенно все труды Ленина, для того, чтобы вновь подвергнуть проработке все эти вопросы. Ради этого я воспользовался возможностью остаться в Советском Союзе», – говорил философ⁵¹.

Подобного рода публичные заверения, содержавшие в себе немалый элемент самокритики, не могли в полной мере стать «охранной грамотой» для Лукача, которому, как и другим «уклонистам» разных лет, пришлось в обстановке сталинской «культурной революции» 1929–1932 гг. принять на себя целую обойму критических залпов. В конце января 1931 г. «Правда», подводя итоги борьбы с «меньшевиствующим идеализмом», осудила А. Деборина за то, что, критикуя в свою время Лукача, он пытался закамouflировать свои собственные идеалистические взгляды. Лукач же в этой публикации был однозначно охарактеризован как идеалист-гегельянец⁵². Об «идеалистической ревизии» марксизма Лукачем писал весной 1931 г. и будущий академик М. Митин в журнале «Под знаменем марксизма»⁵³.

Очевидно, что оказавшись в СССР в самый разгар идеологических чисток, Лукач встал перед необходимостью адаптации к новым условиям. Альтернативы у него не было. Ряд литературно-критических статей, опубликованных им в самом начале 1930-х годов на страницах московского немецкоязычного издания «Москауэр Рундшау», были написаны по «рапповским» канонам, содержали упрощенческие трактовки литературного процесса в СССР, с которым Лукач, тогда еще совсем плохо знавший русский язык, не имел возможности познакомиться сколько-нибудь глубоко⁵⁴. Но и «рапповская» идеология при организационной перестройке литературной жизни в СССР подлежала искоренению, поскольку препятствовала единению писателей на платформе признания существовавших в стране порядков. По мере укрепления сталинского режима уже с начала 1930-х годов стали обозначаться пер-

вые, пока еще не слишком явные симптомы происходящего поворота к державным ценностям (достаточно сказать о разгроме школы М. Н. Покровского в советской исторической науке). На фоне этой тенденции, набравшей силу лишь ко второй половине 1930-х годов, революционный мессианизм «Истории и классового сознания» выглядел все более нежелательным и даже опасным анахронизмом. Эта адаптация была лишь в некоторой, далеко не в полной мере подготовлена духовной эволюцией философа во второй половине 1920-х годов, проходившей под знаком несомненного стремления к преодолению разногласий с советской ортодоксией (иной путь вел к ренегатству и был неприемлем для Лукача по внутренним, этическим мотивам). Процесс этот, опять-таки лишь в некоторой степени, отразили его выступления в венгерской эмигрантской периодике конца 1920-х годов⁵⁵.

Обстоятельства, однако, сложились так, что пребывание Лукача в Москве оказалось недолгим. Весной 1931 г. философу предложили выехать в Германию для проведения партийно-пропагандистской работы в среде творческой интеллигенции. Лукач охотно согласился с новым поручением, поскольку оно давало ему возможность в самый разгар идеологических чисток не мозолить глаза своим критикам⁵⁶.

Едва ли можно говорить о том, что венгерский философ, известный в кругах немецких интеллектуалов, получил в Москве какие-то особые полномочия как проводник коминтерновской линии в литературной жизни веймарской Германии. Какой-либо целостной концепции литературной политики у КПГ в то время не было, на взаимоотношениях тяготевших к ней писателей сказывались не только принципиальные расхождения в эстетических принципах, но и сугубо политические, фракционные разногласия. Однако общая установка была достаточно ясна. В условиях, когда Гитлер рвался к власти, на повестку дня все более отчетливо выходила задача борьбы за умы. В проекте Политкомиссии ИККИ «Ближайшие задачи и перестройка работы Международной организации революционных писателей», относящемся к июлю 1932 г., отмечалось, что «наступающая быстрыми темпами фашизация Германии требует от МОРП и Германской ассоциации (речь идет о Союзе пролетарско-революционных писателей Германии, находившемся в тесных контактах с МОРП — А. С.) сугубо острого внимания по отношению к левобуржуазной и мелкобуржуазной писательской интеллигенции. Необходимо всемерно усилить воспитательную работу среди мелкобуржуазных революционно настроенных писателей и решительно бороться за их завоевание. Необходимо самым решительным образом покончить с пренебрежительной недооценкой фашистской художест-

венной литературы и развернуть борьбу с этой литературой путем создания собственной массовой пролетарской и революционной литературы. Борясь решительно с возможными рецидивами сектантства, ассоциация должна одновременно охватить полностью наличные кадры рабочих писателей и вовлечь их в свою повседневную работу»⁵⁷. Решение этой задачи в значительной мере пало на Лукача, ставшего одним из руководителей союза пролетарско-революционных писателей Германии, возглавлявшего коммунистическую фракцию общегерманского писательского союза, много выступавшего с лекциями и публиковавшегося в коммунистической прессе, прежде всего на страницах журнала «Линкскурве». Его активная деятельность в качестве литературного критика, в том числе дискуссии с Б. Брехтом и его единомышленниками о сущности и назначении революционной драмы, с Э. Оттвальтом о творческом методе социалистической литературы, соотношении в ней репортажного и образного начал, с О. Готше о роли сознательности в художественном творчестве заняли заметное место в литературной жизни веймарской Германии в самый канун прихода фашистов к власти. Анализ этих дискуссий заслуживает самостоятельного исследования в контексте литературного процесса веймарской Германии, что выходит за рамки настоящего исследования. Тем более, что совсем короткий берлинский период в жизни Лукача (лето 1931 – весна 1933 г.) – один из наиболее изученных в мировой литературе, в первую очередь, конечно, немецкоязычной⁵⁸. Важно отметить лишь общую направленность лукачевской критики на повышение художественного уровня немецкой пролетарской литературы, профессионального мастерства ее представителей за счет освоения опыта классики. Публикации на страницах «Линкскурве», в которых Лукач в противовес приверженцам авангарда и экспрессионизма отстаивал значение классической традиции для творческой практики пролетарской литературы, в известной мере стали отправной точкой его теории «большого реализма», получившей развитие уже в работах, написанных в Москве по возвращении из Германии, откуда философ выехал под угрозой ареста весной 1933 г., продолжая, однако, вместе с другими немецкими коммунистами-эмигрантами сохранять свое формальное членство в КПГ.

ГЛАВА 4

ДЬЕРДЬ ЛУКАЧ В СССР (1933–1945)

Приехав весной 1933 г. в Советский Союз, Лукач стал научным сотрудником Института литературы, искусства и языка Коммунистической Академии, во главе которого стоял полуопальный А. В. Луначарский. Через считанные недели после прибытия философа в Москву, 11 апреля, на расширенном заседании директората института речь зашла об издании сборника «Теория литературы и классовая борьба», в который предполагалось включить некоторые литературно-критические статьи Лукача, опубликованные в предыдущие годы в немецкоязычных коммунистических газетах и журналах. Инициатором публикации выступил М. Лифшиц. Зафиксированное протоколом очень туманное выступление Луначарского при подведении итогов обсуждения как нельзя лучше передавало весьма настороженное отношение к Лукачу партийно-идеологической номенклатуры, включая ту ее часть, которая в результате сталинской «культурной революции» 1929–1933 гг. была оттеснена на вторые роли. «Я хотел бы только, чтобы было ясно оговорено, что хотя т. Лукач человек в высшей степени нами уважаемый и книжка, которую он дает, несомненно хорошая книжка, но все-таки если окажутся недоразумения, мы можем эти недоразумения исправить, потому что все-таки у т. Лукача в свое время известные философские маленькие загибы были. Поэтому нам просто переключать на себя всякие прегрешения т. Лукача не стоит. Мы хотим его взять с его прекрасным приданным, но без частей этого приданого, которые могут принести нам неприятности. Нужно оговориться, хотя мы не даем никакого редактора для этого, мы слишком хорошо знаем т. Лукача, но по нынешним временам нужна осторожность»¹. По-видимому, из-за перестраховочных сообщений коллег по институту и издательских работников сборник так и не вышел в свет.

В самые первые годы пребывания в СССР Лукачу снова и снова приходилось публично отмежевываться от своего «идеалистического» прошлого, подвергать себя самокритике за книгу «История и классовое сознание»². Можно считать, что самокритика была принята: философ и критик, никогда не считавшийся в СССР «твердым ленинцем», получил беспрепятственную возможность включиться в литературную и научную жизнь, где занял довольно видное место³.

В результате произошедшей в 1936 г. реорганизации научных учреждений Лукач перешел из системы Коммунистической Академии

в Институт философии АН СССР, откуда был уволен в 1938 г. вследствие изменений тематики исследований, после чего целиком сосредоточился на литературной критике и публицистике. Будучи восстановленным в этом институте в 1942 г., он проработал в нем до отъезда в Венгрию в августе 1945 г. С момента основания в 1934 г. Союза советских писателей Лукач был членом его немецкой секции, принимая самое активное участие в ее работе⁴. Много публикуясь в эмигрантских немецких, а с конца 1930-х годов и в венгерских периодических изданиях («Интернационале Литератур. Дойче Бляттер», «Уй Ханг» и др.), он был также одним из ведущих авторов журналов «Литературный критик» и «Литературное обозрение», печатался в «Литературной газете», журналах «Интернациональная литература» и др. Годы, проведенные в Москве, он впоследствии, в переписке с давней подругой А. Леснай, назвал «хорошим, плодотворным периодом» своей жизни, особенно отметив наличие тесного круга единомышленников, «настоящего духовного коллектива», сформировавшегося вокруг журнала «Литературный критик», закрытого в 1940 г. (в эту группу входили М. Лифшиц, В. Гриб, И. Сац и др.)⁵. В Москве были написаны такие его значительные историко-философские и историко-литературные труды, как «Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества» (первое советское издание – М., 1987), «Исторический роман»⁶. Многочисленные литературоведческие и литературно-критические статьи были опубликованы в периодической печати, часть из них вошла в сборники «Литературные теории XIX века и марксизм» (М., 1937) и «К истории реализма» (М., 1939)⁷. Перу Лукача принадлежали также предисловия к изданиям произведений И. В. Гете, Г. Гейне, О. Бальзака, эстетических трактатов Ф. Шиллера, переписки Гете и Шиллера⁸. Несколько больших статей (о Ф. Ницше, о Ф. Лассале, о жанре романа) было опубликовано Лукачем в многотомной «Литературной энциклопедии», статья «Роман как буржуазная эпопея» вызвала оживленную полемику⁹.

В своих работах, свидетельствовавших о громадной эрудиции их автора, Лукач изучал литературные и философские явления в широком духовно-историческом контексте, как порождения определенных эпох в развитии человеческой мысли и художественной культуры. При этом многие работы 1930-х годов носили дискуссионный характер. Его теория «большого реализма», в 1940-е годы, уже после войны, нашедшая отклик во всех странах народной демократии и так или иначе повлиявшая на формирование в них концепций культурной политики¹⁰, возникла именно как реакция на широко распространившийся перед этим (в различных вариациях) не только в Советском Союзе, но отчасти и

среди западных марксистов вульгарно-социологический метод в литературоведении и искусствознании, приверженцы которого рассматривали художественное творчество только как специфическое проявление классового сознания и не принимали во внимание образно-познавательной природы искусства. Одновременно эта концепция была обращена против пролетарского авангарда, теории и практики которого также, как правило, отвергали гносеологическую функцию искусства, в противовес художественному познанию ставили своей задачей художественное «конструирование» действительности, создание новой реальности в соответствии с определенными эстетическими принципами¹¹.

Полемизуя в немецкоязычной прессе (сначала веймарской, а позже эмигрантской) с представителями авангардистской художественной традиции во главе с Б. Брехтом, Лукач упорно стремился перенести главный акцент в спорах о сущности искусства с субъекта (творца) на объект эстетической деятельности. Присущей мастерам авангарда гипертрофии субъективно-авторского начала он противопоставил требование предельной объективности в искусстве, сделал основной упор именно на познавательном аспекте художественного творчества. Умение художника «изобретать индивидуальные действия, которые раскрывали бы все богатство социальных и личных мотивов человеческого поведения, возможно лишь на основе глубокого осознания общественных связей», — писал он в одной из работ второй половины 1930-х годов¹². Таким образом, эстетическую платформу Лукача в 1930-е годы неизменно отличала ярко выраженная гносеологическая заостренность. Понятно в этой связи центральное положение в его концепции такой категории, как «реализм». При этом Лукач не избегал и антиномии «реализм — антиреализм», причисляя к последнему весь широкий спектр течений, не ориентированных на решение первейшей, по его мнению, задачи художественной деятельности — познания объективной действительности во всей сложности ее взаимосвязей. «Только глубокое и основательное познание всех процессов, нараставших на капиллярном уровне тогдашнего буржуазного общества, могло позволить отобразить эти новые экономические черты таким образом, чтобы, интеллектуально обогащая нас знанием новых взаимосвязей, они одновременно и неразрывно с этим в художественном смысле органично вырастали бы из индивидуальных судеб персонажей», — писал, в частности, Лукач о творчестве Бальзака¹³. Специфика именно художественной формы познания в сравнении с другими его формами (в частности научной) была глубоко осмыслена Лукачем позже, в 1950-е годы, в фундаментальном труде «Своеобразие эстетического».

Ориентируя современных художников на освоение, продолжение и развитие широко понимаемой реалистической традиции в мировой литературе (творчество У. Шекспира, И. В. Гете, О. Бальзака, Л. Н. Толстого и т. д.), Лукач вместе с тем настойчиво предостерегал от упрощенных толкований реализма, сводящих бесконечное многообразие заключенных в нем выразительных возможностей к каким-то определенным стилистическим канонам. Вопрос о реализме, писал он, есть вопрос «об отношении искусства к объективной действительности», и всякое иное понимание реализма несет в себе «субъективный произвол, беспринципность, эклектизм». При оценке литературного произведения критика не должна связывать «приверженность к какому-либо определенному стилю или же неприятие его... Стилевое ограничение невозможно: как индивидуальный стиль, так и стиль эпохи вырисовываются из сложного взаимодействия развития общества в конкретный период и конкретных художественных индивидуальностей»¹⁴. «Великие писатели прошлого — Шекспир и Сервантес, Бальзак и Толстой, — отмечал также Лукач, — отражали свою эпоху адекватно, во всей живости и полноте... Этому нужно учиться у них, а не технике, не внешним атрибутам формы... Секрет их творческого метода... заключается не в чем ином, как в объективности, живом и подвижном отражении эпохи в динамических связях ее наиболее существенных черт, единстве формы и содержания, объективности формы как концентрированного отражения наиболее общих связей объективной реальности... Никто не может и не должен сегодня писать так, как писали Шекспир и Бальзак»¹⁵.

Но решительно не принимая нормативной эстетики, стремящейся навязать художнику определенную систему общеобязательных канонов, Лукач в то же время указывал, что художник-реалист, выбирая эстетические средства, не может не испытывать на себе давления действительности. Выбор стиля — это отнюдь не проявление творческого произвола, он во многом предопределен предметом художественного отображения, познаваемой объективной реальностью.

Каждая эпоха, по мнению Лукача, в конечном итоге сама устанавливает, определяет и ограничивает круг выразительных средств, необходимых и достаточных для своего глубокого и адекватного познания. Так, применение символики и других условных приемов может быть мотивировано только в определенных исторических условиях. Такие условия имелись, в частности, в Германии конца XVIII — первой половины XIX в., когда буржуазия переживала период своего восхождения при некотором видимом затишье классовой борьбы, и социальная действительность, представавшая лишь в едва обозначившихся тенден-

циях, а не в непосредственном проявлении своих основных противоречий (как во Франции той же эпохи), не могла быть глубоко постигнута художником в ее собственных формах, она давала возможность отразить себя лишь поверхностно-натуралистически, основываясь только на внешнем правдоподобии, без проникновения в суть. Состояние немецкого общества в ту эпоху с наибольшей художественной полнотой могло быть схвачено и выражено субъективно-лирической рефлексией, либо посредством символики, в условных формах, не претендующих на воспроизведение конкретных явлений, но способных постичь ход глубинных, подспудно происходящих в обществе процессов, предстающих на поверхности в виде неотчетливых знаков. Это давало Лукачу основание причислить к наследию большого реализма творчество Гете, Шиллера, Гейне и с известными оговорками даже Гофмана, казалось бы, явного романтика (по мнению Лукача, и у него в отличие от некоторых других представителей немецкого романтизма реалистическая тенденция пробивала себе дорогу сквозь дебри романтических фантазмагорий). О Г. Гейне Лукач, в частности, писал: «Для образной критики немецких условий Гейне не мог найти на немецкой почве необходимый материал реалистически-наглядного изображения. Поэтому... он избрал... лирико-ироническую, фантастико-ироническую форму. Это не было показателем поэтической слабости, не было и личной причудой Гейне. Он избрал единственно возможную в то время для немецкого поэта форму... высокого поэтического выражения общественных противоречий»¹⁶. И у Бальзака в условиях Франции первой половины XIX в., где основные противоречия проявлялись с предельной открытостью и для глубокого художественного их отражения подходил совершенно другой набор средств, элементы фантастики в «Утраченных иллюзиях» — «это решительное доведение до логического конца наблюдаемых автором общественных тенденций, выход за узкие пределы повседневности и поверхностного правдоподобия»¹⁷.

Таким образом, с точки зрения марксистской эстетики, подчеркивал Лукач, «отнюдь не является безусловно необходимым, чтобы художественно изображаемое явление было взято из повседневной или даже, более того, из действительной жизни. То есть, с марксистским пониманием реализма в полной мере совмещаются даже самые высокопарные полеты поэтической фантазии, самая широкая фантазия в изображении явлений. Не случайно, что некоторые фантастические новеллы Бальзака, произведения Гофмана принадлежали к высоко оцененным Марксом произведениям... Марксистская эстетика, отрицающая реалистический характер изображаемого в натуралистических деталях,

если в этом не выражаются существенные движущие силы жизни, считает само собой разумеющимся, что фантастические новеллы Гофмана и Бальзака являются вершинами реалистической литературы, так как в них именно с помощью фантастического изображения проявляют себя эти существенные моменты»¹⁸.

Обращаясь к истории европейских литератур кануна первой мировой войны, Лукач считал столь же исторически обусловленным символизм революционной лирики Э. Верхарна и своего соотечественника Э. Ади¹⁹. В то же время применительно к конкретно-исторической обстановке в Европе 1930-х годов он находил неоправданным широкое использование символики, других условных изобразительных приемов в литературе и искусстве ввиду того, что основное социальное противоречие этой эпохи (между демократией и фашизмом) предстало в виде открытого противоборства, доступного художественному освоению в формах своего непосредственного протекания.

В той мере, в какой это было возможно в условиях СССР 1930-х годов, теория «большого реализма» сыграла свою роль в реабилитации классического наследия перед лицом пролетарской культуры, после Октября устами идеологов Пролеткульта, РАППа и других организаций высокомерно провозглашавшей собственное превосходство над искусством минувших эпох. (А следует сказать, что в 1930-е годы в СССР велась действительно большая работа по переводу и публикации зарубежной литературной классики — при том, что мировая литература преподносилась советскому читателю в соответствии с той уродливой концепцией культурного наследия, которая оставляла за бортом многое ценное и талантливое, особенно из культуры позднейших эпох.) Не меньшая заслуга этой теории состояла в опровержении распространенного вульгарно-социологического тезиса о прямой детерминированности творческого метода художника его классовым сознанием. Не отрицая взаимозависимости между мировоззрением и творческим методом, Лукач в то же время указывал на подвижную связь между ними. «Многие значительные писатели по мировоззрению были сознательными идеалистами. Но поскольку в процессе творчества мировоззренческие проблемы своих персонажей они выводили из их реальной общественной, личной и материальной жизни, то как писатели они верно, материалистически отображали отношения бытия и сознания»²⁰. Но возможно и обратное. Писатель может сколько угодно называть себя приверженцем материалистического воззрения, но если в его произведениях идеи лишь декларируются, но не вырастают органично из индивидуальной жизни персонажей, «то бытие этих идей — каковы бы ни

были намерения писателя — становится независимым от героев данного произведения, а стало быть от реальности», и «объективно возникает литературная карикатура на гегелевское царство духа — карикатура тем более гротескная, чем более марксистскими, по мысли автора, эти идеи являются»²¹. Поэтому «если какой-нибудь современный писатель после поверхностного прочтения пары брошюр поверхностно усвоит марксистскую терминологию, это далеко не будет означать, что по идейному содержанию своих произведений он встал выше Шекспира, Мольера или Гёте», — заметил Лукач в той же связи уже в одной из своих статей первых послевоенных лет²².

Таким образом, произведение искусства может быть прогрессивным даже и тогда, когда художник «по своим индивидуальным политическим воззрениям не принадлежит к прогрессивному лагерю»²³. В таких случаях «победа реализма» (оборот, употребленный еще Ф. Энгельсом²⁴) «означает победу подвижного и противоречивого единства живой реальности над политическими, социальными и мировоззренческими предрассудками самого автора, то есть победу, которую одерживают в художественном произведении объективно верные, адекватно отражающие диалектику жизни тенденции над непосредственно отвлеченными, схематичными и т. п. представлениями того же писателя. Таким образом, когда через победу реализма в художественном произведении реализуется диалектика живой действительности, это нередко означает, что художник... (подобно известному мольеровскому герою — А. С.), сам того не подозревая, заговорил прозой»²⁵. «Именно эта творческая позиция, безграничная, страстная, питаемая глубокой культурой, преданность реальности помогли Бальзаку выработать в себе качества, необходимые для адекватного — преодолевающего собственные предрассудки писателя — отражения объективного мира»²⁶.

В тех случаях, когда «объективная высота писательской честности, способности вскрывать и изображать существенные стороны жизни общества могла соединиться... с мировоззрением, несущим в себе много реакционных предрассудков... художественная честность писателя приводила к отражению истины в той мере, в какой... противоречия в мировоззрении писателя отражали существеннейшие противоречия объективной действительности»²⁷. В конечном итоге это зависело, по мнению Лукача, от того, насколько велик размах общественного движения, к которому тяготел данный художник, «насколько глубоки и значительны выдвигаемые этим движением проблемы»²⁸. Л. Н. Толстой объективно разделял социальные иллюзии мощных крестьянских движений пореформенной России²⁹. Т. Манн, выделяемый Лукачем в миро-

вой литературе XX в., иногда связывался им с массовым европейским антифашистским движением, объединившим людей различных убеждений. «Подлинно большая творческая индивидуальность всегда объемлет те тенденции, которые в ее время определяют развитие общества, человечества... Значительная фигура всегда целиком посвящает себя большой исторической задаче... [при этом] ни на минуту не чувствует себя привязанным к приверженцам своих прежних позиций, почитателям своих прежних произведений»³⁰. Вместе с тем Лукач признавал, что выдающиеся явления мировой литературы могут быть связаны и с массовыми общественными движениями регрессивной направленности (Р. Киплинг — певец британского колониализма). И все же это скорее исключение, чем правило. Движение, не имеющее социальной перспективы, обреченное по большому счету на крах, неизбежно сужает горизонты художественного видения мира, заставляет приверженных ему талантливых художников либо впадать в утопию, создавать новые мифы, либо замыкаться в круге будничных, «растительных», не имеющих большого исторического содержания проблем.

В этой связи характерна оценка Лукачем всей культуры «позднего капитализма» (в его терминологии). Общественная ситуация, сложившаяся во многих странах Европы после поражения революций 1848–1849 гг., объективно обрекала даже наиболее талантливых писателей на бедность художественного мира в сравнении с Бальзаком, который хотя и не разделял прогрессивных идей своей эпохи, но в силу открытости жизни, верности правде (всегда понимаемой Лукачем не в поверхностно-натуралистическом, а в предельно обобщенном смысле) сумел перешагнуть через личные пристрастия и создать на материале современной ему Франции образцы подлинно «высокого» критического реализма, где «нет явлений, не включенных в общую связь; каждое явление... переплетается многообразно и сложно с другими; личное и общественное, телесное и духовное, частичное и общее соединяются на основе конкретных и богатых возможностей, заключенных в каждом реальном явлении»³¹.

После 1848 г. буржуазные движения в Западной Европе утратили свою прогрессивность, свой демократический потенциал, но пришедшие им на смену социалистические движения также отнюдь не сразу завоевали массовую базу, повели за собой миллионы людей. «Из буржуазного мира исчез героизм, исчезли подлинная инициативность и независимость. Настоящие писатели, изображающие это общество хотя бы и в оппозиционном духе, замечали перед собой только банальность окружающей жизни. Таким образом, сама действительность, которую

они хотели отразить, обрекала их на художественную и идейную натуралистическую узость. Если из благородного стремления к большим идеям они пытались подняться над этой действительностью, то не находили опоры в реальных образцах, не находили жизненного материала, который позволил бы в концентрированном виде изобразить реальную возможность общественного подъема. Вследствие этого их стремление к величию не могло увенчаться успехом, становилось бессодержательным, абстрактно-утопическим или романтическим в дурном смысле слова³². Эта тенденция, по мнению Лукача, отчасти нашла отражение уже в творчестве крупнейших западных писателей второй половины XIX в., в том числе у Г. Флобера, Э. Золя, Г. Мопассана, О. Уайлда. Только лучшие писатели России и скандинавских стран, где еще продолжалось развитие капитализма по восходящей, несли на прежней высоте знамя «большого реализма».

В XX в., как считал Лукач, кризис литературы только продолжал углубляться вслед за кризисом буржуазного общества. Быстро сменяющие друг друга литературные течения новейшего времени (импрессионизм, символизм, экспрессионизм и др.) при всех различиях в стиле и методе, которыми Лукач отнюдь не пренебрегал³³, не идут дальше «непосредственного лица явлений, не доискиваются до сущности их, то есть до настоящего, реального соотношения между своими переживаниями и настоящей жизнью общества, до глубоких, скрытых причин, вызывающих эти переживания»³⁴. Особенно наглядно кризис литературы проявился в усилении иррационалистических начал в художественном мышлении. «Кризис всякого социального строя всегда сопровождается тяжелым кризисом мировоззрения — вспомним хотя бы закат Рима или распад феодального общества. Именно в своем распаде экономические категории показывают, в какой мере они действительно являются «формами бытия, условиями существования»: когда поколеблена почва, на которой строится материальная общественная жизнь широких масс, неизбежно возникает мировоззрение, проникнутое настроением беспочвенности и отчаяния, пессимизма и мистицизма»³⁵. Именно засилье оторванных от реальности, иррационалистических, мистических, мифотворческих философских течений и художественных установок, происходивший в буржуазном обществе процесс «Разрушения разума» (так называется работа Лукача об основных тенденциях развития духовной культуры Германии со второй половины XIX в., написанная, в основном, в годы советской эмиграции, но полностью впервые опубликованная в 1954 г.³⁶) создавали, по мнению философа, питательную почву для прорастания семян фашистской идеологии, поначалу выступившей в облике романтического антикапитализма.

В 1938 г., приняв участие в дискуссии о наследии экспрессионизма, развернувшейся в эмигрантской немецкой периодике (особенно на страницах журнала «Дас Ворт»), Лукач весьма критически оценил роль этого течения, по его мнению, облекающего ничтожество содержания «в трескучую патетику словесного оформления»³⁷. Взволнованность и истерическая напряженность не только не были способны компенсировать скудость изображаемой реальности, но зачастую представляли собой лишь позу, которая утрачивала актуальность, становилась неестественной в условиях относительной стабилизации капитализма (как это произошло в Германии середины 1920-х годов, когда на смену экспрессионизму в литературе, искусстве и кино приходит стиль так называемой «новой предметности»). По мнению Лукача, впрочем не разделявшемуся многими видными интеллектуалами-антифашистами, экспрессионизм не только не приближал современников к сути происходящего, но уводил от нее и тем самым способствовал духовному разоружению немецкой интеллигенции перед усиливавшимся натиском нацистской идеологии³⁸.

И в 1930-е годы, и позже Лукач так или иначе связывал с иррационалистической тенденцией творчество крупных мастеров романа XX в. — М. Пруста, Ф. Кафки, Дж. Джойса. Правда, со временем он признал, что видения Кафки предвосхитили «мрачную пустоту гитлеровской эпохи как нечто фатальное, но реально существующее»³⁹. Эволюционировало и его отношение к Прусту, которого Лукач на склоне лет противопоставлял последующим эпигонам⁴⁰. Даже в ходе дискуссии 1930-х годов об экспрессионизме Лукач готов был признать «творческую работу ряда художников-новаторов», которые хотя и не поднялись «ни в мировоззренческом, ни в художественном отношении над уровнем непосредственного», все же «создали на основе своих переживаний определенный стиль, последовательно применяемую, часто интересную и привлекательную в художественном отношении форму»⁴¹. Однако и в конце жизни философ не изменил принципиальной позиции: отход современных западных художников от рационализма в мировоззрении и реалистических установок в творчестве не только сужал возможности человека в овладении действительностью, но и означал, по его мнению, закономерную реакцию «буржуазного» (т. е. ограниченного горизонтами капиталистической формации) сознания на неспособность объяснить противоречия социальной действительности, найти пути преодоления общественного кризиса, не выходя за рамки буржуазного строя.

Нахождение ориентиров в объективной действительности, осознание перспективы общественного развития может быть достигну-

то, полагал Лукач, только на путях сближения с антифашистским, демократическим, левым лагерем и его авангардом — пролетарским движением. «Не удивительно, что наиболее прогрессивные писатели позднего капитализма, которые всерьез восприняли кризис культуры, все, начиная от Э. Золя и А. Франса и кончая Р. Ролланом и Р. Мартен-дю-Гаром, только на путях большего или меньшего приближения к идеологии рабочего движения смогли увидеть новую перспективу, возможности разрешения противоречия нашей культуры»⁴², — писал Д. Лукач применительно к обстановке 1930-х годов, когда многие, отнюдь не симпатизировавшие Сталину, деятели европейской культуры действительно видели в силах международного коммунизма и их флагмане СССР потенциальный противовес фашизму, главной в то время опасности для человечества.

Теория «большого реализма» Лукача подвергалась критике с разных позиций. Один из главных оппонентов венгерского философа, Б. Брехт, полемизируя с ним и его единомышленниками, главным образом в немецкоязычной эмигрантской прессе (а также в переписке с некоторыми немецкими литераторами), ставил Лукачу в упрек преувеличение диктата действительности над художником и соответственно принижение роли автора в выборе художественных средств, абсолютизацию (применительно к современной эпохе) принципа художественного освоения жизни в жизнеподобных формах, одностороннюю ориентацию на классическое наследие в ущерб поискам новой, отвечающей требованиям сегодняшнего дня, творческой парадигмы⁴³. Установка на следование художественным традициям XIX в., сколь плодотворны они в свое время ни были, по мнению Брехта, закрывала путь к современному мировоззрению, невольно толкала к закостенелым схемам⁴⁴. Брехта и его единомышленников больше всего занимал вопрос о свободе авторского выражения, избавлении творческого акта от любых преград, стоящих на его пути, поэтому отрицательное отношение Лукача к формальному экспериментаторству, игре фантазии, не ограниченному ничем, кроме воли художника, применению символических и условных приемов вызывало у них во многом понятные настороженность и даже протест. Авангардистская эстетика Брехта, широко и умело применявшего условные художественные формы в качестве инструмента политико-идеологической риторики, и эстетика Лукача, ориентированная не только на познание, но и на воплощение в искусстве идеала классической гармонии, слишком разнились в своих исходных посылах.

Негативно оценивая некоторые сложные, неоднозначные литературные явления XX в., Лукач действительно был весьма категоричен.

Его попытки провести прямые параллели между романами М. Пруста, Ф. Кафки, Дж. Джойса, с одной стороны, и мифотворческими иррационалистическими направлениями в философии — с другой, не всем казались убедительными, многим оппонентам виделась в них недооценка специфики художественного мышления, не всегда впрямую сопоставимого с философской формой сознания. И все же Лукач отнюдь не призывал к подчинению художественного творчества жесткой системе формальных канонов. Так, венгерский философ неизменно высоко ценил творчество Т. Манна, несмотря на то, что его проза заметно отличалась от «высокого реализма» XIX в. Противопоставляя его сторонникам экспрессионизма, Лукач отмечал, что Т. Манн как писатель-реалист, не разделяющий социалистических убеждений, но передающий в адекватной художественной форме социальное бытие во всем многообразии человеческих отношений, стоит «на недостижимой высоте по сравнению с теми «ультрарадикалами», которые воображают, что их антибуржуазные настроения, их — часто всего лишь эстетический — протест против затхлости, плесени мелкобуржуазной жизни, их презрение к плюшевой мебели или псевдоренессансу в архитектуре делают их — объективно — непримиримыми врагами буржуазного общества»⁴⁵. Главным критерием художественной ценности для Лукача всегда оставался критерий гносеологический, т. е. устремленность художника (независимо от его политических пристрастий) к познанию объективной действительности и способность выразить в адекватной образной форме основные тенденции эпохи, наиболее глубинные социальные связи. Формальной стороне в концепции Лукача неизменно отводилась вторичная роль.

По иронии судьбы острая критика Лукачем современной «буржуазной» культуры и неприятие авангарда сближали его теорию со все более набравшим силу сталинским эстетическим официозом, который полностью отказался к началу 1930-х годов от пережитков пролеткультовской идеологии, акцентировал немалое внимание на роли культурного наследия, при том, что последнее трактовалось в крайне усеченной форме. Более того, и в СССР, и в странах Восточной Европы после второй мировой войны некоторые положения теории Лукача (о превосходстве крупных эпических форм над малыми и т. д.) в упрощенческом толковании его эпигонов иной раз действительно оборачивались неоправданной канонизацией композиционных и стилевых принципов, присущих реалистической литературе XIX в. (причем влияние Лукача в этом плане наблюдалось даже тогда, когда сам он, резко раскритикованный, выключался не по своей воле из литературной жизни стран, в которых жил — СССР, а после 1945 г. Венгрии). Однако неоднократная

критика теории Лукача с позиций сталинско-ждановской эстетической ортодоксии говорит о том, что полного созвучия между этими двумя системами взглядов никогда не было. Причиной тому в первую очередь была последовательность реалистических установок Лукача и Лифшица. В самом деле, обращаясь к творчеству великих художников прошлого, Лукач пытался показать, что «преданность действительности... становится плодотворным фактором творчества выдающихся реалистов по той причине, что распространяется она на всю действительность, а не на отдельные, лично им импонирующие черты, которые писатели избирают, отрицая одновременно реальный характер черт, претящих их непосредственной — тоже, конечно, общественно обусловленной — субъективности... Выдающиеся реалисты поистине фанатично преданы исторической жизни во всей ее полноте: они изображают ее таким образом, что в ней сохраняются все ее позитивные и негативные тенденции в их живой обусловленности, все, что утверждается или отрицается самой действительностью, то есть подлинная диалектика всех сил, которые, противоборствуя, возникают и отмирают в ходе исторического развития»⁴⁶. Эта цитата взята из работы, которую Лукачу в то время не удалось опубликовать, однако те же взгляды на сущность настоящего реализма проводились им, пускай и в более завуалированной форме, во многих других статьях, отпугивая бескомпромиссностью реалистических установок тех литературоведов, для кого граница реального и нереального определялась очередным партийным постановлением. Впрочем, при критике взглядов Лукача подлинная суть его расхождений с официозной эстетикой затушевывалась, философу ставилась в упрек отнюдь не последовательность в отстаивании реалистического метода.

В конце 1939 — начале 1940 г. на страницах «Литературной газеты», а отчасти и некоторых других изданий развернулась инициированная книгой Лукача «К истории реализма» дискуссия о соотношении мировоззрения и реалистического метода в творчестве великих писателей конца XVIII–XIX вв. В ходе этой дискуссии оппоненты обвиняли венгерского философа и его единомышленников прежде всего в недооценке роли передовой идеологии в художественном творчестве⁴⁷. «Трудно было не заметить, что аргументы противников Лукача, например В. Ермилова, были обычно слабее, чем у его сторонников, а мнимая победа над его взглядами достигалась по преимуществу силовыми приемами — безапелляционным тоном, громыханием голоса. При этом порой с реверансами и оглядкой — будто охота шла на крупного и опасного зверя», — так известный критик В. Лакшин комментировал в 80-е годы

полемику предвоенных лет¹⁸. Дискуссия вокруг книги Лукача получила совершенно нежелательное с точки зрения властей развитие, поскольку неожиданно вышла на обсуждение проблемы «Гермидора». Хотя главным предметом спора было осмысление уроков Великой Французской революции наиболее выдающимися умами Европы конца XVIII — первой половины XIX в. (Гегелем, Гете и др.), все те, кто внимательно следил за дискуссией, даже невооруженным глазом могли провести актуальные параллели с сегодняшним днем. Ведь договор с фашистской Германией 23 августа 1939 г., повлекший за собой полный отказ от антифашистской пропаганды и даже преследование тех, кто на ней настаивал, невольно наводил современников на размышления о том, не явился ли пакт Молотова-Риббентропа ярким свидетельством произошедшего перерождения революционной власти в СССР, отступления от идеалов 1917 г. К весне 1940 г. дискуссию свернули, а журнал «Литературный критик» был в конце года закрыт решением высоких партийных инстанций.

Нападение Германии на СССР почти совпало с арестом Лукача. С 29 июня по 26 августа 1941 г. философ находился на Лубянке во внутренней тюрьме НКВД. При всей обширности работ о Лукаче далеко не все этапы его жизненного пути изучены с одинаковой полнотой. Особенно много «белых пятен» связано с московским периодом его творческой деятельности. И, пожалуй, наименее проясненным, вызывающим наибольшее количество предположений, загадок и домыслов эпизодом можно считать его арест в конце июня 1941 г. и двухмесячное пребывание в застенках НКВД, завершившееся столь же неожиданным освобождением.

При самом первом приближении к этому драматическому событию в биографии философа у исследователя неизбежно возникает множество вопросов. В самом деле, был ли арест Лукача результатом возбуждения сугубо индивидуального следственного дела или же составной частью подготовки суда над группой иностранных коммунистов, работавших в Советском Союзе? Не входило ли в планы Сталина проведение показательного судебного процесса над рядом известных антифашистов, задуманного после августа 1939 г. с тем, чтобы продемонстрировать Гитлеру свою союзническую преданность, но так и не успевшего состояться? И если такие планы действительно существовали, то не был ли философ Д. Лукач в числе кандидатов на роль одного из подсудимых (хотя Лукач был арестован 29 июня, решение о расправе над ним могло быть принято гораздо раньше; запущенная машина еще

могла какое-то время двигаться по инерции даже после нападения Германии — ведь вспоминает же И. Эренбург в своих мемуарах об известных ему случаях, когда осенью 1941 г. суды продолжали выносить решения по делу тех, кто был арестован за пропаганду антигерманских настроений в период, когда две державы находились в состоянии мира)? Или же, напротив, только с нападением Германии на СССР решено было на всякий случай интернировать все «подозрительные элементы» из кругов немецкой коммунистической эмиграции? А может быть, истоки дела Лукача надо искать совсем не здесь, и его арест летом 1941 г. явился отзвуком острой фракционной борьбы внутри венгерской компартии в 1920-е годы, в которой Лукач активно участвовал? С другой стороны, не было ли связи между арестом Д. Лукача и закрытием журнала «Литературный критик»? Почему, наконец, один из крупных марксистов XX в. не разделил участи многих погибших и был отпущен на свободу? Ходатайствовал ли кто-нибудь специально за Лукача или же его освобождение явилось следствием запоздалого осознания Сталиным и его приближенными необходимости сохранить ценные антифашистские кадры в интересах борьбы с гитлеровской Германией? Учитывая международную репутацию венгерского философа, его известность в относительно широких кругах западной (отнюдь не только коммунистической) гуманитарной интеллигенции, не было ли хоть в какой-то мере принято во внимание соображение о том, что Лукач мог бы быть использован при установлении контактов с ней?

Ознакомление со следственным делом Лукача, хранящимся в архивах бывшего КГБ, позволяет отбросить неподтвердившиеся версии, реконструировать всю историю с его арестом в подлинном виде. Как вытекает из документов, «дело Лукача» было логическим следствием непрекращавшихся чисток Коминтерна от не вполне «благонадежных» людей и имело прежде всего венгерские, а не германские корни. Формальным основанием для его возбуждения явились показания одного венгра, некоего И. Тимара, арестованного в 1940 г. при пересечении границы и обвиненного в шпионаже в пользу хортистской разведки. Как было признано в самом судебном постановлении по делу Лукача, показания о связи философа с венгерской разведкой, служившие следствию единственной уликой, носили «общий характер», были «недостаточно убедительны и недоказательны». Для предъявления серьезных обвинений этих материалов явно не хватало. Но перед следователями была поставлена задача доказать причастность Лукача к шпионской деятельности, отсутствие же убедительных улик давно уже не было для следственной практики НКВД непреодолимым препятствием. Дело

предстояло фабриковать исходя из отдельных фактов биографии Лукача. Буржуазное происхождение, большие связи в «старом мире», сотрудничество в некоммунистических журналах, пропаганда в разные годы позиций, в той или иной мере расходившихся с официальной партийной линией — все это должно было послужить тем материалом, из которого шаг за шагом, кирпич за кирпичом выстраивалось дело о шпионаже в пользу иностранной разведки. «Напрасно вы пытаетесь выдавать себя за коммуниста, марксиста. В теории вы были идеалист, а в области практики — оппортунист, фракционер. А попросту — вы были на службе иностранных разведок — шпион», — такова железная логика рассуждений следователя, привыкшего видеть в любых отступлениях от генеральной линии, теоретических расхождениях и практических ошибках только и исключительно результат сознательной вражеской деятельности. Не до конца проясненными остаются причины освобождения Д. Лукача. Мужественное поведение подследственного, так и не признавшего на допросах предъявленных обвинений, могло сыграть свою роль в его судьбе, но едва ли было единственной и даже главной причиной прекращения «судебного дела». Импульсы, как правило, исходили свыше. Основываясь на источниках, требующих к себе весьма критического отношения (таких, как мемуары М. Ракоши и дневники Г. Димитрова⁴⁹), можно лишь выдвинуть гипотезу о том, что благодаря руководству венгерской компартии, нуждавшемуся в то время в услугах Лукача для выработки программы действий в условиях войны Венгрии против СССР, выдающийся философ-марксист не закончил свои дни в подвалах Лубянки, а росчерком пера всемогущего Берия был восстановлен в своих гражданских правах.

Свое освобождение, причины которого не были Лукачу до конца ясны, всю оставшуюся жизнь он считал подарком судьбы, большим везением, скупаясь при этом на воспоминания даже в своих предсмертных интервью⁵⁰. Как бы там ни было, суровое жизненное испытание, подробности о котором мы узнаем лишь сегодня⁵¹, не поколебало коммунистических убеждений Лукача. Он продолжал считать СССР не только важнейшей антифашистской силой, но и единственным носителем социалистической перспективы, которая лишь одна была, по его мнению, способна вывести мировую цивилизацию из кризисного состояния⁵².

Из тюрьмы философ вышел в те недели, когда немецкие войска прорывались к Москве. Эвакуировавшись осенью из столицы, он в декабре 1941 г. нашел пристанище с женой и дочерью в Ташкенте. Две комнаты в коммунальной квартире в новом доме у Курского вокзала, полученные в 1937 г. стараниями Союза писателей⁵³, Лукач сменил те-

перь на «маленький глинобитный узбекский домик» на тихой улице в стороне от центра. Впервые в жизни венгерский философ оказался в восточном городе, где «даже на центральных улицах можно было увидеть и женщин в паранджах, и арбы, запряженные верблюдами или ишаками»⁵⁴. Еще в апреле 1941 г. Лукач был восстановлен в венгерской компартии. Из Ташкента он писал в Москву ее руководителю М. Ракоши: «Мечтаю жить ближе к великим событиям наших дней. И я очень прошу Вас, если открывается возможность для более активного участия — не забывайте меня»⁵⁵. О скорейшем возвращении Лукача из эвакуации в Москву ходатайствовал и руководитель немецкой секции Союза советских писателей И. Бехер⁵⁶.

Возвратившись в Москву в очень нелегкое время, в июне 1942 г., Лукач был восстановлен в штате Института философии АН СССР, где состоял до 1938 г. «Рада за Вас, что Вы вернулись к философам: это делает Вас материально независимым от литературных «друзей» и от превратностей издательской конъюнктуры и, наверное, больше удовлетворяет Вас, чем публицистика», — писала 6 сентября своему старшему другу и учителю молодой литературовед Т. Мотылева⁵⁷, редактировавшая в это время в Ташкенте сборник антифашистских статей Лукача «Борьба гуманизма и варварства» (Ташкент, 1943). В Москве в самом конце 1942 г. Лукач в конференц-зале Института философии на Волхонке защитил завершённую еще в 1937 г. докторскую диссертацию «Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества». «Лукач рассматривает ход развития молодого Гегеля не как «имманентную» эволюцию идей, а показывает, каким образом идеалистическая диалектика Гегеля возникла из попыток философски осознать факты капиталистического развития Англии, события французской буржуазной революции и противоречия немецкой общественно-исторической действительности», — говорил один из оппонентов, выдающийся логик и историк европейской философии В. Ф. Асмус⁵⁸.

Обращение Лукача к творчеству Гегеля, будучи в известной мере выполнением определенного социального, политического заказа, вместе с тем имело и глубоко личную мотивацию. С одной стороны, необходимо иметь в виду, что на протяжении первой трети XX в. творчество великого немецкого идеалиста находилось в центре внимания европейской и американской духовной элиты, в 1931 г. во всем мире было широко отмечено 100-летие со дня смерти Гегеля, давшее повод мыслителям разных идейных и политических ориентаций высказать свое отношение к наследию философа, оценить степень актуальности его идейных построений для живущих поколений. Едва ли не господствующей тен-

денцией в развитии неогегельянства (особенно немецкого и итальянского) становится усиление в нем антилибералистских и этатистских начал — конфликт между индивидом и общностью все чаще решался философами этого направления в пользу утверждения примата сильной государственности. Кроме того, идеи Гегеля все более широко подвергались иррационалистическим интерпретациям, сближавшим их с «философией жизни» в различных ее версиях, включая ницшеанскую. Обе эти тенденции нашли предельное выражение в творчестве итальянского неогегельянца Дж. Джентиле, ставшего одним из идеологов режима Муссолини. В Германии часть теоретиков национал-социализма попыталась взять на вооружение гегелевскую философию права, также истолкованную в иррационалистическом и националистическом ключе — главным субъектом истории и права в таких концепциях провозглашался «национальный дух». В этих условиях обращение Лукача к творчеству Гегеля служило целям антифашистской идейной борьбы, его монография о духовной эволюции молодого Гегеля заняла свое место в ряду его работ 1930-х годов, направленных против фашистских фальсификаций истории немецкой культуры (к числу таких работ относятся также в основном завершенная монография о Гете, изъятая при аресте Лукача в июне 1941 г. и утраченная⁵⁹, статьи «Георг Бюхнер — фальсифицированный и подлинный»⁶⁰ и др.).

С другой стороны, интерес к Гегелю сохранялся и на левом философском фланге — проблема гегелевского влияния на молодого Маркса неизменно считалась актуальной среди марксистов. Полная публикация в 1932 г. ранее неизвестного сочинения Маркса, так называемых «Экономическо-философских рукописей» 1844 г., лишь подлила масла в огонь дискуссий по этой теме, отнюдь не замыкавшихся в кругу приверженцев ортодоксального ленинизма — представители Франкфуртской школы широко обращаются к рукописи Маркса в процессе осмысления проблемы отчуждения результатов человеческого труда от его субъекта. Написание интеллектуальной биографии Гегеля было для Лукача не просто данью философской моде и даже не только реакцией на вызов времени — венгерскому философу-марксисту, на протяжении целого десятилетия (1923–1933 гг.) то и дело критиковавшемуся в рамках коммунистического движения именно за «гегельянство», следовало дать обстоятельный, развернутый ответ на эти обвинения. Наилучшей формой такого ответа могла бы стать попытка собственной интерпретации гегелевской философии в ее становлении и развитии. Обращение к Гегелю было для Лукача симптоматичным (в известном смысле даже символичным) еще и потому, что его духовный путь от юношеского

максимализма и бунтарства к признанию разумности жесткого тоталитарного режима до некоторой степени был схож с идейной эволюцией Гегеля, примирение Лукача со сталинским режимом носило очевидный в то время лишь для немногих (во всяком случае для его диссертационного оппонента В. Ф. Асмуса) гегельянский оттенок и требовало как таковое глубокого внутреннего обоснования. Момент для защиты диссертации был выбран как нельзя более удачно. Ведь на словах признавая вслед за Лениным философию Гегеля одним из источников марксизма, сталинская ортодоксия с немалым подозрением относилась к великому немецкому идеалисту, в 1944 г. (не дожидаясь окончания войны!) резко раскритикованному в специальном партийном постановлении, осудившем «идеализацию» Гегеля в подготовленном к печати очередном томе «Истории философии», который так и не вышел в свет⁶¹. Монография Лукача о молодом Гегеле впервые была опубликована в СССР только в 1987 г. Однако в дни, когда гитлеровские войска находились под Сталинградом, идеологическим инстанциям было не до Гегеля и присвоение Лукачу докторской степени прошло без особых затруднений. Когда в 1948 г. книгу о Гегеле впервые опубликовали в немецкоязычном оригинале (в Швейцарии), она могла быть и была воспринята на Западе как проявление скрытой философской полемики в рамках марксистского учения с ортодоксальным сталинизмом, ибо ее содержание вступало в острое противоречие с утвердившимся к тому времени в СССР представлением об учении Гегеля как аристократической реакции на Великую Французскую революцию. Явно вопреки такому подходу Лукач в своей работе акцентировал внимание именно на антифеодальной и в этом смысле прогрессивной направленности гегелевской философии.

Главной задачей, которую поставил перед собой Лукач, явилось выявление генезиса гегелевской диалектики, который часть приверженцев неогегельянства сводила к теологическим моментам, затушевывая тот факт, что как раз в молодости Гегель вступал в особенно острый идейный конфликт с церковной ортодоксией⁶². В противовес такому взгляду Лукач сосредоточился на общественно-исторических предпосылках формирования гегелевской философии, отмежевавшись в то же время от вульгарно-социологического подхода, всецело сводившего явления духовной сферы к их социальным корням. Его особое внимание привлекают такие ранее малоизученные в мировой литературе о Гегеле проблемы, как экономические воззрения философа, его отношение к капиталистическому развитию передовых европейских стран, промышленной революции в Англии, а также к Великой Французской революции, открывшимся в результате нее перспективам социального прогресса.

Неоднозначная, противоречивая роль Французской революции в становлении взглядов Гегеля рассматривалась сквозь призму германских реалий конца XVIII в.; в работе Лукача получила развитие точка зрения о немецкой классической философии как многоголосом эхе Французской революции в условиях экономической и политической отсталости Германии, где выход на передовые рубежи европейского прогресса пока еще оставался отдаленной перспективой.

Пожалуй, первым среди историков философии Лукач провел параллели между экономическими воззрениями Гегеля (оказавшими определенное влияние и на его философию) и современной ему классической английской политэкономией. В Германии Гегель стал первым, кто попытался осмыслить экономическую структуру капиталистического общества. При этом он не связал себя относительно отсталыми производственными отношениями германских государств, стремился философски обобщить передовой для своего времени опыт индустриального развития Англии. Хотя, живя в Германии, Гегель не мог столь же отчетливо, как А. Смит или Д. Рикардо, видеть многие процессы, он сумел глубоко проанализировать такие экономические категории, как «труд» и «собственность», несколько менее проясненной для него оставалась категория стоимости. Особенностью гегелевского подхода к экономическим отношениям в обществе, во многом обусловленной германской спецификой, конкретно-историческими условиями деятельности философа, стал доминировавший в его концепции примат права над экономикой — экономические категории он рассматривал в рамках широко понимаемой философии права. Отводя в своей социальной философии чрезвычайно важную роль именно правовому регулированию экономических отношений, Гегель видел в праве средство обуздания рыночной стихии⁶³.

В сравнении со своими старшими современниками И. Кантом и И. Г. Фихте, Гегель глубже осмыслил сущность буржуазного общества, он видел его противоречия, негативные стороны, несоответствие объективного положения личности в нем гуманистическим идеалам. Осознавая экономическую прогрессивность разделения труда, он принимал во внимание и разрушительное действие этого процесса, понимал, что углубляющееся разделение труда ведет к усилению неравенства в обществе, к бедности, унижению человеческого начала⁶⁴. Попытка Гегеля философски разрешить это противоречие вела его не только к более глубокому постижению феномена частной собственности, категории «труда» как фундамента экономических взаимоотношений индивида и общества. Классик немецкой философии исходил в своих пос-

троениях из той общей посылки, что противоречия общественного развития, в том числе связанные с разделением труда, в перспективе могут быть преодолены в рамках «разумного общества». Решающая роль в этом отводилась Гегелем идеальному государству, стоящему по ту сторону социальных противоречий, представляющему собой воплощение разума. Иллюзорность взглядов Гегеля относительно возможностей государства отнюдь не была, согласно Лукачу, проявлением его философской ограниченности, она была предопределена социально-историческими горизонтами своего времени. Для Гегеля складывающееся буржуазное общество было последней, окончательной стадией исторического развития (марксист Лукач писал в этой связи о буржуазно-демократических иллюзиях великого немецкого философа-идеалиста, считавшего, что свобода совести и устранение внеэкономического принуждения снимают преграды на пути свободного развития индивидов, составляющих общество). В то же время, признавая прогрессивность капитализма, Гегель отбрасывает любые консервативно-утопические, романтические иллюзии и примиряется с его неизбежностью. Одновременно он осознает, что формирующееся капиталистическое общество (даже с идеализированным им государством, якобы стоящим по ту сторону социальных противоречий) отнюдь не снимает проблемы отчуждения человека от результатов его деятельности, а в определенном смысле даже углубляет ее. Преодоление такого отчуждения, по Гегелю, возможно лишь в сознании, оно принимает у Гегеля мистифицированную форму преодоления предметности, возвращения абсолютного духа к самому себе в процессе самопознания⁶⁵. В творчестве Гегеля противоречивость самого существования впервые, по мнению Лукача, осознается как центральная проблема философии, а также этики, поскольку господствующие в современном обществе противоречия между буржуа и гражданином, духом экономического стяжательства и высокой культурой и т. д. понимались им в первую очередь как трагедия нравственности. Признание Гегелем трагической неразрешимости существующих этических дилемм в обществе, которое он считал высшей стадией исторического развития, свидетельствовало, по глубокому убеждению Лукача, прежде всего об интеллектуальной честности великого немецкого философа.

Взгляды Гегеля были показаны Лукачем не только в их становлении, но и в контексте духовных исканий его философских предтеч и старших современников. Во многом новаторский характер имело рассмотрение Лукачем связей Гегеля с философией Просвещения, по мнению венгерского философа, ставшей исходным пунктом интеллектуального развития корифея немецкой классической философии. Подобно

французским просветителям, Гегель был убежден в возможности социального переустройства на началах разума, однако имел возможность осмыслить опыт развития Европы после Великой Французской революции. Настоящее и обозримое будущее передовых европейских стран он отнюдь не склонен был считать осуществлением царства разума.

Умудренность Гегеля историей была не просто рефлексией на эпохальное событие — Французскую революцию, она явилась итогом длительной духовной эволюции, глубоко исследованной Лукачем. В ранний, бернский период своей деятельности философ стоит на позициях решительного отрицания господствовавшей феодально-клерикальной идеологии и связанной с ней системы ценностей. Институционализированному, отчужденному, насаждаемому сверху догматическому вероисповеданию, которое, снимая моральную автономию субъекта, тем самым является, по его мнению, главным источником социального зла, он противопоставил свободное религиозное чувство, живую субъективность выражения веры в божественное начало, не обязательно монотеистическое⁶⁶. В этот период свой социально-политический идеал Гегель связывал с возрождением античной республиканской традиции, как продвижение к осуществлению такого идеала воспринимал он и Французскую революцию.

В следующий, франкфуртский период Гегель в известной мере отказывается от прежней идеализации античности, усложняется и его отношение к христианству (анализ эволюции взглядов Гегеля на христианство стал одной из сильных сторон работы Лукача). Гегель пытается теперь отграничить исторически отжившее в христианской религии от сохраняющего актуальность. Он видит теперь в христианстве не только мощную силу отчуждения, но антитезу хищническим частнособственническим инстинктам, господствующему в капиталистическом обществе духу стяжательства. Именно могущественная сила христианской любви открывала, по его тогдашнему убеждению, перспективу совершенствования общественного строя. Отдаляясь от революционных идеалов своей юности, порывая с прежним радикализмом, Гегель во Франкфурте встает на путь примирения с действительностью, хотя и не склоняется к апологетике порождаемого ею социального зла. В отличие от романтиков, все более склонных искать антикапиталистическую альтернативу в идеализированных ими исторически отживших себя формах общественного устройства, он осознает прогрессивность капитализма, а порожденные им социальные катаклизмы интерпретирует как исторически преходящие и разрешаемые в ходе дальнейшего общественного развития противоречия. Даже прогресси-

рюющее отчуждение человеческой сущности (а критика капитализма у Гегеля во многом сводилась к проблематике отчуждения результатов человеческого труда) является, с его точки зрения, формой поступательного движения. Именно осмысление противоречий современной ему действительности (не только Германии, но и более развитых Англии, Франции) привело Гегеля к формулировке категорий диалектики и в том числе закона отрицания отрицания — на смену прежнему радикальному отрицанию приходит позитивное отрицание, «снятие» существующей формы развития в пользу другой, более совершенной.

Завершение формирования гегелевской диалектики, складывание ее в систему пришлось на иенский период, ознаменовавшийся созданием классического труда — «Феноменологии духа». Религия в это время уже не трактуется Гегелем как высшая форма сознания, духовный абсолют находит свое аутентичное выражение в разуме, диалектически снимающем ограниченность чувственного представления об абсолютном, свойственном религии⁶⁷.

По мнению Лукача, гегелевская диалектика стала итогом развития не только философии, но и экономической теории своего времени, основанным на глубоком анализе отношений собственности в передовых европейских странах (изучение современного ему капитализма дало Гегелю, в частности, возможность предпринять в своей «Феноменологии духа» постановку проблемы отчуждения как формы отношения человека с окружающей средой на гораздо более высоком уровне в сравнении с предшествующей философией). Смелость Лукача как исследователя заключалась в том, что в условиях СССР 1930-х годов он отчетливо попытался провести явно крамольную по тем временам мысль о взаимосвязи между формированием диалектики Гегеля (в некоторой мере предвосхитившей, даже согласно сталинской ортодоксии, Марксову диалектику) и складыванием его антиреволюционных, в известном смысле консервативных политических убеждений.

При анализе проблематики отчуждения у Гегеля Лукач широко использовал марксовы «Экономическо-философские рукописи» 1844 г. Одним из первых в СССР он обратился к систематическому изучению идей молодого Маркса на основе более широкого круга источников, введенных в научный оборот в 1920–1930-е годы. При этом он ставил своей задачей выявить соотношение между Марксовой и гегелевской диалектикой, определить степень преемственности Маркса Гегелю, рассмотреть философию Гегеля в перспективе марксизма. По мнению Лукача, диалектика Гегеля, выражая буржуазно-гуманистические идеалы своего времени, отразила опыт революционного перехода от феода-

лизма к капитализму в общеевропейском масштабе, при этом всемирно-историческое значение его философии заключалось в том, что он раскрыл, хотя и в идеалистической форме, универсальные методы познания. Такая точка зрения на творчество Гегеля, будучи неприемлемой для сталинской ортодоксии, получила развитие в советской философии позже, с середины 1950-х годов, не без влияния Лукача, чьи идеи были созвучны тогдашним исканиям молодого поколения советских философов (публикация по инициативе Э. Ильенкова фрагмента из «Молодого Гегеля» в «Вопросах философии» в 1956 г. стала определенным событием философской жизни СССР⁶⁸).

Впервые опубликованная на Западе (в Швейцарии) в 1948 г., работа Лукача «Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества», полемически заостренная против неогегельянства, оказала немалое влияние и на западную литературу о Гегеле, прежде всего в проблемно-постановочном плане — трактовка философии Гегеля в связи с его экономическими взглядами в немалой степени благодаря Лукачу перестает быть уделом одних лишь марксистов.

В дни, когда защищалась диссертация, работа Лукача о молодом Гегеле воспринималась, в первую очередь, как проявление полемики с национал-социалистской интерпретацией немецкой классической философии. Главным своим делом до конца войны Лукач считал антифашистскую публицистику, вкладывая в нее всю свою глубокую эрудицию историка немецкой философии и литературы⁶⁹. Он работал для Совинформбюро, постоянно публиковался в немецкоязычном издании журнала «Интернациональная литература»⁷⁰. Больше всего его в это время занимало осмысление исторических судеб Германии в XX в. Анализируя идейные корни фашизма, философ пытался понять, каким образом нация, давшая человечеству Канта и Гегеля, Гете и Шиллера, смогла совершить столь невиданное в мировой истории грехопадение. Прусский бюрократизм, поначалу сыгравший известную положительную роль в преодолении феодальной патриархальности старой Германии, постепенно превратился не только в мертвящую, сковывающую общество окостенелость, но и в совершенно выхолощенное, чисто формальное образование, не способное сдерживать натиск необузданных темных инстинктов, звериного начала в человеке. Подобно герою Томаса Манна Ашенбаху («Смерть в Венеции»), чья пруссаческая намуштрованность при первом же серьезном испытании легко уступила напору «подпольных» душевных страстей, Германия бисмарковской выучки не смогла создать сколь-нибудь надежных преград на пути наступления наркотически притягательной иррациональной стихии, способной (как в рассказе того же

Т. Манна «Марио и волшебник») загипнотизировать миллионы людей. Не реставрация в прежнем виде либеральной традиции веймарской Германии, сметенной Гитлером с необычайной легкостью, и не восстановление «духа пруссачества» (который, кстати, пыльным цветом потом расцвел в ГДР), а поиски подлинно демократической альтернативы, имеющей свои истоки в немецкой культурной традиции – в этом видел Лукач путь к духовному выздоровлению немецкой нации, при том, что его представления о демократическом идеале оставались достаточно аморфными.

ГЛАВА 5

**ДЬЕРДЬ ЛУКАЧ В ЛИТЕРАТУРНО-ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ
ВЕНГРИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1940-Х ГОДОВ**

60-летний философ и критик Дьердь Лукач вернулся 30 августа 1945 г. в родной Будапешт в момент, когда еще не до конца прояснились перспективы послевоенного развития не только Венгрии и Центральной Европы, но и всего европейского континента. Отношения СССР и его западных союзников по антифашистской коалиции переживали «медовый месяц», внушая многим европейцам надежды на теперь уже вековечное торжество принципов мирного сожительства на истерзанном двумя мировыми войнами континенте. Лишь бомба, сброшенная на Хиросиму 6 августа, смутно предвещала наиболее зорким наблюдателям скорое начало нового соперничества сверхдержав за гегемонию в мире, чреватого очередными войнами. И все-таки вера в способность договориться была пока еще сильнее опасений новых угроз.

Зарождение в 1920-е годы фашизма и его последующее утверждение в Италии и Германии, равно как и «великая депрессия» 1929–1933 гг. обозначив кризис современной индустриальной цивилизации, поставили человечество перед необходимостью совершенствования не только механизмов регулирования экономики, но и существующих политических систем. Особенно насущной стала задача выработки надежных средств, способных предотвратить широкую экспансию крайне правой идеологии в обществе, на первый взгляд отвечающем демократическим принципам. Другой вызов, слева, был брошен либеральной демократии со стороны большевистского режима СССР, достигшего — хотя и ценой огромных человеческих жертв — весьма высокого промышленного и военного потенциала, что наглядно продемонстрировала роль СССР во второй мировой войне¹.

Тотальный крах гитлеризма в результате войны открыл пути для воплощения в жизнь уже в значительной мере наработанных к тому времени в теории новых моделей общественного устройства. Осмысливая пережитой опыт, извлекая уроки из свершившегося, различные политические силы послевоенной Европы (христианско-демократические, либеральные, социал-демократические, коммунистические и т. д.) предлагали разные проекты реформирования довоенных систем. Изучение программ политических партий, публицистики первых послевоенных лет позволяет говорить о том, что фактически в каждой из стран, переживших войну, стремление к поиску более совершенных общественных

форм, глубокому (хотя и не одинаково понимаемому) обновлению духовной, политической жизни превалировало над верностью довоенным образцам, сохранением преемственности с ними. Критика идеологических установок и политической практики веймарской Германии, где защитные механизмы против наступления фашизма так и не были выработаны, становится одним из стержневых направлений европейской общественной мысли². О серьезных сдвигах влево, произошедших за годы войны в сознании населения, свидетельствовали результаты свободных парламентских выборов во многих европейских странах, включая Францию, Италию и даже Британию, рост численности левых партий.

«Победоносно завершившаяся война коренным образом изменила ситуацию в мире. Я сам вернулся домой после четвертьвековой эмиграции. Я чувствовал, что мы вступили в абсолютно новую эпоху, когда, как и во время войны, возможен союз всех сил демократии — и социалистов, и буржуазных демократов — в борьбе с реакцией», — вспоминал Лукач в 1957 г.³

По возвращении на родину Д. Лукач сразу же включился в общественную и духовную жизнь Венгрии. Он активно выступал как публицист, участвовал в текущем литературном процессе в качестве критика, призывая венгерскую творческую интеллигенцию, до 1945 г. в большинстве своем далекую от активной борьбы с прогерманским режимом, к расчету с «позорным» прошлым и признанию необходимости коренного обновления демократии. «Бесспорное утверждение новой демократии, в какой бы форме оно ни происходило, какой бы критикой отдельных явлений ни сопровождалось, — вот объективная основа того единства, которое должно быть достигнуто венгерской литературой. Никакие мировоззренческие, стилистические, художественные расхождения не могут нарушить этого единства, если с объективной основой совпадают субъективные устремления», — говорил философ с трибуны дебrecенского съезда венгерских писателей летом 1946 г.⁴

Фундаментальные историко-философские и историко-литературные труды, большей частью написанные Лукачем в эмиграции, публиковались и находили отклик не только в Венгрии⁵, но и в Германии, а также в других странах⁶. Наряду с работами по истории немецкой, французской, русской литературы, немецкой классической философии из-под его пера выходили статьи о выдающихся мастерах венгерской литературы — Ш. Петефи, Я. Аране, Э. Ади, А. Йожефе и др.⁷ Отечественная литература, которой Лукач ранее уделял не столь уж много внимания, теперь выдвигается на одно из приоритетных мест в сфере его интересов⁸.

Уже осенью 1945 г. Лукач возглавил кафедру эстетики и философии культуры в Будапештском университете. Это учебное заведение, как и многие другие венгерские учреждения, в 1945 г. затронули чистки, проходившие под знаком дефашизации. Орудием их проведения стали органы политической полиции, в которых с самого начала ведущую роль играли коммунисты. Союзная Контрольная Комиссия в Венгрии, возглавляемая представителем СССР маршалом К. Е. Ворошиловым, оказывала комиссиям по дефашизации широкую поддержку. В результате чисток из университета были удалены не только немногочисленные лица, сотрудничавшие с нилашистами (венгерскими фашистами, находившимися у власти в Будапеште с 15 октября 1944 г. по февраль 1945 г.), но и некоторые консервативно настроенные профессора, совершенно не причастные к преступлениям фашистского режима. Все-таки вплоть до 1948–1949 гг. левые силы не занимали в Будапештском университете значительных позиций, это главное в Венгрии учебное заведение оставалось оплотом праволиберальных, правоцентристских, умеренно консервативных политических тенденций, и в той мере, в какой это было возможно в условиях советского военного присутствия, антикоммунистически настроенная профессура тайно саботировала усилия левых партий по продвижению марксистов на кафедры. Однако в отношении Лукача такого противодействия не было, его авторитет как философа и литературоведа готовы были признать, пускай с оговорками, многие оппоненты коммунизма. Уже на следующий день после возвращения Лукача на родину, 31 августа 1945 г., философ-идеалист профессор Т. Тинеманн рекомендовал ученому совету Будапештского университета предоставить Лукачу собственную университетскую кафедру, и ученый совет пошел навстречу этому предложению. В своей рекомендации Тинеманн ссылаясь на раннюю эссеистику своего протеже, а также на его познания в области немецкой «философии духа»⁹.

Летом 1946 г. венгерский философ получил приглашение участвовать в представительном форуме европейской интеллигенции в Женеве, организованном по инициативе всемирно известного дирижера и музыковеда Э. Ансерме. Для участия в этой конференции были приглашены ведущие интеллектуалы разных стран Европы (в том числе представители СССР Б. Пастернак и И. Эренбург, которым высокие партийные инстанции не дали, впрочем, разрешения на выезд в Швейцарию). Тема встречи была сформулирована емко и лаконично: «Европейский дух». Предстояло осмыслить опыт военных лет, оценить перспективы дальнейшего развития общеевропейской культуры. После долгого перерыва, связанного с пребыванием за «железным занавесом», Лукач снова

включался в международную философскую жизнь. Его дискуссии с крупнейшим немецким экзистенциалистом К. Ясперсом и близким к экзистенциализму представителем феноменологии французом М. Мерло-Понти по широкому кругу философских и общегуманитарных проблем (тотальность в общественном бытии и сознании¹⁰, роль разума, идея прогресса в истории человечества) находились в центре внимания участников форума.

Выступая в Женеве, Д. Лукач заявлял: «Мировая история предоставила... возможность политического, социального и идейного обновления демократии. Весь вопрос состоит в том, как использовать эту возможность»¹¹. Независимо от того, как понимал демократию и ее перспективы убежденный марксист Лукач, в стране, которую он представлял на женевском форуме, вопрос о разрыве со старым и выборе нового пути стоял с особой остротой. Ведь последний, наиболее верный сателлит фашистской Германии, позже других ее европейских союзников вышедший из войны, Венгрия переживала не только жестокую разруху (уничтожение 40% национального богатства), но и глубочайший морально-психологический кризис, связанный с поражением в войне и окончательной утратой иллюзий относительно пересмотра условий Трианонского мирного договора 1920 г., воспринимавшихся венграми как несправедливые¹².

В своих общих посылах Д. Лукач исходил из того, что уничтожение фашизма не устранило тотального кризиса капитализма, органическим порождением которого и был фашизм как идейное и политическое явление. Этот кризис, говорил Лукач с трибуны женевского форума, восходит своими истоками еще к эпохе, последовавшей за Великой Французской революцией, когда возникло главное, до сих пор не разрешенное противоречие буржуазного мира — между формальным политическим равноправием и реальным экономическим, социальным неравенством. В своем женевском выступлении Лукач сосредоточился на четырех моментах, подтверждавших, по его мнению, наличие тотального кризиса капитализма — он говорил о кризисе демократии, идеи прогресса, веры в разум и гуманизма. В развернувшихся по окончании войны поисках новых форм демократии он видел не что иное, как «попытку на основе хозяйственных, политических и общественных преобразований найти выход из... этого общего кризиса, включающего в себя кризис в идеологии и эстетике»¹³.

Краеугольным камнем концепции Лукача стало противопоставление двух типов демократии: «формальной», вопреки всем провозглашаемому ею демократическим принципам и свободам все же «исклю-

чающей из всех сфер государственной жизни непосредственное проявление народной воли», и «реальной», перестающей быть лишь формой государственности и превращающейся «в действительный жизненный уклад народа»¹⁴. Гарантию торжества народных интересов Лукач видел в широком использовании прямых, непосредственных форм демократии, в том, чтобы «как можно больше сфер государственной, общественной и культурной жизни превратилось в объекты непосредственной инициативы, непосредственного руководства, непосредственной заботы заинтересованных в них масс»¹⁵.

Концепция эта имела довоенные истоки. Так, еще в работе 1939 г. «Народный трибун или бюрократ», опубликованной в то время лишь в иноязычных московских коммунистических изданиях, Лукач, критикуя бюрократизм как общественное явление и стремясь раскрыть его социальный механизм, выходил на проблему формальной и реальной демократии, пытался понять причины формализации, бюрократического заострения институтов, по своему первоначальному замыслу призванных служить инструментом волеизъявления народных масс и средством их приобщения к управлению обществом. Само собой разумеется, возможности подвергать сколько-нибудь глубокому анализу даже такое обыденное явление, как бюрократизм (наличие которого в социалистическом обществе никогда не отрицалось идеологией сталинского режима), были резко лимитированы в условиях СССР 1930-х годов. Несколько больший простор в этом плане открывался в Венгрии первых послевоенных лет — до поворотного 1948 г., когда в стране была установлена однопартийная коммунистическая диктатура.

Первостепенное значение в своей политической концепции 1940-х годов Лукач придавал возникшим в разных странах на волне антифашистского движения новым политическим формам, созданным в результате революционной самостоятельности масс. Речь, разумеется, шла прежде всего о странах с развитым движением Сопротивления — Франции, Италии, Югославии. Что же касается Венгрии, по словам Лукача, получившей свободу «в подарок от Красной Армии», то свое понимание стоявших перед ее обществом задач философ выразил еще за много месяцев до возвращения из Москвы, на заседании руководства компартии 28 сентября 1944 г. «На плечи коммунистической партии ляжет громадная задача — ей нужно будет привести в движение венгерский народ», — говорил он¹⁶. Уделяя большое внимание новым институтам (в Венгрии 1945 г. национальным комитетам, рабочим советам и т. д.), Лукач в то же время подчеркивал необходимость преемственности с довоенными демократическими, в том числе и парламентскими

структурами, отнюдь не в одинаковой мере развитыми в отдельных странах. Надо «выйти за рамки старого типа демократии и тем не менее его завоевания следует оборонять от нападков реакции», — писал философ¹⁷. При этом Лукач указывал, что образование новых форм демократии лишь в отдаленной перспективе способно привести к социализму. Может быть, в силу того, что задачи построения социалистического общества Лукач не считал стоящими на повестке дня, понимание социализма в его работах 1945–1947 гг. не конкретизировано. Оставаясь в рамках общих положений, он писал о социализме лишь как о тенденции общественного развития на более долгосрочную перспективу, делая при этом акцент на синтезе идеи реальной демократии и идеи социализма (тезис о союзе демократии и социализма Лукач развивал, также в рамках общих положений, и в своем выступлении на женевском форуме). Попытки более глубоко осмыслить феномен социализма предпринимались им уже позже, в работах 1960-х годов в контексте критики сталинизма¹⁸.

В тесной связи с представлениями философа о медленном, поступательном движении к социализму через развитие реальной демократии находилась и его культурная программа. Как полагал Лукач, «сущность нового демократического поворота состоит в том, что все достигавшееся ранее за счет индивидуальных порывов предоставленных самим себе гениев теперь должно превратиться в сознательное взращивание ценностей культуры»¹⁹. Философ считал, что «новая демократическая культура формируется по всей Европе в условиях, когда остается неизменной материальная основа общества, капиталистическая система производства»²⁰. Отсюда логически вытекало другое его утверждение: «Все разговоры о социалистической культуре будут уводящими от практики, затуманивающими демократическое сознание масс... пока сохраняется буржуазный строй»²¹. Понять смысл этих слов можно только в контексте тех споров, которые развертывались в Венгрии первых послевоенных лет как вокруг проблем культурного наследия, перспектив и движущих сил дальнейшего развития национальной культуры, так и по вопросу о сути социализма, путях его построения. Даже в пределах левого фланга общественной жизни начиная с 1945 г. сталкивались в ожесточенной полемике различные политические и культурные концепции — левые народнические с более или менее выраженной националистической окраской, традиционные социал-демократические, левые социал-демократические, коммунистические²². Довоенная дискуссия между «народными писателями» и «урбанистами», которую Лукач в 1930-е годы не обошел вниманием, посвятив ей ряд статей в эмигрантском журнале

«Уй ханг»²³, активизировалась в 1945–1946 гг. с новой силой, вовлекая в свою орбиту и коммунистов, и социал-демократов. Социал-демократические теории культуры стояли ближе к урбанистским, резко оппонировав любым проявлениям национализма в идеологии «народных писателей» и акцентируя внимание на общности некоторых их построений с расовыми теориями праворадикальной ориентации²⁴. Коммунисты также обычно дистанцировались от почвеннических воззрений влиятельных идеологов венгерского «народничества» (в том числе крупного писателя Л. Немета) и в то же время ставили в заслугу «народным писателям» социальную ангажированность, участие в оппозиционных политических движениях при хортизме. По мнению Лукача, именно «народники» явились наиболее значительным литературным движением в межвоенной Венгрии²⁵. Не уставая обращаться в своем творчестве к важнейшим проблемам времени и предлагая разнообразные по жанру (от социографического очерка до романа) образцы их художественного решения, они ближе других подошли к созданию подлинно реалистической картины хортистской эпохи. Урбанисты же в восприятии Лукача и его собратьев по партии проходили, как правило, «по ведомству» критики либеральной идеологии и родственной ей «веймарской» культуры. Им в упрек ставились аполитичность, стремление отгородиться от социальных проблем, замкнувшись в «башне из слоновой кости», а в конечном итоге – открытое попустительство злу посредством устранения от борьбы с ним.

В роли главных идеологов венгерской компартии, ответственных также за ее культурную политику, выступали Й. Реваи и М. Хорват. Первый из них знал Лукача со времен Венгерской советской республики, в 1920-е годы испытал несомненное влияние его мессианских идей, нашедших выражение в книге «История и классовое сознание». Связи с Лукачем он сохранил и позже. Во второй половине 1930-х годов, выдвинувшись в качестве ведущего идеолога венгерской коммунистической эмиграции в СССР, Реваи привлек известного философа (в то время члена КПГ) к участию в работе журнала «Уй ханг», проповедовавшего линию антифашистского народного фронта. Человеку весьма образованному, неплохому публицисту, Реваи вместе с тем в полной мере были присущи большевистский фанатизм и жесткая ортодоксальность, нетерпимость к оппонентам, авторитарный стиль мышления и руководства.

Уже весной 1945 г. идеологические органы венгерской компартии устами М. Хорвата призывают художников не только к скорейшему овладению марксизмом, но и к подчинению своего творчества задачам

насушной политической пропаганды. Много выступая в прессе по вопросам литературы и искусства, Хорват (так же, как, впрочем, и некоторые другие идеологи партии) нередко исходил в своей оценке того или иного художественного произведения из его политической актуальности, злободневности. Ясно, что при таком критерии ценности плакату отдавалось предпочтение перед другими формами изобразительного искусства, проза могла быть легко заменена публицистикой, а поэзия должна была уступить место стихотворным агиткам. При этом Хорват отнюдь не ограничивался общими фразами, а открыто нападал на тех художников (живых и умерших), чье творчество не отвечало предписанным искусству задачам агитации. Так, отвергавший революционный путь талантливый поэт-гуманист М. Бабиц (1883–1941) назывался им не иначе как «пособник фашизма»²⁶. Урбанистский журнал «Мадьярок», в одной из статей 1946 г. напоминая о ситуации весны-лета 1945 г., писал: «После освобождения... слышались вполне официальные голоса, которые клеймили Бабица чуть ли не как фашиста и от поэтов требовали... действий в интересах самых непосредственных задач восстановления... С появлением Дьердя Лукача... положение коренным образом изменилось»²⁷.

Конечно, членство в компартии с ее железной дисциплиной, централизмом, отсутствием внутрипартийной демократии ставило Лукача в непростое положение. В соответствии со своими убеждениями сделав выбор в пользу этой партии, философ не мог не считаться с ее уставом и традициями, так же как и с жесткими законами политической жизни в плюралистическом обществе (в условиях реальной, а не мнимой многопартийности, какая существовала в Венгрии до 1948 – начала 1949 г., требование партийного единства не является бессодержательным фантомом, приобретает серьезный смысл – от единства партии во многом зависит ее успех в политической борьбе, конкурентоспособность). Ни в коей мере не прибегая к полемике со своими товарищами по партии, Лукач вместе с тем нередко пытался скорректировать их жесткие позиции по вопросу о соотношении идеологии и искусства. Показательна, в частности, его трактовка принципа партийности в искусстве. Не отвергая этого принципа, философ в то же время отделял его от повседневного политического прагматизма. В партийности он видел не подчинение художественного творчества тактическим задачам, а его созвучие генеральным, стратегическим целям партии, в конечном итоге самой идее социального прогресса (партийность «в сущности означает то, что писатель занимает позицию в защиту культуры против варварства, в защиту жизни против болезни и смерти, в защиту

восходящего против умирающего»²⁸). Предпринятое Лукачем в одной из работ уподобление партийного художника партизану, свободному от партийной дисциплины в узком понимании, но связанному с партией общностью стратегических целей, было, конечно же, весьма искусственным²⁹. Надо учитывать, однако, что в тех конкретных условиях позиция Лукача была более гибкой в сравнении с «железобетонной» позицией Хорвата, а в конечном счете и более эффективной, поскольку давала компартии возможность сплотить на основе признания своего курса не только малочисленных художников-марксистов, но многих деятелей культуры, выступавших за коренные социальные реформы³⁰.

Лукач полемизировал со всеми попытками ограничить ценность тех или иных культурных явлений, исходя из сугубо классовых критериев. «Чем настоятельнее мы подчеркиваем то новое содержание, к которому мы стремимся в культуре, тем решительнее следует выступать против узкого, сектантского, цехового понимания рабоче-крестьянской культуры... Надо отвергать все то, что в крестьянской культуре является узко провинциальным, а в рабочей культуре носит цеховой, сектантский характер»³¹. Новая венгерская культура могла быть создана, таким образом, только на прочном фундаменте классического наследия. В условиях Венгрии 1940-х годов Лукач продолжал предостерегать против рецидивов пролеткультовской идеологии, проявившихся в деятельности некоторых рабочих культурных обществ. Кроме того, его платформа сохраняла свою антиавангардистскую направленность, вступая в полемику, в частности, со взглядами Л. Кашшака³². Если Кашшак, связывавший с реализмом исключительно воспроизведение жизни в ее собственных формах, отдавал предпочтение такому творческому методу, который «не боится искажения и может произвольно — в рамках художественной задачи — компоновать элементы действительности»³³, то Лукач по-прежнему считал, что широко понимаемый реалистический метод предоставляет писателю наибольшие возможности для подлинно художественного выражения сути и смысла своей эпохи. Вместе с тем уже в самом введении к программному сборнику статей «Литература и демократия» (1947) он излагал принципиальную позицию: «Кто в каждом художнике реалистического склада непременно видит пылкого приверженца народной демократии, а любое проявление противоположной реализму тенденции считает враждебно направленным... тот искажает ситуацию»³⁴. «Библией толерантного марксизма» назвал этот сборник один из рецензентов³⁵. При этом характерно, что в конце 1947–1948 гг., по мере того как в литературных кругах, близких ВКП, все сильнее давало знать о себе узконормативное понимание реализма, стремление свя-

зять этот метод с какими-то определенными формально-стилевыми признаками, Лукач в своей публицистике все настойчивее делал упор на антинормативной сути «большого реализма».

Внимательно изучая современный культурный процесс, Лукач не ограничивал свое внимание одной лишь художественной литературой. Так, одна из его статей второй половины 1940-х годов была посвящена критике философских основ абстракционизма в изобразительном искусстве. Признавая талант за многими художниками, приверженными абстракционизму, сюрреализму, другим новейшим течениям в западном искусстве, Лукач, однако, по-прежнему воспринимал художественные процессы, происходившие на Западе, прежде всего как проявление кризиса культуры позднего капитализма, который выражался в усилении иррационалистических тенденций. Этому искусству он пытался противопоставить культуру более раннего капитализма, переживавшего период восхождения (сюда относились и наследие эпохи Возрождения, эпохи Просвещения, и немецкая классическая философия, и литературная классика XIX в.). Категорическое неприятие Лукачем значительной части художественного опыта конца XIX — первой половины XX в. вызывало естественные возражения, а подчас и бурную полемику, как со стороны аполитично настроенных сторонников новейшего искусства, увидевших в программе Лукача попытку ущемления творческих свобод³⁶, так и со стороны приверженцев пролетарского авангарда из социал-демократического лагеря³⁷. Однако Лукач, как и ранее, отнюдь не призывал к жесткому нормированию творческих процессов. Так, проза Т. Дери, вобравшая в себя определенный опыт сюрреализма и романа «потока сознания», получала его высокую оценку³⁸. Венгерский философ сразу же оценил как выдающееся явление мировой культуры и новый роман Т. Манна «Доктор Фаустус», вышедший в 1947 г.

В целом следует отметить, что политическая концепция Лукача, представлявшая собой одно из умеренных течений в идеологии венгерской компартии, вместе с тем не вступала в противоречие с общей линией партии, до поворотного 1948 г. продолжавшей из тактических соображений руководствоваться стратегией антифашистского народного фронта, хотя и не изменившей своей конечной цели — установления «диктатуры пролетариата» по приспособленному к венгерским условиям советскому образцу. Специфику и известную ограниченность лукачевского понимания демократии отчетливо продемонстрировала дискуссия 1946 г. с известным политологом правонароднического толка И. Бибо о перспективах политического развития Венгрии³⁹. Реальная угроза для молодой венгерской демократии Лукачу виделась только

справа, тогда как опасность установления левоэкстремистской диктатуры им явно недооценивалась. Действительность, однако, в скором времени опровергла расчеты Лукача на относительно безболезненную трансформацию реальной демократии в социализм. Важно заметить, что концепция реальной демократии и ее постепенной эволюции в социализм формировалась в расчете на длительное сохранение союза антифашистских держав, торжество принципа мирного сосуществования. Когда отношения держав-победительниц обострились (уже в 1946–1947 гг.), эта теория лишилась почвы.

Оказавшись в эпицентре духовной жизни Венгрии в момент выбора новых путей общественного развития, Лукач должен был неизбежно поверить собственные идейные построения практикой и, исходя из своего опыта, оценить, в какой мере венгерская интеллигенция была готова принять те проекты социальной терапии, которые, пускай и в более отдаленной перспективе, но в конечном итоге вели к воплощению в реальность коммунистической идеи. Непредвзятый взгляд на место Лукача в литературном, культурном процессе Венгрии второй половины 1940-х годов, на восприятие его творчества венгерской интеллигенцией заставляет констатировать немалый разрыв между его политическими, эстетическими идеалами, с одной стороны, и реальным состоянием умов — с другой. Если в условиях СССР 1930-х годов теория «большого реализма» могла играть объективно положительную роль в преодолении советской эстетической мыслью пролеткультовских и вульгарно-социологических наслоений, то в послевоенной Венгрии такая задача стояла с гораздо меньшей остротой. Значительная часть интеллигенции (как «либеральной», так и левой) воспринимала лукачевские теории реальной демократии и «большого реализма» как часть, хотя и далеко не самую одиозную, марксистской политической, эстетической ортодоксии, сковывающей многообразие проявлений творческого духа. Любое доктринерство, стремление подчинить живой процесс абстрактной схеме, сколь бы красивой и логически безупречной она ни была, вызывало опасения⁴⁰. В контексте литературной, культурной жизни Венгрии 1940-х годов со всей определенностью проявилось противоречие между позитивным значением Лукача как литературоведа, отстаивающего, грамотно интерпретирующего и умело пропагандирующего классические традиции в мировой культуре, и узостью некоторых его схем в применении к текущему творческому процессу, что нашло, например, выражение в предвзятой оценке творчества Ласло Немета, не только выдающегося мастера психологического романа, но и крупного публициста, мыслителя, переводчика.

Весьма критическое отношение Лукача к почвеннической историософии Немета, его представлениям о месте Венгрии в Европе⁴¹, нередко проецировалось, и не всегда убедительно, на его художественные произведения⁴². В Л. Немете Лукач во второй половине 1940-х годов склонен был видеть негативный пример идейной эволюции представителя движения «народных писателей», противопоставляя ему в качестве позитивного примера Дюлю Ийеша, другого корифея этого течения. Однако реальная роль Л. Немета и Д. Ийеша в литературно-общественной жизни Венгрии первых послевоенных лет едва ли давала основания для столь жесткого противопоставления⁴³.

В условиях, когда венгерская компартия уделяла первостепенное внимание задачам укрепления своей социальной базы, в том числе завоеванию творческой интеллигенции, политическая платформа Лукача, последовательно ориентированная на широкое единство антифашистских сил в борьбе за социализм, равно как и его эстетика (указывавшая на подвижную связь между мировоззрением и творческим методом, отличавшаяся большей гибкостью и более тонким пониманием специфики искусства, чем другие марксистские концепции в Венгрии) получали поддержку руководства ВКП. М. Ракоши и его окружение небезуспешно пытались использовать в своих интересах и огромный интеллектуальный потенциал всемирно известного философа, и его авторитет в кругах левой интеллигенции не только в Венгрии, но и за ее пределами⁴⁴. По справедливому замечанию известного французского политолога венгерского происхождения Ф. Фейте, в целом критически относящегося к творчеству Лукача, «высокое диалектическое искусство, знание различных тенденций западной философии, тем более глубокое, что ему приходилось преодолевать их в самом себе, делали Лукача наиболее подходящей фигурой для роли адвоката *in extremis* ортодоксальной партии, которая еще не потеряла надежду привлечь на свою сторону интеллигентов, вкусивших сладость «декадентской культуры». Не был ли он воплощенным доказательством терпимости по отношению к ряду утонченных умов, доказательством того, что им предоставится все же возможность сохранить свои международные связи и определенный уровень мышления и творчества, который клеветники режима объявили уже окончательно утерянными?»⁴⁵.

Однако к 1948 г. ситуация кардинально изменилась. Единство международного антифашистского лагеря дает трещину, кратковременный период мирного сосуществования быстро сменяется «холодной войной». Сталин и его окружение делают все, что в их силах, для форсирования социалистических преобразований в странах своей сферы

влияния, установления в них родственных коммунистических режимов⁴⁶. Прочно утвердившись у власти, лидеры венгерской компартии отбросили идею единого «народного фронта» как утратившую актуальность. Одновременно они пересмотрели и основополагающие установки культурной политики. «Мы требуем от писателей точного знания марксизма-ленинизма», — заявлял в 1950 г. один из идеологов образованной летом 1948 г. в результате объединения коммунистов с левыми социал-демократами Венгерской партии трудящихся (ВПТ) М. Хорват⁴⁷. Ранее, до установления монополии одной идеологии, руководство партии было вынуждено считаться с идейным плюрализмом среди творческой интеллигенции и в силу этого не гнушалось использовать в своих интересах довольно гибкую лукачевскую концепцию. Теперь оно уже не испытывало прежней тактической необходимости в этом. «Мавр сделал свое дело, мавр может уходить», — так, словами известного литературного героя, откомментировал впоследствии философ произошедшее на рубеже 1940–1950-х годов свое унижительное, сопровождавшееся разносной критикой отлучение от участия в разработке линии партии в отношении творческой интеллигенции. В условиях, когда политическая гегемония ВПТ была уже неоспорима, а ее оппоненты вытеснены с политической арены, партийное руководство без видимого ущерба для своей монополии на власть уже могло вопреки Лукачу позволить себе провозглашение курса на «единомыслие» в среде деятелей культуры.

Летом 1949 г., когда во устрашение любых проявлений оппозиционности в Будапеште готовился показательный судебный процесс по делу видного деятеля венгерской компартии Л. Райка, Лукач также попадает под прицел карательных органов. Лидеры партии М. Ракоши и М. Фаркаш 11 июля в беседе с эмиссаром ВКП(б) С. Заволжским не скрывали своих планов: «После окончания дела о Райке, заявил т. Фаркаш, возьмемся за идеологические вопросы. Прежде всего мы должны разоблачить идеалиста и космополита — Лукач Дьердь. С этой целью в центральной газете и теоретическом органе партии будет напечатано несколько статей по различным теоретическим вопросам. Затем будет вынесено решение Политбюро. Все трудности состоят в том, что у нас очень мало подготовленных теоретически товарищей»⁴⁸. На проходившем за месяц до этого, 11 июня, совещании в МИД СССР, где речь шла о положении в Венгрии, отмечалось, что Лукач, в свое время критиковавшийся В. И. Лениным, «сейчас подвизается на идеологическом фронте Венгрии и в своих лекциях и статьях протаскивает антиленинские установки в вопросах эстетики, литературы и культуры». Из этого делался вывод, что «развертывание идеологической борьбы

в Венгрии против троцкистов и других антимарксистских элементов является насущным делом»⁴⁹.

* Так называемую «дискуссию о Лукаче» 1949-1950 гг. открыла публикация Ласло Рудаша, ветерана компартии, философа, давнего оппонента Лукача, в свое время активно участвовавшего в критике работы «История и классовое сознание». С программными статьями выступили Й. Реваи и М. Хорват⁵⁰. Лукач был подвергнут острой проработке, в ходе критической кампании утверждалось, что «ошибки товарища Лукача в течение ряда лет искажали политику партии в области литературы и в неправильном направлении воздействовали на значительную часть находящихся внутри партии и вне ее писателей»⁵¹. В сфере политики философу вменялись в вину ориентация на некую плебейскую демократию, поиски третьего пути между капитализмом и диктатурой пролетариата (причем корни этой позиции выискивались еще в «тезисах Блюма» 1929 г.), в сфере эстетики — прежде всего недооценка роли «передового мировоззрения» в художественном творчестве, пренебрежительное отношение к советской литературе, выполненной по канонам «социалистического реализма» в его ждановской интерпретации.

Так называемая «дискуссия о Лукаче» 1949-1950 гг. значительно переросла венгерские рамки. Она повлияла на ужесточение культурной политики в ГДР, да и в ряде других народно-демократических стран⁵², ее широко комментировали в западной прессе⁵³. Некоторый отклик она вызвала и в СССР: в январе 1950 г. А. Фадеев на собрании актива Союза советских писателей подверг Лукача резкой критике за недооценку роли передового мировоззрения в творческой деятельности, пренебрежительное отношение к современной советской литературе социалистического реализма⁵⁴. Философу пришлось выступить с самокритикой, хотя значительной части прозвучавших обвинений (особенно в статье Рудаша) он не признал⁵⁵. Избежать более суровой участи ему помогли определенное покровительство главного идеолога партии Й. Реваи (ученика Лукача, хотя и неоднократно от него отрекавшегося)⁵⁶ и, в еще большей мере, принадлежность к московской коммунистической эмиграции, представители которой, как правило, избегали в Венгрии расправ.

Кампания по нейтрализации Лукача своей цели не достигла. Философ и в годы опалы сохранял значительное влияние не только на умы марксистски ориентированной интеллигенции, но даже на руководителей культурной политики. Посол СССР в Венгрии Е. Киселев докладывал 25 июня 1952 г. министру иностранных дел СССР А. Я. Вышинскому: «В разное время я в тактичной форме обращал внимание гг. Ракоши, Реваи и Хорвата на то, что неразоружившийся Лукач,

бесспорно, мешает и тормозит развитие современной венгерской литературы по правильному пути»⁵⁷. Согласно этому и другим посольским донесениям, «известный путаник, а по существу буржуазный националист» (?!) Лукач продолжал упорствовать в отстаивании своих прежних взглядов, ведя за собой значительную часть литераторов⁵⁸. Все-таки в этот период состояние коммунистической идеологии в Венгрии определяли отнюдь не труды Лукача. Напротив, те идейные доктрины, которые, пользуясь официальной поддержкой, занимали доминирующее положение (особенно в сфере эстетики), получили более полное, завершенное выражение именно в полемике с его взглядами.

ГЛАВА 6

ЭСТЕТИКА СОЦРЕАЛИЗМА В ВЕНГРИИ НАЧАЛА 1950-х ГОДОВ
И ПОЗИЦИЯ Д. ЛУКАЧА

В статье 1950 г., призванной подвести итоги «дискуссии о Лукаче», Реваи отмечал, что в силу специфики конкретных венгерских условий (отсутствие гражданской войны и т. д.) утверждение гегемонии социалистического искусства в Венгрии «может быть относительно более мирным», чем в СССР, и «в целом... более быстрым»¹, оно не будет сопровождаться столь же острой групповой борьбой, как в СССР, «попутчики» займут значительно меньшее место в литературно-художественной жизни. Пребывание в попутчиках — лишь временное состояние, писал Реваи, «развиваться по пути к социалистическому реализму, к партийной литературе побуждаем не только мы, но сама жизнь»².

Что же представляли собой в действительности та новая концепция человека, то новое мировоззрение, к овладению которым, выступая от имени «самой жизни», так настойчиво призывал художников главный идеолог венгерского коммунистического режима? Общая для всех граждан строящегося социалистического общества установка на усвоение марксизма (конечно же в его официальном толковании) дополнялась по отношению к художникам специфическим требованием — взять на вооружение метод социалистического реализма как наиболее «передовой», в полной мере соответствующий «высоте» стоящих перед обществом задач. Курсу партийного руководства, избравшего в качестве образца сталинскую модель социализма, соответствовала концепция социалистического реализма, сформировавшаяся в 1930–1940-е годы в СССР и нашедшая законченное воплощение в выступлениях А. Жданова первых послевоенных лет и соответствующих партийных постановлениях. Еще весной 1948 г., за несколько месяцев до поворотного июньского Объединительного съезда коммунистов и левых социал-демократов, коммунистический лидер М. Ракоши упрекал марксистскую интеллигенцию Венгрии за приверженность многим «устаревшим» теориям (и в частности, теории народного фронта), тогда как марксистская мысль СССР обогатилась за последнее время, по его мнению, «новыми достижениями», среди которых он выделил небезызвестные постановления ВКП(б) по вопросам литературы и искусства 1946–1948 гг.³ В последующие месяцы коммунистическая пресса неустанно выдает эти постановления за своего рода эталон, за важную составляющую советского опыта социалистического строительства, требующего активного внед-

рения в практику венгерской культурной революции¹. Метод социалистического реализма в его ждановской интерпретации монополизируется, провозглашается всеобъемлющим для нового венгерского искусства. На место недавнему плюрализму приходят полная регламентация творческой деятельности, подчинение ее своду общеобязательных канонов как в области содержания, так и в области формы.

В чем же заключалась суть насаждавшейся сверху эстетики? Прежде всего вопреки сущности понятия «реализм» и, как правило, вопреки собственным декларациям эстетика социалистического реализма ориентировала отнюдь не на отображение объективно данной реальной действительности во всем многообразии ее глубинных социальных связей, а на создание «картины мира», соответствующей представлениям партийной верхушки об идеальном обществе. Это признал впоследствии, в мемуарах 1970-х годов, М. Хорват: «Действительность (для художников — А. С.) была такой, какой мы, политики, ее хотели видеть»⁵. Реалистический характер метода не переставал, однако, декларироваться, и внедряемые литературой в массовое сознание идеальные образы преподносились отнюдь не как удаленные от жизни. Напротив, грань между реальностью и идеалом сознательно размывалась, идеальное состояние изображалось как уже достигнутое или близкое к достижению. Здесь приходил на помощь заимствованный из арсенала современной советской эстетики тезис о революционном романтизме как неотъемлемой составной части метода социалистического реализма. «Уже давно позади то время, когда литература... догоняла жизнь», теперь она должна опережать ее, заметил в одной из статей редактор еженедельника Союза венгерских писателей «Иродалми уйшаг» Б. Иллеш (в прошлом видный представитель венгерской литературной эмиграции в СССР, на рубеже 1920–1930-х гг. один из лидеров Международной организации революционных писателей)⁶. «Надо показывать те тенденции в действительности, которые сегодня еще не стали везде господствующими, но завтра, несомненно, станут», — отмечалось в резолюции съезда венгерских писателей в 1951 г.⁷ Применительно к эстетическим установкам начала 1950-х годов можно говорить не просто об абсолютизации прогностической функции искусства, безусловно, имеющей право на существование, а о сознательном искажении картины, выдаваемой за реальность. Размывание граней между наличествующим и должным, искусственное привнесение перспективы в изображаемую реальность подавляли реалистическое начало в литературе, таили в себе угрозу приукрашивания действительности.

Тенденция, о которой идет речь, явно шла вразрез представлениям Лукача, подчеркивавшего, что писатель-реалист «не может изображать перспективу будущего иначе, как в виде более или менее замет-

ного, обозначившегося направления развития изображаемого настоящего»⁸. В своих статьях конца 1940-х годов философ неоднократно предостерегал от подобного смещения ориентиров в литературе, претендующей быть реалистической, то есть провозглашающей своим художественным методом типизацию фактов действительности. «Правдивый художник... не выдает перспективу за уже воплощенную реальность»; основа реалистической литературы — «реальное появление нового в общественной жизни», — заявлял он с трибун различных форумов венгерской творческой интеллигенции⁹.

На практике в культурной политике начала 1950-х годов доминировало, однако, совсем иное понимание задач литературы. Призывая художников «опережать свое время», официозная литературная критика принимала в штыки попытки некоторых писателей (Т. Дери, П. Вереша, И. Эркеня и др.) глубже вникнуть в суть происходящих в обществе перемен, увидеть в социальной действительности противоречивые тенденции. Даже в тех случаях, когда и речи не могло быть об антисоциалистической тенденциозности, с журнальных страниц звучали обвинения в очернительстве.

Идеальная действительность немыслима без идеальных героев. Кто может быть положительным персонажем литературы социалистического реализма? — спрашивал Реваи и сам же отвечал: «стахановец, тракторист, партийный работник, воин, добросовестная работница»¹⁰, но прежде всего «рабочий человек, выполняющий 5-летний план, показываемый во всем многообразии его общественной жизни и духовного мира»¹¹. Последнее замечание немаловажно — только тот, кто «без всякого сомнения служит партии, целям социалистического строительства»¹², достоин, по мнению Реваи, стать положительным образом литературы социалистического реализма. Не менее характерны слова одного из критиков: «колеблющегося героя я всегда связывал... с реакционным буржуазным декадансом»¹³. Подобные предписания призывали художников создавать персонажи, лишённые каких-либо душевных изъянов, т. е. образы одномерные, схематичные, психологически неубедительные. Одной из причин резкой критики Реваи и других в адрес романа Т. Дери «Ответ» (1952) была симпатия автора к одному из своих героев — рефлекслирующему, исполненному душевных метаний интеллигенту¹⁴. Требование максимально упростить духовный мир персонажей художественных произведений, освободить их от естественных человеческих слабостей, страстей, внутренних противоречий становится чуть ли не общим местом литературной критики¹⁵. Причем для подкрепления подобных стереотипов положительного героя конкретным твор-

ческим опытом критика обращалась к произведениям современной советской литературы, которая, согласно представлениям Хорвата, спорившего по данному вопросу с Лукачем, стояла на «несравнимо более высоком уровне», нежели классика «буржуазного» искусства¹⁶. Книги В. Ажаева, С. Бабаевского и др. расценивались как образцовые, в то время как «Тихий Дон» М. Шолохова, герой которого так и не смог найти себя в новой жизни, оценивался Хорватом как роман, при всех своих «сильных сторонах» не подходящий для того, чтобы выступать в качестве примера для молодых писателей¹⁷.

Персонажи художественных произведений, выполненных по канонам эстетики социалистического реализма, не были, как правило, индивидуализированы. Каждый из них выступал как носитель определенной социальной роли, функции, и любая из этих ролей требовала для своего воплощения стереотипного набора приемов. Особенно явно это, конечно же, проявилось в пластических искусствах — стандартизированные портреты и бюсты плечистых стахановцев, улыбающихся колхозниц, мускулистых девушек с веслом не только наводнили картинные галереи, но и перешагнули за их стены, были использованы в художественном оформлении площадей и скверов в новых районах¹⁸. За доминировавшими в художественной культуре современными советскими образцами зачастую совершенно исчезала национальная специфика в искусстве.

«Картина мира», декларируемая официальной эстетикой, неизбежно носила иерархический характер. Верхнюю ступень пирамиды занимал вождь, олицетворявший своей фигурой всю мощь тоталитарной власти и господствующей идеологии. При этом положение Венгрии как страны политически зависимой от своего северо-восточного соседа вносило в иерархию некоторую специфику в сравнении с СССР, делало вершину как бы двухступенчатой (над «лучшим венгерским учеником товарища Сталина», как называла в те годы Ракоши венгерская пресса, возвышался сам «отец народов»). Проводились конкурсы на лучшие стихотворения о Сталине и Ракоши. Виднейшее место среди жанров официального искусства занял парадный портрет — к образам вождей обращаются в эти годы многие художники и скульпторы¹⁹. Из фонда культурного наследия актуализируются традиции академизма и неоклассицизма — не удивительно, ведь именно эти художественные течения лучше всего способны были выразить идею сильной централизованной власти, незыблемости государственного строя. В высшей степени показательно, что один из придворных скульпторов регента Хорти Ж. Кишфалуди Штробль всего через каких-нибудь 7-8 лет вполне пришелся ко двору генсеку Ракоши.

Образ главного героя, наделенного сверхъестественными качествами, возвышающегося над рядовой массой, составляющей обычно лишь фон для его действий, вообще был весьма характерен для художественного сознания эпохи. Реваи, выступая в 1949 г. на открытии выставки современного советского искусства, говорил об умении советских художников отображать «историю в больших руководителях»²⁰ как об их огромном достоинстве. Его призывам последовали многие венгерские живописцы, обратившиеся к показу ключевых событий национальной истории исключительно через образы вождей. Проблема отношений вождя и народа всплывала в директивных установках и позже. Так, посетивший одну из выставок М. Хорват, попытавшись оценить крупноформатную картину Д. Кадара и Д. Конечны «Перед бурей» (о выступлении участников восстания Д. Дожи в 1514 г.), отметил в качестве недостатка то, что народные вожди не выделяются из основной массы. Хорошо изучив реалии той эпохи, быт и одежду XVI в., живописцы, однако, показали непонимание «нашего текущего момента», особенностей нашей сегодняшней революции, заметил Хорват²¹. В то же время ряд молодых поэтов, посвятивших свои стихи Сталину, были удостоены его похвалы именно за «верное понимание нашей жизни». Следует заметить вместе с тем, что строгая нормативность эстетики «соцреализма» отнюдь не исключала многообразия жанров, причем наряду с высокими жанрами (парадные портреты, оды вождям, жизнеописания героев и т. д.) имели право на существование и низкие (например кинокомедии), как правило, ничуть не менее насыщенные политико-идеологическим содержанием, но преподносившие его в иной форме.

Помимо создания и поддержания в общественном сознании идеальной «картины мира» перед искусством ставились и более прагматические задачи. Речь идет о необходимости реагировать на текущий политический заказ, обслуживать меняющуюся политико-идеологическую конъюнктуру, переводя в художественно-образный ряд партийные постановления и скороспелые лозунги. «Иногда и хорошо выбранная пьеса, хотя в целом и способствует политическому воспитанию наших трудящихся, повышает их сознательность, в то же время отнюдь не всегда помогает в непосредственном решении возникающих перед нами новых проблем», — говорилось в установочной статье по вопросам театра²².

Обе названные функции осуществлялись сходным образом. И внедряя в массовое сознание образ вождя, и призывая трудящихся отдать все силы на нужды форсированной индустриализации, пропагандистский механизм ВПТ, поставивший искусство себе на службу, апеллировал больше не к разуму, а к чувствам, эмоциям, прибегая при

этом к использованию многообразных средств внушения, манипуляции, суггестивного воздействия.

К задачам насущной политической пропаганды очень часто стремились привязать и классику, пренебрегая принципом историзма. Так, в рецензии на театральную постановку классического произведения венгерской драматургии XIX в. трагедии Й. Катоны «Банк бан» один из критиков писал о необходимости режиссерской установки на то, чтобы просмотр одного из действий пьесы неизбежно заставлял зрителя провести аналогию с «преступными действиями» американских империалистов и вызывал у него осуждение этих действий²³. Целесообразность постановки шекспировского «Макбета» другой критик мотивировал тем, что в этой драме можно найти прямые параллели с процессом по делу Л. Райка, деятеля компартии, устранившего Ракоши в результате инсценированного судилища, проходившего примерно по тому же сценарию, что и большие московские процессы 1936–1938 гг.²⁴ Позже, в 70-е годы, Хорват довольно тонко заметил в мемуарах: политики начала 1950-х годов в известной мере уподоблялись первобытным людям, которые рисовали страшилища на стенах своих пещер и метали в них копыя, чтобы изжить в себе страх столкновения с подлинной реальностью²⁵. Ясно, что при таком понимании задач художественного творчества классика находилась в заведомо невыгодном положении в сравнении с конъюнктурными агитками, написанными на злобу дня. Когда сразу несколько театральных коллективов предпочли бесконфликтной драматургии современных венгерских и советских авторов пьесы Мольера, в духе времени был поставлен вопрос об умышленном вредительстве и в дело были вовлечены органы безопасности²⁶.

Независимо от того, в какой мере это осознавалось самими художниками, литература и искусство были призваны стать одним из средств легитимации режима. Отсюда и доходившая подчас до абсурда абсолютизация политических критериев оценки произведений. «Что политически плохо, то и в художественном отношении может быть только плохим», — отмечалось в одной из критических статей²⁷. Другой автор, отзываясь о романе советского писателя В. Ажаева, заявлял: ««Далеко от Москвы» может быть потому наилучшее среди лучших произведений советской литературы, что оно наиболее явно показывает, в какой мере художественная ценность произведения зависит от важности изображенного в нем участка действительности, а не от... индивидуальности художника» (?)²⁸. В соответствии с этой логикой главная задача художника заключалась в самом выборе темы, а отнюдь не в ее художественном решении.

В начале 1950-х годов искусству предписывалось «идти в ногу со временем». «Необходимо, чтобы наши писатели ориентировались прежде всего на современные темы»²⁹, — отмечалось в материалах писательского съезда весной 1951 г., — им следует рассказывать «о социалистическом соревновании, о бригадах, о жизни молодежи, о шахтерах, о сталеварах, о строителях»³⁰. «Социалистическое строительство, борьба за мир и новый положительный герой, его развитие, борьба, победа должны стать главной темой нашей литературы»³¹. Если Д. Лукач считал, что «вопрос о социалистическом реализме не есть вопрос о теме»³², то М. Хорват, напротив, полагал, что круг «основных направлений» современной венгерской литературы определен 5-летним экономическим планом³³, те же писатели, кому изображение «нашей социалистической действительности представляется «смирительной рубашкой», едва ли могут найти место в нашей литературе»³⁴.

Тезис о том, что художественная литература (в том числе и лирика) должна воплощать общественно значимое содержание, ни в коей мере не вступал в противоречие со взглядами Д. Лукача, который в работах 30-40-х годов, анализируя лирику И. В. Гете, А. Пушкина, Г. Гейне, последовательно проводил мысль о тесном переплетении личного и социального, индивидуального и общечеловеческого в наиболее значительных по своему воздействию на современников и потомков лирических произведениях. Однако в официозной эстетике эпохи Ракоши установка на социальную содержательность искусства, доведенная до абсурда, оборачивалась высокомерно-пренебрежительным отношением к изображению частной жизни, внутреннего мира человека. «Наша поэзия, — писал Реваи, — должна выражать не личные эмоции, а большие общие чувства народа»³⁵. Следуя указаниям своего главного идеолога, некоторые критики шли еще дальше, упрекая поэтов в том, что они в дни войны в Корее позволяют себе писать стихи о любви³⁶.

Попытки придать художественному образу идеологическую нагрузку и даже агитационно-пропагандистское звучание не ограничивались сферой художественной литературы, изобразительного искусства, музыки, театра, они распространялись даже на архитектуру. В 1950 г. по инициативе Реваи была развернута кампания борьбы с конструктивизмом и функционализмом, господствовавшими в венгерской архитектуре после 1945 г., при этом в качестве идеала выдвигались современные советские образцы в духе неоклассицизма и поверхностной эклектики.

Пример архитектуры особенно отчетливо показывает, что культурная политика коммунистического режима предъявляла свои требования отнюдь не только к содержанию художественных произведений.

Не менее явно ущербная нормативность господствующей эстетической концепции проявлялась в отношении к форме, художественным средствам. В прямом противоречии со взглядами Лукача, для которого формальный аспект имел сугубо подчиненное значение, официозная эстетика начала 1950-х годов стремилась навязать художнику узкий набор приемов, якобы пригодных для решения любой творческой задачи, поставленной в русле реалистического метода. Главным достоинством современной советской живописи Реваи считал то, что на картинах «предметы не расплываются... они те же, что в действительности. Рисунок строгий и четкий, формы не разрушаются, соответствуют действительности»³⁷. М. Хорват со всей откровенностью говорил о фотографичности как основном критерии ценности искусства социалистического реализма³⁸. Принцип изображения жизни в формах самой жизни, который Лукач ставил в зависимость от состояния общества, расклада социальных сил, конкретных форм проявления социальных антагонизмов, теперь абсолютизировался безотносительно к конкретно-исторической ситуации, расширение художественной условности (даже в рамках реалистического метода) считалось неоправданным. При этом обычно ссылались на требования общедоступности, близости народу (для каждого вида искусств устанавливались свои критерии общедоступности — для музыки, например, требование мелодичности). «Высокое идейное содержание, недвусмысленная, твердая позиция, язык, стиль и форма настолько простые, чтобы... воздействовать в социалистическом духе на миллионы читателей», — именно в этом, по мнению Б. Иллеша, состояла задача литературы социалистического реализма³⁹.

Проблема, о которой здесь идет речь, представляется неоднозначной. Процессы демократизации, развернувшиеся в 1945–1946 гг., способствовали более широкому приобщению масс к плодам профессионального художественного творчества. Показатели книжных тиражей, посещаемости выставок, театров, кинотеатров и т. д. росли и в те годы, когда у власти укрепились Ракоши и его команда. В той мере, в какой социальное функционирование искусства, его бытование в определенной среде, оказывает обратное влияние на творческий процесс, это обстоятельство ориентировало художников на формы, доступные эстетически малоподготовленной публике. Таким образом, просветительские задачи стояли перед культурной политикой объективно. Вместе с тем просветительство трактовалось в узко утилитарном, сугубо идеологизированном плане и в полном отрыве от проблемы совершенствования эстетических вкусов. Все дело заключалось в том, что только искусство, рассчитанное на самую широкую аудиторию, способно было

выполнить (и то, конечно, далеко не всегда) предписанный ему сверху социальный, пропагандистский заказ.

Одним из распространенных жанров литературной, художественной критики становятся «письма трудящихся». При том, что почти любое критическое выступление, будучи санкционированным сверху, приобретало директивное звучание, в особой мере это касалось тех публикаций, под которыми стояла подпись рабочего — читатель должен был воспринять эту критику как голос народа, того, кому, перефразируя Ленина, отныне стало «принадлежать искусство». И в этой связи возникает важный вопрос: как влиял на искусство начала 1950-х годов (и на творцов, и на аудиторию) социально-психологический климат, настрой эпохи, было ли это искусство, подгонявшее и «опережавшее» жизнь, только плодом лицемерия или иногда хотя бы в некоторой мере отражало надежды, иллюзии, ожидания, характерные для тех лет?

Есть основания утверждать, что атмосфера революционной эпохи с присущим ей острым противостоянием двух политических лагерей объективно располагала авторов к предельной тенденциозности, к определенности оценок вплоть до отсутствия «полутонов» в изображении, плакатного противопоставления позитивных и негативных, «своих» и «чужих» персонажей. При этом противостояние двух лагерей, двух систем ценностей могло проецироваться в восприятии отнюдь не малочисленных сторонников коммунистического режима и на внутренние противоречия нового общества. Эти последние (и в частности возникновение враждебной массам бюрократической прослойки) зачастую воспринимались ими как унаследованные от капитализма. Новое общественное состояние предстало, таким образом, лишенным своих имманентных противоречий, что находило отражение и в художественной культуре. Говоря о настроениях масс в переломную, революционную эпоху, надо иметь в виду и тот характерный социально-психологический феномен, когда происходящие коренные социально-экономические преобразования (а в Венгрии они были значительными начиная уже с 1945 г.) приближают в сознании многих людей идеальное состояние, делают более зыбкими и подвижными границы между реальным и идеальным, так что сама действительность начинает восприниматься в идеализированных, романтических, утопических формах. Образ будущего (как правило «светлого будущего») в такие эпохи и помимо усилий культурной политики, о которых уже говорилось, занимает видное место в общественном сознании, а настоящее воспринимается в координатах идеального, видится не как ценное само по себе, а только как временное, переходное положение, одна из ступеней на пути к идеалу.

При таком восприятии реальности неизбежны искажение, аберрация зрения, подмена сущего должным, и это в той или иной мере характерно и для обыденного, повседневного, и для художественного сознания.

В конце кадаровской эпохи некоторые венгерские исследователи (например видный литературовед И. Кирай) писали об эмоциональном подъеме, охватившем значительную часть населения страны в период определенных экономических успехов 1946–1948 гг., когда Венгрия в течение считанных лет не только преодолела экономическую разруху, но и достигла предвоенного уровня в развитии промышленности⁴⁰. Этот настрой не мог не найти своего проявления и в художественной культуре. По мнению Кирая, впрочем, оспариваемому некоторыми другими исследователями, искренний оптимизм, вера в «светлое будущее», скорое торжество социалистических идеалов на некоторое время овладели и кое-кем из зрелых художников (даже не столько известный процесс по делу Райка и другие политические репрессии 1949–1950 гг., сколько крах экономической политики Ракоши в 1951–1952 гг. смогли, считает Кирай, поколебать этот настрой). Тем более такой оптимизм был характерен для молодых художников рабоче-крестьянского происхождения, после 1945 г. довольно активно вступавших в творческую жизнь⁴¹. И дело здесь было отнюдь не только в особенностях субъективного восприятия, но в чем-то большем. Глубоко прав, на наш взгляд, киновед Л. Тот, который пишет о том, что находившаяся в состоянии разрухи «страна, борющаяся с тысячью проблем, нуждалась в оптимистической перспективе»⁴². Вспомним в этой связи о кассовом успехе в послевоенном советском прокате фильма «Кубанские казаки», а тем более зарубежных кинолент типа «Девушки моей мечты».

Но одно дело потребность в оптимистической перспективе, а также временный эмоциональный подъем, революционно-романтический настрой, питаемый быстрыми социальными переменами, видимым ускорением общественного развития. И совсем другое дело — сознательная эксплуатация этого социально-психологического феномена в целях создания эстетической системы, направленной на то, чтобы увести художника от познания социальной действительности. Впрочем, это касалось не только эстетики и художественной культуры. Авангардистские, революционно-романтические настроения определенной (из года в год все сужавшейся и сужавшейся) части общества нередко оказывались созвучными планам Ракоши и его окружения и применительно к другим сферам деятельности, будь то массированное вытеснение частного товаропроизводителя или же превращение Венгрии в страну тяжелой индустрии.

Какова была реакция в творческих кругах на эстетическую концепцию, претендовавшую на господствующее положение в художественной, литературной, театральной жизни? На этот вопрос нельзя ответить однозначно. Были художники, попросту склонные к конъюнктурщине — они с готовностью принялись следовать установленным нормам, снискав себе расположение верхов⁴³. Иначе отреагировали на поворот в культурной политике серьезные мастера. Даже те из них, кто до поры до времени искренне верил в возможность построения социализма и связывал такую перспективу с силами, стоявшими у власти, не были, как правило, настроены на отказ от своих наработанных творческих принципов, тем более в угоду столь безжизненной нормативной концепции. Но простора для маневра оставалось все меньше и меньше. Хотя Реваи и утверждал, что «новую социалистическую литературу невозможно создать с помощью административных мер»⁴⁴, в реальности все обстояло по-другому. Художники, не желавшие следовать официальным установкам, постепенно вытеснялись из культурной жизни в результате закрытия журналов, пересмотра книгоиздательских планов, усиления цензуры. В числе изданий, переставших выходить, оказался и «Форум» Д. Лукача, закрытый в 1950 г.

Журнал этот был основан в 1946 г. как орган так называемого «Форум-клуба», созданного по инициативе идеологов ВКП кружка, задачей которого было знакомить с основами марксизма будапештских интеллигентов, проявлявших интерес к этой теории. Будучи тесно связанным с идеологическими структурами компартии, журнал «Форум» вместе с тем, согласно вывеске, был межпартийным изданием, претендовал на то, чтобы выступать интеллектуальным рупором всех левых сил. При этом он активно отстаивал концепцию единого антифашистского народного фронта, до 1948 г., как уже отмечалось, не противоречившую установкам ВКП. Д. Лукач, будучи наиболее влиятельным членом редколлегии журнала, за четыре года опубликовал на его страницах около 30 статей и рецензий, фактически определявших направленность этого издания, в политической сфере отстаивавшего идеи «реальной демократии», эволюционирующей относительно безболезненным путем к социализму, а в эстетике — концепцию «большого реализма». Острая критика со страниц «Форума» некоторых явлений художественного авангарда, непримиримая борьба с философским иррационализмом, по ведомству которого рассматривался и находивший в Венгрии 1940-х годов немало интеллектуальных поклонников французский экзистенциализм, вызывали резкие возражения определенной части творческой интеллигенции⁴⁵. Вместе с тем в своей художественно-пуб-

ликаторской практике журнал, как правило, превосходил схемы собственных манифестов, публикуя, например, стихи Л. Кашшака или (в переводах) П. Элюара, несшие на себе отпечаток авангардистской эстетики. После поворотного 1948 г. «Форум» не мог не претерпеть некоторой эволюции в духе времени — так, с его страниц все чаще пропагандировался «советский опыт» во всем его многообразии, пелись дифирамбы Сталину и Ракоши. В 1949 г. журнал обращается в ряде статей к проблеме социалистического реализма. Свое мнение высказал и Лукач, сделавший акцент на преемственности литературы социалистического реализма реалистической традиции прошлого, подчеркнувший, что литература, отвечающая высоким критериям социалистического реализма, должна быть основана на точном знании тенденций общественного развития, а не выдавать за такое знание утопическую перспективу⁴⁶. Все-таки литературно-критические выступления Лукача 1949–1950 гг., большей частью опубликованные в «Форуме», несли на себе след компромисса. Подвергнутый критике философ пытался маневрировать. Не желая отказываться от большинства принципиальных положений своей эстетической платформы (теории «большого реализма»), он вместе с тем стремился к преодолению разногласий со своими оппонентами, выискивал общее в позициях двух сторон. Пытаясь отвести упреки в недостаточном внимании к советской литературе, он как раз в это время шире обращается к изучению ее идейно-художественного опыта — творчеству М. Шолохова, А. Макаренко и т. д.⁴⁷

При всей готовности редакции «Форума» идти в ногу со временем, чрезмерная последовательность в отстаивании реалистической традиции оказалась излишней в условиях, когда набирала силу ждановская эстетика. В итоге «Форум» разделил участь других изданий, на рубеже 1940–1950-х годов признанных руководителями культурной политики неудобными. Примерно в это же время Лукач отходит от активной преподавательской работы в Будапештском университете, продолжая, однако, и далее тесно контактировать с довольно узкой группой учеников, философов молодого поколения (А. Хеллер и др.). С начала 1950-х годов он обращается к систематическому изложению своих взглядов на эстетику. Венцом этого многолетнего труда стало его итоговое сочинение «Своеобразие эстетического».

Едва ли будет преувеличением говорить о глубоком упадке венгерской художественной культуры в 1949–1953 гг. На несколько лет оказались исключенными из литературной жизни (в лучшем случае отнесенными на ее периферию) такие ведущие писатели, как Л. Кашшак,

Ш. Вёреш, А. Тамаш, Е. Тершански, Л. Сабо, М. Фюшт, Г. Оттлик, Я. Пилински, А. Немеш Надь, И. Манди, Б. Хамваш, Д. Хатар, З. Йекели, М. Месей, И. Ваш, Э. Иллеш и др. Выдающийся мастер психологического романа Л. Немет выступал почти исключительно как переводчик русской литературной классики. В труднейших условиях приходилось работать другому корифею венгерской прозы, Т. Дери. Вскоре после выхода в 1952 г. второй части романа «Ответ» писатель, и ранее критиковавшийся за «флоберовскую беспристрастность», «аристократизм», неуважение к вкусам массового читателя, становится объектом ожесточенной травли. Устами Реваи он был обвинен в очернении истории венгерского рабочего движения — основанием для этого послужил показ в романе сектантских тенденций в деятельности ВКП⁴⁸. Еще один большой прозаик, Л. Надь, стал мишенью критических выпадов за «цинич-ный» «буржуазный» объективизм, упорное нежелание вносить в свои произведения пафос революционной романтики. Усиленным критическим разносам подвергались Д. Ийеш, П. Вереш, И. Эркенъ. Ряд молодых писателей, дебютировавших уже после войны, будучи поставленными перед жесткой необходимостью следовать официальным канонам, остановились в творческом росте. Вытесняются из художественной жизни многие живописцы, скульпторы, графики, работавшие в русле новейших стилевых течений. Другим приходилось, ломая творческую индивидуальность, приспосабливаться к устаревшим канонам академизма, выдававшегося официозной эстетикой за «социалистический реализм» в изобразительном искусстве. Переносится на венгерскую почву кампания по борьбе с формализмом в музыке.

На рубеже 1940–1950-х годов в результате реорганизации Союза венгерских писателей многие видные литераторы остаются за бортом этого творческого объединения. В условиях установившейся как раз к этому времени государственной монополии на книгоиздательскую деятельность это по сути дела означало лишение возможности издавать свои произведения. Не только писатели, но и многие живописцы, скульпторы, архитекторы, композиторы вследствие аналогичных чисток потеряли возможность зарабатывать себе на жизнь творческим трудом, перешли в категорию лиц со случайными доходами, остро недовольных устоями режима. Впрочем, процесс, о котором идет речь, представлялся руководству культурной политикой совершенно естественным. Как писал Реваи, с началом кардинальных перемен у многих художников ушла почва из-под ног и они только после основательной идейной переориентации смогут найти свое место в культурной жизни⁴⁹.

В 1950 г. М. Хорват с удовлетворением отмечал: на литературном фронте одержана победа — «социалистический реализм» стоит на «непоколебимо твердой» почве, занял ведущее положение в литературной жизни; достигнуто единство сил литературы на платформе «социалистического реализма»⁵⁰. То обстоятельство, что в результате одержанной «победы» венгерская литература (и художественная культура в целом) на время лишилась многих имен, составлявших ее гордость, как-то не принималось во внимание. От таких сомнительных «побед» еще в 1946 г. предостерегал Д. Лукач. «Единство литературы, — писал он, — не механическая униформизация, не сглаживание — из тактических соображений — существенных противоречий, а идейное единство убежденных сторонников демократии»⁵¹. Впрочем, не только Лукач, но даже Хорват и ему подобные не могли не ощущать всей иллюзорности установленного сверху единomyслия. «Среди литераторов мы чувствовали себя подобно завоевателям в покоренном городе», — вспоминал Хорват впоследствии⁵². Так были заложены основы глубочайшего конфликта между партийно-политическим руководством и творческой интеллигенцией, которому суждено было вылиться на поверхность всего через несколько лет, начиная с конца 1954 г., когда именно литераторы стали первопроходцами в борьбе за демократическое обновление социализма.

Исключение из активной творческой жизни многих талантливых художников привело к резкому снижению ценностных критериев в литературе и искусстве, чему не могла не способствовать и деятельность критики, как уже отмечалось, выдававшей за образцы произведения, несшие на себе следы нормативных предписаний. Показательно, что в ходе «дискуссии» 1949–1950 гг. Лукача много упрекали в «чрезмерном» внимании к художественному мастерству, в так называемом «литературном аристократизме», в том, что своими якобы завышенными требованиями к молодым, начинающим писателям он препятствовал их творческому росту. Торжествовали лакировочные тенденции. Широким потоком выходили романы, пьесы, фильмы, по преимуществу на производственную тему, созданные по рецептам пресловутой «теории бесконфликтности». Нормой становятся парадность, сглаживание «острых углов», стремление всячески избегать показа негативных явлений, тенденция демонстрировать обнаженность авторской позиции путем плакатного противопоставления положительных и отрицательных персонажей. Поэзия отличалась чрезмерной повествовательностью, снижением лирического начала, выходило очень много стихов агитационного характера, стереотипных по своему художественному решению. Сводятся на нет искания в области формы — по отношению ко

всем видам искусства можно говорить о разрыве с обширным пластом традиции мировой художественной культуры, о насильственном вытеснении из арсенала художественных средств того нового и ценного, что принесло искусство конца XIX-XX в. При этом в официальную эстетическую концепцию не вписывались и некоторые крупные деятели социалистической культуры, склонявшиеся к формальному экспериментированию — Б. Брехт, П. Элжар. Явно недооценивалась и собственная венгерская традиция пролетарского авангарда.

Наиболее значительные произведения из числа созданных в Венгрии в конце 1940 — начале 1950-х годов (например, роман Т. Дери «Ответ», его же рассказ «Белый мотылек», новелла И. Эркеня «Фиолетовые чернила», некоторые произведения Ф. Юхаса, И. Шаркади и др.), как правило, не укладывались в прокрустово ложе схем нормативной эстетики, не отвечали ни содержательным установкам, ни формальным канонам. Тем самым они давали повод для разнузданной критики, направленной сверху и не гнушавшейся политических обвинений.

Вульгарный характер господствовавших концепций художественной культуры проявился в начале 1950-х годов не только в оценках текущего творческого процесса, но и в отношении к культурному наследию. Хотя Д. Лукач и подвергся остракизму, идеологи культурной политики ВПТ так и не смогли полностью освободиться от влияния его идей. Более того, при разработке своей концепции культурного наследия они нередко шли по пути абсолютизации, доведения до логического завершения, подчас до абсурда наиболее уязвимых мест теории Лукача. Так, весь обширный период в развитии западноевропейской художественной культуры начиная с последней трети XIX в. расценивался как полоса тотального упадка и деградации литературы и искусства, на фоне которых выделяются лишь произведения художников, связанных с рабочим движением (или, во всяком случае, близких ему)⁵³.

Естественное для марксистов стремление к проведению четкого водораздела между строящимся социалистическим и буржуазным обществом предполагало и строгое разграничение двух культур. Лукач, в работах второй половины 1940-х годов уделивший немало внимания проблеме культурного наследия, всячески предостерегал от ее вульгарных интерпретаций, указывал на несводимость традиции к демократической культуре минувших эпох, обращал внимание на более сложный характер отношений между социалистической и современной «буржуазной» культурой, так же как и на весьма непростую, опосредованную связь между кризисом буржуазного общества и состоянием его культуры⁵⁴. Но в ходе «дискуссии» 1949–1950 гг. его позиция подверглась на-

падкам — особенное неудовольствие критиков (в частности Хорвата) вызвала прозвучавшая в одном из публицистических выступлений Лукача довольно плакатная формула о том, что заяц, забравшись на «Гималаи марксизма-ленинизма», отнюдь не становится крупнее стоящего на равнине слона. В ней увидели недооценку коммунистического мировоззрения и советской культуры. На место более гибкого и дифференцированного, пускай и спорного, подхода Лукача к современным художественным процессам, происходящим по другую сторону железного занавеса (вспомним хотя бы о его отношении к Томасу Манну), приходит огульное механическое отрицание.

Недооценка эстетических и переоценка идейных критериев, предельно узкое понимание реалистического метода характеризовали и отношение к национальной культурной традиции. По инициативе Хорвата на рубеже 1940–1950-х годов выдвигается лозунг «Наше знамя — Петефи»⁵⁵. Основанием для этого послужила не только революционная страстность, но и простота языка, предельная ясность и пластичность образов великого поэта, провозглашенного в это время предтечей «социалистического реализма». Но наследие Петефи трактовалось одно-сторонне. В нем видели только революционного поэта. Петефи-лирик оставался на втором плане. Кроме того, биография Петефи насильственно освобождалась от органически присущих его творческому развитию внутренних душевных конфликтов.

Именем Петефи иногда попрекали тех венгерских писателей, которые в ту или иную эпоху не смогли занять место в авангарде сил, выступающих за социальный прогресс в марксистском понимании. Крупных художников обвиняли в оторванности от рабочего движения или же в «недостаточно органическом» слиянии с ним по причине идейно-мировоззренческой «незрелости» (такой упрек звучал даже в адрес поэта А. Йожефа и живописца Д. Дерковича, преследовавшихся при хортизме за участие в коммунистическом движении). Из активного культурного наследия в начале 1950-х годов исключаются целые пласты национального достояния — прежде всего творчество крупных художников, работавших в конце XIX — первой половине XX в. (живописцев П. Синеи Мерше, Л. Меднянски, Т. Чонтвари, Й. Риппл Ронаи, писателей М. Бабича, Д. Костолани, Д. Круди, Ф. Каринти и др.). Руководителей культурной политики не устраивали либо позиция общечеловеческого, в трактовке тех лет «внеклассового» и следовательно «буржуазного» гуманизма, присущая этим художникам, либо использование стилевых форм, противоречащих нормативной эстетике «социалистического

реализма», либо и то, и другое. Только с середины 1950-х годов началось медленное возвращение многих имен, составляющих гордость венгерской национальной культуры.

«Наше главное требование к работникам культуры... состоит в том, чтобы они учились у советской культуры, чтобы отныне не на Париж, а на Москву обращали свои взоры», — заявлял Ревай в октябре 1949 г. на открытии выставки современной советской живописи и скульптуры⁵⁶. Русская классика (литературная, музыкальная) также в эти годы получила в Венгрии более широкое распространение, и это было фактом позитивным, несмотря даже на то, что наследие русской культуры преподносилось в соответствии с той господствовавшей концепцией культурного наследия, которая оставляла за бортом подлинные шедевры⁵⁷. Главный упор в пропаганде делался все же не на классику, а на современную советскую культуру, официально признанную сталинским режимом⁵⁸. Ясно, что далеко не все приходившее с Востока могло увлечь венгерскую публику высоким художественным совершенством. Ее перенасыщение культурой социалистического реализма сопровождалось резким отторжением этой культуры, опиравшейся на советские образцы⁵⁹. В немалой мере этому способствовало и быстрое разочарование в скором торжестве коммунистических идеалов многих из тех, кто поначалу им был привержен.

Похожие как две капли воды романы о передовиках производства, пьесы о конфликтах хорошего с лучшим, стандартные по своему решению образцы агитационного стихотворчества настолько заполонили книжный рынок и страницы журнальной периодики, настолько пресытили даже самого эстетически непритворливого читателя, а главное, настолько разочаровали партийных идеологов своей низкой пропагандистской эффективностью, что уже в 1951 г. руководители культурной политики осторожно и с оглядкой, но все-таки дают задний ход запущенной машине — отношение к художественному мастерству перестает быть столь же снисходительным, как в первые годы «пролетарской власти». Под лозунгом «борьбы со схематизмом» прошел в 1951 г. съезд венгерских писателей. «Реалии нашего социалистического строительства намного сложнее, чем та картина, которую дает о них литература» — был вынужден признать Ревай⁶⁰. Главный идеолог ВПТ, не удовлетворенный художественным уровнем венгерской литературы социалистического реализма, во многом именно с подачи Лукача инициировал в 1951 г. кампанию борьбы со схематизмом. В качестве эталона литературы, пронизанной коммунистической тенденциозностью и в то же время

отвечающей высоким художественным критериям, Лукач выдвинул жизненно достоверную и психологически глубокую прозу Т. Дери, разрушавшую многие схемы и нормы вольным течением свободной авторской мысли. Неожиданное контрнаступление теории «большого реализма» грозило нанести серьезный удар по позициям нормативной эстетики, призванной обслуживать тоталитарный режим. Пришлось снова вносить коррективы в культурную политику: роман Дери «Ответ», напугавший ортодоксов неоднозначностью художественных образов, непростой «диалектикой души» главных героев, был подвергнут в 1952 г. суровой критике.

Посольство СССР в Венгрии в ряде своих донесений от 1952 г. приводило мнение некоторых деятелей культуры о том, что Лукач «сейчас занимает еще более твердое и высокое положение в области идеологической работы, чем до критики его взглядов в 1950 г.»⁶¹. Это мнение всецело совпадало с впечатлениями сотрудников посольства о роли Лукача как «одной из реакционных фигур, вокруг которой группируются остальные скрытые представители буржуазной идеологии в общественной жизни Венгрии»⁶². Согласно донесениям посольства, «есть основания считать, что именно Лукач явился вдохновителем рекламной шумихи вокруг идейно порочного романа Дери «Ответ»»⁶³. Советские дипломаты полагали, что «особенно опасно влияние Лукача на молодые кадры венгерских писателей и критиков, которое имеет широкие размеры. В Союзе писателей Лукач является наряду с Верешем (П. Вереш — один из лидеров движения «народных писателей», видный общественный и политический деятель — А. С.) фактическим руководителем, определяющим политический курс Союза»⁶⁴. Для понимания ситуации, сложившейся в литературной жизни Венгрии после утверждения в ней догматизированного марксизма, небезынтересно, с какого рода жалобами приходили в посольство СССР оппоненты Лукача. Один из них, Т. Ацел, говорил, что благодаря эрудиции Лукача и его «умению без труда превращать зайца в слона и наоборот», «спорить с ним очень трудно, трудно разбить его демагогическую, но хитросплетенную аргументацию»⁶⁵.

Непоследовательные, носившие кампанейский характер корректировки (вроде кампании борьбы со схематизмом 1951 г.) не могли изменить положения дел в художественной культуре, поскольку исходные позиции официальной эстетической платформы коренным образом не менялись. Пропагандистское предназначение художественной деятельности, изображение жизни исключительно в формах самой жиз-

ни, нравственная стерильность положительного героя, иерархия тем в зависимости от политической конъюнктуры по-прежнему подразумевались, и уже это препятствовало стремлениям писателей и деятелей искусств создавать художественные образы «из плоти и крови». Поворот к принципиально новой ситуации в литературной, художественной жизни (как и в развитии всего венгерского общества) начался только с лета 1953 г.

ГЛАВА 7**XX СЪЕЗД КПСС И НЕСОСТОЯВШИЙСЯ РЕНЕССАНС
МАРКСИЗМА В ВЕНГРИИ.
ДЬЕРДЬ ЛУКАЧ В РЕВОЛЮЦИИ 1956 ГОДА**

Курс Венгерской партии трудящихся на ускоренное построение социализма сталинского типа, взятый на рубеже 1940–1950-х годов, в скором времени стал приносить свои горькие плоды. Если в первые послевоенные годы страна добилась серьезных экономических успехов, то разорительная индустриальная гигантомания начала 1950-х годов, поглощая огромные средства, повела к резкому снижению жизненного уровня населения. Сотни тысяч крестьян затронула коллективизация, проводившаяся по советскому образцу. Не только силой загнанные в кооперативы крестьяне, но и другие слои населения проявляли все более открытое недовольство своим положением¹. Наряду с волюнтаризмом в экономической политике усилению антисоциалистических настроений среди деятелей культуры (в том числе и тех, кто прежде однозначно тяготел к левому флангу общественной жизни) способствовали ликвидация после 1948 г. элементарных демократических свобод, запрещение легальной политической оппозиции, репрессии, в числе жертв которых оказался и ряд литераторов².

Поскольку явное неблагополучие в экономике грозило привести к дестабилизации политического режима, преемники Сталина по руководству КПСС, всерьез обеспокоенные ситуацией в Венгрии, дали зеленый свет корректировке экономического курса. Новый премьер-министр И. Надь с ведома и согласия Москвы выступил летом 1953 г. с программой, предполагавшей снижение темпов индустриализации, некоторую активизацию мелкого товаропроизводителя в городе и на селе.

Курс июньского пленума Центрального Руководства (ЦР) ВПТ 1953 г. способствовал преодолению наиболее вопиющих негативных явлений не только в хозяйственной сфере. Вслед за расширением экономических свобод проявляются и первые признаки «оттепели» в политике, идеологии и культуре. Начинается освобождение политзаключенных. Во второй половине 1954 г. с оживлением деятельности Отечественного Народного фронта впервые в условиях коммунистического режима проявилась, пускай и в зародыше, тенденция к плюрализации общественной жизни.

Поворот к более взвешенной, реалистической политике с первых же недель отразился на тональности прессы, которая после установле-

ния в 1948 г. однопартийной диктатуры перестала быть зеркалом общественного мнения, превратилась в орудие пропаганды правящей партии. Отбросив набившие оскомину догмы, писатели и публицисты обратились к реалиям строящегося социализма с присущими им драматическими социальными конфликтами. Возрождаются традиционные для венгерской литературы жанры очерка и социографии. Бедствия народных масс, бюрократизм и беспринципность власть имущих, несовершенство экономической системы находили в те месяцы все более смелое и полнокровное отражение в литературно-общественной периодике. Со страниц еженедельника Союза венгерских писателей «Иродалми Уйшаг» и других изданий публицисты искали пути к очищению идеи социализма от антидемократических наслоений, наполнению ее гуманистическим содержанием³. 23 октября 1954 г. один из крупнейших писателей Венгрии Т. Дери в открытом письме И. Надю отмечал, что «прежнюю экономическую политику отличало в корне неверное понимание социализма, человека она оставляла за пределами своего внимания, представления о социализме сводились к увеличению производства чугуна и стали, к сверхиндустриализации»⁴. По мнению Дери, новая концепция социализма должна ставить во главу угла интересы не государства, а личности. Приобщение широких масс к принятию решений виделось ему главным залогом оздоровления общественной жизни.

Попытки либерализации существующего режима с самого начала вызывали скрытое, а затем и все более явное противодействие со стороны первого секретаря ЦР ВПТ М. Ракоши и его окружения. Вынужденный под давлением Москвы поступиться частью своих прежде неограниченных полномочий, партийный лидер отчаянно цеплялся за власть, прилагая немалые усилия для мобилизации преданного ему аппарата на саботаж проводимых реформ, грозивших функционерам ВПТ утратой многих привилегий, тем более, что И. Надь последовательно стремился перенести центр тяжести в принятии важнейших решений с партийных органов на государственные. По мере углубления реформ происходило все более резкое размежевание внутри партии, вокруг И. Нады сплывались сторонники его линии. Осенью 1954 г. борьба реформаторской и контрреформаторской тенденций, поначалу закулисная, принимает открытые формы, становится достоянием широкой общественности. Важной опорой премьер-министра и его политики становится пресса — приверженцы Надя занимали ответственные должности в редакциях центральных газет «Сабад Неп», «Непсава» и прежде всего литературного еженедельника «Иродалми Уйшаг», способствуя пропаганде нового курса. Посольство СССР в Венгрии не без опаски

воспринимало далеко идущие реформаторские планы, поскольку видело в них угрозу ослабления советского влияния. В одном из обзоров венгерской печати оно заметило, что пресса встала «на путь такой критики, когда забывались и бесследно исчезали положительные основы политики, проводившейся ВПТ до настоящего времени»⁵.

В СССР, как и в Венгрии, оттепель, начавшаяся после смерти Сталина, сопровождалась оживлением публицистики и литературной критики, при этом в некоторых выступлениях отчетливо слышались отзвуки той дискуссии 1939–1940 гг. по проблеме реализма, центральной фигурой которой был Лукач. Друг и единомышленник Д. Лукача М. Лифшиц опубликовал на страницах журнала «Новый мир» статью-памфлет «Дневник Мариэтты Шагинян» (1954. № 2). Сохраняя верность лучшим традициям довоенного журнала «Литературный критик», он выступил в ней против «сокращенного метода изучения жизни», готовности «рассуждать на любую тему, совершенно не зная ее»⁶. Поколебать господствующее положение псевдореалистической, ждановской эстетики все же не удавалось. 6 апреля «Литературная газета» разразилась статьей Б. Агапова «Против снобизма в критике», резко осудившей позицию Лифшица. За началом последовало продолжение. 10–11 июня «идейно порочные» публикации Лифшица и ряда других авторов были подвергнуты острым нападкам на партсобрании московских писателей, а 1 июля — в «Литгазете» в редакционной статье «О критическом отделе журнала «Новый Мир»»⁷. 11 августа на расширенном заседании президиума Союза советских писателей речь зашла о «нездоровом, мещанском нигилизме» «новомировской» критики, о том, что М. Лифшиц, В. Померанцев, Ф. Абрамов, М. Щеглов «на тридцать седьмом году нашего пути» поставили в своих статьях под сомнение социалистические идеалы. Публикация этих статей объяснялась в первую очередь деятельностью заведующего отделом критики И. Саца и немалым влиянием «внештатного, но постоянного консультанта отдела» М. Лифшица, т. е. тех, кто в 1930-е годы входил в круг редакторов и ведущих авторов журнала «Литературный критик». На президиуме ССП было зачитано письмо критика И. Лежнева, писавшего, что «М. Лифшиц возвращается к некоторым из тех нигилистических, антипатриотических «концепций», которые принесли в свое время печальную известность журналу «Литературный критик»»⁸.

Большинство собравшихся в зале заседаний на улице Воровского хорошо помнили не только «Литературного критика», но и статьи Г. Лукача, опубликованные в нем. Когда посетивший в 1954 г. Москву венгерский писатель Б. Иллеш встретился 14 мая в ЦДЛ с советскими

коллегами, вопрос о Лукаче стал одним из первых, заданных ему. «Он сейчас не отрицает влияние советской литературы. Сейчас он работает над книгой «Роль случайности в искусстве и литературе»⁹. В настоящее время в литературной жизни не участвует», — прозвучал скупой ответ¹⁰.

По итогам обсуждения на президиуме ССП 11 августа А. Твардовский впервые поплатился постом главного редактора журнала «Новый мир», вернувшись на эту должность только через четыре года. Травля его идейного наставника М. Лифшица зашла гораздо дальше: в 1954 г. он по надуманному поводу был исключен из партии, уволен с кафедры философии АН СССР, где его лекции и семинары, по свидетельству тогдашних аспирантов, ярко выделялись на общем сером фоне преподавания вульгарного марксизма¹¹. Ритуальные филиппики в адрес «безыдейной» критики, продолжающей совершенно определенные традиции 1930-х годов, звучали и в декабре 1954 г. с трибуны II Всесоюзного съезда писателей. В выступлении Б. Рюрикова в этой связи упоминался и Лукач. Постановление 1940 г. о журнале «Литературный критик» продолжало оставаться в силе, долгое время будучи препятствием для возобновления работы секции критики в Союзе писателей СССР*.

* 25 апреля 1955 г. секретарь союза А. Сурков обратился в ЦК КПСС с письмом. Он предложил на общем собрании московских писателей, запланированном на 26-27 апреля, поставить среди прочего вопрос о воссоздании в московском отделении СП секции критиков. В письме отмечалось, что «в 1940 году имевшаяся при Союзе писателей секция критиков была ликвидирована по постановлению ЦК Коммунистической партии. Это было вызвано тем, что секция критиков так же, как и журнал «Литературный критик», проводила в ряде вопросов неверную точку зрения. Вокруг журнала «Литературный критик» сложилась антимарксистская группа (Лифшиц, Лукач, Сац, Юзовский и др.). Эта группа проповедовала антимарксистские идеалистические взгляды, нигилистически относилась к советской литературе. Те же взгляды проводились, по существу, и тогдашним руководством секции критики, в которое входили в основном те же лица, что и в группу «Литературного критика». И журнал «Литературный критик», и секция критики оторвались от больших процессов литературного творчества, стали вотчиной узкой группы чуждых марксизму литературоведов и критиков. Было совершенно правильно и закономерно закрыть журнал и ликвидировать секцию критиков». Заверив партийные инстанции в том, что литературная общественность ни в коей мере не собирается усомниться в справедливости постановления партии, Сурков от дежурных фраз перешел к существу дела. В сравнении с 1940 г. положение изменилось, в критику и литературоведение «пришло немало свежих сил, подготовленных теоретически, способных проводить верную партийную точку зрения на литературу, отстаивать чистоту марксистских взглядов». Ссылаясь на опыт последних лет, руководитель СП утверждал, что «объединение критиков для обсуждения насущных задач литературоведения и литературного творчества дает хорошие теоретические и практические результаты». Поскольку «у критиков есть свои профессиональные интересы, свои задачи, которые не могут быть решены в других секциях», жизнь подсказывает необходимость создания секции¹². Вопрос о секции критики был решен положительно¹³, что в некоторой мере способствовало оживлению литературной жизни, где как и в общественной жизни в целом происходило острое противоборство ретроградных и обновительных сил.

Зимой 1954–1955 гг. в условиях ухудшения международной обстановки (в связи с предстоявшим вступлением Западной Германии в НАТО) как в СССР, так и в Венгрии развернулось контрнаступление сталинизма. Хотя в Венгрии оно оказалось более массивным, судьба Д. Лукача именно в этот исторический период сложилась несколько более благополучно, нежели судьба его друга М. Лифшица. Можно предполагать, что в качестве индульгенции для Лукача послужила вышедшая в 1954 г. на немецком языке книга «Разрушение разума» — пускай и не самое уродливое, но все же детище холодной войны, содержащее в себе весьма огульную критику некоторых важнейших течений современной западной мысли, искусственно сближавшее их (например экзистенциализм) на платформе иррационализма с идейными тенденциями, предвосхищившими германский нацизм.

При том, что первотолчком перемен в Венгрии явились импульсы, полученные из Москвы, реформы, предпринятые И. Надем в 1953–1954 гг., стали уникальной, в то время не имевшей аналогов в других странах попыткой придать реальному социализму более гуманный облик. Не удивительно поэтому, что положение дел в Венгрии, где к осени 1954 г. стал намечаться довольно заметный отход от сталинских образцов (прежде всего в аграрной политике), вызвало обеспокоенность лидеров КПСС, явно не готовых принять столь радикальное (для 1950-х годов) реформирование социализма в одной из стран советского блока. Особенно возмутило их то, что И. Надь вопреки всем нормам большевистского этикета, не позволявшим выносить «сор из избы», т. е. делать достоянием широкой публики внутрипартийные разногласия, опубликовал в «Сабад Неп» 20 октября статью, в которой прямо заявил, что экономические трудности проистекают из сознательного противодействия линии июньского пленума.

С благословления Москвы в начале 1955 г. антиреформаторские силы во главе с М. Ракоши предприняли широкое контрнаступление. И. Надь, отказавшийся по свежему примеру советского премьера Г. М. Маленкова выступить с ритуальной самокритикой, был весной смещен со своего поста, выведен из Политбюро. Вслед за отстранением премьер-министра не замедлили последовать оргвыводы в отношении его сторонников из числа редакторов и журналистов (в том числе литературной периодики) — снятия с должностей, исключения из партии. Кратковременная оттепель сменилась новым «похолоданием»: застыл процесс реабилитации невинно осужденных, ужесточилась цензура, усилились гонения на инакомыслящих, были свернуты все дискуссии в прессе по проблемам реформ экономического

и политического механизма. В ряде публикаций реанимировался одиозный сталинский тезис об обострении классовой борьбы по мере продвижения к социализму.

Поворот, произошедший весной 1955 г., совпал с 70-летним юбилеем Д. Лукача. Еще за месяц до дня рождения, 15 марта 1955 г. философ был удостоен наиболее престижной в Венгрии большой премии Кошута. Как отмечалось в официальном представлении, опубликованном в «Сабад Неп» (№ 74), Д. Лукач получил награду «за всю свою творческую деятельность, в центре которой стоит разработка марксистской эстетики, а также воинствующая критика буржуазной философии. Его деятельность с точки зрения марксистской теории и борьбы за мир имеет международное значение». При выдвижении кандидатуры Лукача на вручение премии Кошута идеологические органы ВПТ неизбежно были поставлены перед дилеммой. Ведь, с одной стороны, продолжали оставаться в силе установочные статьи рубежа 1940–1950-х годов, в которых Лукача подвергли острой критике как правого уклониста. С другой — выход книги «Разрушение разума» в момент обострения конфронтации двух систем оказался весьма кстати: кто еще мог столь же мастерски, как Лукач, перевести актуальные пропагандистские клише о «загнивающим» Западе на язык высокой философской абстракции, ввести исторический дискурс в анализ современных идейных течений? В Восточной Германии, стране, находившейся на переднем крае борьбы двух систем, к середине 1950-х годов вполне осознали, что в непрекращавшейся идеологической войне с ФРГ иные из работ Лукача вполне годились на роль тяжелой артиллерии. То же самое поняли и в Венгрии. В обеих странах весной 1955 г. прошли чествования философа в связи с его 70-летием. В ГДР был даже издан юбилейный сборник, посвященный Лукачу, работы же самого философа переиздавались из года в год немалыми тиражами¹⁴. Венгерский мыслитель был избран членом-корреспондентом Академии наук ГДР.

В СССР также, хотя и несколько позже, смогли оценить, какую практическую пользу делу пропаганды официальной идеологии могло бы принести подключение к нему некоторых работ Лукача. В начале 1956 г. директор Института философии АН СССР П.Н. Федосеев выступил, в частности, с инициативой перевести на русский язык и издать в СССР книгу «Разрушение разума», что, впрочем, так и не было осуществлено из-за участия Лукача в венгерских октябрьских событиях¹⁵. Весной 1955 г. в отношении к Лукачу доминировала все-таки настороженность, и присуждение ему премии Кошута вызвало недоумение в ортодоксальном крыле советского литературного истеблишмента, где этот

жест восприняли как свидетельство произошедшей в Венгрии ревизии партийных установок, определявших ценностные критерии в эстетике. Секретарь Союза писателей СССР Б. Полевой, курировавший работу Иностранной Комиссии СП, даже обратился в ЦК КПСС с письмом по вопросу о Лукаче. Присуждение ему премии он назвал «примечательным явлением в венгерской культуре». Очень странно, заметил он, ведь В. И. Ленин писал, что у Лукача марксизм чисто словесный, в начале 1930-х годов Лукач и лукачисты были разгромлены на философском фронте (вероятно, Полевому вспомнилась кампания борьбы с «меньшевиствующим идеализмом», к жертвам которой он автоматически пристегнул и Лукача, действительно дававшего в то время объяснения в связи с «идеалистическими ошибками» своей книги «История и классовое сознание»). «Литературный критик», продолжал Полевой, был закрыт как журнал, «вредящий» советской литературе. В Венгрии Лукач тоже «немало попутал писательских голов тезисом об обособленности венгерской литературы от советской», его деятельность критиковалась там на съезде писателей и т. д. Фадеев в начале 1950 г. на пленуме ССП резко критиковал Лукача за заявление о том, что народная демократия не ликвидирует капиталистического способа производства, а также за недооценку советской культуры, социалистического реализма. И после всего этого, недоумевал Полевой, в народно-демократической Венгрии Лукач удостоивается наиболее важной государственной премии. В ЦК КПСС не склонны были разделять обеспокоенность Полевого, сочтя, что интеллект Лукача, поставленный под контроль идеологических инстанций, мог бы стать сильным орудием в борьбе с буржуазной философией. Ответственные работники аппарата ЦК А. Румянцев и Б. Пономарев в резолюции на письмо Полевого отметили, что «несмотря на неустойчивость взглядов Д. Лукача, Венгерская партия трудящихся стремится, однако, использовать его авторитет в идеологической и литературной борьбе, в объединении всех демократических сил интеллигенции в борьбе за мир». (С начала 1950-х годов одним из партийных поручений Лукача было участие в движении сторонников мира, контролируемом Москвой.) А потому выражать несогласие, по мнению аппарата ЦК, не было необходимости¹⁶.

В апреле 1955 г. в связи с 70-летием Д. Лукач был удостоен также одной из высших правительственных наград ВНР. Юбилей был отмечен довольно широко — публиковались статьи с признанием заслуг Лукача¹⁷, в прессе приводились высказывания о нем видных деятелей немецкой культуры. В Иностранной Комиссии Союза писателей СССР торжества сочли чрезмерными. В справке о литературной жизни Венгрии,

подготовленной в конце весны 1955 г., отмечалось, что имя Лукача уже «в течение двух месяцев не сходит со страниц венгерских газет и журналов. Празднование семидесятилетия Лукача приняло в Венгрии необычайный размах, едва ли оправданный действительным его вкладом в науку, вылилось, в сущности, в культ его имени»¹⁸.

Широкое чествование Лукача совпало по времени с неосталинистским поворотом в политике ВПГ, и это не могло не сказаться отрицательно на его репутации в среде интеллигенции. Повышению авторитета Лукача не могло способствовать и его участие в дискуссии вокруг постановки венгерским Национальным театром драмы Имре Мадача «Трагедия человека». Классическое произведение венгерской драматургии позднего романтизма «Трагедия человека» И. Мадача (1823–1864) была пронизана пессимистическим мироощущением, в основе авторской концепции лежало отрицание возможности справедливого мироустройства. В одном из действий пьесы перед читателем и зрителем развертывались яркие картины социалистического фаланстера, где художник, обладавший талантом Микеланджело, был вынужден промышлять изготовлением табуреток. Возобновление Национальным театром после долгого перерыва спектакля по пьесе Мадача в постановке Э. Геллерта вызвало настоящую дискуссию, перекинувшуюся за пределы Венгрии¹⁹. Подключившийся к полемике Лукач подверг осуждению скептическое отношение Мадача к идее прогресса²⁰ и независимо от первоначальных намерений философа его выступление оказалось созвучно развернувшейся вокруг постановки «Трагедии человека» критической кампании с крайне ортодоксальных идейных позиций. В Венгерском государственном архиве хранятся документы, свидетельствующие о весьма отрицательном отношении творческой интеллигенции к статье Лукача²¹.

В середине 1950-х годов в условиях начавшейся оттепели значительно расширяются контакты советских и венгерских литературоведов. В 1955 г. представители ИМЛИ В. Щербина и Р. Самарин побывали в Будапеште на конференции по проблемам реализма. Главный вывод, к которому они пришли в результате поездки, заключался в необходимости переоценки советским литературоведением отношения к Лукачу. «В нашей печати, — писали они в докладной по итогам поездки, — многочисленные книги Лукача не упоминаются и оценки не получают. А это необходимо тактично сделать, так как работы Д. Лукача широко издаются, кроме Венгрии, в Германии и других странах и воспринимаются там как последнее слово марксистской эстетики»²². Как заметили в своей записке советские ученые, влияние Лукача на

венгерских литературоведов было довольно сильно, причем иногда это проявлялось в недооценке романтики, стремлении «все подогнать» под реализм. Впрочем, отнюдь не все литературоведы (даже молодые, чье профессиональное формирование происходило под непосредственным влиянием работ Лукача) были склонны к некритическому восприятию его теории реализма. Гостям из ИМЛИ, довольно ортодоксальным литературоведам, все же показалось весьма убедительным выступление Т. Кланицаи (крупного знатока средневековых литератур, впоследствии академика и директора Института литературоведения ВАН), который спорил с попыткой рассмотрения процесса истории мировой литературы под знаком борьбы реализма с антиреализмом. Внимание к творчеству Лукача отнюдь не исключало, таким образом, критики тех положений его теории, которые с историко-литературной точки зрения были уязвимы даже на взгляд литературоведов, чье сознание было во многом зашорено установками советской эстетической ортодоксии. В своей записке Щербина и Самарин выступили с предложением обсудить работы Лукача в ИМЛИ, которое получило развитие через год, когда в повестку дня встал уже вопрос о приглашении венгерского философа и критика посетить СССР.

Контрнаступление сталинизма, предпринятое в Венгрии весной 1955 г., вызвало сопротивление как в среде реформаторски настроенной части партийно-государственного аппарата, так и среди интеллигенции. И. Надь, оказавшись в опале, продолжал упорно отстаивать правоту своей концепции социализма в письмах, адресованных партийному руководству. Главный их пафос заключался в стремлении выработать такую доктрину социалистического строительства в Венгрии, которая не копирует иностранные образцы, а в полной мере учитывает национальную специфику страны и считает соответствие интересам ее граждан главным критерием правильности принимаемых решений. Некоторые активные сторонники бывшего премьер-министра, также лишившиеся своих постов в государственном аппарате и органах прессы, продолжали поддерживать с ним тесные контакты. Это дало основание руководству ВПТ увидеть угрозу зарождения в партийных рядах серьезной оппозиционной фракции. В декабре 1955 г. И. Надь по обвинению во фракционности был исключен из рядов партии.

В авангарде борьбы за демократические перемены выступали литераторы. Их смелые акции (письма протеста и т. д.) заполняли образовавшийся при отсутствии разрешенной оппозиции политический вакуум, выражая широкое общественное недовольство. Не удивительно, что главный удар противников реформ был направлен именно против

этой части интеллигенции. Апофеозом антиреформаторского курса явилось принятое в конце 1955 г. партийное постановление «О правых явлениях в литературной жизни». Группа журналистов, писателей, деятелей искусств, подписавших меморандум протеста против ряда административных мер культурной политики (в том числе снятия с репертуара Национального театра «Трагедии человека», изъятия из издательских планов ряда критических по своей направленности произведений современных писателей, изъятия из распространения одного из номеров литературного еженедельника «Иродалми Уйшаг» и т. д.), была обвинена в подрыве руководящей роли партии²³. Развернувшаяся вслед за этим кампания травли многих видных представителей творческой интеллигенции не имела, однако, прежнего эффекта. «Оттепель» настолько прогрела все поры венгерского общества, что воспрепятствовала расправам с политическими оппонентами, подобным тем, которые имели место до 1953 г. С другой стороны, в стране стала исчезать атмосфера страха, и это было главным завоеванием политики «нового этапа», связанного с деятельностью И. Надя. Чем более шумными становились нападки на сторонников перемен, тем сильнее накалялась внутривнутриполитическая обстановка в стране. В атмосфере все большего недовольства самых широких масс политикой Ракоши и его окружения делегация ВПТ во главе с ее первым секретарем выехала в феврале 1956 г. в Москву для участия в работе XX съезда КПСС.

При всей непоследовательности в выявлении сущности сталинизма решения XX съезда КПСС дали мощный импульс реформаторским силам в странах советского лагеря, ведь критика тех или иных сторон тоталитарной системы, за которую прежде представители оппозиционно настроенной интеллигенции подвергались нещадным гонениям, вдруг получила неожиданную поддержку из самой Москвы. Наряду с Польшей движение с требованием демократизации существующего режима весной 1956 г. достигло наибольшего размаха в Венгрии²⁴.

Важным рупором формировавшейся оппозиции (в то время пока еще почти исключительно внутривнутрипартийной) весной 1956 г. продолжал оставаться литературный еженедельник «Иродалми Уйшаг». Драматург и критик Д. Хай, как и Лукач, в начале 1930-х годов игравший видную роль в литературной жизни веймарской Германии, а затем до 1945 г. работавший в СССР, 5 мая отмечал на его страницах, что последствия культа личности затронули все сферы жизни: «принимавшиеся безропотно ошибочные и вредные резолюции, бездумная сервильность, большие и малые собрания всему поддакивающих людей, преследования за критику, лакировка и демагогия, ...попрание законов и прав», —

все это стало в Венгрии в предшествующие годы обыденным явлением, отягощая повседневное существование миллионов граждан. XX съезд КПСС был назван в статье «великим триумфом человеческого достоинства», влияние которого не может обойти Венгрию. Статья Хая вызвала резкую отповедь публицистов охранительно-сталинистского лагеря и восторженные отклики сторонников реформ. Публикации, подобные ей, привлекали внимание все более широкой аудитории, иной раз обсуждались на партсобраниях, имена писателей и публицистов, выступавших за перемены, становились популярными в среде интеллигенции.

Публицистика реформаторского направления была пронизана пафосом обновления и очищения марксизма. Так, Т. Тардош в одном из апрельских номеров газеты «Иродалми Уйшаг» в статье «Самостоятельное коммунистическое мышление» вспоминал, как в годы юности испытал радость знакомства с марксизмом. Позже, однако, коммунистические идеи превратились в его восприятии в стальной каркас догм. «И постепенно, не отдавая себе отчета, как и почему, мало-помалу, с верой, достоинством и чуть ли не чванливо я стал отвыкать мыслить... Я говорил себе: не беда! Есть люди, которые думают за меня. Когда приходилось слышать жалобы, я считал их преувеличенными или даже голосом врага... Так мы изгнали из наших душ уважение к жизни людей, пожертвовав им ради нашей веры... Мы, те, кто когда-то давно, в юности, присягнул головокружительным возможностям разума, теперь... кивали в ответ на все, что бы нам ни говорили... Лишь XX съезд возвратил взрослому человеку способность к самостоятельному мышлению и право на него».

Д. Лукач также воспринял XX съезд как начало коренного политического обновления и морального очищения мирового коммунистического движения, решительного разрыва с компрометирующими марксизм и идею социализма сталинскими методами. «На XX съезде в 1956 году всему миру стал очевиден кризис сталинских методов. Написанные с того времени мои статьи... доказывают, что с первого момента я относился к радикальному крылу реформаторов-критиков», — заметил философ несколько позже, в предисловии к одному из изданных на Западе сборников своих статей²⁵. Надо отметить вместе с тем, что у умудренного опытом философа не было иллюзий относительно темпов перемен, он предвидел и попятные движения в процессе обновления²⁶.

Сосредоточившись на философских, эстетических штудиях (в это время уже всюю шла работа над «Своеобразием эстетического»), Лукач весной 1956 г. не принимал активного участия в литературной жизни²⁷. В мае он посетил Италию, где встречался с левой интеллиген-

цией, выступал с докладами, давал интервью²⁸. Лидер итальянских коммунистов П. Тольятти (один из наиболее влиятельных деятелей мирового коммунистического движения, традиционно представлявший его правый фланг) в те месяцы пошел гораздо дальше Н. С. Хрущева в критике сталинизма. В интервью журналу «Нуови аргументи» (№ 20, май-июнь 1956 г.), опубликованном также 17 июня в газете «Унита», он перенес акцент с личных качеств Сталина на пороки системы, носившей, по его мнению, признаки «бюрократического перерождения» и нуждавшейся в глубокой корректировке в сторону демократизации. В выступлении Тольятти прозвучал и тезис о необходимости полицентричности мирового коммунистического движения, также вызвавший неудовольствие в Москве — элемент полемики с генеральным секретарем ИКП содержался даже в постановлении ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий» от 30 июня 1956 г. В Италии, где уровень философской культуры коммунистической идеологии был значительно выше, чем в СССР и Восточной Европе (чему способствовало издание после 1945 г. наследия А. Грамши, пронизанного пафосом обновления марксизма и во многом созвучного духовным исканиям Лукача 1920–1940-х годов²⁹), публикация в середине 1950-х годов работ Лукача, в том числе литературоведческих³⁰, была встречена с огромным интересом. И в последующие годы Лукач поддерживал теснейшие связи с итальянскими левыми интеллектуалами, его работы разных лет многократно издавались и переиздавались в Италии, где со временем сложилась богатая литература о творчестве Лукача³¹.

Вскоре после возвращения из Италии Лукач получает приглашение принять участие в дискуссии по проблемам развития философии, организованной Кружком Петефи. Этот дискуссионный клуб студенчества и молодой интеллигенции, функционировавший как орган политпросвещения в системе Союза трудящейся молодежи, венгерского аналога комсомола, стал к концу весны 1956 г. главным форумом формировавшейся в партийных низах антисталинистской оппозиции. Происходившие на заседаниях кружка дискуссии по актуальным проблемам экономики, политических реформ, гуманитарных наук, литературы и искусства, привлекали все большее внимание широкой публики, собирали значительную аудиторию. Большинство их участников заявляло о своей приверженности марксизму, доминировала идея очищения социализма от сталинских «искажений», антисоциалистическая тенденция не находила сколько-нибудь заметного проявления. Тем не менее эти дискуссии вызывали серьезную озабоченность не только партийно-государственного руководства Венгрии, но и советского посольства.

В них виделся один из признаков того, что процессы, происходящие в обществе, начинают выходить из-под контроля властей³².

Дискуссия о задачах и перспективах марксистской философии состоялась 14–15 июня³³. Собравшаяся тысячная аудитория с энтузиазмом встретила Дьердя Лукача. Его приход имел в некоторой мере символическое значение, был воспринят присутствовавшими не только как возвращение к активной общественной жизни философа, ранее подвергнувшегося разностной травле с ортодоксальных позиций, но и как свидетельство подлинного ренессанса марксистской мысли. Как вспоминает очевидец, «триумфально вернувшийся Лукач убедил всех в том, что для восстановления авторитета марксизма чуть ли не больше всех в мире предстоит сделать венграм. Сквозь подобную оптику никому не казались абстрактными даже столь специфические предметы, как объективная истина... или вопрос о том, как догматический диамат тормозит развитие теоретической физики»³⁴.

Одним из пагубных следствий сталинского правления применительно к идеологической сфере стало, по мнению Лукача, низведение теории марксизма до выполнения неадекватной ей функции в обществе — не политическая практика исходила из теории и руководствовалась ею, а, напротив, теория подгонялась под практику, обслуживала сиюминутные политические интересы. Выступая с трибуны Кружка Петефи, Лукач говорил и о том, что сложившаяся при Сталине практика подменять аргументы ссылкой на авторитет может возродиться и в рамках обновленной коммунистической системы. Ведь Ленина, как и Сталина, можно превратить в источник цитатничества и догматизма. Истинный расцвет марксизма возможен лишь при условии полного искоренения подобной практики.

Выступление Лукача на философской дискуссии вызвало явное раздражение человека, которому в разное время приходилось выступать и в роли ходатая, если не спасителя (как в 1941 г.), и в роли гонителя Лукача. Речь идет о М. Ракоши, положение которого во главе венгерской компартии после XX съезда значительно ослабло и теперь уже всецело зависело от прихоти Москвы³⁵. В мемуарах Ракоши, в российской публикации которых³⁶ принимал участие автор этих строк, содержится большой пассаж на этот счет³⁷. Что же касается венгерской прессы, на волне июньского общественного подъема понемногу начавшей выходить из-под строгого партийного контроля, то ее реакция на выступление Лукача к неудовольствию советского посольства была несколько иной³⁸. Молодой пресс-атташе В. А. Крючков (впоследствии председатель КГБ СССР и член Политбюро ЦК КПСС) в докладной своему начальству

высказывал недоумение тем, что автор одной из статей, «захлебываясь от восторга, превозносит на все лады Дьердя Лукача, статьи которого проникнуты духом охаивания состояния марксистско-ленинской науки в Советском Союзе, выдавая его чуть ли не за единственного в Венгрии (впрочем, в статье нет оговорки, что только в Венгрии) мученика-борца против догматизма, за подлинную марксистскую науку и т. д.»³⁹.

Впрочем, к тому времени, когда молодой дипломат писал, руководствуясь определенными идеологическими установками, свое донесение, в Москве, в атмосфере, рожденной XX съездом, произошли некоторые подвижки в отношении к Лукачу. В Гослитиздате при обсуждении текущих планов ставился вопрос об издании работ крупнейшего венгерского литературоведа, а в издательстве иностранной литературы, по некоторым сведениям, уже была начата подготовка сборника его статей⁴⁰. Журнал «Вопросы философии» опубликовал фрагмент монографии 1930-х годов о молодом Гегеле⁴¹. Конечно, сталинская ортодоксия отчаянно сопротивлялась и инициаторам подобных публикаций стоило огромного труда пробить брешь в стене тотального единомыслия. Публикатору работы о Гегеле Э. В. Ильенкову (впоследствии ставшему наиболее значительным советским философом своего поколения) пришлось давать объяснения в партийных органах⁴².

Весной-летом 1956 г., на волне умеренной хрущевской либерализации, Институт философии АН СССР пригласил Лукача осенью того же года посетить Москву и Ленинград и прочитать ряд лекций. Директор Института П. Н. Федосеев в обосновании, адресованном партийным инстанциям, характеризовал Лукача как «автора серьезных трудов по философии и эстетике», в работах которого «Разрушение разума»⁴³ и др. «дана глубокая критика современной буржуазной философии»⁴⁴. Приглашение Лукача собирались приурочить к 125-летию смерти Г. В. Ф. Гегеля, которое решили скромно отметить в Москве осенью 1956 г. Поскольку принципиальное согласие высших партийных институций было получено, П. Н. Федосеев направил Д. Лукачу пригласительное письмо⁴⁵.

Лукач с благодарностью принял приглашение. В ответном письме от 9 сентября он отмечал: 12-летний период жизни в СССР «был для меня очень плодотворным в моей научной деятельности и я с радостью думаю о том, что снова увижу Институт философии, старых коллег и познакомлюсь с появившимися за это время молодыми философами. Я был бы также очень рад дать отчет Институту философии о моих последних работах (теория эстетического отражения)⁴⁶. Однако, с одной стороны, из-за большого количества работы весной этого года я

сильно запустил мою основную работу¹⁷, с другой стороны, этой зимой я должен принять участие в обсуждении реформы преподавания философии, так что эта поездка едва ли может состояться раньше весны 1957 года. Я позволю себе, как только мне будет ясно конкретное распределение моего времени, еще раз написать Вам, чтобы согласовать мои планы с планами Академии наук и Института философии»⁴⁸. Как явствует из имеющихся документов, вопрос о поездке оставался открытым по крайней мере до конца лета 1957 г. и отпал сам собой с началом новой критической кампании⁴⁹.

Летом 1956 г. от философов не хотели отставать и литературоведы. Отделение литературы и языка и Институт мировой литературы АН СССР предполагали провести международную конференцию, чтобы обсудить проблемы реализма, содержание основных этапов его развития в мировой литературе. Планировался очень представительный состав участников — помимо Лукача Л. Арагон, А. Лефевр, Я. Мукаровичевский. Поначалу конференцию хотели провести в ноябре 1956 г., потом перенесли на февраль 1957 г., а затем и вовсе отменили решением отдела культуры ЦК КПСС. Как говорилось в резолюции этого отдела, «учитывая, что в данном вопросе имеется много неясного и запутанного, в чем надо разобраться предварительно силами советских литературоведов, Отдел культуры считает более правильным провести дискуссию без приглашения на нее зарубежных гостей»⁵⁰.

Темпы «либеральной эмансипации» советской творческой интеллигенции, а тем более партийной элиты, явно не поспевали за тем, что происходило летом 1956 г. в Венгрии. 24 июня главная газета ВПТ «Сабад Неп», к явному раздражению советского посольства назвав Кружок Петефи «светочем подлинного марксизма»⁵¹, проинформировала своих читателей о предстоящей оживленной дискуссии по актуальным проблемам печати и массовой информации. Эта дискуссия, продолжавшаяся в течение девяти часов вечером 27 июня, превзошла все предшествующие по количеству участников — более 6000 человек заполонило не только вместительный зал будапештского Дома офицеров, но и прилегающую территорию, слушая эмоциональные речи выступавших через громкоговорители. Небывалым был и накал страстей в ходе дискуссии. Выступлением Т. Дери был сделан шаг от поверхностной критики отдельных лиц и явлений к стремлению выявить коренные пороки системы, «ущемляющей права личности и возлагающей на нее чрезмерные тяготы». «В нашем отечестве мы решили построить социализм, однако по ходу дела случилось нечто неслыханное: мы забыли, более того, исключили из нашей системы именно то, на чем

социализм основывается, — доверие к человеку. Самый серьезный недостаток нынешнего руководства состоит, очевидно, в том, что оно не верит в человека, не верит в нас, строит на недоверии свое мышление, методы, практику, недооценивает разум людей, с которыми мы хотим создать социализм, не только их порядочность, но и жажду справедливости, одним словом, нравственную силу народа, его интеллектуальные и творческие способности», — говорил известный писатель, один из ближайших союзников Д. Лукача в литературной жизни Венгрии после 1945 г.⁵² По свидетельству одного из присутствовавших, «кульминационный момент наступил тогда, когда потребовали восстановить в партии и ввести в Политбюро Имре Надя. В едином порыве вся масса присутствующих поднялась со своих мест и устроила бурную овацию Надю», не пришедшему на собрание. Это продолжалось не менее пяти минут. Вместе со всеми поднялся и весь президиум собрания, включая главного редактора «Сабад Неп» и двух других высокопоставленных посланцев партии, «ибо сидеть на месте было просто невозможно. В такой обстановке нельзя было даже не аплодировать»⁵³.

Д. Лукач не был участником дискуссии о печати, но на следующий день, 28 июня, выступил в Политической Академии ВПГ с лекцией «Борьба прогресса и реакции в современной культуре», которая также явилась достаточно важным, хотя и имевшем меньший резонанс, событием в общественной и духовной жизни Венгрии тех месяцев⁵⁴. В ней он не только попытался философски подойти к сути сталинизма, но и изложил в самых общих чертах свою концепцию обновления социализма, рассмотрев значение XX съезда КПСС в широком международном контексте. Подлинно диалектическое марксистское мировоззрение, говорил Лукач, предполагает большую роль опосредования и никогда не приводит высшие вопросы теории в непосредственную, прямую связь с задачами повседневной практики⁵⁵. Хотя во всемирно-историческом плане основным противоречием нашей эпохи является противоречие между капитализмом и социализмом, стратегия борьбы за прогресс, не говоря уже о способе решения конкретных проблем, отнюдь не всегда непосредственно определяется этим эпохальным противостоянием⁵⁶. «Главнейшая аксиома, определявшая сталинскую политику, аксиома о неизбежности непрерывного обострения противоречий, проявлялась не только во внутренней политике Советского Союза... но означала неизбежно и перспективу третьей мировой войны»⁵⁷. Только с завершением эпохи, связанной с именем Сталина, подчеркнул философ, перед мировым коммунистическим движением открылись новые возможности. Краеугольным камнем новой политики

должен стать принцип мирного сосуществования⁵⁸. «Чем серьезнее мы будем относиться к сосуществованию, т. е. чем человечнее будем строить социализм, человечнее для нас самих, для нашей же пользы, с точки зрения нашего развития, тем лучше мы будем содействовать окончательной победе социализма в международном масштабе... Потому что если нам удастся сделать социализм привлекательным, он перестанет быть пугалом для масс⁵⁹... Будем совершенно откровенны: на Западе есть еще огромные массы рабочих, которые огшатываются от сегодняшних форм социализма, не говоря уже об очень широких крестьянских массах, интеллигенции, чье отчуждение можно преодолеть только делами».

Политика мирного сосуществования, по Лукачу, предполагала единение коммунистов со всеми силами прогресса во имя решения общих задач⁶⁰, а это, в свою очередь, было невозможно без их способности к открытому диалогу с носителями иных мировоззрений. За годы сталинщины марксисты отвыкли от свободных дискуссий, когда «невозможно опираться ни на что другое, кроме как на собственные знания и собственную аргументацию». «Что стал бы делать в такой дискуссии философ минувшего периода, который никогда даже и не читал произведений Гегеля, не говоря уже об Аристотеле, поскольку он в соответствии с кратким ждановским катехизисом заучил, что Гегель — реакционный философ, что у него даже диалектика — и та реакционна. В таких условиях мог бы получиться диалог, при котором католический теолог спорил бы, обладая полным знанием старой диалектики, а коммунист-сектант стоял бы перед ним в полной беспомощности»⁶¹. И в силу абсолютной своей беспомощности в серьезных дискуссиях поборники сталинского догматизма, пускай и не очень открыто, но все же надеялись на неизбежность войны, полагая, что буржуазное мировоззрение рухнет тогда само собой или его, по крайней мере, можно будет насильственно упразднить.

Крупнейший литературовед-марксист в своем программном выступлении, конечно же, не мог не затронуть проблем эстетики и художественной культуры. Высказав принципиальную позицию о том, что в развитии искусства происходит непрекращающееся противоборство реалистических и антиреалистических тенденций, Лукач вместе с тем предостерег от любого рода упрощений при конкретном рассмотрении вопроса о борьбе прогресса и реакции в художественном творчестве. Что из идейного наследия сталинской эпохи мешает разворачиванию сил прогресса в культуре? Во-первых, до сих пор господствующий в современной марксистской литературной теории тезис о том, что с появлением социалистического реализма критический реализм отживает

свое время. Во-вторых, догматическая, формалистическая трактовка признаков декаданса, при которой в декаденты зачисляются даже Т. Манна, исходя исключительно из формально-стилевых особенностей его прозы (критика модернизма, выдвигающая во главу угла стилиевые моменты в творчестве художников, проходит мимо подлинных противоречий в современном художественном сознании и поэтому, естественно, никого не убеждает даже «в нашем собственном лагере», подчеркнул в той же связи Лукач). В-третьих, мы нередко судили о литературных произведениях и их авторах в соответствии с сиюминутными политическими требованиями, и любая попытка подняться над меняющейся конъюнктурой воспринималась как идеологический уклон.

Затронув стержневой для ждановской эстетики вопрос о партийности искусства, Лукач акцентировал внимание на недопустимости противопоставления партийности и объективности, неизбежно ведущего к схематизму, искусственному привнесению «голой» идеи в ткань художественного произведения. Сколь ни важна в искусстве идеологическая составляющая, художники коммунистической ориентации могут доказать свое превосходство над «буржуазно ограниченными» художниками только в реальной творческой практике. Несомненно, что «Тихий Дон» Шолохова или фильм Эйзенштейна «Броненосец Потемкин» «в свое время потрясли десятки тысяч людей вне нашей партии. Но когда мы некритически восхваляем посредственные произведения, мы только подрываем авторитет социалистического реализма», нередко отождествляемого читателями с теми схематическими произведениями, которые привыкли превозносить до небес сектантская культурная политика и партийная критика, действующие по принципу уравниловки. Обратившись к опыту современной венгерской литературы, Лукач заметил, что публикация на основных иностранных языках больших романов Т. Дери «Неоконченная фраза» и «Ответ» «явилась бы выигранной битвой для социалистического реализма. Вместо этого мы искусственно препятствовали появлению этих произведений за рубежом». Конечно, во время острых революционных ситуаций на литературу и искусство всецело распространяется острое противостояние двух идейно-политических лагерей. Но сейчас, продолжал Лукач, положение иное и картина гораздо сложнее: некоторые писатели «подходят к делу формалистически, но их глубочайшие внутренние стремления направлены все-таки в сторону мира и прогресса», с другой стороны, есть писатели-реалисты, «чья склонность к натурализму как раз порождает отсутствие такой перспективы». «Наша впадающая из одной крайности в другую так называемая «марксистская» критика,

которая не знала никакой средней позиции между славословием и разномом... нередко отталкивает в сторону реакции тех, у кого возникает, может быть, склонность к сближению с нами»⁶².

Платформой для такого сближения, по Лукачу, могло стать стремление избежать новой мировой войны. В новую историческую эпоху, подчеркивал философ, линия фронта между реакцией и прогрессом проходит не непосредственно между капитализмом и социализмом, а между силами войны и силами мира, между холодной войной и сосуществованием, колониальным угнетением и самоопределением. Попытки восстановить фронт между капитализмом и социализмом (а к этому толкает не только сталинский догматизм, но и западная реакция, используя разоблачения Сталина, прозвучавшие из уст Хрущева) чреваты угрозой новой войны.

Как видно из вышеприведенных строк, программа Лукача в той ее части, которая касалась проблем культуры и художественного творчества, не означала коренного разрыва с господствовавшей эстетикой социалистического реализма, но вместе с тем пыталась обновить ее за счет усиления реалистического начала, а в более широком общественном плане — за счет преодоления коммунистического сектантства, путем наведения мостов ко всем считавшимся прогрессивными немарксистским течениям в культуре. Последовательное осуществление марксистской критикой и коммунистической культурной политикой линии, провозглашенной Лукачем, несомненно, означало бы повышение их толерантности к идейно-художественным исканиям вне русла эстетического официоза и могло иметь позитивное влияние на творческий процесс. (Это впоследствии в известной мере доказала и кадаровская эпоха, отказавшаяся от одиозных сектантских крайностей культурной политики предшествующего исторического периода, неплохо сумевшая в 1960–1970-е годы интегрировать в свою концепцию социализма многие положения лукачевской эстетики и, надо сказать, создавшая относительно благоприятные условия для развития художественного творчества во многих областях.) Однако для более глубокого понимания исторического контекста выступлений Лукача в 1956 г. необходимо иметь в виду, что с точки зрения западного праволиберального сознания любая программа реанимации марксизма воспринималась совершенно иначе, чем левыми как на Западе, так и на Востоке Европы. Вот как, например, западногерманская газета «Франкфуртер альгемайне цайтунг» еще до окончания XX съезда, 23 февраля, отреагировала на происходящее обновление коммунистической доктрины Кремля: «Многие доброжелатели на Западе истолковали демонстративное разоблачение

Сталина как признак чистки советского режима, который отбросил грубые революционные нравы и благодаря этому стал способным вести переговоры и участвовать в союзах. На самом же деле новое развитие представляет собой нечто в высшей степени опасное, а именно широко задуманную попытку усилить путем возврата к ленинскому интернационализму фанатизм и революционность коммунистического движения, застывшего в сталинской догме»⁶³. Идеиное преодоление сталинизма могло расцениваться, таким образом, не только как попытка соединить идею социализма с некими демократическими принципами и началами, но и как прямое возвращение к небезопасному мессианскому революционаризму 1920-х годов, которому и Лукач отдал дань в «Истории и классовом сознании». Но независимо от того, как относиться к подобной перспективе обновления марксизма применительно к середине 1950-х годов, опасения западногерманской газеты были, бесспорно, преувеличенными — хотя бы потому, что сталинское наследие отнюдь не собиралось без боя уступить место новым веяниям.

Кризис сталинистского режима в Венгрии, отчетливо проявлявшийся как в экономике, переживавшей большие трудности, так и в различных областях общественной и культурной жизни, все настоятельнее требовал от венгерского руководства радикального пересмотра стратегии, поворота к решительному обновлению всей доктрины социализма. Но это, несомненно, угрожало положению Ракоши и ведомой им команды правоверных сталинистов. В конце июня 1956 г. венгерский лидер побывал в Москве. Н. С. Хрущев, напуганный размахом послесъездовской дискуссии дома и в странах «народной демократии» и раздосадованный июньской публикацией в американской прессе своего секретного доклада, напутствовал Ракоши на более решительные действия в борьбе с активизировавшейся оппозицией. К твердости линии побуждали и события в польском городе Познани, где 28 июня демонстрация рабочих, выступивших за улучшение условий труда, вылилась в вооруженное восстание, подавленное с помощью армии (73 человека погибли, более 300 получили ранения). 30 июня внеочередной пленум ЦР ВПТ своей резолюцией осудил «правых оппортунистов». Была подвергнута критике позиция газеты «Сабад Неп», не выступившей «с должной принципиальностью» против «враждебных демагогических взглядов». Писатели Т. Дери и Т. Тардош за острокритические выступления на дискуссии о печати 27 июня были исключены из партии. Иницируется шумная кампания в прессе. 4 июля члены руководства ВПТ в беседе с послом СССР Ю. Андроповым с удовлетворением отмечали, что тон венгерской печати стал более «твердым и наступательным»⁶⁴.

Однако курс на ужесточение вызвал сильное противодействие, причем уже не только в среде творческой интеллигенции, но даже в самом партийном аппарате. Характерно, что на пленуме 30 июня часть членов Центрального Руководства открыто выступала против осуждения Кружка Петефи. На собраниях в низовых парторганизациях (особенно бурно в Союзе венгерских писателей⁶⁵) звучали требования рядовых коммунистов об ознакомлении с полными текстами выступлений Т. Дери и других участников дискуссии о печати, повлекшими столь жесткую реакцию партийного руководства. В донесениях советского посла в Москву упор, как и прежде, делался на необходимости проведения более твердых мер⁶⁶. Но обстановка в стране уже настолько накалилась, а позиции Ракоши настолько ослабли, что он теперь едва ли мог последовать совету проезжавшего через Будапешт албанского лидера Энвера Ходжи, который предложил расстрелять ряд «контрреволюционеров», дабы показать народу, что такое диктатура пролетариата.

Между тем, к середине июля уже и в Москве осознали, что фигура Ракоши, вызывавшая острую аллергию в венгерском обществе, стала серьезной обузой для руководства ВПГ в его стремлении ослабить напряженность. Посетивший Будапешт член Президиума ЦК КПСС А. И. Микоян дал добро Кремлю на отставку Ракоши⁶⁷. Решения об осуждении Кружка Петефи оставались, однако, в силе. Выступая на июльском пленуме как представитель КПСС, опытный Микоян разъяснил своим венгерским коллегам, что такое партийность печати в ее большевистском понимании. «Нельзя терпеть ни одного дня, чтобы пресса и радио, формирующие общественное мнение в стране, не были бы под контролем ЦК», — говорил он⁶⁸. При обсуждении кандидатур для кооптации в ЦР возникла и фамилия Лукача. Небезынтересно, как на это отреагировал А. И. Микоян в своем донесении Президиуму ЦК от 18 июля: «Некоторые оппозиционно настроенные члены ЦК как накануне, так и во время пленума предлагали в состав ЦК Лукача, видного марксиста, философа, который как в старое время, так и теперь допускает путаницу в идеологии, солидаризируется полностью с Гольятти, считая французскую партию⁶⁹ сектантской, то есть говорит то, что югославы раньше говорили, а теперь стесняются это делать⁷⁰. Товарищи Гере и Хегедюш выступили с отводом кандидатуры Лукача по тем соображениям, что для единства руководства на основе принципов марксизма-ленинизма неправильно было бы вводить его в состав ЦК, провалив таким образом его кандидатуру без голосования»⁷¹.

Как видим, в руководстве КПСС неплохо знали Лукача, к которому по-прежнему относились весьма сдержанно — он считался, как и раньше, «правым уклонистом». Между тем, отрицательное отношение в Москве к философской и политической деятельности Д. Лукача все чаще вызывало открытые возражения той части венгерской коммунистической интеллигенции, которая связывала с XX съездом начало реформ социализма. При встречах с советскими дипломатами летом 1956 г. отдельные литераторы-коммунисты (не из крайних ортодоксов) призывали Москву пересмотреть взгляд на Лукача как на ревизиониста марксистской эстетики и теории литературы⁷².

Половинчатый характер решений июльского пленума и особенно избрание первым секретарем непопулярного Э. Гере не благоприятствовали снижению остроты ситуации. После месячного затишья с начала сентября стал намечаться новый подъем выступлений с требованиями демократизации⁷³. Вновь, как и раньше, в эпицентре борьбы за реформы оказываются литераторы⁷⁴. Июльский пленум все же в некоторой мере способствовал ослаблению партийного диктата в области культуры и массовой информации. С разрешения властей возобновил работу Клуб Петефи. Вышли книги, долгое время лежавшие без движения в издательствах. Велась подготовительная работа по созданию ряда новых литературных периодических изданий (среди прочего обсуждалась идея создания специализированного эстетического и литературно-критического журнала под редакцией Д. Лукача). Газеты публиковали острые материалы по самому широкому кругу проблем (от привилегий партноменклатуры до нелегкого положения венгров в румынской Трансильвании), которые прежде упорно замалчивались. Возобновивший критику ретроградных сил в ВПТ литературный еженедельник «Иродалми Уйшаг» за считанные недели увеличил тираж с 8 до 30 тыс. экземпляров. К разрыву со старыми методами, отказу от сталинской политической практики все чаще призывал и центральный партийный орган «Сабад Неп». Считая отставку Ракоши лишь первым шагом в процессе демократизации, радикально настроенные публицисты хорошо осознавали, что кадровые изменения на вершине пирамиды власти, как и некоторые послабления интеллигенции, направлены прежде всего на нейтрализацию оппозиции и носят тактический, а не принципиальный характер. Главным тормозом на пути обновления им представлялись уже не отдельные лица, а вся антидемократическая система.

8 сентября на страницах «Иродалми Уйшаг» проблему свободы литературы затронул Дюла Хай. Для литераторов, отмечал он, «не должно быть запретов ни в чем, кроме того, что запрещено законом для всего

общества... И, с другой стороны, напротив, писателю, как и всем смертным, должно быть дозволено без ограничений говорить правду; критиковать всех и вся... верить в Бога, не верить в него; сомневаться в правильности плановых показателей; думать не по-марксистски... считать несправедливым то, что официально, быть может, считается справедливым; не любить отдельных руководителей; изображать недостатки, не предлагая при этом рецептов их устранения... использовать неприличный стиль... называть никудышними произведения, которые некоторыми авторитетами выдаются за образцовые; высказывать определенные литературные мнения, чихать на определенные литературные мнения и т. д. и т. п... Вот свобода, за которую нам, писателям, нужно стоять до конца». В статье открыто поднимался вопрос о противоестественности существования в подлинно демократическом обществе учреждений, специально созданных для контроля за мыслью. «Ослабленная узда — это еще не свобода... Всякий открытый или завуалированный, прямой или косвенный надзор за выпуском книг, спектаклями, всякую цензуру нужно упразднить государственным актом... Пока этого не произойдет, мы не можем говорить о свободе литературы, а можем говорить, самое большее, лишь о временном либерализме, который в любую минуту может быть опять ликвидирован». Не предварительная цензура должна определять, что можно и что нельзя публиковать в прессе, а сами редакторы, на которых тем самым будет возложена гораздо большая ответственность.

Геза Лошонци (в прошлом видный партийный функционер в области культуры, прошедший через репрессии режима Ракоши) 2 сентября писал на страницах газеты «Мювелт Неп», что «роковая пропасть между словами и делами» начнет исчезать лишь с принятием конкретных, далеко идущих решений, направленных на улучшение положения трудящихся. Для укрепления веры народа в решимость партийного руководства перейти к подлинному обновлению своего курса этот известный публицист считал необходимым среди прочего сделать выводы в отношении лиц, которые своей «сектантской ослепленностью, нетерпением и упрямой бесчеловечностью нанесли людям плохо заживаемые раны, но несмотря на это продолжают находиться на руководящих постах». Лошонци вторил публицист Л. Коны в «Иродалми Уйшаг» 22 сентября: «Я до тех пор буду сомневаться в том, что законность укрепляется не на словах, а на деле, пока высший страж ее, государственный прокурор, официально не возбудит обвинений против всех тех, кто отнимал свободу и жизнь у невинных людей, незаконно мучил и пытал их». Долгие годы, проведенные в

хортистской тюрьме, не могут стать охранной грамотой и для Ракоши, совершившего тяжкие преступления перед народом, отмечалось в другой газетной публикации.

Как явствует из записей бесед советских дипломатов с венгерскими гражданами, хранящихся в Архиве внешней политики РФ, подобные статьи широко обсуждались в венгерском обществе, особенно в кругах интеллигенции и студенчества. Вопрос о целесообразности восстановления в партии и на ответственных должностях в органах массовой информации ряда сторонников радикальных реформ, ранее подвергнутых несправедливым гонениям, затрагивался и на совещаниях в высших эшелонах партии, где находил понимание даже некоторых членов Политбюро.

Острые публикации в венгерской прессе вызывали немалую обеспокоенность советского посольства, доносившего в Москву о том, что «командные высоты» на идеологическом фронте постепенно переходят в руки «правых сил», связанных между собой не только идейно, но и организационно, стремящихся к созданию альтернативного «идеологического центра». Опубликование статьи Д. Хая с требованием предоставления «полной свободы» литературе «показывает, насколько далеко зашли венгерские писатели в своих выступлениях против партийного руководства и насколько ЦК ВПТ выпустило из своих рук дело руководства литературой», отмечалось в записке МИДа СССР от 28 сентября, адресованной в ЦК КПСС М.А. Сулову⁷⁵.

В донесениях советского посольства за сентябрь 1956 г. неоднократно упоминался и Лукач. Так, 8 сентября заместитель главного редактора газеты «Мадьяр немзет» И. Комор говорил Андропову, что лекция Лукача «Борьба прогресса и реакции в современной культуре», не только опубликованная в главном теоретическом органе ВПТ «Таршалми семле», но и вышедшая отдельной брошюрой, стала оружием для тех, кто склонен ⁷⁶охаивать успехи социалистического строительства в СССР и Венгрии. 17 сентября старый коммунист художник Ш. Эк в беседе с советским дипломатом констатировал происходящее «широким фронтом» наступление на социалистический реализм в искусстве, который именуется не иначе как «советский натурализм» и продукт культ личности. Молодые художники, жаловался Эк, все более попадают под влияние старых «формалистов», ориентированных на современное западное искусство. «Нападки на советское искусство и отрицание его ведущей роли стали модой. Воскрешаются идеи Дьердя Лукача, который в свое время пытался принизить советское искусство, объявляя его отсталым по сравнению с западным. Лукач, как известно, апел-

лировал к известному тезису Маркса о том, что более высокому общественному строю не обязательно должно соответствовать более высокое искусство, что оно может отставать от общественного развития. Этому тезису придается преувеличенное, извращенное толкование с целью доказать, что советское искусство отстало от западного в своем развитии»⁷⁷.

Основываясь на тревожных донесениях Андропова, первый заместитель министра иностранных дел СССР А. Громыко подготовил 17 сентября записку в ЦК КПСС, в которой, в частности, докладывал: «В публичных выступлениях, а также в печати реакционно настроенная часть интеллигенции и оппортунистические элементы в партии проводят линию на то, чтобы оторвать Венгрию от СССР и заменить советское влияние в стране югославским⁷⁸. С этой целью, например, академик Лукач пропагандирует выдвинутый ранее, ошибочный тезис Тольятти о том, что культ Сталина был порожден самой системой советского общественного строя»⁷⁹. О том, насколько серьезно была воспринята в Кремле информация Андропова о ревизионистском наступлении в Венгрии, можно судить хотя бы по тому, что записка Громыко обсуждалась 27 сентября на заседании Президиума ЦК⁸⁰. Как видим, фигура старого «путаника» и уклониста Лукача продолжала привлекать внимание советского руководства, давно привыкшего видеть в Лукаче одного из главных персонажей любой «ревизионистской вылазки» в Венгрии.

Вопреки той версии происходивших в Венгрии событий, которая излагалась в посольских донесениях, в рядах так называемой «литературной оппозиции» тон задавали отнюдь не противники социализма, а убежденные коммунисты. «Разумеется, я не собираюсь отказываться от своих принципов, от тех убеждений, которые в юности привели меня в рабочее движение. Сегодня я знаю, что этим принципам... я изменил тогда, когда вместе с другими поверил, что правому делу можно служить, отвлекаясь от гуманизма, от нравственности, от национальных ценностей» — говорил 17 сентября с трибуны писательского съезда поэт З. Зелк⁸¹. Забегая немного вперед, отметим, что основные деятели «писательской оппозиции», включая Т. Дери, Д. Хая, З. Зелка, после подавления восстания понесли наказание по обвинению в подрывной антигосударственной деятельности, идейной подготовке «контрреволюционного путча». Действительно заметная роль писателей и публицистов в общественно-политической жизни Венгрии накануне октябрьских событий способствовала впоследствии формированию мифа, согласно которому вооруженное выступление народа 23 октября явилось, в первую очередь, результатом подстрекательства узкой группы интеллигенции.

Этим мифом жил и Н. С. Хрущев. Когда 22 октября состоявшееся в Центральном Доме литераторов в Москве обсуждение романа В. Дудинцева «Не хлебом единым» вылилось в критические выступления ряда писателей против идейного наследия сталинской эпохи, а на следующий день из Будапешта пришли сообщения о многотысячных митингах, перерастающих в вооруженные столкновения, разгневанный Хрущев в промежутке между почти не прекращавшимися в те дни заседаниями Президиума ЦК вызвал к себе руководителей Союза писателей и, устроив им головомойку, кричал о международном заговоре писателей против социализма⁸².

В числе проблем, занимавших венгерское общество в месяцы, предшествовавшие взрыву 23 октября, был вопрос о последовательном доведении до логического завершения процесса реабилитации. Под давлением общественности партийное руководство было вынуждено дать согласие на перезахоронение останков видного деятеля компартии Л. Райка и его товарищей, казненных в 1949 г. на основании сфальсифицированных обвинений. Этому акту, даже не нашедшему в то время отражения в советской печати, придавалось символическое значение как свидетельству полного разрыва со сталинским наследием. Моросивший весь день дождь не помешал многим тысячам жителей Будапешта прийти 6 октября на Керепешское кладбище, где состоялось торжественное перезахоронение жертв сталинистской диктатуры. Публицистика тех дней хорошо передает нравственное состояние, в котором пребывала значительная часть венгерского общества. «Мы вдруг поняли, — писал от имени своего поколения коммунистической интеллигенции молодой литератор О. Майор, — что служили преступным политическим замыслом и были орудием клеветы и обмана. Нас, конечно, обманывали, но это не уменьшает всей тяжести нашей личной ответственности. У некоторых это вызвало нервный шок. Другие... приходили в ярость или впадали в самое мрачное отчаяние... Именно этот кризис привел к моральному сплочению писателей, в основе которого было торжественное обещание никогда впредь не лгать и никогда не служить бесчеловечному делу»⁸³. Состоявшийся 6 октября траурный митинг, а за ним и массовое шествие под лозунгами обновления социализма явились важным психологическим рубежом — народ почувствовал в себе достаточно сил для открытого противостояния власти. После перезахоронения Райка «было очевидно, что решающая схватка не за горами и что вопросы будут решаться теперь не в кабинетах, а на улицах», — вспоминает очевидец⁸⁴.

В прессе все настойчивее звучало требование о восстановлении справедливости в отношении И. Надя. В «письме чепельского рабо-

чего», опубликованном на страницах «Иродалми Уйшаг» 13 октября, его «новый курс», провозглашенный в 1953 г., был назван «оазисом в пустыне безумной сталинской политики», тогда как «до хруста сжавшее кости» мартовское постановление 1955 г. об отстранении И.Надя, как отмечалось, «помяло слабые побеги веры в демократический дух». 13 октября под давлением оппозиции опальный премьер-министр был восстановлен в рядах партии.

В предгрозовой атмосфере середины октября, когда власть постепенно уходила из рук партийного руководства и ситуация в стране становилась все менее предсказуемой, Д.Лукач как крупнейший не только в Венгрии, но и за ее пределами живущий философ-марксист становится объектом повышенного внимания журналистов. Интервью с ним в течение нескольких дней опубликовали сразу три ведущие венгерские газеты. Орган Отечественного народного фронта газета «Мадьяр Немзет», ориентированная на интеллигенцию, просила Лукача ответить на вопросы анкеты, посвященной проблемам современной молодежи. Философ отметил чрезвычайно позитивную роль Кружка Петефи в общественной жизни Венгрии. Создание подобного рода трибуны, способной дать ⁸⁵простор независимым мнениям, Лукач сравнил с «прорывом плотины».

13 октября еженедельник Союза писателей «Иродалми Уйшаг» под заголовком «Молодежь спрашивает — Дьердь Лукач отвечает» опубликовал ответы философа на вопросы студентов историко-филологического факультета Будапештского университета. Речь сразу же зашла о вопросах сугубо литературных и, в частности, о сути социалистического реализма. Как и во многих прежних своих выступлениях, Лукач однозначно высказался о приверженности реалистическому методу в художественном творчестве. «Признаком всякой прогрессивной литературы, — заметил он, — является реализм. История литературы — это кладбище антиреалистических тенденций и произведений». Вместе с тем «каждое великое произведение раздвигает границы существующих эстетических законов, заставляет эстетиков формулировать новые законы». При этом Лукач, следуя своей старой традиции, вновь упомянул Томаса Манна, чье творчество заставило пересмотреть представления о возможностях критического реализма. Что касается социалистического реализма, то его «нельзя сузить до нескольких посредственных произведений, появившихся в Венгрии между 1949 и 1953 годами. Мы вправе, конечно, говорить об истории социалистического реализма, путь которого обозначают имена Горького, Нексе, Шолохова, Т.Дери», — обозначил философ свою позицию.

Лукачу был задан также вопрос о небезызвестной статье Ленина «Партийная организация и партийная литература», которой сталинско-ждановская эстетика придавала программное звучание. Философу-марксисту, не отрицавшему социальной и политической ангажированности художественной литературы, пришлось напомнить своим собеседникам, что предметом выступления вождя российских большевиков были обязанности публицистов партийной печати в канун революции и не более того. «Неправильный метод литературной политики сталинской эпохи состоял в том, что заключенные в этой статье указания расширяли на всю литературу периода диктатуры пролетариата, пытались применить их к каждому стихотворению, каждому роману». Характерно, что уже в 1956 г. (и во время философской дискуссии в Кружке Петефи, и в интервью) Лукач использовал определение «сталинизм», понимая под ним не только методы действий, систему взглядов, тип мышления конкретной исторической личности, но нечто большее — тенденцию к выхолащиванию демократического потенциала российской революции, усилению бюрократической централизации (процесс этот, начавшись еще при жизни Ленина⁸⁶, получил развитие в эпоху, связанную с деятельностью Сталина⁸⁷). По мнению Лукача, жизненно важные задачи скорейшей индустриализации промышленно отсталой страны в условиях наступления фашизма способствовали централизации всего механизма управления. Победа в войне в известной мере доказала оправданность такого курса, однако «очевидно, что сталинская эпоха в этом отношении далеко переступила границы необходимого».

Обратившись к проблемам современной Венгрии, Лукач заметил, что проведение в жизнь линии XX съезда КПСС наталкивается на противодействие, в стране есть силы, открыто тянущие назад. Миссию борьбы против догматизма взял на себя Кружок Петефи. Решение этой задачи среди прочего предполагает значительно большую открытость культурной политики. «Чрезмерная бдительность, пышный расцвет принципа секретности стали у нас настоящей болезнью, симптомы которой заметны даже и в библиотеках». Это явление, продолжал Лукач, необходимо ликвидировать. Впрочем, философ сделал важную оговорку, в полной мере проясняющую его позицию последовательного поборника рационализма. Он, в частности, предостерег от некритической пропаганды культуры, пронизанной иррационалистическими тенденциями, вновь приведя в пример творчество Дж. Джойса и Ф. Кафки.

Принципиальные проблемы литературной жизни затрагивались и в интервью Лукача газете «Сабад Неп», опубликованном 14 октября. В нашей культурной жизни, заметил философ, до сих пор находят

проявление «тормозящие последствия того искаженного, нездорового развития», которое переживала страна начиная с рубежа 1940–1950-х годов. «Нужно покончить со всяким административным вмешательством, обеспечить различным художественным направлениям возможность свободного проявления, выбор организационных форм и т.д. Это, однако, не означает, что все направления в наших глазах равны. Задача марксистской критики – оценивать их, различать. В этой работе ценным помощником и союзником марксистской критики смогла бы стать прогрессивная буржуазная критика⁸⁸ ... Союз с нею нужен тем более, что марксистская критика еще недостаточно сильна. Не всякий критик, называющий себя марксистом, является таковым в действительности⁸⁹».

В ходе интервью речь зашла о сути социалистического реализма – вопрос этот в сентябре-октябре 1956 г. становится дискуссионным, обсуждается, в частности, на страницах «Иродалми Уйшаг»⁹⁰. Согласно Лукачу, засилие антиреалистических течений в венгерской литературе эпохи хортизма сделало актуальным сразу после Освобождения выдвижение лозунга борьбы за реализм. Начавшийся во второй половине 1940-х годов процесс «очищения, укрепления, становления» реализма был, однако, искусственно прерван в результате небезызвестной дискуссии 1949 г. Концепция социалистического реализма в том виде, в каком она сложилась в начале 1950-х годов, возникла «не как плод дискуссий в защиту реализма, а в первую очередь как следствие административного вмешательства... Естественно, что сейчас, когда вновь развернулась борьба против схематизма, сектантского понимания соцреализма, в ходе спора вновь заявляют о себе непреодоленные антиреалистические тенденции. Задача состоит в том, чтобы расстегнуть плохо застегнутый жилет и застегнуть его как следует: начать широкие разъяснительные дискуссии по вопросу о реализме и других литературных направлениях. В ходе этих дискуссий нужно коренным образом порвать с сектантской точкой зрения, будто бы между социалистическим реализмом и прежними реалистическими направлениями зияет глубокая пропасть и существуют даже принципиальные противоречия»⁹¹.

Корреспондент главной коммунистической газеты «Сабад Неп» интервьюировал Лукача в дни, когда общественно-политическая обстановка в Венгрии достигла предельного накала и страна жила предчувствиями если и не революционных потрясений (оказавшихся для многих неожиданными), то во всяком случае серьезных перемен. Естественно, он не мог обойти вопроса о перспективах марксизма в Венгрии. Марксизм, заметил Лукач, конечно же, находится в нелегком положении – в

результате догматизма, господствовавшего в предшествующий период, значительная часть интеллигенции к нему охладела, авторитет марксистского учения упал и необходимо прилагать усилия для того, чтобы его восстановить. Но эту задачу философ считал хотя и не простой, но все же разрешимой. «Приложив усилия, можно исправить грехи последних 7-8 лет, но только лишь при условии, что мы с надлежащей смелостью и решительностью сделаем все необходимые идеологические выводы из решений XX съезда КПСС». Перспективу буржуазной реставрации в Венгрии Лукач считал малореальной.

Программа, изложенная Лукачем, предполагала, таким образом, либерализацию в рамках марксистской идеологии. Однако последующее развитие событий в стране показало, что лозунги обновления марксизма к этому времени уже утратили свою привлекательность даже для многих из тех людей, кто ранее был им привержен. Более того, события неумолимо переступали ту грань, когда философские идеи и вообще деятельность интеллигенции могли хоть в какой-то степени предопределить их ход. И в этом, несомненно, заключалась драма философа Лукача.

Иллюзии относительно возможности реформаторских сил встать во главе происходящих процессов имели под собой, однако, питательную почву. Ведь в те дни, когда Лукач давал свое интервью газете «Сабад Неп», сторонники И. Надя, отстаивавшие концепцию национального, венгерского пути к социализму, контролировали уже значительную часть средств массовой информации, включая радио. Редактор главной партийной газеты М. Хорват (один из идеологов культурной политики начала 1950-х годов, участник критической кампании 1949–1950 гг., направленной против Лукача), по донесениям советского посольства, также в это время внутренне сочувствовал И. Надю, а решения Политбюро пытался выполнять только из чувства дисциплины. В самый канун восстания 23 октября один из членов Политбюро жаловался Андропову, что для публикации в центральном органе партии ряда материалов он был вынужден обращаться за «разрешением» к публицистам из окружения Надя Ш. Харасты и Г. Лошонци, не занимавшим важных постов в партийной номенклатуре, но имевшим огромное неформальное влияние. Вопреки противодействию Политбюро редакции центральных газет и Союз венгерских журналистов выразили солидарность с польской «Трибуна Люду», которая в те дни включилась в открытую полемику с «Правдой», выступившей с критикой некоторых статей польской прессы. О фактах вмешательства СССР во внутренние дела Польши, когда прибывшая в Варшаву без приглашения делегация КПСС во главе с самим Н. С. Хрущевым попыталась 19 октября воспрепятствовать на-

меченным кадровым перестановкам на пленуме ЦК ПОРП⁹³, откровенно сообщало венгерское радио.

Если в Польше пришедшие в условиях общественного подъема к руководству ПОРП В. Гомулка и его сторонники сумели разрядить обстановку и не допустить взрыва, то венгерские лидеры оказались неспособны осуществить тот коренной поворот к отстаиванию принципов национального суверенитета, который мог бы предотвратить соскальзывание к вооруженной конфронтации. Предпринятая в знак солидарности с польскими единомышленниками студенческая демонстрация 23 октября не смогла удержаться в рамках мирной митинговой акции, переросла в вооруженное восстание.

Программа непосредственных организаторов этой демонстрации, студентов Будапештского политехнического института, заметно превосходила своим радикализмом требования, звучавшие в ходе дискуссий Кружка Петефи, других выступлений оппозиции в предшествующие месяцы. Окрыленные успехом польских реформаторов, добившихся принципиальных уступок от Москвы (смены партийного руководства, ликвидации института советников в силовых структурах), их венгерские единомышленники теперь настаивали на немедленном выводе из Венгрии советских войск⁹⁴, разрешении политических партий помимо коммунистической, проведении тайных выборов в Национальное собрание на альтернативной основе, перевыборах всех руководящих органов ВПТ, суде над М. Ракоши, вскоре после июльского пленума выехавшим в СССР. Среди прочего в списках студенческих требований значились отмена цензуры, осуществление свободы печати. Поскольку в прессе к этому времени тон задавали симпатизировавшие студентам представители реформаторского крыла партии, программу из 16 пунктов удалось опубликовать или хотя бы в общих чертах изложить в ряде газет, сделав ее, таким образом, достоянием самого широкого общественного мнения.

Начавшись после полудня, с течением времени демонстрация приобретала все больший размах, менялся и состав ее участников. По окончании трудового дня в ряды демонстрантов влились служащие государственных учреждений, расположенных в центре венгерской столицы, с промышленных окраин города в его центральные районы стекались заводские рабочие. Заметно радикализировались лозунги, скандировавшиеся многотысячной толпой; чаще слышались требования о выводе советских войск из Венгрии и установлении более равноправных отношений с СССР.

Уже в первые часы демонстрации ее масштабы далеко превосходили ожидания внутривластной демократической оппозиции, тщетно пытавшейся направить шествие в организованное русло. Один из ее идейных центров, руководство Союза писателей в сложившейся взрывоопасной ситуации попыталось возглавить одну из основных колонн манифестантов, что, однако, не имело успеха⁹⁵.

В 8 часов вечера по радио прозвучало выступление первого секретаря ЦК ВПТ Э. Гере, изобиловавшее резкими выпадами в адрес устроителей демонстрации и вызвавшее гневную реакцию многотысячной толпы, собравшейся перед зданием парламента. В те же часы большая группа оппозиционно настроенной молодежи попыталась проникнуть в здание венгерского радио с тем, чтобы зачитать свои программные требования. Эта попытка привела к столкновению с частями госбезопасности, появились первые убитые и раненые. Между тем, демонстранты овладевают рядом складов огнестрельного оружия и носившая до тех пор исключительно мирный характер акция приобретает отныне иное качество, формируются первые повстанческие группы. «Город за час-полтора изменился до неузнаваемости, начали действовать законы толпы, где уже совсем другая, не поддающаяся предсказанию логика», — свидетельствует очевидец⁹⁶. В районе городского парка многотысячная толпа в порыве гнева и ликования сносит гигантскую статую Сталина, один из символов тиранической власти. Лишь огромные сапоги восточного деспота продолжали еще много месяцев стоять на постаменте. Крайнюю растерянность властей в критической обстановке отразила тональность вещания радио. «Венгерское радио, работающее из подвальных помещений парламента, ежедневно «запрещает революцию». Оно просит, умоляет, льстит, пускается в объяснения, угрожает, обольщает, предупреждает (одумайтесь, мол, а то в воскресенье не состоится футбольный матч). Но к этому времени мостовая уже обгажена кровью 250 человек», — вспоминал впоследствии активный участник событий А. Гёнц, президент Венгерской Республики в 1990–2000 гг.⁹⁷

В этой ситуации и возник вопрос о вступлении в Будапешт частей Особого корпуса советских войск, дислоцированного в Венгрии, и переправке на венгерскую территорию дополнительных воинских соединений из СССР. Соответствующее решение было принято поздно вечером 23 октября на заседании Президиума ЦК КПСС, постоянно получавшего информацию из Будапешта по официальным межпартийным, дипломатическим, военным и другим каналам⁹⁸.

Вступление советских танков в Будапешт к утру 24 октября ставило своей целью демонстрацию военной силы, солдаты не получили при-

каза о применении огня. Тем не менее эта акция вызвала всплеск патриотических настроений и дала многим сотням людей основание выступить с оружием в руках в защиту национального суверенитета Венгрии. Создаются отряды сопротивления, повсеместно происходят вооруженные стычки между восставшими венграми и советскими частями. Венгерская армия фактически распалась, отдельные военнослужащие, а иногда и целые подразделения стали переходить на сторону повстанцев. Введение в Будапеште чрезвычайного положения 24 октября оказалось неэффективным. В разных частях города возникали новые очаги вооруженного сопротивления. Росло число жертв как среди советских солдат, так и среди повстанцев, а также мирного населения. Более 60 человек было убито и почти 300 ранено 25 октября на площади Кошута, когда советские войска получили приказ о разгоне собравшейся у парламента многотысячной манифестации (вопрос о том, в какой мере эта акция была спровоцирована экстремистами и кто первым открыл огонь, остается на сегодняшний день дискуссионным). Начиная с 25 октября по всей Венгрии происходит распад прежних партийно-государственных структур, власть переходит к стихийно формировавшимся революционным комитетам и рабочим советам.

Уже в ночь на 24 октября непрерывно заседавшее Центральное Руководство ВПТ (кооптировавшее среди других в свой состав и Лукача) рекомендовало Президиуму ВНР решить вопрос о назначении Имре Надя премьер-министром. В сложившейся критической ситуации этот шаг не вызвал возражений в Москве — хотя советские лидеры продолжали считать И. Надя «правоуклонистом», они вынуждены были осознать, что из всей коммунистической элиты Венгрии один лишь он продолжал пока еще пользоваться достаточным кредитом доверия масс⁹⁹. Новое правительство, сформированное Надем в основном 24-25 октября, было приведено к присяге 27 октября. На должность министра просвещения и культуры первоначально предполагалось назначить Ласло Кардоша, в 1940-е годы видного общественного деятеля левонароднической ориентации. Однако эта кандидатура вызвала возражения высокопоставленных эмиссаров КПСС А. И. Микояна и М. А. Сулова, с 24 по 31 октября находившихся в Будапеште и представлявших там официальную линию Кремлю. Так на политическом горизонте возникла фигура 71-летнего Лукача. Микоян и Сулов сообщали 27 октября в Президиум ЦК КПСС, что министром культуры «утвержден Лукач — известный философ, хотя и допускающий немало путаницы в философии, но политически говоря более благонадежный и авторитетный среди интеллигенции», нежели предлагавшийся перед этим Кардош¹⁰⁰.

В тот же день, 27 октября, Лукач выступил по радио с первым же своим программным заявлением. Он придал решающее значение формированию такого правительства, в котором был бы «представлен весь широкий спектр прогрессивных, выступающих за построение социализма сил. Большая ошибка предыдущего правительства заключалась в обособлении от тех творческих сил нации, без участия которых невозможно успешное продвижение по венгерскому пути к социализму. Главная задача нового правительства состоит в том, чтобы радикальнейшим образом порвать с практикой манипулирования сверху и использовать все здоровые начинания, исходящие от разных слоев венгерского общества. Только в этом случае каждый венгр сможет почувствовать себя в венгерском социалистическом государстве как дома»¹⁰¹. 28 октября «Сабад Неп» опубликовала послание нового министра к венгерской молодежи, выступившей против прежнего режима. Он признавал за ней право на недовольство недемократическим характером политики, пренебрежением национальными особенностями, отмечал справедливость основной массы требований, заверял молодежь, что правительство извлечет выводы из «печальных событий последних дней», приступит к реорганизации «государственной, общественной, экономической и культурной жизни в духе настоящей демократии», ибо лишь подлинная демократия способна «вымести все остатки сталинизма». «Всестороннее утверждение демократических свобод, народного самоуправления является настоящей основой для поиска венгерского пути к социализму и успешному претворению в жизнь новых ценностей во всех областях». События, однако, сложились так, что пребывание Лукача на посту министра продлилось всего несколько дней, в течение которых невозможно было сколько-нибудь детально сформулировать программу нового правительства в области культуры.

Глава нового правительства Имре Надь вначале не протестовал против участия советских войск в «наведении порядка». Более того, выступая 25 октября по радио, он говорил, что вмешательство советских частей было неизбежным в сложившейся обстановке. Но с самых первых дней в окружении премьер-министра, привлечшего к руководству страной ряд своих сторонников, все громче раздаются голоса с требованием не только более решительного отмежевания от прежней политики, поколебавшей веру народа «в сам смысл строительства социализма», но и пересмотра отношения к вооруженным повстанцам. С течением времени изменилась и позиция самого премьер-министра, в сознании которого, как и многих его соратников по партии, венгерский патриотизм перевесил глубокие коммунистические убеждения. Поскольку

ввод советских войск практически совпал по времени с назначением И.Надя главой правительства, заявление по радио об обращении за военной помощью к СССР было сделано как бы и от имени нового премьер-министра. Это не могло не сказаться на падении народного доверия к правительству и лично Имре Надю. О его «предательстве» не только писали в листовках, но даже вещали независимые радиостанции. Постепенно осознав невозможность нормализации с помощью посторонней военной силы и почувствовав, что широкие массы отказывают в поддержке новому правительству, И.Надь 28 октября сделал решительный шаг к сближению с повстанцами. Он признал законность требований о выводе советских войск с территории страны, проведении свободных выборов¹⁰².

Было объявлено о повсеместном прекращении огня, упразднении Управления государственной безопасности, формировании новых органов охраны порядка с привлечением повстанцев. Активизировался процесс возрождения левых и центристских партий, действовавших на политической арене Венгрии до установления коммунистической диктатуры в 1948 г. Их программные заявления, как правило, указывали на необходимость сохранения командных высот экономики в руках социалистического государства. «О старом мире не мечтает никто из нас. Мир графов, банкиров и капиталистов исчез навсегда», — публично заверил своих соотечественников лидер партии мелких сельских хозяев Б.Ковач. Единственным крупным политиком, который открыто выступил в защиту «частной собственности, разумно и справедливо ограниченной социальными интересами», был ярый противник коммунизма глава католической церкви кардинал Миндсенти, освобожденный в конце октября из-под домашнего ареста и торжественно вернувшийся в Будапешт. Правительство в первые дни ноября начинает реорганизовываться уже на коалиционной основе и положение Лукача как министра культуры в новом кабинете оказывается под вопросом.

30 октября на площади Республики перед зданием будапештского горкома ВПТ произошел кровавый, не до конца еще проясненный инцидент, жертвами которого стали более 20 человек, включая секретаря горкома И.Мезе. При том, что первыми, по всей вероятности, открыли огонь охранявшие здание сотрудники госбезопасности, жестокая расправа над безоружными людьми получила единодушное осуждение самых разных сил, что нашло отражение и в публицистике тех дней, в том числе в выступлениях ведущих политических деятелей, а также писателей, выпустивших 2 ноября «революционный» номер еженедельника «Иродалми Уйшаг», оставивший заметный след в истории венгерской

литературы¹⁰³. Лидер воссозданной социал-демократической партии, непримиримая оппонентка режима Ракоши А. Кетли в этой связи напомнила трудящимся о «страданиях, которые начались в августе 1919 г. (после падения Венгерской советской республики — А. С.), о расправах над невинными, о сниженных наполовину заработках, о тюрьмах и концлагерях белых. Освободившись из одной тюрьмы, мы не позволим превратить нашу страну в тюрьму «другого цвета». Сегодня контрреволюция успокаивающе нашептывает нам, что у нее и в мыслях не было повторять то, что она совершила в свое время. Но мы должны быть бдительны и, восстанавливая партию, мы должны бороться за то, чтобы этот шепот не сменился ликующим хохотом. Мы должны защитить наши заводы, шахты и землю, которые должны остаться в руках народа, обеспечить возможность для творческого и созидательного труда»¹⁰⁴. Пробил час не мести, а восстановления справедливости — подчеркивал в одной из статей другой последовательный антисталинист, писатель Т. Дери¹⁰⁵. Эксцесс на площади Республики вызвал отклики и за пределами Венгрии, указав симпатизировавшей венгерским повстанцам мировой общественности на реальную опасность разгула насилия, анархии и охлократии в случае распада органов государственной власти и неспособности правительства сдержать резкий сдвиг политической жизни вправо.

Д. Лукач 31 октября дал интервью созданной в дни революции студенческой газете «Эдетем ифьюшаг». Надо приветствовать демократические преобразования и вместе с тем позаботиться о том, чтобы в сегодняшнем состоянии всеобщего хаоса не были утрачены такие важнейшие социальные завоевания послевоенного периода, как аграрная реформа 1945 г.¹⁰⁶, национализация промышленных предприятий, говорил он. Что же касается будущего, то рабочие и крестьяне сами должны решить вопрос о конкретных формах хозяйствования (Лукач при этом сослался на Энгельса, писавшего о необходимости дать крестьянину время поразмыслить над своим будущим, работая на собственном участке). Конечно, хорошо организованное крупное производство имеет свои преимущества над мелкотоварным, однако только агитацией этого вопроса не решить¹⁰⁷.

Интересно, что в сложнейшей обстановке конца октября 1956 г., когда на горизонте замаячила опасность слишком резкого сдвига вправо, позиция марксиста и коммуниста Д. Лукача во многом перекликалась с позицией как правой социал-демократки А. Кетли (в свое время тесно связанной с британской лейбористской партией), так и той части интеллигенции, которая ориентировалась на силы крестьянской демократии,

но при этом отстаивала социалистическую идею. Мнение этой категории интеллигенции особенно четко и ярко выразил оппонент Лукача по второй половине 1940-х годов один из наиболее выдающихся писателей-прозаиков Венгрии Л. Немет 1 ноября на страницах газеты «Уй Мадьярорсаг». За минувшие десятилетия, писал он, Венгрия довольно далеко продвинулась по пути социализма. «Не учитывать этого в горячке разрушения старого режима – такой же огромный промах, как тот, что совершили коммунисты, когда, не принимая во внимание реального состояния венгерской экономики», приступили к строительству социализма по советскому рецепту. Наша национальная традиция обязывает нас сохранять верность принципу социализма, о воплощении социалистической идеи многие из нас мечтали в молодости, мы держались за нее даже в годы сталинистского произвола, когда оказались лицом к лицу с «такими методами, перед которыми был бессилён накопленный венграми опыт». А потому сегодня спор идет не о том, сохранить ли в Венгрии социализм или реставрировать буржуазный строй, а «скорее о том, быть ли нашему социализму точной копией заграничных образцов или приспособлять общие принципы к венгерскому характеру, к венгерской экономической ситуации. Сейчас спор решился: нация... решила его сама. Но решение направлено не против социализма – лишь против его формы, чуждой для нас». Все партии правительственной коалиции, продолжал Немет, должны высказаться за верность некоторым кардинальным принципам социализма: например, сохранению заводов в собственности государства, невозвращению крупных земельных владений. «Особые цели и задачи партий начинались бы за пределами этих немногочисленных общих принципов, коренясь в специфических интересах представляемых ими общественных групп»¹⁰⁸.

После победы революции, писал Немет, встает вопрос и о будущем политическом устройстве Венгрии. Так как нация захочет воспользоваться своим вновь обретенным правом, необходимо будет провести свободные выборы, однако не хотелось бы восстанавливать в прежнем виде старую парламентскую систему с ее «мелочной суетой». А потому политики старшего поколения должны уступить место «сделавшей революцию и очистившейся в ней молодежи». По мнению Немета, выразившего довольно характерные для атмосферы тех дней умонастроения венгерской интеллигенции (и не только приверженцев социализма в какой-либо его форме), весь мир «после этой ошеломляющей революции ждет от нас образцовой модели политического устройства».

В последние дни октября до образцовой модели было, однако, очень далеко и дальнейший ход событий оказывался труднопредсказуемым. Президиум ЦК КПСС, перед этим сумев избежать применения силы при разрешении кризиса в Польше и убедившись в неэффективности вооруженной акции в Венгрии, вплоть до 31 октября продолжал искать политические средства урегулирования конфликта, согласившись на вывод советских войск из Будапешта и признав реорганизацию правительства на более широкой национальной основе, с привлечением левых некоммунистических политиков, деятелей партий демократической коалиции 1945–1948 гг.¹⁰⁹ Во избежание дальнейшего углубления кризиса и оттеснения коммунистов от власти ставка по-прежнему делалась на «правого оппортуниста» Имре Надя и его правительство, в которое входил и Лукач. На заседаниях Президиума ЦК 28 и 30 октября было отмечено, что продолжение боевых действий «нас втянет в авантюру», а потому целесообразнее вывести советские войска из Будапешта. Министр обороны Г. К. Жуков расценил венгерский кризис как урок «для нас в военно-политическом отношении». «Упорствовать дальше — неизвестно, к чему это приведет», — заключил он¹¹⁰. 29–30 октября советские танки покидают Будапешт. С удовлетворением приняв к сведению этот факт, «Сабад Неп» в статье под характерным заголовком «Светает» констатировала победу народного движения. Молодежная газета «Сабад ифьюшаг» призывала повстанцев положить конец вооруженной борьбе, поскольку первоочередная цель была достигнута. С этих пор на страницах самых разных изданий все большее место занимают проблемы налаживания мирной жизни, преодоления разрухи.

Однако с выводом советских войск из Будапешта напряженность отнюдь не спала — достаточно напомнить о расстреле на площади Республики. Вести, ежечасно поступающие из Венгрии, вели к разочарованию руководства СССР в возможности удержания ситуации под контролем политическими средствами. Если 30 октября в Кремле еще продолжали искать мирный путь, то уже на следующий день положение изменилось. При принятии решения о применении силы сугубо идеологические соображения перемешивались с геостратегическими, в которых доминировал привычный конфронтационный подход. Суэцкий кризис конца октября (агрессия Великобритании, Франции и Израиля против Египта, национализировавшего Суэцкий канал) был воспринят в Кремле как симптом недопустимого ослабления советского влияния в мире, побудив тем самым руководство КПСС к демонстрации военной мощи в Венгрии. «Если мы уйдем из Венгрии, это подбодрит американцев, англичан и французов — империалистов. Они поймут как нашу слабость

и будут наступать... К Египту им тогда прибавим Венгрию. Выбора у нас другого нет», — рассуждал на заседании Президиума ЦК КПСС Н. С. Хрущев¹¹¹. Кроме того, антиегипетская акция трех стран (кстати, не поддержанная правительством США и осужденная многими западными, не только левыми, политиками) стала тем внешним фоном, на котором советская интервенция в Венгрии могла бы вызвать более снисходительное отношение. 31 октября было решено готовить новую военную акцию.

В тот же самый день, когда кремлевское руководство принимало принципиальное решение по венгерскому вопросу, Лукач в своей квартире на Белградской набережной Дуная, ставшей на несколько дней резиденцией министра культуры Венгрии, беседовал с известным польским публицистом и поэтом В. Ворошильским. В своем «Венгерском дневнике», одном из наиболее ярких свидетельств о революции 1956 г., Ворошильский посвятил встречам с Лукачем интересный фрагмент, не только в полной мере раскрывающий политическую позицию крупного философа, но и вводящий в круг его размышлений тех дней: «Я, конечно, мог себе представить, что когда-нибудь в жизни встречу Дьердя Лукача. О чем бы я с ним говорил? Наверное, о гегелевской эстетике, о критическом реализме, о Томасе Манне. Но мог ли я вообразить, что познакомлюсь с Лукачем в таких особых обстоятельствах и что первой его фразой будет:

— Культуру оставим в покое, ладно? Есть дела поважней.

Между прочим, Дьердь Лукач в правительстве Надя... министр культуры». Мы «сидим вокруг большого семейного стола и говорим о делах «поважнее культуры»... Наконец, разговор сворачивается на вопрос о партии. Выясняется, что внутри нынешнего руководства ВПГ идет отчаянная борьба двух тенденций: одни хотели продолжать несколько обновленную, но в общем-то прежнюю линию, другие жаждут полностью отвергнуть сталинские традиции ВПГ и создать новую марксистскую партию. Профессор Лукач, разумеется, принадлежит к этому второму, революционному течению.

— А кто еще?

— Надь, Лошонци, Донат, Кадар...

— И Кадар? — переспрашиваю я.

— Какие могут быть сомнения, — не понимает профессор», не знавший, как, впрочем и его собеседник, что вечером следующего дня один из ведущих деятелей в правительстве И. Надя Я. Кадар тайно отбудет на самолете в Москву и вернется в Будапешт 7 ноября в советском бронетранспортере главой нового правительства, сформированного в

СССР и готового беспрекословно подчиниться воле советского руководства.

«Новая партия, — продолжает Лукач в беседе с Ворошильским, — не может рассчитывать на скорый успех: коммунизм в Венгрии основательно скомпрометировал себя. Вокруг партии, очевидно, соберутся маленькие группы прогрессивных интеллигентов, писателей, немного молодежи. Рабочий класс, вероятнее, пойдет за социал-демократами. На свободных выборах коммунисты получают пять, максимум десять процентов голосов. Может, не войдут в правительство, окажутся в оппозиции... Но партия будет существовать, сохранит идею, станет интеллектуальным центром, а спустя годы — кто знает...

Пока она, однако, все еще не создана, продолжают споры об оценке положения, и в то время как все другие партии возникли, коммунисты опаздывают не меньше, чем на сутки»¹¹².

На следующий день, 1 ноября, Ворошильский позвонил Лукачу. Партия создана, сообщил ему философ, по радио уже прозвучало программное заявление¹¹³, 2 ноября выйдет газета «Непсабадшаг» под редакцией Ш.Харасты. Это будет новая партия, члены ВПТ отнюдь не перейдут в нее автоматически. «Я откладываю трубку и думаю о мужестве людей, которые решили остаться на посту. Может показаться парадоксальным, что именно эти бунтовщики, которых в прежней партии преследовали за всяческие уклоны, отстраняли от дел, клеймили, сажали в тюрьмы, — в трудном и опасном положении поднимают знамя коммунизма, а ортодоксальные горлодеры способны только унести за границу свои драгоценные головы, послав народу на прощанье автоматные очереди. Но это не парадокс — это закон»¹¹⁴.

Идея очищения марксизма от сталинских наслоений нашла отражение и в публичных выступлениях Д.Лукача тех дней. Так, в уже упомянутом интервью студенческой газете «Эдетеми ифьюшаг», опубликованном 31 октября, философ назвал главной задачей прогрессивной интеллигенции в сложившейся очень непростой обстановке проведение линии размежевания между сталинизмом и марксизмом. Подлинно революционная теория, говорил он, должна совпадать с волей масс, поэтому коммунистам в первую очередь необходимо завоевать доверие народа. Вследствие сталинской сектантской политики «положение нашей теории сейчас хуже, чем при хортизме». Предстоит приложить громадные усилия для того, чтобы восстановить авторитет социалистической теории. «Это чрезвычайно сложная задача, требующая для своего решения годы, но достойная, чтобы ею заняться».

1 ноября вопреки официально данным обещаниям на венгерскую территорию переправляются новые воинские части из СССР. Правительство И. Надя в знак протеста заявляет о выходе Венгрии из Организации Варшавского Договора и обращается за поддержкой ко всему мировому сообществу¹¹⁵. Это решение было принято узким кругом ведущих политиков без предварительного обсуждения правительством в его полном составе, а также руководством вновь образованной Венгерской социалистической рабочей партии. Лукач, продолжавший оставаться министром культуры и вошедший в состав Исполкома новой партии, узнал о нем из сообщения по радио¹¹⁶. По свидетельствам тех, кто в конце октября – начале ноября 1956 г. беседовал с Лукачем о путях спасения социализма в Венгрии, философ в принципе отвергал идею иностранного вмешательства. Это был бы тяжелый груз для национального сознания, тем более, что и в 1945 г. венгры не сами завоевали свободу, говорил он известному журналисту С. Уйхейи¹¹⁷. Однако и скоропалительный разрыв с Варшавским договором философ счел всплеском эмоций, не приличествующим серьезной политике. Ведь в силу своего геополитического положения Венгрия при существовавшем раскладе сил в Европе однозначно тяготела к советской сфере влияния, что в дни событий публично признали президент США Д. Эйзенхауэр и госсекретарь Дж. Ф. Даллес, заявлявшие о незаинтересованности Соединенных Штатов во внутренних венгерских делах¹¹⁸. Деятельность Имре Надя во главе правительства Лукач вообще воспринимал довольно критически, ставя в вину премьер-министру непоследовательность в заявлениях и действиях¹¹⁹. Но когда на рассвете 4 ноября советские войска предприняли массированное наступление на Будапешт с тем, чтобы свергнуть правительство И. Надя, Лукач в числе других соратников премьер-министра нашел убежище в югославском посольстве. Так начался новый период его жизненного пути.

ГЛАВА 8

**КОНСОЛИДАЦИЯ КАДАРОВСКОГО РЕЖИМА
И «ПРОБЛЕМА ЛУКАЧА» (КОНЕЦ 1956 — 1962 гг.)**

С 4 по 18 ноября известный философ вместе с рядом других людей из окружения И. Надь находился в качестве политического беженца в здании посольства Югославии в Венгрии, в Будапеште, на площади Героев. Когда он вышел оттуда, то сразу был арестован и 22 ноября переправлен в румынский город Снагов, где провел несколько месяцев, вернувшись в свою будапештскую квартиру лишь 11 апреля 1957 г. Этот не слишком продолжительный, но все же существенный отрезок жизни Лукача, по отзывам учеников, заставивший его на основе личного опыта пересмотреть на склоне лет свое отношение к некоторым важным явлениям литературы XX века (прежде всего к творчеству Ф. Кафки¹), почти не изучен биографами философа. Реконструировать его позволяют документы из российских и венгерских архивов, до начала 1990-х годов хранившиеся за семью печатями в закрытых фондах.

Информацию о наступлении советских войск на Будапешт премьер-министр И. Надь получил на рассвете 4 ноября. В ответ на вероломные действия, прикрытием для которых служили начавшиеся 3 ноября переговоры о выводе с территории Венгрии советских войск, он в 5 ч. 20 мин. сделал заявление по радио: «Говорит Имре Надь, председатель Совета Министров Венгерской Народной республики. Сегодня на рассвете советские войска начали наступление на нашу столицу с очевидным намерением свергнуть законное демократическое венгерское правительство. Наши войска ведут бои. Правительство находится на своем посту. Я сообщаю эту весть народу страны и общественному мнению мира». Вскоре после этого И. Надь и 14 политических деятелей из его окружения, а также члены их семей, всего несколько десятков человек, нашли убежище в югославском посольстве. Среди них были Дьердь и Гертруда Лукач. Впоследствии философ в доверительных беседах с более молодыми друзьями сожалел о своем поступке, говорил, что присоединился к другим, поддавшись мимолетным эмоциям и не взвесив всех последствий этого скоропалительного шага².

Отправляясь 2 ноября в Югославию, чтобы проинформировать Тито о своих планах силового разрешения венгерской проблемы, советские лидеры Н. Хрущев и Г. Маленков не были уверены в благоприятном исходе встречи с югославским руководством, ведь, несмотря на наметившееся после смерти Сталина сближение двух коммунистических

режимов, Югославия дорожа своей репутацией независимого государства, продолжала несколько дистанцироваться от социалистического лагеря и претендовать на проведение самостоятельного внешнеполитического курса³. Тем приятнее им было в ходе беседы убедиться в единодушной оценке двумя сторонами положения в Венгрии. Будучи, как и Хрущев, приверженцем однопартийного социализма, Тито не мог не встревожиться развитием событий в соседней стране, угрожавшим коммунистам потерей власти. В резиденции президента ФНРЮ на о. Бриони югославские лидеры обещали Хрущеву и Маленкову вступить в контакт с И. Надем и убедить его признать свою неспособность нормализовать положение в стране и уйти в отставку, чтобы уступить место новому правительству, которое, действуя «твердой рукой», смогло бы разгромить «контрреволюцию». Получив соответствующие наставления из Белграда, югославский посол в Венгрии Д. Солдатич 3 ноября дал понять, что посольство ФНРЮ в Будапеште готово, причем в самое ближайшее время, предоставить убежище ведущим деятелям ВСРП, в том числе И. Надю и министрам-коммунистам из его правительства, если те сочтут, что им угрожает опасность «со стороны реакционных банд погромщиков»⁴. Тем самым югославская сторона преследовала вполне определенную цель — склонить правительство И. Надя к добровольному самоустранению, что помогло бы легитимизации нового венгерского правительства, которое предстояло возглавить Я. Кадару, уже выехавшему к тому времени тайно в Москву.

Убежище Имре Надю и большой группе людей из его окружения было действительно предоставлено рано утром 4 ноября, но обстоятельства их укрытия в югославском посольстве в корне отличались от первоначально вынашивавшихся руководством ФНРЮ и согласованных с Москвой планов. Все карты путало обращение премьер-министра к мировому сообществу с осуждением советской интервенции. Для всего мира становилось очевидным, что речь шла отнюдь не о добровольной передаче власти новому правительству, а о свержении действующего правительства в результате вооруженной агрессии.

После 4 ноября между СССР и Югославией происходят дипломатические беседы и обмен письмами по вопросу о пребывании «группы Надя» в югославском посольстве⁵. Прозвучавшее по радио заявление Надя, из-за которого смена власти произошла далеко не так гладко, как было первоначально задумано, вызвало известное замешательство в Белграде и крайне негативную реакцию в Москве. Объяснив произошедшее слишком быстрым развитием событий (согласно этой версии, югославская сторона, приняв в посольстве беженцев, попросту не

успела сразу отреагировать на заявление И.Надя, в подлинности которого к тому же первое время сомневалась), руководство ФНРЮ старалось привести факт укрытия И.Надя в посольстве в максимальное соответствие с брионской договоренностью. Получив распоряжение из Белграда, Солдатич уже в первый день попытался склонить И.Надя дезавуировать собственное заявление по радио и выступить в поддержку Кадара в целях признания нового правительства мировым сообществом⁶. Попытка оказалась неудачной. Низложенный премьер-министр отказался пойти навстречу югославскому предложению, назвав в беседе с Солдатичем новое правительство незаконным.

В Москве идея нового заявления со стороны И.Надя не нашла поддержки. Советское руководство было крайне недовольно действиями югославского правительства, предоставившего группе Надя убежище, совершенно не приняв в расчет, что заявление И.Надя на рассвете 4 ноября в корне изменило весь смысл задуманного плана о югославском посредничестве в смене власти в Венгрии. Принимая 7 ноября посла Югославии В. Мичуновича, министр иностранных дел СССР Д. Шепилов заявил, что советская общественность возмущена «тем фактом, что обанкротившиеся перерожденцы и пособники контрреволюции типа Надя и компании, с ведома которых на улицах Будапешта вешали рабочих-революционеров и коммунистов, укрылись после своего поражения в югославском посольстве»⁷. В Москве, очевидно, с самого начала считали, что Надя, да и кое-кто из его соратников должны быть привлечены к ответственности за «пособничество контрреволюции». Препятствия для этого исходили лишь с югославской стороны. На прозвучавший уже 4 ноября прямой призыв к передаче «группы Надя» в руки советских органов (мотивированный тем, что новое венгерское правительство не имеет пока своих органов безопасности⁸) Югославия, продолжавшая немало заботиться о престиже своей страны как независимого социалистического государства, ответила требованием гарантий, что эти люди не будут преследоваться за прежнюю политическую деятельность⁹. Советское руководство, однако, не было склонно давать такие гарантии.

Считая оптимальным путем разрешения проблемы возвращение И.Надя и его соратников на свои квартиры при соответствующем обеспечении их безопасности, югославское правительство в то же время не исключало возможности предоставления им убежища в своей стране, ссылаясь при этом на данное Надем в беседе с Солдатичем обещание не действовать, находясь в Югославии, против нового венгерского правительства¹⁰.

Выезд группы Надя в Югославию никак не устраивал советское руководство, поскольку в нейтральной стране эти люди оказались бы в недостижимости. Кроме того, пребывание в эмиграции незаконно свергнутого правительства затруднило бы признание мировым сообществом правительства Кадара. Один из доводов в пользу нежелательности выезда Надя в Югославию, выраженный в письме ЦК КПСС лидерам СКЮ от 6 ноября, граничил с обвинением югославского руководства в причастности к действиям венгерских «контрреволюционеров»: «Надо предвидеть и то, что осуществление Вашего предложения о передаче Надя Имре с его группой в Югославию будет во всем мире истолковано в том смысле, что они являются югославской агентурой и ответственность за венгерские события в какой-то мере будет возложена на югославскую сторону», тем более, что ораторы Кружка Петефи, другие оппоненты существовавшего в Венгрии режима нередко апеллировали к югославскому опыту, противопоставляли югославский социализм советскому¹¹. Прямо высказанные в письме подозрения в том, что все произошедшее в Венгрии было организовано при участии югославов (хотя события и зашли дальше, чем поначалу предполагалось), были решительно отвергнуты руководством СКЮ, в письме от 8 ноября продолжавшим настаивать на гарантиях неприкосновенности И. Надя¹².

8 ноября к советско-югославскому диалогу подключается Кадар, лишь накануне прибывший в Будапешт в советском бронетранспортере. Безусловно, он не был заинтересован в пребывании Надя и его окружения в Венгрии. Находясь на свободе, незаконно отстраненный премьер-министр мог бы стать центром притяжения всех оппозиционных новому правительству сил, арест же его вызвал бы массовое недовольство и тем самым подлил масла в огонь, дав толчок повсеместным забастовкам и другим выступлениям протеста (важно заметить, что в сложной внутриполитической обстановке ноября 1956 г. правительство Кадара постоянно выступало с уверениями в том, что оно не собирается привлекать к судебной ответственности никого из членов прежнего кабинета, хотя деятельность некоторых из них «играла на руку контрреволюции»). Кадар понимал, что и выезд группы Надя в Югославию в силу уже названных причин не соответствует интересам укрепления его правительства. Вместе с тем венгерское руководство, пришедшее к власти при советской военной поддержке, достаточно адекватно оценивало степень своей непопулярности не только дома, но и в глазах мировой общественности. В целях выхода из внешнеполитической изоляции оно было весьма заинтересовано в налаживании нормальных добрососедских отношений с нейтральной Югославией, тем более, что титовское

руководство уже 5 ноября высказалось в его поддержку¹³. Поэтому Кадар поначалу собирался выразить готовность пойти на компромисс и дать разрешение на выезд Надя и его людей в Югославию при условии, если Надя заявит об отставке и обещает не вести какой-либо деятельности в ущерб новому правительству¹⁴. Этот план вызвал, однако, решительные возражения в Москве. В телеграмме МИД СССР Андропову от 9 ноября требования Югославии о передаче ей И. Надя и его группы назывались «нарушающими суверенитет Венгрии»¹⁵. Под влиянием руководства СССР Кадар изменил свою точку зрения, заявив послу Д. Солдатичу, что Надя и других лиц, скрывающихся в посольстве ФНРЮ, ни в коем случае нельзя отдавать Югославии, так как они являлись «организаторами контрреволюционных выступлений», и, кроме того, нельзя допустить, чтобы существовало два венгерских правительства — одно в Венгрии, другое в Югославии¹⁶. Поскольку Югославия не была склонна идти на какие-либо уступки в своих требованиях предоставления И. Надю и его соратникам гарантий неприкосновенности и не сняла своего предложения о выезде группы Надя в Югославию, в переговорах возникла тупиковая ситуация. В этих условиях уже к 10 ноября в Москве родилась альтернативная идея — о возможной эвакуации бывшего премьер-министра и его соратников в одну из стран Организации Варшавского договора. Из источников известно, что польское правительство предлагало Кадару свои услуги в качестве посредника на переговорах с группой Надя, но получило отказ, мотивированный тем, что руководство ВСРП в диалоге с членами своей партии не нуждается в посредниках¹⁷. Несомненно, что в условиях ослабления советского контроля над Польшей в результате октябрьских событий 1956 г. эта страна не подходила для осуществления вынашивавшихся планов. Так выбор пал на Румынию, чье руководство представлялось в то время Хрущеву и его окружению более надежным союзником. Конкретное предложение заключалось в следующем: «Надь Имре и его группа подают заявление правительству Кадара о том, что они передают себя в распоряжение Венгерского правительства и просят разрешить им выехать в Румынию, заявляя при этом, что они дают категорическое заверение, что ими не будет предприниматься ничего такого, что могло бы в какой-то степени повредить делу укрепления Революционного Рабоче-Крестьянского Правительства Венгрии». По мнению Москвы, отправка Надя и его соратников в Румынию позволила бы решить вопрос без ущерба для престижа Югославии и в то же время соблюсти интересы венгерского правительства. Кадар дал согласие на этот план, заявив также, что готов разрешить отдельным, не самым политически активным лицам из группы Надя (в том числе

Лукачу) остаться в Венгрии в случае, если те заявят о признании его правительства¹⁸. Это предложение, однако, не нашло поддержки правительства ФНРЮ, давшего понять, что переправка Надя и его группы в Румынию отрицательно скажется на репутации Югославии как суверенного государства¹⁹.

Несколько позже, 16 ноября, румынский лидер Г. Георгиу-Деж принял в Бухаресте югославского посла и заверил его в своей готовности дать письменные гарантии того, что членам группы Надя, получившим убежище «в РНР до тех пор, пока урегулируются дела в Венгрии», будет обеспечена «свободная жизнь и всякого рода помощь». Это подвигло Правительство ФНРЮ к выработке компромиссного решения: югославская сторона в принципе не имеет возражений против выезда группы Надя в Румынию, все зависит исключительно от согласия этих людей²⁰.

Вопрос о судьбе группы И. Надя в те же дни продолжал оставаться предметом переговоров между югославским руководством и правительством Я. Кадара. На позицию венгерской стороны не могло не повлиять выступление Тито 11 ноября на партактиве в хорватском городе Пула, где югославский лидер, возложив (к явному неудовольствию Москвы) на советское руководство часть ответственности за обострение кризиса в Венгрии, вместе с тем публично отмежевался от И. Надя и заявил о поддержке Я. Кадара, укрепив тем самым последнего в решимости к поискам компромиссов. Необходимо учитывать и сильное давление на Кадара внутри страны, не только со стороны рабочих советов, небезуспешно пытавшихся в те ноябрьские дни выступать в качестве альтернативного органа власти, но даже из рядов руководства собственной партии. 11 ноября на пленуме Временного ЦК ВСРП некоторые выступавшие высказывались за достижение соглашения с И. Надем и, более того, за вовлечение последнего или кого-либо из его сторонников в правительство в целях расширения социальной базы крайне непопулярной в народе и хорошо осознававшей степень своей непопулярности власти. Под влиянием всех этих факторов венгерская сторона, заинтересованная в скорейшем разрешении столь острого вопроса, сделала шаг навстречу югославским пожеланиям, согласившись 16 ноября дать письменные гарантии относительно личной безопасности И. Надя и находившихся вместе с ним в посольстве лиц²¹. Предполагалось, что уже утром 17 ноября все они смогут оставить посольство. Согласно договоренности Надя и шесть наиболее активных политиков из его окружения, чтобы не осложнять своим пребыванием в Венгрии внутривнутриполитического положения, должны были на 3-4 месяца выехать в одну из народно-демократических стран (при этом не исключался их выезд в Югославию). Другие же, включая Д. Лукача, могли остаться в Венгрии.

Вопрос об И. Наде и его группе, таким образом, казался близким к разрешению. Но как выясняется из документов, в тот же день, 16 ноября, Кадар беседовал с находившимися в Будапеште членами Президиума ЦК КПСС Г. М. Маленковым и М. А. Сусловым и секретарем ЦК КПСС А. Б. Аристовым²². Их жесткая позиция оказала влияние на дальнейший ход венгеро-югославских переговоров. 17 ноября Кадар фактически вернулся к прежним требованиям о безоговорочной передаче всех беженцев венгерскому правительству для их последующей переправки в Румынию. Югославская сторона негативно отреагировала на эти требования, продолжая настаивать на гарантиях личной безопасности и неприкосновенности Надя и его группы. А в ответ на пожелание Кадара добиться от Надя заявления об отставке и поддержке нового венгерского правительства расценило такое заявление как акт свободной воли с его стороны и внутреннее венгерское дело²³. Переговоры, таким образом, снова зашли в тупик, но в тот же день, 17 ноября, к делу втайне от югославов вновь подключилась советская сторона. Маленков, Суслов и Аристов выносят на рассмотрение Президиума ЦК КПСС следующие предложения: подготовиться и обеспечить арест Надя и его группы при выходе из посольства Югославии; отправить Надя и сопровождающих его лиц в Румынию. Кадар, как сообщалось в их телефонограмме, дал на это согласие²⁴.

Будучи проинформированными о венгеро-югославской договоренности от 16 ноября, разрешавшей им остаться в Венгрии, и совершенно ничего не зная о последовавшем за этим развитием событий, Д. Лукач и еще два видных деятеля ВСРП, З. Санто и З. Ваш, вместе с членами своих семей, находившихся в югославском посольстве (включая супругу Лукача Гертруду), 18 ноября добровольно оставили здание дипломатической миссии, однако не были развезены по своим квартирам, а были доставлены под конвоем в одно из помещений советской военной комендатуры, где им пришлось провести несколько дней, пока не решилась судьба остальных членов группы Надя.

Венгеро-югославские переговоры, между тем, продолжались. Поскольку вопрос о предстоящей отправке группы Надя в Румынию был к этому времени в принципе предрешен без участия югославов, с венгерской стороны переговоры носили довольно фарсовый характер. Но показательно также, что и югославская сторона даже не поинтересовалась судьбой З. Санто, З. Ваша и Д. Лукача, которые вопреки данным обещаниям так и не смогли добраться до своих квартир. Судя по всему, югославская дипломатия была озабочена не столько судьбой венгерских политических беженцев, сколько желанием побыстрее и по возможности

безболезненно для своей репутации избавиться от неудобных гостей. В результате переговоров венгерское правительство, с тем чтобы ускорить развязку, 21 ноября сделало видимую уступку, заявив, что дает гарантию безопасности всем членам группы Надя и никого не будет привлекать к ответственности за прошлую деятельность²⁵. Прежнее требование — заявление Надя и других о поддержке Кадара теперь уже не выдвигалось в качестве неперемennого условия. Надь и его соратники были ознакомлены с итогами переговоров и дали согласие свободно покинуть посольство. Их выход за пределы посольства по согласованию венгерской и югославской сторон был назначен на вечер 22 ноября. В тот же самый день Маленков, Сулов и Аристов доложили в Москву о том, что «необходимые меры в связи с этим подготовлены» т. Серовым совместно с венгерскими коллегами²⁶ (Председатель КГБ И.А. Серов с 24 октября по начало декабря 1956 г. почти безвыездно находился в Венгрии, собственноручно руководя репрессивным аппаратом.) Еще через сутки, 23 ноября, они сообщили, что И. Надь и его группа арестованы и «находятся под надежной охраной»²⁷. На следующий день Надь и его люди (включая Лукача и тех, кто вместе с ним вышел из посольства еще 18 ноября) были переправлены на территорию Румынии²⁸.

Депортация Надя и его соратников в Румынию вызвала крайне негативную реакцию в венгерском обществе. Кое-где возобновляются ранее прекратившиеся забастовки. По донесению председателя КГБ И. Серова от 27 ноября, от рабочих советов к правительству поступили требования «организовать переговоры с Имре Надем для того, чтобы убедиться, что он выехал в Румынию добровольно», была послана соответствующая делегация к советскому военному коменданту²⁹.

Местопребыванием группы Надя в Румынии под неослабным полицейским контролем стал небольшой курортный город Снагов под Бухарестом. Документы свидетельствуют о попытках давления румынских властей на И. Надя в целях изменения им своей позиции. В конце ноября Г. Георгиу-Деж информировал Москву о том, что «они через своих уполномоченных сейчас ведут работу с Имре Надем и его группой. Они ставят своей задачей добиться, чтобы Имре Надь и его группа выступили с заявлением, где бы признали свои преступные действия, а также указали, что единственно правильным решением в настоящее время является поддержка и укрепление» правительства Кадара. Тем самым мы «хотим испытать Надя Имре», — заключил Деж³⁰.

Поскольку склонить И. Надя к компромиссу никак не удавалось, позиция румынских властей ужесточалась. 14 декабря в беседе с советником посольства СССР В. Николаевым Деж подверг критике руковод-

ство Югославии, продолжавшее настаивать на свободном возвращении группы Надя в Венгрию, и с предельной откровенностью привел свой главный аргумент: «по нашему глубокому убеждению, Надь Имре — этот бандит, заклятый враг венгерского народа и социализма, не мог быть оставлен в Венгрии, ибо вокруг него концентрировались враждебные народно-демократическому строю силы». Тито негодует, продолжал он, что И. Надь находится не дома, хотя и не представляет якобы никакой опасности. «Между тем, сказал тов. Г. Георгиу-Деж, почему-то Тито не оставляет в своем доме — в Белграде — бывшего своего заместителя Джиласа, а посадил его на скамью подсудимых³¹. Выходит Тито это можно, а венгерским товарищам нельзя»³².

Но параллельно в действиях румынских властей прослеживалась и другая тенденция — внести в группу Надя раскол, вынудив некоторых ее членов, не в последнюю очередь Лукача, выступить против позиции свергнутого премьер-министра. Уже в декабре начинается своего рода «ухаживание» за Лукачем. Философу дают возможность работать в библиотеке, присылают специально книги, предлагают выступить с лекцией в высшей партийной школе в Бухаресте³³. Возникла даже идея пригласить Лукача с женой на новогодний прием в ЦК РРП, от которой отказались по настоянию Кадара, просившего румын не проявлять «особых знаков теплого внимания членам группы Надя»³⁴. С другой стороны, венгерские эмиссары, выезжавшие в Румынию, во многом следовали той же тактике. Прибывший в Снагов Д. Каллаи, ведавший в узком кадаровском руководстве проблемами идеологии, имел с Лукачем долгую беседу. После этого среди венгерских политических беженцев, интернированных в румынском городе, ходили слухи о том, что философу предложен пост министра культуры³⁵. Между тем, Лукач, как признавали и люди из его тогдашнего окружения, не сделал ни единого жеста, свидетельствующего о его согласии играть по чужому сценарию. Он дал понять, что готов подвергнуть критике те действия бывшего премьер-министра, с которыми не был солидарен, но только тогда, когда они оба окажутся на свободе, выступать же против товарища по заключению не намерен. На предложение румын прочитать лекцию в партшколе Лукач также ответил отказом, сославшись на свой статус политического ссыльного. Из воспоминаний тех, кто находился с Лукачем в Снагове, философ, не скрывавший своих расхождений с Надем, вместе с тем ни в коей мере не дистанцировался от товарищей по судьбе и пользовался огромным авторитетом в их кругу. При этом он как бы стоял над меняющейся изо дня в день текущей политической конъюнктурой, не проявляя никакого желания дискутировать по частным вопросам³⁶.

В Венгрии основная масса творческой и научной интеллигенции в эти месяцы резко оппозировала режиму Кадара, с начала декабря предпринявшего массированное наступление на рабочие советы — последний оплот революционных сил. Получает широкое распространение нелегальная пресса. Союз венгерских писателей на своем общем собрании 28 декабря выступает с публицистически яркой декларацией, осуждающей иностранное вмешательство в Венгрии³⁷.

В новый 1957 г. страна вступала в состоянии экономического упадка. Еще более глубокой была моральная депрессия в венгерском обществе. Расстрел рабочей демонстрации в Шалготарьяне, запрещение политической деятельности рабочих советов означали, что коммунистическая власть, опиравшаяся на советские войска, в декабре 1956 г. достаточно окрепла для того, чтобы перехватить инициативу в борьбе с независимым движением пролетариата. Роспуск в январе 1957 г. Союза писателей и Союза журналистов, продолжавших и в новых условиях претендовать на роль идейных вдохновителей в борьбе за национальный суверенитет, последовавшие за этим аресты Т. Дери, Д. Хая, З. Зелка и ряда других видных литераторов явились ударом по оппозиционно настроенной интеллигенции.

Курс на ужесточение не исключал, однако, поиска компромиссных мер, рассчитанных на поддержку хотя бы некоторой части фрондирующей интеллигенции. Принимая во внимание относительную популярность Лукача в интеллектуальных кругах³⁸, власти всерьез рассматривают вопрос о его избрании президентом Венгерской Академии наук. Особенно активно эту идею лоббировал старший сын жены Лукача от первого брака крупный ученый-физик Л. Яношши, член Президиума ВАН. Беседа 8 января с советским дипломатом, он говорил, что возвращение Дьердя Лукача в Венгрию имело бы большое значение «не только в успокоении венгерских ученых, но и в создании их доверия к Рабоче-Крестьянскому правительству и ВСРП». Ведь не секрет, продолжал он, что основная масса венгерских ученых не доверяет правительству, некоторые высказываются открыто. В условиях, когда руководство Академией полностью хотят захватить антикоммунистически настроенные деятели науки, Лукач, по мнению Яношши, был наиболее приемлемой для различных сторон фигурой для избрания в президенты³⁹.

Эта идея, однако, не получила развития. Принадлежность Лукача к команде Имре Надя при всех его разногласиях с опальным премьер-министром делала философа малоподходящей фигурой для проведения линии ВСРП в деле организации научной жизни.

29 января Д. Каллаи, только что вернувшийся из Румынии, доложил на заседании партийного руководства о своей встрече с Лукачем. Философ, говорил он, весьма критически оценивает деятельность ВСРП после 4 ноября. Вместе с тем по возвращении на родину он обещает не выражать сколько-нибудь громко свое мнение, жить уединенно, не принимать журналистов и т.д. Участвовать в политике не собирается, однако как ученый хотел бы и далее разрабатывать проблему философских основ сталинизма⁴⁰.

26 февраля пленум Временного ЦК ВСРП после длительных проволочек принял решение отделить Д. Лукача, З. Санто и З. Ваша от других интернированных в Румынии членов группы Надя как лиц, «не принимавших непосредственного участия в контрреволюционной деятельности». Это означало, что если И. Надь, Г. Лошонци и другие будут доставлены на родину в наручниках и брошены в тюрьму, на Лукача подобная мера пресечения не распространится. По сообщению заведующего международным отделом ЦК КПСС Б. Н. Пономарева, в начале марта побывавшего в Румынии, Лукач дал согласие составить письменное заявление с просьбой разрешить ему вернуться в Венгрию, обещав при этом воздерживаться от каких-либо публичных выступлений и вообще от участия в общественной жизни. Если Санто и Ваша как активных политиков решено было еще в течение года подержать в Румынии, дабы не осложнять их пребыванием в Венгрии и без того непростую внутривластическую ситуацию в стране, то относительно философа Лукача было меньше опасений в том, что он станет центром притяжения оппозиционных сил⁴¹. Не могли не привлечь во внимание и немало международного резонанса, который вызывал сам факт пребывания Лукача в румынской ссылке. Известно, например, что в защиту венгерского философа публично выступил всемирно известный английский интеллектуал Бертран Рассел⁴². Таким образом, Лукачу было разрешено возвратиться на родину. 11 апреля 1957 г. Дьердь и Гертруда переступили порог своей будапештской квартиры.

Хотя приезд Лукача в Будапешт ни в коей мере не хотели афишировать⁴³, философ с первых же дней своего нахождения в родном городе оказался в центре общественного внимания: его постоянно навещали ученики, а через них Лукач установил контакт и с более широким кругом гуманитарной интеллигенции⁴⁴. 16–17 апреля Лукача посетили гости из СССР — сначала главный ученый секретарь АН СССР академик А. В. Топчиев и академик Х. С. Коштоянц (приехавшие в Венгрию по поручению Президиума АН СССР для того, чтобы на месте изучить положение дел в научной жизни ВНР), а затем делегация советского комитета защиты

мира. В ходе бесед философ критиковал догматизм эпохи Ракоши, не забывая при этом указать на опасность ревизии марксизма и отказа от социалистического выбора. Он предостерегал от механического копирования советского опыта, в чем упрекал руководство культурной политикой в предшествующий исторический период. Одновременно Лукач выражал готовность принимать деятельное участие в работе Венгерской Академии наук. На вопрос об ответственности части венгерских писателей за октябрьские события Лукач предпочел уклониться от ответа, заметив в то же время, что арест ряда литераторов усиливает волнения и беспокойство в творческой среде⁴⁵.

Хорошо осознавая неопределенность своего официального положения в новой Венгрии, Лукач 15 мая обратился с письмом в руководство ВСРП. Отметив, что почти 40 лет его жизни связаны с коммунистическим движением, философ попросил оформить свое членство в этой партии, одним из основателей которой он явился в конце октября — начале ноября 1956 г., после чего пути Лукача и кадаровской ВСРП резко разошлись⁴⁶. Обсудив 21 мая просьбу Лукача, временный ЦК ВСРП поручил тогдашнему главному идеологу режима Д.Каллаи переговорить с философом. Встреча состоялась. По ее итогам партийное руководство 9 июля отклонило просьбу Лукача, сославшись на его несогласие с партийной оценкой событий 1956 г. и общей линией ВСРП на новом этапе⁴⁷.

Надо заметить, что весной 1957 г. философ в ряде печатных выступлений, пытаясь примириться с новыми реалиями и найти для себя нишу в литературно-общественной жизни кадаровской Венгрии, ритуально отмежевался от ревизионизма, который квалифицировал как реакцию на сталинский догматизм⁴⁸. Свое конкретное понимание ревизионизма Лукач при этом не очень-то раскрывал, по сути дела за этим термином у него стояло признание бесперспективности построения социализма. Таким образом, 72-летний философ был до известной степени склонен пойти на компромисс с режимом Кадара, рассчитывая, что власти позволят ему посвятить остаток лет фундаментальному эстетическому труду, далекому от текущей политики (т. е. «Своеобразие эстетического», работа над которым успешно продвигалась). И кадаровский режим в самое первое время действительно мог внушить Лукачу известные надежды на «спокойную старость». Отказав ему во вступлении в партию, высшие органы ВСРП вместе с тем поначалу воздерживались от сколько-нибудь резкой критики в адрес философа (вероятно потому, что в сложной и переменчивой внутривластной ситуации весны-осени 1957 г. «проблема Лукача» не относилась к числу наиболее важных с точки зрения интересов укрепления режима). Отдельные крити-

ческие высказывания в адрес философа концентрировались, как правило, на тех или иных его политических шагах, ему ставилось, в частности, в вину присоединение к группе И.Надя, укрывшейся от «народного правосудия» в югославском посольстве, равно как и последующее нежелание публично отмежеваться от нее⁴⁹. Что же касается философских, политических, эстетических взглядов Лукача, то до их критики дело пока еще не дошло. Опубликованный в сентябре 1957 г. партийный документ, наметивший некоторые предварительные установки политики в области литературы, проинформировал литературную общественность о том, что всесторонняя, обстоятельная оценка творчества этого философа и критика будет дана позже⁵⁰.

Сам Лукач, между тем, в первые же месяцы по возвращении из ссылки активно заявил о себе новыми публикациями – не только в Венгрии, но и за рубежом. В первом номере нового журнала «Венгерское философское обозрение» была опубликована его статья о молодом Марксе, пронизанная пафосом очищения его учения от позднейших вульгарных наслоений⁵¹. Отдельным изданием вышел большой труд «Особенное как эстетическая категория»⁵², который наряду с опубликованной в 1953 г. монографией по истории эстетики⁵³ явился одной из важнейших вех в процессе работы Лукача-марксиста над систематическим изложением своих эстетических взглядов. На Западе определенный резонанс вызвала публикация в 1958 г. в Италии, а затем во Франции и Японии небольшого автобиографического выступления Лукача, в котором философ не только дал нелюбезную критику сталинизма как системы, но и поделился воспоминаниями о своих собственных отношениях с советским режимом в 1930-е годы: «Мы вынуждены были, наконец, признать, что причины столкновения между обогащающим марксистскую культуру прогрессивным направлением и догматическим давлением деспотической бюрократии следует искать в системе Сталина и его личности... Поэтому я вынужден был вести за свои научные идеи партизанскую войну... Издание моих трудов я делал возможным путем начинки их ссылками на Сталина и свои взгляды, расходящиеся со Сталиным, я развивал по возможности самым осторожным образом...»⁵⁴ Столь откровенное заявление Лукача вызвало гнев блюстителей идеологической чистоты в Венгрии и других странах социалистического лагеря, став одним из главных поводов для масштабной кампании травли, набравшей полный оборот к 1958 г. Как и восемью годами ранее, она приобрела международный характер, явившись в то же время составной частью более широкой кампании по борьбе с ревизионизмом группы «Надя-Лшонци», названной главным виновником венгерских октябрьских событий.

Начало новой критике Лукача в мировом коммунистическом движении было положено не в Венгрии, а в ГДР выступлением журнала «Айнхайт» летом 1957 г. Едва ли будет преувеличением сказать, что вплоть до 1956 г. венгерский философ, нередко наезжавший в Берлин и выступавший перед широкими аудиториями, был одной из наиболее влиятельных фигур в духовной жизни Восточной Германии: его работы 1930–1940-х годов, как уже отмечалось, неоднократно переиздавались, концепции истории немецкой литературы, доминировавшие с конца 1940-х годов в литературоведческой мысли ГДР и определявшие программы университетских курсов, сложились под непосредственным воздействием теории «большого реализма». При том, что Лукач как член-корреспондент Академии наук ГДР относился к восточногерманскому литературному и научному истеблишменту, его влияние отнюдь не ограничивалось сферой официоза, выступления Лукача с требованием гуманизации марксизма, очищения учения Маркса от догматических напластований находили в 1956 г. немалый отклик у фрондирующих молодых интеллектуалов, воодушевленных идеями XX съезда КПСС. «Тогдашним своим мировоззрением я был в немалой степени обязан философу и литературному критику Д. Лукачу. Чтение его книг, выходявших большими тиражами в издательстве «Ауфбау», приобщило меня к тому, что называлось научным социализмом», — вспоминает Рольф Шнайдер, в 1979 г. исключенный из Союза писателей ГДР и переселившийся в Западную Германию (в 1956 г. он был сотрудником одного из журналов)⁵⁵. Осенью 1956 г. по недосмотру партийных инстанций в ГДР перепечатывается одно из июньских выступлений Лукача перед реформаторски настроенной венгерской аудиторией. Отчетливо прозвучавший в нем тезис о свободном соревновании идей вызвал крайнее недовольство идеологов СЕПГ. А пришедшая через несколько дней весть о будапештском восстании заставила В. Ульбрихта и его окружение отнестись к проблеме венгерского влияния на восточногерманские умы с еще большей серьезностью⁵⁶. Смертельно напуганные революцией в Венгрии, лидеры ГДР увидели именно в Лукаче главного разносчика идеологической крамолы. Эту версию поддерживало и советское посольство в ГДР. «Борьба с происками кружка Петефи затруднялась в ГДР тем, что здесь в течение ряда лет среди литераторов и философов буквально насаждался своеобразный культ венгерского литературоведа Г. Лукача», — так оценил роль Лукача посол СССР в ГДР Г. Пушкин в записке от 27 июля 1957 г., адресованной в МИД СССР⁵⁷. Публичной критике венгерского философа пытался воспрепятствовать министр культуры ГДР известный поэт-антифашист И. Бехер, и ранее всегда покровительствовавший

Лукачу⁵⁸. В защиту философа высказывалась также Анна Зегерс, которую связывали с Лукачем давние дружеские отношения (при том, что в литературных дискуссиях они нередко, как, например, в споре 1930-х годов вокруг экспрессионизма оказывались по разную сторону баррикад). Однако мнения этих людей не стали определяющими, Бехер же после венгерской революции вообще был отодвинут на второстепенные роли в руководстве культурной политикой. В аппарате ЦК СЕПГ намечается целый комплекс мер «по преодолению вредного влияния Лукача». Наиболее жесткой из них, призванной запугать интеллигенцию, явился судебный процесс по делу директора издательства «Ауфбау» В. Янки, который несколько лет провел в заключении по обвинению в подрывной антигосударственной деятельности⁵⁹. С осуждением Лукача выступают влиятельные коммунистические писатели В. Бредель (находившийся с философом в сложных отношениях со времен литературных дискуссий в веймарской Германии) и Куба.

Программное значение имели две статьи, с которыми летом 1957 г. со страниц теоретического органа ЦК СЕПГ журнала «Айнхайт» (№ 6, 7) выступил видный официозный критик Ганс Кох. Отметив, что широко распространенные в Германии работы Г. Лукача оказали немалое влияние на развитие марксистской литературоведческой мысли, Кох подчеркнул, что ее дальнейшие успехи невозможны без основательного разбора взглядов венгерского философа, в которых необходимо отделить зерна от плевел. В статьях Коха, пожалуй, впервые отчетливо прозвучала мысль о том, что политическая деятельность Лукача в 1956 г. (выступления на Кружке Петефи, участие в правительстве И. Надя, бегство в югославское посольство) имела свои корни в его мировоззрении.

В Венгрии вопрос о критической переоценке многогранного творчества Лукача был поставлен властями в повестку дня несколько позже — вероятно, лишь в конце осени 1957 г. кадаровский режим почувствовал в себе достаточно сил для того, чтобы наперекор мнению значительной части коммунистической интеллигенции развернуть жесткую критическую кампанию, направленную против одного из крупнейших деятелей современной венгерской культуры.

В ноябре 1957 г. литературный еженедельник «Элет эш иродалом», пришедший на смену «погрязшему в ревизионизме» «Иродалми Уйшаг» (продолжавшему издаваться в эмиграции), подробно изложил выступление одного из руководителей культурной политики ГДР А. Абуша, содержащее критику в адрес Лукача. Вскоре после этого, во время церемонии по случаю 20-летия со дня смерти великого поэта Венгрии 1920–1930-х годов Аттилы Йожефа второй человек кадаровской партии Дьердь

Марошан обвинил Лукача в мелкобуржуазном филистерстве, припомнив его известное высказывание, произнесенное на вечере памяти А. Йозефа в декабре 1945 г., о том, что поэт-коммунист — не «солдат регулярной армии», а скорее партизан, связанный с партией только общностью стратегических целей⁶⁰.

С каждой неделей кампания набирала обороты. В теоретическом органе ЦК ВСРП журнале «Таршадальми семле» с критикой Лукача выступил его ученик второй половины 1940-х годов, влиятельный функционер в области культуры Й. Сигети⁶¹. Отметив заслуги Лукача в борьбе с иррационализмом и модернизмом, Сигети вместе с тем охарактеризовал всю его деятельность в качестве философа, литературоведа и политика как проявление «правого уклона» в коммунистическом движении.

Первую скрипку в ходе новой антилукачевской кампании сыграл академик ВАН Бела Фогараши (1891–1959). Этот человек, получивший в молодости хорошее философское образование, в годы первой мировой войны был участником «Воскресного общества», вместе с другими единомышленниками Лукача читал лекции в Свободной школе духовных наук. В мае 1918 г. именно выступление Б. Фогараши положило начало известной дискуссии «о прогрессивном и консервативном идеализме», в которой участвовали многие видные представители венгерской интеллектуальной элиты, включая Лукача. Позже Фогараши примкнул к компартии, после падения Венгерской советской республики эмигрировал. В 1930-е — первой половине 1940-х годов он жил в Москве, работал под руководством своего соотечественника академика Е. С. Варги в Институте мирового хозяйства и мировой политики АН СССР, опубликовал ряд историко-экономических работ о германском империализме, защитил докторскую диссертацию. Вернувшись в 1945 г. в Венгрию, Фогараши занялся преподавательской и научной работой в области философии, выпустил неоднократно переиздававшийся курс логики, несколько историко-философских трудов. Будучи по своему интеллектуальному потенциалу венгерским философом-марксистом «номер два», Фогараши, избранный в 1948 г. вместе с Лукачем в Венгерскую Академию наук, находился как бы в тени последнего, известность его работ едва ли выходила за пределы Венгрии. С другой стороны, критическая кампания 1949–1950 гг., направленная против Лукача, в некоторой мере задела и Фогараши, к которому также относились с некоторой настороженностью как к философу идеалистической «закваски», преодолевшему в своем развитии гегельянство⁶². Поднявшаяся с конца 1957 г. новая волна критики в адрес Лукача предоставила Фогараши шанс выйти наконец из тени своего великого современника, стать главным венгер-

ским философом-марксистом. И он не упустил своего шанса. Заняв в 1957 г. ведущие позиции в философской жизни Венгрии (возглавив одновременно Институт философии ВАН, университетскую кафедру и философский журнал), Фогараши выступил с резкой критикой Лукача на общем собрании Венгерской Академии наук⁶⁸. Участие Лукача в деятельности Кружка Петефи и правительстве И. Надя, его бегство в югославское посольство — не случайность, говорил он, а закономерный итог всей его предшествующей эволюции как философа. Научившись искусно облекать свои взгляды в оболочку марксистской фразеологии, Лукач, по мнению оппонента, остался по сути таким же идеалистом-гегельянцем, каким был в начале творческого пути. Философский идеализм стал основой его ревизионистских взглядов и в конечном итоге привел его к «политическому краху».

В критической кампании против Лукача 1958–1959 гг. слышались явные отзвуки предшествующей аналогичной «дискуссии» (1949–1950). При том, что место прежних оппонентов Лукача (Реваи, Рудаши, Хорвата) заняли новые (Фогараши и Сигети), преемственность между двумя кампаниями многим была очевидна в силу схожести методов и конкретных обвинений. Вместе с тем в 1958–1959 гг. критика происходила по более сложной схеме, чем на рубеже 1940–1950-х годов — теперь, после событий 1956 г., Лукача можно было обвинять не только в идейно-мировоззренческих, но и в конкретных политических «ошибках», последние непосредственно выводились из первых, а те в свою очередь, как и прежде, из более ранних «заблуждений» Лукача. Подобный «генетический» метод критики, нацеленный на выявление исторических истоков взглядов, признанных неправильными, вообще широко практиковался коммунистическими идеологами сталинской эпохи (характерно, что и Жданов, критикуя в 1946 г. А. Ахматову, ссылаясь на ее принадлежность к акмеизму). При критике Лукача этот метод применялся дважды, с десятилетним интервалом. Правда, источники «ревизионизма» венгерского философа каждый раз назывались разные. Если в 1950 г. Реваи выискивал корни лукачевского «правоуклонизма» в «тезисах Блюма» 1929 г., то в 1958 г., после XX съезда, обращение к этим тезисам в качестве негативного примера было бы слишком явной апологией сектантства. Более убедительно, по замыслу организаторов кампании, должна была выглядеть критика Лукача-гегельянца (мало кто помнил, в самом деле, что в дискуссиях 1920-х годов Фогараши проявил себя как сторонник «Истории и классового сознания»). Впрочем, дифирамбы того же Фогараши в адрес Лукача, произнесенные на юбилейных торжествах весной 1955 г., были на памяти почти у всех венгерских гуманитариев,

поэтому истинная подоплека действий этого человека, с большой охотой исполнившего новый политический заказ, едва ли могла вызвать у кого-то сомнения.

В течение 1958 г. кампания критики Лукача развивалась по нарастающей, причем главным ее лейтмотивом служил тезис о том, что именно ревизионизм, прикрывающийся необходимостью преодоления сталинского догматизма, сыграл решающую роль в идейной подготовке «контрреволюции» 1956 г. Взгляды Лукача рассматривались как одно из проявлений ревизионизма, своего рода «эстетический эквивалент» политического ревизионизма И. Надя. Что же касается набора конкретных обвинений в адрес эстетики Лукача, то в основном повторялось уже звучавшее из уст его оппонентов в 1940 г. в СССР, в 1949–1950 гг. в Венгрии. Речь шла прежде всего о недооценке роли сознательного марксистского мировоззрения в художественном творчестве, принижении значения советской культуры. Новые моменты в критике, как правило, имели больше отношения к политике, чем к эстетике. Выступлением в июне 1956 г. в Политакадемии ВПТ Лукач дал своим более ортодоксальным оппонентам повод обвинять его в затушевывании основополагающего с марксистской точки зрения антагонизма между социализмом и капитализмом, стремлении подменить его другими общественными противоречиями, в частности противоречием между силами мира и силами войны. Впрочем, и здесь слышались явные отзвуки кампании 1949–1950 гг., когда критике подвергалась не только эстетическая теория «большого реализма», но и политическая концепция реальной и формальной демократии.

За громкими выступлениями идеологов ВСРП против Лукача не могли не последовать оргвыводы. Уже в 1957 г. он был выведен из редколлегии «Венгерского философского обозрения», а осенью 1958 г. перестал быть действующим университетским профессором — министр культуры В. Бенке подписала приказ об отправке его на пенсию с прямым указанием на то, что политическая позиция Лукача не позволяет доверить ему преподавание марксистской философии в университете. Одним из новых поводов для такого решения послужил факт публикации в Западной Германии брошюры Лукача «Против неверно понятого реализма», равно как и само содержание этой брошюры, свидетельствовавшее о том, что философ на этот раз совсем не был склонен извлекать выводы из критики⁶⁴. Впрочем, и уйдя из университета, Лукач продолжал заниматься педагогической деятельностью, у него постоянно собирались ученики послевоенного поколения, наиболее старшие из которых именно во второй половине 1950-х годов делали первые заметные

самостоятельные шаги в науке. Закладывались основы школы Лукача, которая в 1970–1980-е годы приобрела мировую известность трудами А. Хеллер, Д. Маркуша, М. Вайды, Ф. Фехера. В числе других интеллектуалов, на протяжении многих лет тяготевших к Лукачу, постоянно обсуждавших с ним планы своих научных работ и в полной мере имеющих право считать себя его учениками, — люди разных научных интересов: всемирно известный востоковед Ф. Тёкеи, музыковед и эстетик Д. Золтаи, философы И. Херманн и М. Алмаши, критик И. Месарош, уехавший в конце 1956 г. на Запад, драматург, публицист и переводчик И. Эрши, после событий 1956 г. отбывший несколько лет в тюремном заключении⁶⁵. К интеллектуальному кругу Лукача относились, конечно же, и члены его семьи — жена Гертруда, на протяжении нескольких десятилетий бессменный секретарь Лукача, чью помощь он чрезвычайно высоко ценил⁶⁶, дочь Анна и зять, химики по образованию, а также дети Гертруды от первого брака, каждый из которых стал в своей области крупным ученым — физик Лайош Яношши и экономист Ференц Яношши. Критика Лукача, развернувшаяся в 1957 г., в известной мере распространилась и на его учеников — А. Хеллер была выведена из редколлегии «Венгерского философского обозрения», подвергалась нападкам в общественно-научных изданиях⁶⁷.

Летом 1958 г. критика Лукача перекинулась из Венгрии в СССР. 18 июня 1958 г., через два дня после казни Имре Надя, идеолог режима Д. Каллаи говорил представителю посольства СССР о желательности выступлений советской печати с критикой Лукача. «Сейчас не имеется никаких оснований для проявляемой советской печатью сдержанности в отношении освещения проводимой в Венгрии работы по борьбе с вреднейшей ревизионистской деятельностью Лукача. Если бы критику Лукача начали в Советском Союзе, сказал тов. Каллаи, а потом она вернулась бы в Венгрии, то это дало бы возможность кое-кому говорить о «критике по указке Москвы», но даже и в этом самом невыгодном случае международное коммунистическое движение, несомненно, получило бы пользу. В действительности получилось так, что борьбу с лукачевским влиянием первые начали немецкие товарищи (в журнале «Айнхайт» летом 1957 г.), затем выступили венгры, сейчас готовятся итальянцы, и молчание советских товарищей может уже быть неправильно понято», — заметил он⁶⁸. Молчание, о котором говорит Каллаи, было недолгим. Уже в том же 1958 г. оно было нарушено целым залпом критических выпадов в адрес Лукача со страниц советской прессы. Начало положил Я. Эльсберг в «Литературной газете» 9 августа⁶⁹. Редкий советский учебник по эстетике и литературоведению конца 1950-х — на-

чала 1960-х годов обходился без дежурной критики в адрес венгерского «ревизиониста», соратника Имре Надя Д. Лукача, принижающего роль мировоззрения в художественном творчестве и недооценивающего значение советской литературы и культуры. Некоторые обществоведы в немалой мере именно на критике Лукача сделали неплохую карьеру. Это прежде всего А. Егоров, ставший со временем академиком-секретарем Отделения философии и права АН СССР⁷⁰.

Оставшийся в силе до лета 1957 г. вопрос о приглашении Лукача посетить Советский Союз⁷¹ отпал сам собой. Но даже в самый пик антилукачевской кампании не ослабевал интерес к его творчеству со стороны начинающих философов и литературоведов, всерьез воспринявших идеи XX съезда КПСС и пытавшихся приобщиться к новым источникам мысли. В 1959 г. группа московских студентов-философов (Н. Мотрошилова, впоследствии известный исследователь западной философии, и др.) написали Лукачу письмо, в котором просили его дать согласие на публикацию одной из глав «Молодого Гегеля». Философ ответил с благодарностью. Как и тремя годами ранее, в уже цитированном нами письме руководству Института философии АН СССР, он назвал годы, проведенные в СССР, «плодотворными и важными» для своей духовной эволюции. Книга о Гегеле, продолжал он, явилась характерным продуктом того периода его творчества. В Москве шла работа и над «Разрушением разума». «Вам не трудно себе представить, сколь важным было бы для меня, если бы эти книги стали наконец известны советской публике, интересующейся философией»⁷². Как мы уже писали выше, предпринятая в 1956 г. еще до венгерских событий, публикация в «Вопросах философии» фрагмента из «Молодого Гегеля» стоила выговора ее инициатору Э. Ильенкову. А в 1959 г., в самый разгар критики Лукача, идея издания любой, даже самой последовательно марксистской его работы могла относиться лишь к области утопии.

Критика Лукача в 1958–1959 гг. была еще менее эффективной, чем десятью годами ранее. 28 апреля 1959 г. Политбюро ЦК ВСРП, специально обсуждавшее вопрос о Лукаче, констатировало, что он сохранил немалое влияние на интеллигенцию⁷³. Историкам известно, что в 1958–1959 гг. университетская молодежь, даже совсем не приверженная марксизму, нередко фрондировала выступлениями в защиту Лукача⁷⁴. Аналогичной была ситуация в Восточной Германии. Делегация советских писателей, посетившая ГДР в 1959 г., в отчете о своей поездке докладывала высоким инстанциям о том, что Лукач по-прежнему пользуется большим авторитетом среди писателей старшего поколения⁷⁵.

Надежды на то, что Лукач выступит хотя бы с частичной самокритикой (как в 1950 г.), не оправдывались. Философ не только не был склонен идти на компромисс, но в своих все более частых интервью зарубежным корреспондентам и предисловиях к новым западным изданиям своих старых работ продолжал развивать, уточнять и дополнять именно те идеи, которые вызывали критику с ортодоксальных позиций (о сталинизме как системе методов, о противоборстве между силами войны и силами мира как главном противоречии современной эпохи, о необходимости обращения к глубоко понимаемой реалистической традиции в художественной литературе в целях преодоления украшательских тенденций, доминировавших в предшествующий исторический период⁷⁶). Все это дало кадровскому руководству основание сделать вывод о «полном ренегатстве» Лукача и активизировать нападки. Витала в воздухе даже идея ареста, впрочем, быстро отброшенная ввиду того, что мировое общественное мнение следило за ходом «новой дискуссии» с неослабным вниманием и сообщение об аресте могло бы вызвать нежелательный резонанс. (Надо сказать, что политика Кадара претерпевала определенные колебания. Задача запугать народ репрессиями против участников восстания постепенно отходила на второй план, в целях консолидации своей власти правящим кругам приходилось все более задумываться о мерах по повышению респектабельности режима, улучшению его «имиджа» в международном общественном мнении.)

Организаторы новой травли всемирно известного философа стояли перед непростой задачей. В самом деле, сколько-нибудь убедительная, аргументированная критика Лукача-философа была немислима без солидного теоретического фундамента, которым идеологи партии, за исключением разве что Б. Фогараша и полуопального «сталиниста» Й. Реваи, просто не обладали. Были трудности и с популяризацией предмета «дискуссии», переводом ее с языка высоких абстракций на пропагандистский жаргон, доступный многотысячной аудитории. Споры о том, в какой форме целесообразнее подвергнуть Лукача критике, насколько глубоко следует вникать в философские материи и что конкретно вменить философу в вину, продолжались на заседаниях Политбюро ЦК ВСРП не один час. Судя даже по самым скучным протокольным записям, Кадар был раздражен, плохо представляя, как решить «проблему Лукача» без ущерба для авторитета партийного руководства. В конце концов пришли к выводу о том, что известного философа в политическом плане надо осудить прежде всего как сторонника примирения коммунистической и буржуазной идеологий, приверженца вне-

блоковой политики (согласно политической фразеологии того времени, «титониста»). Между тем, в отличие от самого Я. Кадара, публично поддержавшего в том конкретном вопросе И. Надя 1 ноября 1956 г., Д. Лукач однозначно выступил против выхода Венгрии из Организации Варшавского договора. Это обстоятельство не могло не придать особой пикантности всему процессу обсуждения «дела Лукача» на Политбюро. Тезис о том, что Лукач был сообщником Имре Надя, в результате был отвергнут, предпочтение отдали другой формуле — о роли взглядов Лукача в идейной подготовке «контрреволюции»⁷⁷. Что же касается эстетики, то здесь, как уже говорилось, критика шла в основном по накатанной колее, за образец в целом брался сценарий 1949 г.

Апофеозом международной критической кампании явился выход в 1960 г. в ГДР сборника «Лукач и ревизионизм», включившего труды советских, восточногерманских и венгерских философов и литературоведов⁷⁸. По иронии судьбы его выпустило то же самое издательство «Ауфбау», которое до 1956 г. особенно активно пропагандировало творчество Лукача для немецкоязычной аудитории, а в 1955 г. опубликовало солидный юбилейный сборник к 70-летию философа⁷⁹. Книга 1960 г. «Лукач и ревизионизм» была обращена прежде всего к западной аудитории и не могла не найти отклика. В ней увидели одно из характерных свидетельств того, что марксистская мысль, в 1956 г. пытавшаяся хоть ненамного высвободиться из сковывавших ее пут сталинского догматизма, вновь возвращается на привычные рельсы жесткой ортодоксии⁸⁰.

Надо сказать, что к моменту будапештского восстания популярность Лукача в европейских интеллектуальных кругах достигла, пожалуй, низшей своей отметки. В первую очередь этому способствовала книга «Разрушение разума» (1954), давшая спорную трактовку магистральной линии в развитии немецкой философии второй половины XIX — первой трети XX века как неуклонного процесса усиления иррационалистических начал, нашедшего свое логическое завершение в идеологии Третьего рейха. Содержавшийся в книге пассаж об «исторической необходимости» сталинских лагерей, выраженный в форме полемики с небезызвестной книгой политического беженца В. Кравченко «Я выбрал свободу» (Париж, 1949), вызвал настоящее возмущение западной некоммунистической общественности⁸¹. Ничуть не менее ее шокировало проведение прямых параллелей между антисоветской пропагандой Геббельса и деятельностью радиостанции «Свободная Европа». В 1955 г., когда Лукач отмечал 70-летие, главным лейтмотивом выступлений западных комментаторов стали сожаления о том, что его незаурядный дар был принесен в жертву коммунистической догме и, что еще

хуже, сталинской политической конъюнктуре. Участие Лукача в венгерских событиях 1956 г., его принадлежность к антисталинскому, анти тоталитарному лагерю в общественной жизни Венгрии тех бурных месяцев, естественно, поставили многих из тех же комментаторов перед вопросом: в какой мере новые политические шаги Лукача дают основание пересматривать сложившийся образ «рафинированного догматика»? Развернулась целая международная дискуссия с участием одного из корифеев Франкфуртской школы, давнего знакомого Лукача Т. Адорно, а также Л. Кофлера, Л. Гольдманна и других видных интеллектуалов⁸². Особенно много публикаций вышло в ФРГ, Франции и Италии. При всем различии в политических подходах и симпатиях, на Западе и на Востоке Европы в центре обсуждений стоял по сути дела один и тот же вопрос — о взаимосвязи между «марксистским ревизионизмом» Лукача и его политической деятельностью в 1956 г. Одним из положительных итогов «западной дискуссии» явилось появление статей биографического плана, авторы которых пытались с большим или меньшим успехом проанализировать весь творческий путь венгерского философа. Именно в это время начинают закладываться основы западногерманского, итальянского, французского, а в некоторой мере и американского «лукачеведения» 1970–1980-х годов. Что же касается вопроса об итоговой оценке творчества Лукача, его вклада в развитие европейской философии, то он оставался совершенно открытым, выход каждой новой работы Лукача (будь то обширное «Своеобразие эстетического» или же обыкновенное интервью по проблемам начавшейся советско-китайской полемики) давал пищу для новых дискуссий.

2 марта 1960 г. 75-летний философ принес в Президиум Венгерской Академии наук пять первых, обширных глав своего фундаментального труда «Своеобразие эстетического». Лукач не скрывал, что договоры на публикацию этой работы уже были подписаны с издательствами трех стран — Западной Германии, Италии и Польши. Между тем, философ решил не отсылать своей рукописи за рубеж без предварительного разрешения руководящих инстанций. Получив от Лукача текст, Венгерская Академия наук не нашла ничего другого, кроме как переадресовать его в ЦК ВСРП. В это время идеологические органы партии были как раз озабочены выработкой партийного документа — тезисов ЦК ВСРП о положении «на философском фронте» и дальнейших задачах в этой области⁸³. Этот документ не мог, конечно же, обойтись без ритуальной критики Лукача — новых попыток перевести в теоретическую плоскость прежних политических обвинений в адрес философа. Вместе с тем для многих было очевидно, что критика начала идти на спад — просто пото-

му, что уже не было смысла мусолить изо дня в день одни и те же «аргументы» в пользу причастности Лукача к ревизионистскому лагерю. В этом смысле присланный фолиант мог оказаться как нельзя кстати — из него предстояло почерпнуть новый материал для обвинений. Но задача дать сколько-нибудь квалифицированную оценку фундаментальному эстетическому труду, написанному на немецком языке, превосходила силы агитпропа ВСРП (кстати, ни Реваи, ни Фогараши к этому времени уже не было в живых). Не удивительно, что чтение несколько затянулось. Летом 1960 г. Лукач направил письмо в ЦК ВСРП. Он открыто выступил против попыток обречь его на духовную изоляцию, одновременно отметив, что нарушение договора с иностранными издательствами ударяет по репутации венгерского правительства. 13 сентября философа посетили два ответственных партийных аппаратчика. Речь зашла о том, что руководство ВПТ по-прежнему ожидает от Лукача самокритики, прежде всего за «ошибки», допущенные в 1956 г. Философ опять не проявил желаний пойти на уступку. 25 октября, а затем 1 ноября проблема Лукача снова стала предметом обсуждения на Политбюро ЦК ВСРП.

Дело, несомненно, осложнялось тем, что вопреки всем усилиям инициаторов интернациональной дискуссии, увенчавшейся выходом книги «Лукач и ревизионизм», в вопросе об отношении к венгерскому философу не было должного единодушия среди идеологов братских партий. В Польше, где попытки привить марксизм на национальную почву терпели наиболее явную неудачу, партийные функционеры решили, что публикация поздней эстетики Лукача, способной вызвать некоторый профессиональный интерес либеральных и католических интеллектуалов, может пойти лишь на пользу коммунистической идеологии. Поскольку речь шла об издании эстетической работы, далекой от злободневной политики, идеологи ПОРП не устояли перед соблазном сделать книгу Лукача витриной современного марксизма, сочтя надуманными опасения, что лукачевская эстетика способна выступить в роли «троянского коня», прокладывающего дорогу «классово чуждым» взглядам (через несколько лет по тому же самому пути пошли идеологи ВСРП во главе с Д. Ацелом, также обеспокоенные низкой конкурентоспособностью марксизма в споре с иными идеологиями). Вообще надо сказать, что международная кампания критики Лукача, развернувшаяся в 1958–1959 гг., Польшу затронула лишь в незначительной степени.

В отличие от «народной» Польши в капиталистической Италии марксизм на протяжении десятилетий имел огромное влияние на умы интеллигенции. Но отношение к Лукачу в коммунистических кругах

диктовалось во многом той же заботой о конкурентоспособности учения Маркса в споре с католической идеологией. В дни венгерской революции крупнейшая из западных компартий оказалась на грани раскола. Часть видных деятелей итальянского коммунистического движения, включая председателя Всемирной федерации профсоюзов Дж. Ди Витторио, в той или иной мере склонялась к поддержке требований восставших. Иную позицию занял жесткий прагматик П. Тольятти, увидевший в венгерских событиях не торжество идеи «национального коммунизма» (как многие левые интеллектуалы на Западе), а прежде всего угрозу геополитическим интересам СССР, главной опоры коммунистического движения на Западе. 30 октября 1956 г. (в день, когда на площади Республики в Будапеште толпа линчевала коммунистов) лидер ИКП обратился с письмом в Президиум ЦК КПСС, в котором указал находившимся в состоянии немалой растерянности советским коллегам на реальную опасность полной потери власти венгерской компартией⁸¹. Мнение наиболее сильного и авторитетного зарубежного коммунистического политика стало одним из важных факторов, повлиявших на принятие руководством СССР 31 октября окончательного решения о военной интервенции. С его мнением тем более считались, что Тольятти в глазах Москвы на протяжении десятилетий балансировал на грани «правого уклона», никогда, однако, не переступая эту грань. В ряде своих последующих выступлений Тольятти (человек, кстати, весьма популярный среди венгерских коммунистов-реформаторов 1956 г.) подверг неожиданно резкой критике деятельность писательской оппозиции в Венгрии, Кружка Петефи, отдельные публикации литературного еженедельника «Иродалми Уйшаг»⁸⁵. Подобная оценка нашла отражение и в решениях VIII съезда ИКП (декабрь 1956 г.), нанесшего удар по тем, кто симпатизировал Имре Надю, и положившего конец разброду в итальянской компартии⁸⁶.

Однако контрастступление сталинской ортодоксии оказалось в Италии кратковременным явлением. Политик гибкий и динамичный, вовлеченный во все перипетии внутривластной борьбы и заинтересованный в укреплении социальной базы своей партии, Тольятти в изменившихся условиях предпринимает новый вираж вправо. Попытки перенести критику Лукача на итальянскую почву имели место, но развития не получили. И в периоды «заморожков», когда задача «борьбы с ревизионизмом» выходила на первый план в деятельности мирового коммунистического движения, ИКП продолжала оставаться наименее догматизированной из компартий. Лукач и в годы опалы (1957–1965) поддерживал постоянные связи с интеллектуальными кругами ИКП.

Его ответы на вопросы журнала «Нюови аргументи» (1962 г.) о сущности сталинизма, письмо 1963 г. по поводу начавшегося советско-китайского противостояния⁸⁷ имели широкий международный отклик.

Кадаровское руководство, зная об инициативе польских и итальянских коммунистов издать в своих странах «Своеобразие эстетического», должно было в полной мере учитывать это обстоятельство при определении судьбы обширной рукописи. Безусловно, оно не только не хотело вступать в дискуссию с братскими партиями, но и вообще не было заинтересовано в том, чтобы на Западе муссировались слухи о возникших в коммунистическом лагере разногласиях в отношении к Лукачу. Тем более, что в этом случае Кадар должен был оказаться в мало импонировавшей ему роли крайнего догматика и ортодокса. С другой стороны, разрешение на публикацию новой книги Лукача в момент, когда еще не завершилась массивная критическая кампания против него, могло быть воспринято в СССР, ГДР и некоторых других социалистических странах как проявление непоследовательности, отсутствие надлежащей твердости в отстаивании своей линии. Трудно было также предсказать, каким окажется международный отклик на новую работу Лукача, оставшуюся для руководителей ВСРП «котом в мешке», тем более, что к переводу рукописи на венгерский язык пока еще не приступали. Надо иметь в виду и то, что Лукач, настаивавший на строгом соблюдении договорных обязательств перед зарубежными издательствами, вообще (к немалому раздражению власть имущих) даже не ставил вопроса о публикации книги в Венгрии. В конце концов, после длительного обсуждения решено было не препятствовать изданию книги за рубежом и одновременно начать перевод рукописи на венгерский язык в целях публикации ее дома. В принципе у нас могут публиковаться немарксистские и даже антимарксистские книги, заявил Кадар, необходимо лишь, чтобы им была дана должная критическая оценка в прессе. Если бы это заявление, прозвучавшее на Политбюро, было публичным, оно явилось бы одним из первых симптомов начавшейся либерализации кадаровского режима (в частности, в области идеологии). Однако происходившая на заседаниях партийного руководства дискуссия о судьбе новой работы Лукача не предавалась гласности.

Среди прочего на Политбюро обсуждалось заявление Лукача с протестом против обречения его на духовную изоляцию. Дабы философ так не считал, ему было предложено покинуть Венгрию, переехать на постоянное жительство в ФРГ либо другую капиталистическую страну по собственному усмотрению⁸⁸. Лукач, до сведения которого было сразу доведено подобное предложение, резко его отверг, почувствовав себя

оскорбленным. Как и ранее, он считал себя прежде всего венгерским философом и хотел провести остаток дней на родине, трудясь над реализацией тех своих замыслов, которые пока еще не были воплощены. Кадар и его окружение не возражали.

Политика хрущевского руководства претерпевала колебания. XXII съезд КПСС (1961) свидетельствовал о том, что критика сталинского наследия вновь выносятся в СССР на повестку дня. Кадар точно отреагировал на изменение политической конъюнктуры и в 1962 г. провел VIII съезд ВСРП, прошедший под лозунгами полного очищения от «сектантско-догматических» напластований «эпохи Ракоши». Прежние вожди партии М. Ракоши (находившийся в это время в СССР, в г. Краснодаре, в полной изоляции от венгерских дел) и Э. Гере были торжественно исключены из партии. Изменение политической линии вызвало недовольство ортодоксального крыла в партийном руководстве. Д. Марошан в 1962 г. из-за разногласий с Я. Кадаром демонстративно вышел из высших органов ВСРП.

В 1960–1963 гг. были амнистированы многие находившиеся в заключении участники событий октября-ноября 1956 г. Предприняв поворот к более либеральной политике, а несколько позже, во второй половине 1960-х годов приступив к реформаторским экспериментам, кадаровская власть все делала для того, чтобы вычеркнуть 1956 г. из исторической памяти нации. Но должны были пройти еще годы, пока Я. Кадару политикой уступок и компромиссов, непревзойденным мастером которых он со временем стал, удалось, дав венграм максимум свобод, возможных при однопартийной коммунистической диктатуре, завоевать относительную поддержку в обществе и заставить своих соотечественников признать существующий в стране режим как возможно наименьшее среди всех неминуемых зол на пути к построению «светлого будущего».

ГЛАВА 9

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ (1963–1971)

В 1960-е — начале 1970-х годов многие зарубежные наблюдатели, когда-то с воодушевлением приветствовавшие революцию в Венгрии и негодовавшие по поводу репрессий, обрушившихся на ее участников после подавления «венгерского октября», могли с удивлением наблюдать те значительные метаморфозы, которые происходили с ненавистным всем либералам кадаровским режимом. Польский публицист Виктор Ворошильский, посетивший Д. Лукача в Будапеште 30 октября 1956 г., когда перспективы дальнейшего развития Венгрии не были еще до конца прояснены, в послесловии к своему знаменитому «Венгерскому дневнику», написанном 20 лет спустя, имел все основания заметить: «С течением лет террор в Венгрии ослаб, обнаружился и исторический парадокс: в то время как обожаемый в Октябре (1956 г. — А. С.) «вождь нации» Гомулка постепенно загонял страну в состояние все большей политической и экономической зависимости от СССР, растущего угнетения, нищеты и лжи — ненавидимый (и справедливо) Кадар как бы искал путей выхода из ловушки, довольно успешно пускался в экономические эксперименты, умеренно либерализировал режим, стремился прийти к соглашению с народом и его интеллигенцией»¹. На каждом из этих двух, названных Ворошильским, незаурядных коммунистических политиков лежало, по выражению И. Дойчера, клеймо «Made in Stalinism», и каждый из них был готов пойти на удушение реформ, если видел в них угрозу социализму в его понимании. Однако общая тенденция эволюции двух режимов была схвачена польским публицистом довольно верно. В отличие от Польши, где относительный успех национально ориентированных, реформаторских сил в октябре 1956 г. не был закреплен сколько-нибудь глубоким преобразованием институциональной системы и в результате произошел довольно быстрый откат к хотя и не слишком тиранической, но все же совершенно неэффективной, бюрократической форме социализма, в Венгрии с середины 1960-х годов режим неуклонно развивался по пути либерализации, причем процесс этот не был остановлен и с началом брежневской эпохи в СССР. Во второй половине 1960-х годов в основном формируется та специфическая венгерская либерально-прагматическая модель социализма, которая на протяжении почти двух десятилетий служила своего рода витриной социалистического содружества. Возникшая в результате осмысления венгерской коммунистической элитой уроков событий

1956 г. и в силу этого ставшая плодом национальной революции, венгерская модель была персонифицирована фигурой конкретного политика, стоявшего у руля власти в стране более 30 лет — с ноября 1956 по май 1988 г.

Человек прагматичный и здравомыслящий, умевший улавливать настроения в обществе и идти на компромиссы во имя национального согласия, Янош Кадар в отличие от многих коммунистических лидеров предпочитал видеть реальность такой, какова она есть, и не питал слишком много иллюзий относительно исправления человеческой природы. По справедливому замечанию одного из американских исследователей, он и его окружение считали естественным и неизбежным, что «часть людей верит в Бога, что многим нравится западная легкая музыка и что за хорошие результаты труда люди ждут материального вознаграждения»². Кадаровская система неплохо умела выпускать накопившийся в обществе пар и не нуждалась поэтому в слишком больших затратах на содержание политической полиции.

По праву считавшийся самым «просвещенным» из «некоронованных монархов» Восточной Европы, Кадар в предоставлении венграм экономических, политических, духовных свобод, в поддержке реформаторских планов на протяжении десятилетий балансировал на той грани, переход через которую мог бы повлечь за собой крайне негативную реакцию советского руководства. А отсутствие напряженности в отношениях с Москвой он всегда считал главным залогом благополучия венгерской нации — именно поэтому до конца жизни был убежден, что его разрыв с И. Надем в 1956 г. предотвратил восстановление в Венгрии более жесткой диктатуры; именно поэтому в 1968 г. после долгих колебаний он принял сторону Кремля в конфликте с пражскими реформаторами³. Конец «пражской весны» в результате советской интервенции в Чехословакию 21 августа 1968 г. и последовавший через несколько лет откат венгерских реформ (в первую очередь, вследствие непрекращавшегося советского давления) наглядно продемонстрировали, насколько реформаторский потенциал кадаризма был объективно лимитирован внешними факторами.

Человек, извлекая уроки как из венгерских событий 1956 г., так и из чехословацких 1968 г., Кадар достиг немалого мастерства в проведении политики, суть которой лучше всего передает русская пословица: «Чтобы и волки были сыты, и овцы целы». Тяжелые внешние условия, в которых пришлось вести страну этому неординарному политику, равно как и лежавшая на его личности каинова печать, клеймо несмываемого греха, предшествовавшего вступлению на «престол» (своего рода

«комплекс Бориса Годунова»), сделали Кадара поистине трагической фигурой венгерской истории.

Различия между кадаровским и другими восточноевропейскими режимами 1960–1980-х годов особенно отчетливо проступают при анализе политики в области идеологии. В СССР и большинстве стран социалистического содружества власти стремились к установлению монопольного положения официальной коммунистической идеологии, не оставляющего места для других идеологий. Исключение составляли Чехословакия нескольких месяцев 1968 г., а также Польша, где католическая церковь представляла собой мощный противовес коммунистическому государству именно в идеологической сфере, и в силу этого подобные претензии были попросту невозможны. (При этом надо, конечно, иметь в виду, что интерпретации коммунистической идеологии в ГДР, в Румынии эпохи Чаушеску или титовской Югославии с концепцией «самоуправленческого» социализма могли заметно отличаться.) Любые проявления альтернативных идеологий и культур с большим или меньшим успехом вытеснялись в сферу самиздата и «андерграунда». В известной мере это касалось и титовской Югославии, где в то же время существовало довольно широкое поле для развития неидеологизированной культуры.

В кадаровской Венгрии с середины 1960-х годов имела место принципиально иная политическая установка. Во многих партийных документах и особенно в выступлениях главного идеолога режима Д.Ацела последовательно проводилась мысль о том, что социалистическая идеология не занимает монопольного положения в венгерском обществе, стремится только к тому, чтобы занять доминирующее положение, оставив место для других (общегуманистических и общедемократических) идеологий⁴. Это самым непосредственным образом влияло на политику в области художественной культуры. В СССР, ГДР, Чехословакии (после 1968 г.) или Болгарии метод социалистического реализма объявлялся всеобъемлющим и единственным творческим методом, способным охватить весь художественный процесс, а те, кто не вписывался в эту парадигму, оказывались в положении политических изгоев. В кадаровской Венгрии начиная с середины 1960-х годов применительно к литературе и художественной культуре в целом не было претензий на провозглашение монополии «социалистического реализма». Концепция политики в области художественной культуры классифицировала все произведения, созданные современными венгерскими деятелями искусств, по трем группам. Поддержкой со стороны партии и правительства пользовались произведения, выразившие социалистические идеа-

лы. Терпимыми и допустимыми признавались как идеологически нейтральные явления культуры, так и те, чья немарксистская идейная подоплека не имела своим следствием призывов к смене политической системы. Запрещению подлежали в большинстве случаев произведения, в той или иной мере направленные против существующего строя, хотя иногда имел место и момент субъективного произвола, ибо многое зависело от личных вкусов Дьердя Ацела, чье мнение в вопросах культурной политики оказывалось решающим. Как бы там ни было, своим правом на запрет режим пользовался не так уж часто; важно заметить в этой связи, что с середины 1960-х годов в Венгрии предварительная цензура действовала в относительно узких рамках, главная ответственность возлагалась на редакторов и издателей. Официально признавая в определенных пределах идейный плюрализм, кадаровский режим предпринимал вмешательство в духовную жизнь (не только в художественную культуру, но и в развитие гуманитарных наук) главным образом в тех случаях, когда возникала угроза не нарушить монополию официальной идеологии (такой монополии не было), а резко изменить существующее соотношение сил на идеологической арене в сторону увеличения удельного веса альтернативных идеологий. В первой половине 1970-х годов, например, Кадар увидел такую угрозу именно в деятельности философов школы Д. Лукача (А. Хеллер и др.), развивавших идеи синтеза социализма и демократии. Взгляды, до тех пор признававшиеся в качестве терпимых, были тогда отнесены к разряду запрещенных.

Эволюция кадаровского режима не могла не отразиться на отношении к Лукачу. В декабре 1963 г. на активе ВСРП, посвященном проблемам марксистско-ленинской философии, дежурные филиппики в адрес лукачевского ревизионизма еще звучали, хотя и довольно вяло. Зато на конференции ВСРП по проблемам идеологии 25–26 сентября 1964 г. вопрос о Лукаче вообще не поднимался⁵.

В 1963 г. в Германии вышла фундаментальная работа Лукача «Своеобразие эстетического», привлекая на Западе внимание прежде всего узкопрофессиональной аудитории и вызвавшая неоднозначный, иногда даже весьма критичный отклик как не слишком удавшаяся, хотя и не лишенная определенных достоинств, основанная на солидном философском фундаменте попытка систематически изложить целый комплекс проблем эстетического отношения к действительности с позиций материалистического принципа отражения при одновременном подчеркивании активной роли субъекта восприятия⁶.

Попытку систематизации эстетических категорий венгерский философ предпринял в условиях, когда в западной мысли доминиро-

вало представление, подвергающее сомнению возможность какого-либо обобщающего синтеза в сфере эстетики. Однако Лукач, никогда не боявшийся плыть против течения, показаться несовременным, остаться «вне моды», взялся за такую непростую задачу, следуя при этом в русле марксистской эстетической традиции, которую продолжал и развивал в своих работах начиная с конца 1920-х годов. В принципе эта задача ни в коей мере не противоречила его философской индивидуальности. Стремление к эстетическому синтезу, к созданию некоей целостной мыслительной конструкции проявилось уже в его ранних работах — «Гейдельбергской эстетике» и «Теории романа», получило развитие в марксистский период творчества, найдя выражение, в частности, в теории «большого реализма». Как отмечает в этой связи ученик Лукача известный эстетик и музыковед Д. Золтаи, его учитель, конечно, «знал на личном опыте притягательную силу желания избрать частичный предмет исследования. Часто сам он чувствовал соблазн удобства мыслить таким образом, но всегда с ним боролся. Одного никогда не ведал Лукач — отрешенного примирения с фрагментарностью анализа. Это подтверждают и работы его домарксистского периода: уже их форма его не удовлетворяла. Лучшие из этих эссе выполняют роль как бы разведчиков и дают понять читателю, что настоящие бои еще впереди»⁷.

Задавшись целью теоретически организовать знания о законах искусства и — шире — всей эстетической сферы человеческой деятельности, Лукач попытался отграничить эстетическое сознание от других его форм и избрал исходным пунктом своих построений анализ повседневности, обыденного сознания, обратившись к предпосылкам зарождения в его недрах искусства, науки и религии как более высоких форм проявления человеческой ментальности. Именно изучение сложной диалектики взаимоотношений реальной жизни и высших форм ее отражения позволяет, как он считал, лучше понять специфические особенности эстетического отражения действительности⁸. Возникновению из повседневной жизни эстетического начала, эстетических потребностей, художественного способа выражения человеческой психики и художественной деятельности во всем ее многообразии посвящены первые разделы его фундаментального труда.

Искусство, по Лукачу, является продуктом социально-исторического развития человека, а не воплощением некоей трансцендентной идеи. Тезис о посястороннем, земном характере искусства проходит красной нитью через всю книгу. Искусство в концепции Лукача противопоставлено религии, которая от действительных исторических отношений бытия переносит человека в мир неоформленных трансцендентальных впечат-

лений, сковывающих сознание. По мнению венгерского философа, идею трансцендентности искусства опровергает уже сама имманентная завершенность художественного произведения как единого целого (проблемы внутренней структуры художественного произведения Лукач, согласно первоначальному замыслу, хотел изложить в отдельной работе, являющейся продолжением «Своеобразия эстетического», однако этот труд так и не был создан, как и третья часть задуманной «трилогии», которую он предполагал посвятить показу всей многоаспектности отношений искусства и социальной действительности).

Конечно, Лукач не мог не признать определяющего влияния религиозного сознания на творчество многих крупных художников и целых направлений, однако он настаивал на способности искусства перерабатывать любые трансцендентные импульсы в нечто поостороннее — об этом, по его мнению, свидетельствовала, например, вся история европейского изобразительного искусства в раннее новое время, вкладывавшего в библейские сюжеты и образы глубоко земное содержание.

В работе Лукача получила также развитие проблема разграничения художественной и научной форм сознания. Своеобразие эстетического подхода к действительности, место художественной деятельности во всей совокупности активных действий человека могут быть, по его мнению, постигнуты не иначе как в сопоставлении со всеми иными реакциями человеческого сознания на окружающий мир, неизбежно возникающими в общественно-исторической практике. Тезис о том, что специфика искусства в сравнении с наукой заключается в антропоморфности художественного метода постижения действительности, получил в «Своеобразии эстетического» глубокое философское обоснование.

При том, что Лукач к началу 1960-х годов проделал огромную мыслительную эволюцию от своих ранних работ, сохранялась и известная преемственность в развитии его идей. Связь между поздней эстетикой Лукача и его трудами 1910–1920-х годов особенно отчетливо прослеживается там, где дело касается проблематики отчуждения и роли искусства как силы, способствующей преодолению отчуждения человека от его сущности. Однако в «Своеобразии эстетического», в сравнении с ранними работами, размышления философа об искусстве в контексте отчуждения опираются на более глубокое изучение механизмов восприятия художественного творчества. В отличие от природных, физических предметов творения искусства, по Лукачу, представляют собой принципиально иную форму бытия. Если первые всецело существуют независимо от нашего сознания, то бытие вторых вне воспринимающего субъекта — лишь материальное, но не эстетическое, ибо последнее

целиком зависит от восприятия. В эстетике без субъекта нет объекта, и связь объекта и субъекта проявляется специфическим образом. «Эстетическое своеобразие предмета как раз в том и состоит, что при помощи своеобразного отображения действительности оно вызывает в воспринимающем субъекте определенные впечатления (эмоции)»⁹. Не только творя, но и полноценно воспринимая художественное произведение, человек освобождается из плена частных, определяющих его отчужденное бытие. Проецируя на себя «чужие» судьбы, переживая общечеловеческие чувства, он перерастает собственную партикулярность (состояние частички бытия, оторванной от целого), поднимается до осознания собственной родовой сущности, в реальной, повседневной жизни часто остающейся вне сознания человека. Сэтим, по мнению Лукача, тесно связана дефетишизирующая миссия искусства, его способность разрывать пелену ложных иллюзий обыденного сознания, взрывать ложные ценности и фетиши во имя полноты человеческого содержания, не поступаясь при этом изображением исторически конкретной сущности человека. Благодаря этой своей способности искусство, полагал Лукач, является передовой силой в борьбе за эмансипацию человека в условиях, когда в обществе господствуют антигуманистические отношения. Утверждения Лукача о гуманизирующей, дефетишизирующей миссии искусства опирались на целую систему категорий, отражающих формы бытия, организующая роль при этом придавалась категории «особенное», получившей в 1950-е годы разработку в специальном эстетическом труде¹⁰.

Подобно другим фундаментальным философским трудам Лукача, «Своеобразие эстетического» носило полемический характер, будучи направлено против широко понимаемой идеалистической традиции в эстетике, апеллирующей к вечным и вневременным параметрам прекрасного и других эстетических категорий. Сферу, где проявляет себя эстетическое начало, венгерский философ воспринимал как органическую часть общественного бытия. Принципиальной установкой Лукача было сохранение приоритета за реальной действительностью, а не за ее идеальной моделью, конструируемой сознанием в соответствии с определенными принципами. Как и в других больших работах марксистского периода (и, в частности, в работе «Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества»), в «Своеобразии эстетического» проявился элемент полемики с гегельянством, были подвергнуты сомнению принципиальные для гегельянской традиции положения о тождестве бытия и мышления, иерархизация форм сознания, абсолютизация категории прекрасного. Слабостью идеалистической эстетики

он считал ее стремление элиминировать все богатство содержания объективной действительности, сведя его к относительно узкому набору категориальных форм, схематизирующему многообразию взаимосвязей реального мира.

В споре с идеалистическими концепциями нового и новейшего времени Лукач широко обращался к античной традиции; характерно, в частности, использование в его работе восходящих к Аристотелю категорий «мимесис» и «катарсис». При этом мимесис в построениях Лукача отнюдь не сводился к механическому копированию, подражанию природе в силу принципиальной телеологичности художественного произведения, предполагающего активную роль творца и его замысла. Спецификой выражения реальности в музыке является, по Лукачу, «двойной мимесис»: «после того, как объективная реальность первоначально отражается внутри человека, музыка преобразует это отражение в своеобразный «вторичный» образ, для которого характерны самостоятельный язык выражения, особая гомогенная среда и «предметная неопределенность» содержательного ядра»¹¹. Считая искусство важнейшим средством самосознания и самовыражения человечества во всем многообразии их форм, Лукач стремился исследовать сложные, многократно опосредованные отношения между художественными произведениями и общественными потребностями, социальными, конкретно-историческими импульсами, обусловившими в конечном итоге их появление.

Выход «Своеобразия эстетического» вызвал на Западе, как уже отмечалось, разноречивый и по преимуществу критический отклик. Раздавались упреки в том, что венгерский философ отгородился от развития немарксистской эстетической мысли — в его огромном труде не было или почти не было ссылок на работы Б. Кроче, Р. Ингардена, Д. Дьюи, эстетические сочинения М. Хайдеггера, Х. Г. Гадамера. Из современных эстетических теорий достаточно подробно Лукач анализировал лишь концепцию Н. Гартмана. Довольно скупо он обращался и к опыту современного искусства, его новейшим течениям¹². И тем не менее эстетическая теория позднего Лукача заняла свое видное место в ряду других, не только марксистских теорий XX в., перекликаясь с ними отдельными своими положениями и заочно оппонировав другим. В своей эстетической системе Лукач стремился примирить две крайние позиции, проявившиеся в новейшее время во взглядах на искусство, — совершенно отрицающую миметическую природу искусства точку зрения на художественное творчество как на лирическое самовыражение субъекта, нашедшую законченное выражение в концепции Б. Кроче, и понимание искусства М. Хайдеггером как хранилища истин бытия,

раскрывающего эти истины в художественных творениях. Пытаясь найти точку совмещения этих совершенно противоположных, подчас взаимоисключающих подходов к сути художественного творчества, мысль Лукача зачастую следовала теми же путями, которыми шла в XX в. феноменологическая эстетика Э. Гуссерля и Р. Ингардена, стремившаяся освободить философское сознание от установок, резко расчленяющих объект и субъект¹³. Если у раннего Лукача (в частности, в «Гейдельбергской эстетике») искусство выступало, в первую очередь, проявлением субъективного переживания и неокантианский характер этой эстетики выражался в представлении о художественном произведении как о некоей философски завершенной монаде, воплощающей в себе самодостаточность художественного мира, то поздний Лукач не противопоставлял лирическую и миметическую сущности искусства, а, напротив, стремился навести мосты между пониманием искусства как выражения субъективности и как средства познания. Решительно подчеркивая связь искусства с предметным миром, венгерский философ вместе с тем оставлял место в своей системе для эстетики переживания (при этом речь шла не просто о выражении, но об объективации человеческих чувств, чувственное и рациональное начала в эстетике Лукача не вступали здесь в противоречие). С другой стороны, высказывания Лукача о дефетишизирующей миссии искусства заставляют провести прямые параллели между его концепцией и идеями представителей Франкфуртской школы, с неослабным вниманием следивших за духовной эволюцией венгерского философа.

Публикация за рубежом с разрешения высоких партийных инстанций «Своеобразия эстетического» была спокойно встречена в Венгрии. Начиная с осени 1964 г. в прессе появляются благожелательные отзывы, большей частью принадлежащие перу учеников Лукача¹⁴. Предисловие к этому труду, переведенное на английский язык, в том же 1964 г. было напечатано в рассчитанном на западную публику ежеквартальном журнале «Нью Хангэриэн Квартерли» (1964. № 14), созданном в начале 1960-х годов и призванном пропагандировать все лучшее, что было в кадаровской Венгрии. О происходящих подвижках в отношении властей к опальному философу свидетельствовала и публикация в главном литературном ежемесячнике Венгрии «Кортарш» работы о Лессинге, в которой Лукач вновь выступил глубоким знатоком культуры немецкого Просвещения¹⁵.

В апреле 1965 г. Лукач праздновал свое 80-летие. На юбилей откликнулся целый ряд венгерских изданий. В публикациях воздавалось должное заслугам Лукача в развитии марксистской эстетики, теории

реализма, в критике буржуазной философии. Поскольку формальное примирение философа и партии пока еще не произошло, вопрос о политическом лице Лукача, как правило, обходился стороной¹⁶.

Настоящим подарком к юбилею всемирно известного философа стала публикация в 1965 г. «Своеобразия эстетического» на венгерском языке (работа над переводом была начата через несколько месяцев после того, как в 1960 г. Лукач направил рукопись в ЦК ВСРП). Вдумчивое прочтение обширного труда и, в частности, тех его разделов, где систематически излагались представления Лукача о родах и жанрах литературы, требовало от литературоведов и критиков не только солидной философской подготовки, но и определенного времени. Тем не менее первые отклики появились уже в конце 1965 г. По сути они ознаменовали собой начало поворота в оценке поздней эстетики Лукача, в ходе «дискуссии» 1958–1959 гг. объявленной одним из проявлений ревизионизма. Отныне в кадаровской Венгрии за эстетикой Лукача (и его теорией литературы как частью эстетики) признавалось право на существование в рамках марксистской парадигмы¹⁷.

В юбилейном 1965 г. Лукачу была предоставлена возможность опубликовать на родине и еще ряд работ. «Венгерское философское обозрение» («Мадьяр филозофияи семле») поместило главу из «Молодого Гегеля» (№ 4), полностью вышедшего на венгерском языке только в 1970-е годы в собрании сочинений. Журнал «Критика» напечатал размышления Лукача о венгерской литературе¹⁸. Особенно следует выделить статью «Социалистический реализм сегодня», одну из программных в позднем творчестве Лукача-литературоведа¹⁹.

Для того, чтобы определить ее место и роль в теоретическом осмыслении современного литературного процесса (не только в Венгрии и других странах социалистического лагеря, но и в масштабах всей мировой литературы), необходимо яснее представить себе исторический контекст ее появления. Политические перемены середины 1950-х годов, в частности переход к более мягким в сравнении со сталинской формам коммунистической диктатуры, самым непосредственным образом сказались не только на состоянии литературного процесса в странах, строящих социализм, но и на судьбах концепций социалистического реализма. Тенденция к большей терпимости и эстетической открытости культурной политики, к ослаблению идеологического прессинга, отказу от наиболее одиозных крайностей в стремлении сделать литературу всего лишь одним из инструментов партийной пропаганды была общей для всех государств Восточной Европы (исключая разве что Албанию, а также ГДР, где, напротив, продолжалась линия

на ужесточение). Вместе с тем в разных странах судьбы концепций социалистического реализма сложились неодинаково. Если в СССР, Болгарии, отчасти и в Чехословакии имели место попытки модифицировать прежние теории в соответствии с многообразным художественным опытом, то в Польше само понятие «социалистический реализм» настолько сильно ассоциировалось с политическим диктатом СССР и тем самым настолько скомпрометировало себя в глазах польской интеллигенции, что все старания его реанимировать оказались напрасными. С середины 1950-х годов, когда из Москвы подули ветры перемен, честная марксистская и близкая к ней критика в странах Восточной Европы вообще оказалась в трудном положении. Ей пришлось в какой-то мере отвечать перед обществом за все прегрешения культурной политики в предыдущие годы.

Со второй половины 1950-х годов происходят определенные подвижки в отношении партийно-идеологических инстанций к художественному авангарду. Культурная политика, извлекая уроки из польских и венгерских событий 1956 г., стала в большинстве стран гораздо спокойнее реагировать на формальные поиски, так как они нередко уводили в сторону от критического рассмотрения злободневных проблем. «Авангардизм утратил романтический ореол и превратился в наиболее доступный пропуск в литературу», — заметил как-то в этой связи влиятельный польский критик А. Василевский²⁰. Начиная с середины 1950-х годов происходит «триумфальное шествие» по театральным сценам разных стран драматургии давнего оппонента Лукача Б. Брехта, чье творчество при всей своей безусловной коммунистической тенденциозности никак не укладывалось в прокрустово ложе схем нормативной эстетики и доставляло много неудобств теоретикам «социалистического реализма»²¹. В Венгрии важной вехой в процессе «реабилитации» революционного авангарда явился 40-летний юбилей Венгерской советской республики, богатое художественное наследие которой было представлено в 1959 г. широкой публике на большой выставке как неотъемлемая часть венгерской социалистической культуры.

Осознание кризиса прежних концепций социалистического реализма, таким образом, нередко сопровождалось восстановлением в правах революционного авангарда. Одним из наиболее последовательных и глубоких выразителей этой тенденции в восточноевропейской марксистской эстетической мысли 1950–1960-х годов явился югославский критик И. Видмар (в титовской Югославии поворот к авангарду намечился в художественной культуре несколькими годами ранее, чем в других социалистических странах). «Реализм становится слишком

тяжелой ношей для человеческого духа, которому необходимы полет и большая свобода. Вероятно, в этом и следует видеть причины сегодняшней усталости от реализма, сопротивления ему и беспокойных, подчас истерических поисков новых способов выражения, нового направления», — писал Видмар еще в 1954 г.²² Стоит ли говорить, насколько антиавангардистские моменты в эстетике Лукача были несозвучны творческим устремлениям многих восточноевропейских литераторов (особенно молодого поколения), для которых высвобождение из пут нормативной эстетики было неотделимо от освоения опыта авангардистских и модернистских течений, по крайней мере в поисках новых форм.

В статье «Социалистический реализм сегодня», в 1965 г. почти одновременно опубликованной в Венгрии и Швейцарии (соответственно на венгерском и немецком языках), Лукач стремился уточнить и прояснить свою позицию не только по проблеме социалистического реализма, но и по более широкому кругу вопросов теории литературы. Эта статья в известной мере продолжала и развивала основные положения концепции «большого реализма» 1930-х годов с учетом художественного опыта последних десятилетий.

Оказавшись в нелегком положении «адвоката» реализма, Лукач должен был дать свой ответ на нередкие обвинения в том, что реалистический метод художественного творчества в принципе сужает выразительные возможности литературы и искусства. Отмежевываясь в очередной раз от нормативной эстетики сталинской эпохи, стремившейся предписать художнику определенный набор канонов, философ вместе с тем снова не побоялся поставить вопрос об объективных границах творческой деятельности.

Надо сказать, что в середине 1960-х годов, когда писалась статья о социалистическом реализме, Лукача глубоко занимала проблема альтернативности исторического процесса, свободы выбора субъектом (будь то отдельный индивид или социальная группа) способа действия для достижения поставленной цели. Свою развернутую позицию по этому кругу вопросов философ собирался систематически изложить в грандиозном по замыслу труде «Онтология общественного бытия», к которому приступил по завершении работы над «Своеобразием эстетического». Замысел оказался реализованным лишь частично, найдя воплощение в последней большой философской работе Лукача «К онтологии общественного бытия. Прологомены»²³.

Именно в контексте размышлений философа о роли субъекта в его отношениях с объектом, об исторически обусловленных границах

его деятельности, об автономии индивида в сфере общественного бытия, о свободе выбора самостоятельных действий и т. д. делаются понятнее построения Лукача, касающиеся проблемы выбора художником стиля и выразительных средств. Творческий акт художника, как и любое человеческое действие, существует в определенных исторических рамках. Будучи по своей природе прежде всего одной из форм познавательной деятельности человека (эта принципиальная гносеологическая установка Лукача не всем, конечно, казалась бесспорной как в Венгрии, так и за ее пределами), искусство может в идеале постичь, но не в состоянии раздвинуть эти рамки, заданные объективной реальностью. Выбор стиля и средств должен служить задачам максимального постижения сути реальности и выражения ее в адекватной художественной форме (в соответствии с законами каждого из видов искусств). Творческий же произвол, самоцельное самовыражение не приближают к решению этой задачи, а, напротив, удаляют от него. «Каждый подлинный стиль, — писал Лукач в статье «Социалистический реализм сегодня», — строится на том, что писатели подмечают в жизни такие специфические формы движения и структуры, которые наилучшим образом характеризуют эту жизнь; только в этом случае писатели способны — в этом и проявляется подлинная оригинальность — найти адекватную форму отражения всех структур, такую форму, в которой должным образом будут выражены самые глубокие и самые характерные черты»²⁴.

Нахождение адекватной формы отражения социальной действительности неотделима, по Лукачу, от выбора жанра. В свое время, в конце 1940-х — начале 1950-х годов, тезис Лукача о преимуществе крупных эпических форм над мелкими (в частности романа над новеллой) в плане их способности к всестороннему и полному охвату жизненных предметов и явлений охотно брался на вооружение нормативной эстетикой сталинской эпохи, подвергаясь при этом крайне упрощенческим толкованиям. В статье «Социалистический реализм сегодня» критик пытался прояснить свою позицию, многим казавшуюся довольно спорной. В отличие от романа, ориентированного на выявление и отражение тотальной связи социальных явлений и в творчестве Бальзака или Толстого давшего блестящие образцы отображения той или иной эпохи в целом, в ее важнейших закономерностях и тенденциях, новелла «исходит из частного случая и остается — насколько позволяет имманентная экстенсивность художественного творчества — в его пределах. Новелла не претендует на изображение общественной реальности в целом, не ставит она своей целью и всестороннее раскрытие жизни хотя бы под углом зрения одной какой-либо важной и актуальной проблемы»²⁵.

Изображение общественного генезиса персонажей, отображение всего комплекса социальных отношений, в которые они вступают, выходит за рамки законов этого жанра. В новелле, где действие разворачивается более динамично, как правило, опущены присущие романному жанру «передаточные механизмы, приводящие героев в движение», нет простора для изображения персонажа в его развитии, в момент развязки он сразу же раскрывается во всей своей сути. Новелла может отказаться и от показа перспективы действия. Однако частный случай, выведенный в новелле, самой возможностью своего свершения на данной ступени развития данного общества определенным образом характеризует это общество, улавливает те или иные присущие ему черты. Новелла, согласно Лукачу, как правило, «выступает или в качестве предвестницы освоения действительности крупными эпическими или драматическими формами»²⁶, или возникает в конце такого периода как арьергардное явление, как отзвук; то есть она появляется или тогда, когда до тотального поэтического освоения мира очередь еще не дошла, или тогда, когда о таком освоении речь уже не может идти... Бокаччо и итальянская новелла... являлись предшественниками современного буржуазного романа: они изображали мир в эпоху, когда буржуазный образ жизни одерживал победу в самых различных сферах жизни, все более вытесняя средневековые обычаи, однако в эту эпоху всеобщая связь предметов, человеческих взаимоотношений и форм поведения сформироваться еще не могла; с другой стороны, новеллы Мопассана представляют собой лебединую песнь того мира, зарождение которого отразили Бальзак и Стендаль, а чрезвычайно богатую противоречиями зрелую эпоху — Флобер и Золя»²⁷. Будучи адекватной формой художественного выражения переходных общественных состояний, когда основные тенденции эпохи еще не раскрылись во всей своей полноте или уже начинают утрачивать свою качественную определенность, переходя в иное качество, новелла существует в мировой литературе в огромном множестве вариантов — от Бокаччо до Чехова, фиксируя жизненные явления во всем их бесконечном многообразии, и является важной и неотъемлемой составляющей мирового литературного процесса. Причем в отдельные переходные эпохи, когда основные противоречия социальной действительности, господствующие тенденции ее развития еще не обозначились с необходимой ясностью, когда разорванность и хаотичность реальности ломает строгую конструкцию романа, когда тотальность уже не (или еще не) поддается освоению, жанр романа даже является менее предпочтительной формой художественного выражения непосредственного жизненного материала, нежели цикл новелл²⁸.

В XX веке новелла — от Дж. Конрада до Э. Хемингуэя — достигла, по мнению Лукача, немалых высот в изображении возможностей человеческого духа. В новелле Хемингуэя «Старик и море» герой противопоставлен природной стихии. Задача воссоздания общественного контекста, неизбежная для романиста, не стояла в данном случае перед автором. И если сопоставить знаменитую новеллу Хемингуэя с некоторыми его же романами, очевиден контраст: большой современный писатель-реалист независимо от политических симпатий не может не показать в своем творчестве, как враждебные социальные силы поглощают, побеждают, уродуют, ломают человека, искажают его сущность. Для изображения цельности характера, внутреннего величия и достоинства человека, особенно ярко раскрывающихся в экстремальных ситуациях, в наше время предпочтителен жанр новеллы, обращение к нему крупных западных писателей — это, согласно марксисту Д. Лукачу, «арьергардный бой» за спасение человека.

По мнению Лукача, и в современной советской литературе не роман, а именно новелла (наряду с лирикой) дала наиболее значительные образцы того нового художественного мышления, за которым будущее литературы. В 1965 г., всего через три года после литературного дебюта А. Солженицына, Лукач сумел оценить его значение как писателя, которому «действительно удалось разрушить идеологические бастионы сталинской традиции»²⁹. Интерес Лукача к творчеству Солженицына нашел выражение во многих его выступлениях 1960-х годов³⁰. Способная сегодня вызвать лишь улыбку его трактовка произведений этого писателя как одной из вершин социалистического реализма (!) при всей ее спорности, экстравагантности и даже известной гротесковости вместе с тем была весьма показательна для понимания Лукачем сущности социалистического реализма. Всячески дистанцируясь от попыток сведения социалистического реализма к определенному своду норм и канонов, Лукач рассматривал его как феномен, существующий в современном литературном процессе не столько реально, сколько потенциально, как ориентир, своего рода модель большой литературы будущего, способной столь же полнокровно выразить эпоху перехода к социализму в планетарном масштабе, как творчество Гете и Бальзака, Толстого и Достоевского выразило во всех противоречиях эпоху становления буржуазного общества. «Если социалистический реализм, который, вследствие практики сталинской эпохи, даже в социалистических странах становился нередко объектом насмешек, намерен достигнуть того уровня, на котором он находился в 20-х годах»³¹, то он должен вновь найти путь к реалистическому изображению человека сегодняшнего дня.

А вступить на этот путь и пройти по нему можно лишь при том условии, что писатель достоверно, правдиво изобразит сталинские десятилетия во всей их бесчеловечности», — отмечал философ³².

Как видно из сказанного, Лукач отнюдь не идеализировал официозную советскую литературу 30–40-х годов, в которой «реализм был вытеснен своего рода казенным натурализмом, сочетающимся со столь же казенной, так называемой революционной романтикой»³³. «Иллюстративная литература» сталинского периода, писал философ, «была грубой подделкой действительности... (она) родилась не из реальной жизни... ее форма и содержание определялись очередными постановлениями... Продолжать и развивать то, что в сталинскую эпоху превозносилось и восхвалялось как социалистический реализм — дело полностью безнадежное»³⁴. Надо сказать, что глубокая неудовлетворенность Лукача современным состоянием литературы «социалистического реализма» проявлялась и в его более ранних работах. В те годы, когда открытая критика ждановских выступлений по вопросам литературы и искусства была немыслима для литератора-коммуниста, принципиальная позиция могла проявляться и в подчеркнутом невнимании к тем скороспелым конъюнктурным поделкам, которые официозная эстетика выдавала за образцы. Не случайно, что в ходе проработочной кампании 1949–1950 гг. Лукач, как уже отмечалось, подвергался особенно резким нападкам многих своих оппонентов именно за недооценку «передового опыта» советской литературы³⁵.

В ряде своих работ (как 1930–1940-х годов, так и более поздних) Лукач все же предпринял попытку связать с творчеством некоторых писателей XX в. зарождение «высокого реализма» уже новой эпохи. Среди этих писателей были М. Горький, ранний М. Шолохов, но не только они. Примечателен интерес венгерского философа к творчеству А. Платонова, для которого во второй половине 1930-х годов журнал Лукача и Лифшица «Литературный критик» и выходившее в качестве приложения к нему «Литературное обозрение» были, как известно, практически единственным средством общения с читателем³⁶. Что же касается прозы А. Солженицына, то «Один день Ивана Денисовича» Лукач назвал не только «предельно сжатой увертюрой к будущему поэтическому подведению итогов сталинской эпохи», но и «важным симптомом открытия литературой социалистического настоящего», «нащупыванием пути, ведущего к действительности, в процессе поиска достойных его крупных форм»³⁷. «Смысл художественного открытия, сделанного Солженицыным, заключается в том, что один-единственный, лишенный особых событий день одного произвольно взятого лагеря

он возвел в символ еще не преодоленного, еще не отраженного писателями прошлого»³⁸. Причем творчество А. Солженицына, по мнению философа, знаменует собой не «завершение определенной эпохи» в советской литературе, а скорее «первые подступы к новой действительности», ибо без обращения к сталинскому периоду в истории СССР и стран социализма нельзя понять современного человека, сформированного предшествующими десятилетиями. «Сегодня центральной проблемой социалистического реализма является критический пересмотр сталинской эпохи»³⁸.

Анализируя творчество Солженицына как одно из качественно новых явлений в современной литературе, Лукач не мог обойтись без проведения историко-литературных параллелей, которые прояснили бы связь между критическим пересмотром всей сталинской эпохи и освоением сегодняшней действительности в странах социализма. «Когда Бальзак и Стендаль изображали эпоху реставрации, они знали, что изображают таких людей, большинство из которых было сформировано революцией, Термидором и результатом Термидора — империей. Жюльен Сорель и отец Горио остались бы тенями, схемами, если бы писатели только изобразили их жизнь в эпоху реставрации и ничего не сказали бы об их судьбе, развитии, об их прошлом». Точно так же и герои М. Шолохова, А. Толстого, молодого А. Фадеева и других виднейших представителей социалистического реализма 1920–1930-х годов вышли из царской России, читатель не смог бы понять до конца их поведение во время гражданской войны, если бы не пережил вместе с ними проделанный ими путь — от довоенной эпохи через события первой мировой войны и революций к тем временам, в которые развивается действие романов⁴⁰. Сталинский режим без остатка пронизывал повседневную жизнь в СССР и странах «народной демократии», и значение этого опыта для духовного формирования целого (а в СССР и не одного) поколения литераторам еще предстоит оценить и осмыслить. А для этого тем более необходимо решительное преодоление той иллюстративной литературы, которая видела свою задачу лишь в переводе на язык образов очередных партийных постановлений. Искусственные герои-марионетки, созданные с этой целью, не нуждались в истории, да и не могли иметь ее. Вместо прошлого у них были лишь «анкеты», которые заполнялись в соответствии с тем, какая функция должна быть придана тому или иному персонажу. Происходила грубая подделка прошлого, как и настоящего, подделка образов, ситуаций, судеб, перспектив. Охранительное по духу требование не копаться в прошлом, про-

должал Лукач, мешает литературе обрести способность изображать подлинные типы эпохи⁴¹.

Лукач никогда не пытался предугадать, какие конкретные формы примет «высокий реализм» будущего и, тем более, не стремился установить какую-либо систему норм и канонов для него, выработать некую искусственную модель «социалистического реализма». «К какому результату приведет попытка понять сегодняшний день через освещение сталинской эпохи, которая содержит в себе человеческую и этическую предысторию любой действующей сейчас личности, — этого пока никто сказать не может», — писал философ⁴². «Если сегодня что-либо уже является несомненным, то это следующее: будущая большая литература социализма, находящегося сегодня в стадии обновления, ни в коем случае не может быть — в главнейших, решающих вопросах формы — простым продолжением первого взлета литературы 20-х годов или возвращением к этому периоду. Потому что с тех пор коренным образом изменилась природа конфликтов, изменилось качественное своеобразие людей и их отношение друг к другу»⁴³. Лукач конкретизировал: «Структура и динамика нынешних конфликтов имеет совсем другую природу. Внешние драматические конфликты являются сегодня редчайшим исключением. Поверхность общественной жизни как будто бы очень слабо меняется на протяжении долгого времени, видимые изменения происходят медленно, постепенно. Однако во внутренней жизни людей уже в течение десятилетий происходят коренные изменения, которые, естественно, и сейчас влияют на поверхность общественной жизни, а позже, в процессе формирования нового жизненного уклада, станут играть все более важную роль»⁴⁴.

Предостерегая современных художников от простого подражания классикам «социалистического реализма», Лукач ни в коем случае не связывал большую литературу будущего и с механическим освоением писателями социалистической ориентации художественного опыта современных западных течений. «Уже в 30-х годах попадались такие на «современном уровне» выполненные романы, которые использовали все достижения экспрессионизма, «новой предметности», монтажа и т. д., но лишь этой внешней, формальной стороной отличались от посредственной казенной литературы тех лет»⁴⁵. Социальный опыт стран, приступивших к социалистическому эксперименту, требовал от художников осмысления и обобщения без оглядки на современную «буржуазную» литературу, чьи способы художественного выражения, рожденные в иных социальных условиях, отнюдь не всегда могли быть адекватны поставленным задачам. «Сталинская эпоха во многих людях

подорвала веру в социализм. Сомнения и разочарование, возникшие на этой почве, могут быть субъективно вполне искренними и откровенными, но в поисках своего выражения они легко могут привести художника к простому подражанию западным направлениям. И если даже с чисто художественной точки зрения такие произведения [могут быть] интересны, они все же не способны освободиться от печати эпитгонства»⁴⁶.

Понимая социалистический реализм как высокий реализм современной эпохи, основное содержание которой составляет переход от капитализма к социализму во всемирном масштабе, Лукач мог найти и находил единомышленников как у себя дома, в Венгрии, так и в других странах социалистического содружества. Видный чешский критик И. Гайек, встречавшийся с венгерским философом летом 1967 г., вспоминает о влиянии его идей на реформаторски настроенных чешских литераторов, активистов «пражской весны» 1968 г.⁴⁷ Критики журнала «Новый мир» В. Лакшин, И. Виноградов и др. не только осознавали некоторую преемственность своего направления литературно-критической мысли лучшим традициям довоенного журнала «Литературный критик»⁴⁸, но и глубоко интересовались современным творчеством Лукача. Вполне естественно, что посетив в середине 1960-х годов Будапешт, В. Лакшин не упустил возможности познакомиться с философом⁴⁹. О понимании Лукачем социалистического реализма речь заходила и во время бесед литераторов двух стран в ходе поездки делегации венгерских писателей в СССР весной 1965 г. — хозяева встречи неизменно проявляли заинтересованность к аутентичным, нефальсифицированным взглядам того, кто всего за несколько лет до этого выступал одним из главных персонажей шумных антиревизионистских кампаний⁵⁰.

Концепция Лукача, называвшая одной из путеводных звезд современной социалистической литературы творчество А. Солженицына, именно потому и была притягательна для фрондирующей части литераторов, что шла явно наперекор тем набиравшим силу представлениям о сути социалистического реализма, с которыми сегодня и ассоциируется эстетический официоз брежневской эпохи. Между тем, сам этот официоз не был чем-то застывшим, к 1970-м годам узконормативные трактовки становятся анахронизмом, их сменяет довольно аморфное понимание соцреализма как творческого метода, объемлющего по сути дела весь литературный процесс в социалистических странах и при этом не обладающего строго определенной системой формально-стилевых признаков. С конца 1960-х и на протяжении 1970-х годов эволюция теории социалистического реализма (в тех странах, где само это понятие не было, как в Польше, фактически отринуту официальной

идеологией) происходила в противоборстве двух взаимоисключающих тенденций. С одной стороны, за социалистическим реализмом признавалась все большая открытость, способность вбирать в себя художественный опыт иных литературных направлений, с другой — декларируемая открытость метода отнюдь не была беспредельной: критика Р. Гароди за «реализм без берегов» оставалась в силе вплоть до 1980-х годов. Важно заметить, что некоторая рыхлость, размытость представлений о критериях реализма, присущая в 1970-е — начале 1980-х годов наиболее распространенным и официально признанным интерпретациям соцреализма в СССР и других странах социалистического содружества, в корне отличала их от концепции Лукача, которая в силу своей сохранявшейся гносеологической заостренности последовательно признавала антиномию «реализм — антиреализм», хотя и не сводила реалистический метод к каким-то строго определенным формально-стилевым канонам.

В год 80-летия Лукача в венгерских журналах появляются первые после долгого перерыва серьезные статьи, анализирующие его литературные теории, рассматривающие те или иные аспекты его многогранной творческой деятельности. Начало венгерской «лукачиане» 1960–1980-х годов было положено среди прочего статьей ученика Лукача И. Эрши. Ее автор сосредоточил внимание на концепции лирического начала у Лукача, попытавшись на материале его статей об Э.Ади, А. Йожефе и др. опровергнуть широко укоренившиеся в мировом литературоведении представления о невнимании венгерского критика к лирике, заслоненной в его системе приоритетов эпосом и драмой⁵¹. Статья Эрши, опубликованная в англоязычном издании, была рассчитана прежде всего на зарубежных читателей. Для того, чтобы лукачевская проблематика безо всяких ограничений могла занять в венгерском литературоведении и историко-философской науке подобающее ей место, должен был разрешиться вопрос о партийности философа. «По-прежнему трудным остается вопрос о Лукаче», — так охарактеризовали ситуацию на встрече с советскими литераторами члены делегации Союза венгерских писателей, посетившие Москву весной 1965 г.⁵²

Сохранявшаяся неурегулированность дела Лукача заведомо блокировала все возможные попытки властей использовать авторитет всемирно известного философа-марксиста в целях пропаганды преимуществ марксизма в споре с иными идеологиями, а такая задача осознавалась в верхах все более насущной по мере относительной либерализации кадрового режима, усиления в его политике установки на диалог с венгерской интеллигенцией (пускай и в строго определенных пределах). Кста-

ти сказать, большинство писателей, подвергнутых гонениям за участие в событиях 1956 г., к середине 1960-х годов активно включилось в литературную жизнь, хотя некоторые из них (например Т. Дери или З. Зелк) в глазах Кадара и его номенклатуры имели еще больше «прегрешений» перед коммунистическим режимом, нежели 80-летний философ.

Лукач, отнюдь не склонный к каким-либо самокритическим жестам, также со своей стороны стремился к примирению с партией, поскольку убеждался в способности руководства ВСРП к довольно решительному обновлению своего курса. Развернувшиеся в середине 1960-х годов в венгерской прессе дискуссии по проблемам предстоящих экономических реформ он считал одним из главных свидетельств высвобождения реформаторских сил внутри партии из-под гнета сталинской традиции. В известной мере ему импонировали и политический реализм Кадара, его нечастое для коммунистического вождя той генерации умение видеть действительность такой, какова она есть⁵³.

9 августа 1967 г. 82-летний философ направил в ЦК ВСРП письмо с просьбой о восстановлении в рядах партии. По содержанию оно мало отличалось от аналогичного письма десятилетней давности (от 15 мая 1957 г.), однако реакция на него оказалась совсем иной. 15 августа 1967 г. Политбюро ЦК ВСРП, рассмотрев заявление Лукача, приняло по нему положительную резолюцию, отразившую ту эволюцию, которую проделала кадаровская политика начиная с конца 1950-х годов. Обвинения в ревизионизме теперь не фигурировали, хотя отмечалось, что в сложные месяцы утверждения у власти «рабоче-крестьянского правительства» философ пытался политически противопоставить себя партии, что использовали в своей «подрывной деятельности» ревизионисты. Далее Политбюро выразило надежду, что в последующем Лукач будет пресекать все попытки использовать свое имя при внесении «сумятицы» в духовную жизнь и, напротив, окажет ценную помощь партии и рабочему движению⁵⁴. Никакой самокритики от философа не потребовали.

За полтора месяца до обсуждения «проблемы Лукача» на венгерском Политбюро в Праге состоялся IV съезд чехословацких писателей, где реформаторски настроенная часть литераторов активно заявила о себе призывами к свободе творчества, налаживанию более тесных контактов с западной культурой. Опасаясь, что восстановление Лукача в партии в данный момент сыграет на руку тем венгерским литераторам, которые были готовы воспринять импульсы, исходившие из Праги, как сигнал к самостоятельным действиям, Политбюро ЦК ВСРП решило не предавать свое постановление гласности. Об окончательном примирении философа с кадаровским режимом венгры могли узнать лишь

из интервью Лукача главной партийной газете «Непсабадшаг», опубликованного в ней 24 декабря 1967 г. Философ высказался в поддержку реформаторских планов правительства, наметившего с 1 января 1968 г. введение нового экономического механизма, который предполагал децентрализацию управления предприятиями, некоторое оживление рыночных отношений и предпринимательской инициативы в Венгрии. При этом Лукач понимал, что начавшиеся экономические реформы рано или поздно поставят вопрос о параллельных преобразованиях в политической сфере — приметы наступающего кризиса, отнюдь не сводимого к экономике, делали эту задачу все более неотложной. Главная гарантия подлинного обновления социализма ему виделась в деbüroкратизации механизма управления, многообразии форм общественного контроля за принятием и исполнением решений. Эта тема получила затем развитие в более обширной работе «Настоящее и будущее демократизации» (1968), в немалой мере вдохновленной событиями «пражской весны»⁵⁵.

За рождественским интервью последовали и другие. Как бы стараясь наверстать упущенное за предшествующее десятилетие критики и умолчания, венгерские журналисты обращаются к Лукачу по самому широкому кругу вопросов общественной жизни современной Венгрии, истории ее национальной культуры, перспектив дальнейшего развития страны⁵⁶. Часть выступлений знаменитого критика была, естественно, посвящена вопросам литературы⁵⁷. Интересно, однако, то, что, пожалуй, не меньшее внимание он уделял современному венгерскому кино, в котором уже при жизни Лукача заявил о себе ряд ярких режиссерских индивидуальностей — М. Янчо, И. Сабо, З. Фабри, И. Хусарик и др. В своих беседах с профессиональными кинокритиками, частью опубликованных уже посмертно, Лукач рассматривал лучшие произведения венгерского кино как явления высокой культуры, не только продолжающие и развивающие национальные духовные традиции, но и способные присущими кинематографу средствами глубоко познать современную реальность⁵⁸. Надо сказать, что кино интересовало Лукача на протяжении всей жизни. Первая его киноведческая работа, «Поэтика фильма», была написана еще в 1913 г.⁵⁹ На развитие современной киноведческой мысли определенным образом повлияло и «Своеобразие эстетического», где специфике художественной образности средствами кино посвящен самостоятельный раздел⁶⁰.

Если в Венгрии в отношении к Лукачу с середины 1960-х годов происходят некоторые изменения, то в ГДР ситуация была совершенно иной. Идейное брожение среди польской и чехословацкой художествен-

ной интеллигенции заставило власти Восточной Германии принять некоторые превентивные меры в целях нейтрализации нежелательного влияния. Лукач снова был востребован в роли одной из основных мишеней в ходе очередной антиревизионистской кампании⁶¹. Идеологические органы ГДР считали критику Лукача тем более актуальной, что к середине 1960-х годов заметно активизируется издание и переиздание его работ в ФРГ и Западном Берлине. Внимательно следивший за этой литературой ведущий советский официозный германист А. Дымшиц имел все основания заметить в записке, адресованной в ЦК КПСС, что «проживая в Венгрии, Лукач действует главным образом в так называемом «западном мире»»⁶². Издательство «Лухтерханд» (Нойвид, Западный Берлин) предпринимает выпуск 12-томного собрания сочинений Г. Лукача. Ряд его книг публикует также гамбургское издательство «Ровольт», причем некоторые довольно большими тиражами, в расчете на широкий круг интеллигенции в обеих Германиях. Для того, чтобы препятствовать проникновению этой литературы сквозь толщу берлинской стены, спецслужбам ГДР приходилось прилагать дополнительные усилия.

«Пражская весна» 1968 г., когда средства массовой информации в течение считанных недель фактически вышли из-под партийного контроля, только усилила озабоченность восточногерманских лидеров развернувшимся широким фронтом «ревизионистским» наступлением. В марте 1968 г. на встрече руководителей стран-участниц Варшавского договора в Дрездене, посвященной положению в Чехословакии, В. Ульбрихт с «железобетонным» упорством «прусского унтера» (как называл его еще Л. П. Берия) продолжал выискивать в Праге идеологическую крамолу, одновременно принимая меры для установления железного занавеса уже не только на западной, но и на южной границе ГДР. «Дурной пример» чехов совершенно не давал покоя и В. Гомулке, находившемуся в сложном положении — студенческие волнения в Польше достигли в марте 1968 г. критической точки. Я. Кадар на дрезденской встрече выступил гораздо спокойнее других, его сдержанность особенно явно контрастировала с истерическими возгласами Гомулки. Контраст покажется тем более резким, если вспомнить, какую роль каждому из этих политиков пришлось сыграть в 1956 г. За 12 лет роли изменились: если Гомулка переживал весной 1968 г. острый кризис доверия, то Кадар, напротив, вознесся на пик своей популярности внутри страны, а с успехом задуманной реформы рассчитывал на еще большее укрепление собственных позиций. Попытки экономических реформ в ЧССР и ВНР предпринимались параллельно, и удар по начинаниям чехословацких

коллег, менее искусных, чем Кадар, в тактике политического маневрирования, мог отрицательно сказаться и на судьбе его реформы, а значит и на личном престиже венгерского лидера как в глазах соотечественников, так и в зарубежном общественном мнении. Правда, с конца июня 1968 г. (после публикации в пражском еженедельнике «Литерарни листы» программного документа внепартийной интеллигентской оппозиции «2000 слов», а также статьи к 10-летию казни И. Надя с признанием заслуг казненного венгерского премьера в отстаивании ценностей демократического социализма) политика Венгрии претерпевает изменения. Всерьез опасаясь сползания чехословацких событий к венгерскому варианту 1956 г., Кадар, во многом по собственной инициативе взял на себя функции посредника между Прагой и Москвой, все более настойчиво побуждая А. Дубчека и его коллег по реформаторскому крылу в руководстве КПЧ к установлению контроля над прессой, пресечению открытых проявлений оппозиционности. Ни в коей мере не желая, чтобы чехословацкие реформы привели к потере власти коммунистами, венгерский лидер, однако, не был склонен драматизировать ситуацию. Хорошо осознавал он и те серьезные издержки, которые интервенция против Чехословакии могла бы иметь для его престижа твердого, но реформаторски настроенного коммунистического политика. В силу этого Кадар до самого конца отдавал предпочтение политическому решению, хотя в момент развязки не осмелился открыто противопоставить свою страну союзникам по Организации Варшавского Договора⁶³. Конец «пражской весны» еще раз напомнил венграм об их ограниченном суверенитете, невозможности выйти за рамки советской модели. Попытка путем маневрирования перейти грань возможного не удалась.

Предпочтение Кадаром политического пути решения «чехословацкого вопроса» совсем не означало его готовности попустительствовать каким-либо открытым оппозиционным проявлениям у себя дома. Более того, лидеры ВСРП сочли нужным продемонстрировать свою твердость именно в тот момент, когда их северные соседи этой твердости, по их мнению, не проявляли. Сильный по характеру и образованный партийный функционер Д. Ацел, к этому времени окончательно утвердившийся в роли главного идеолога кадаровского режима, в ряде своих программных выступлений 1968 г. попытался обозначить границы терпимости. Выражение взглядов, не совпадавших с официальной партийной точкой зрения, в известной мере допускалось, хотя и существовали зоны запрета (совершенно не разрешалось, в частности, критиковать политику СССР, а также подвергать сомнению оценку октябрьских событий 1956 г. как контрреволюции, ведь это по сути дела означало

признание нелегитимного характера прихода Кадара к власти). Что же касается политических форм выражения оппозиции, то они не допускались ни в коей мере, а при возникновении уничтожались в зародыше. Конечно, под влиянием событий, происходивших в соседней Чехословакии, в Венгрии не могли не оживиться воспоминания о собственном 1956 г. В 1968 г. мы вновь почувствовали дуновение революции, «мы — те, кто в пятьдесят шестом были пацанами — хотели теперь выработать законы чистой, бескровной революции», — вспоминает театральный режиссер И. Паал⁶⁴. Важно, однако, подчеркнуть, что в обстановке начатых реформ, в сознании людей доминировали оптимистические ожидания и питательной почвы для широкой оппозиции режиму в стране не было. Это заметили и в аппарате ЦК КПСС. «Среди различных слоев населения ВНР чехословацкие события были восприняты спокойно, не вызвав какого-либо политического брожения. Вопросы, стоящие на повестке дня в ЧССР, считаются венграми либо уже решенными после 1956 г., либо находящимися в стадии решения... Одобрение хода событий в Чехословакии не выливается в критику руководства ВСРП», — отмечалось в записке от 26 апреля 1968 г.⁶⁵ Кстати сказать, повышению потенциала радикализма в венгерском обществе не слишком-то способствовали и майские волнения 1968 г. во Франции. «Романтика» битых стекол и перевернутых автомашин могла на какое-то время привлечь юнцов из обеспеченных парижских семей в их потребности к самоутверждению в мире отцовского диктата, но поколения венгров, пережившие (пускай даже подростками) трагедию 1956 г., были вакцинированы от подобных увлечений. Сам Д. Лукач, чья книга «История и классовое сознание» стала одним из источников идеологии «новых левых», подобно М. Хоркхаймеру и Т. Адорно (но не Г. Маркузе) отмежевался от своих «духовных детей».

Все-таки опытный Я. Кадар, не дожидаясь, пока в венгерском обществе прорастут семена политического плюрализма, принимал меры по нейтрализации «нежелательных» взглядов. К последним можно было отнести и некоторые положения, звучавшие в выступлениях Лукача. В феврале 1968 г. Комиссия ВСРП по агитации и пропаганде специально занялась теоретической и общественной деятельностью крупного философа и критика. Привлеченные в качестве экспертов ведущие официально признанные венгерские литературоведы И. Кирай, И. Шетер, М. Саболчи, П. Панди дали высокую оценку его эстетике. Взгляды, выраженные в литературно-критических статьях, также не вызывали больших возражений. Повод для озабоченности дал опубликованный в 1967 г. в Гамбурге сборник «Беседы с Георгом Лукачем»

западногерманских политологов Ганса-Гейнца Гольца. Лео Кофлера и Вольфганга Абендрота (а надо сказать, что во второй половине 1960-х годов, когда кадаровский режим стал более открытым, началось паломничество европейских левых интеллектуалов к Лукачу в Будапешт. Кроме того, философ вел обширную переписку с зарубежными корреспондентами)⁶⁶. Наряду с этим сборником недовольство властей вызвало интервью, которое под броским заголовком «СССР — это не типично» было опубликовано не только в ФРГ, но и в двух социалистических странах — в чешском журнале «Пламен» и в югославском философском журнале «Праксис» (Лукач, как уже отмечалось, состоял почетным членом редколлегии загребского «Праксиса», который в конце 1960-х годов был признан советскими идеологическими инстанциями одним из рупоров современного ревизионизма, а впоследствии вступил в конфликт и с титовским режимом). Раздражали также все более частые и все менее ортодоксальные по духу публикации учеников Лукача, особенно А. Хеллер, в венгерских журналах по широкому кругу не только философских и эстетических, но также политических проблем⁶⁷. Комиссия ВСРП в своем постановлении отметила, что выступления Лукача начиная с 1965 г. складываются в определенную концепцию, в которой наряду с «правильными» присутствуют и спорные моменты — преувеличение специфичности советского пути развития и недооценка советского опыта для восточноевропейских стран, строящих социализм, применение категории «сталинизм», чересчур негативистская оценка пройденного Венгрией в последние десятилетия исторического пути, чрезмерный акцент на опасности бюрократизма, выхолащивающего, по его мнению, социалистическое содержание общественных процессов в СССР и странах «народной демократии»⁶⁸. Публичной критики решили не затевать, хотя до Лукача и было доведено официальное мнение об односторонности или несвоевременности некоторых его политических заявлений, лишь отвлекающих его от работы над «нужными партии» трудами с критикой буржуазной философии, а также по эстетическим проблемам. Впрочем, элементы полемики с Лукачем все же присутствовали в 1968 г. в ряде выступлений Д. Ацела. Так, в своем рождественском интервью «Непсабадшаг» за 1967 г. Лукач повторил уже звучавший в статье о соцреализме тезис о том, что ни в одной социалистической стране невозможно написать правдивый роман о современном человеке без стремления к разрыву со сталинской эпохой. Ацел в апреле 1968 г. не преминул вступить в дискуссию: «Одностороннее подчеркивание нарушения преемственности в нашем развитии искажает реальную картину»⁶⁹. В целом наблюдалась тенденция, отличная

от той, что имела место во время дискуссий 1949–1950 и 1958–1959 гг. Ранее критика эстетических взглядов Лукача никогда не сводилась к вопросам эстетики, корни его позиции в области литературы и искусства выискивались в общем мировоззрении философа, его политических убеждениях. Теперь ситуация была иной: споря с Лукачем-эстетиком, старались не акцентировать внимание на политических расхождениях с ним, на его особой позиции в отношении характера предпринимаемых в стране реформ. Эта тенденция отразила эволюцию кадровского режима к признанию некоторой автономии художественной культуры и даже к ее последовательной деполитизации, поскольку при существовавшем в венгерском обществе соотношении сил и настроениях интеллигенции любая попытка политизировать художественную культуру была, как показал и опыт 1956 г., чревата проникновением в нее «нежелательных» взглядов. Подобная установка культурной политики уже с конца 1950-х годов проявлялась не только в Венгрии, но и в Польше, Чехословакии, отчасти и в других странах. Новый импульс ей дали события «пражской весны», показавшие, какой огромный потенциал общественно-политической активности, направленной на обновление системы, заключает в себе творческая интеллигенция стран, в которых отсутствуют условия для политического плюрализма. Сам Лукач воспринимал свои разногласия с главным идеологом партии более чем спокойно. В одном из интервью он прямо заявил, что ни в коем случае не хотел бы оказаться в роли официального философа, ибо это не способствовало бы развитию марксистской мысли в Венгрии. Руководство ВСРП, дистанцируясь от некоторых заявлений Лукача в беседах с иностранными журналистами и политологами, в то же время в большинстве случаев не препятствовало их публикации в Венгрии, понимая, что отсутствие у венгерской публики информации будет только способствовать ажиотажу вокруг Лукача. В майском номере основного венгерского литературного журнала «Кортарш» было опубликовано его интервью по проблемам мирного сосуществования, прежде вышедшее за рубежом и имевшее резонанс⁷⁰.

Опасаясь, что подмывание устоев казарменного социализма в Чехословакии неминуемо приведет к краху всей европейской социалистической системы, руководство СССР задушило инициативы чехословацких реформаторов, грозившие перекинуться в другие страны. Реакцией на «пражскую весну» явилось вторжение в Чехословакию 21 августа 1968 г. армий стран-участниц Организации Варшавского договора. Лукач воспринял известие о военном вмешательстве однозначно негативно. В письме на имя Кадара он отметил, что не одобряет эту акцию

в целом, а участие в ней Венгрии особенно. В то же время Лукач предпочел отказаться от поступившего предложения через считанные недели после августовской акции выехать в Вену для участия в международном философском конгрессе. Мотивов своего отказа философ не скрывал: в Вене ему много пришлось бы выступать по чехословацкому вопросу, а он того явно не хотел, и не только из-за опасений испортить наладившиеся отношения с кадаровским режимом. Как и некоторые другие левые интеллектуалы, он явно не желал, чтобы его осуждающий голос слился с хором антикоммунистически настроенных критиков советской акции⁷¹.

Ученники решили ту же дилемму по-другому. В день вторжения в Чехословакию пять венгерских философов (включая виднейших учеников Лукача — А. Хеллер и Д. Маркуша) находились в Югославии на конференции, организованной кругом журнала «Праксис». 24 августа в югославской венгероязычной газете «Мадьяр со», выходящей в городе Нови-Саде, было опубликовано их письмо руководству ВСРП. Военное вмешательство в Чехословакии квалифицировалось в нем не только как помеха на пути обновления марксистской теории, но более того, как угроза развитию социализма⁷². Эти слова парадоксальным образом перекликались с тем, что в те же дни при закрытых дверях говорил Кадар на заседаниях партийного руководства. По свидетельству известного экономиста, «отца» реформы 1968 г. Р. Ньерша (в то время члена Политбюро ЦК ВСРП), многоопытный венгерский лидер был в то время на редкость критичен в отношении официальной Москвы. Ситуация, сложившаяся в Чехословакии, вызывала у него аналогии не с венгерскими, а скорее с польскими событиями 1956 г., когда неплохо сработал мирный сценарий. Соответственно и венгерский рецепт разрешения кризиса здесь, по его мнению, не подходил⁷³. 23 августа на совместном заседании ЦК ВСРП и Совета Министров ВНР, уже зная о неудаче с приведением к власти нового правительства⁷⁴, он не скрывал своего раздражения: «Если создастся только лишь видимость, что СССР защищает вчерашний день, это будет означать конец мировому коммунистическому движению»⁷⁵. Союзнические обязательства Венгрии, однако, требовали демонстрации всенародной поддержки предпринятой акции. Философы, нарушившие дисциплину, были подвергнуты гонениям по партийной и административной линиям⁷⁶, при том, что в силу специфики кадаровского режима их никто не лишал права дальнейших публикаций в венгерских изданиях. Была отброшена также идея привлечения учеников Лукача к предстоявшей реформе философского образования в Венгрии. В ряде программных выступлений конца 1968–1969 гг.

власти вновь уточняют свои идеологические приоритеты. Была, в частности, принципиально отвергнута идея плюрализации марксизма, сосуществования в нем разных направлений, ведущих между собой полемику по тем или иным вопросам⁷⁷.

Развитие событий в Чехословакии с первых месяцев 1968 г., в дальнейшем прерванное военным вмешательством, сопровождалось, как известно, усилением внепартийной политической активности, возникновением рычагов давления снизу на партийно-государственное руководство, заметным повышением роли прессы, не просто вышедшей из-под контроля, но выступившей, впервые с начала строительства социализма, в качестве рупора независимого общественного мнения⁷⁸. Внимательно наблюдая за происходившим в соседней стране, венгерский философ-марксист включал современный чехословацкий опыт в контекст своих более общих размышлений о перспективах социализма. Проблема взаимосвязи и соотношения между демократическими ценностями и социалистическим идеалом, начиная с 1945 г. проходящая лейтмотивом через все основные политологические работы Лукача, теперь представляла в новом свете — теория могла поверяться практикой социального экспериментирования, направленного на придание истинно «человеческого лица» реальному социализму. Позиция Лукача в отношении чехословацкого эксперимента сочетала в себе доброжелательность с некоторым критицизмом, в эволюции чехословацкой модели социализма философ находил противоречия, так и не разрешенные имманентным ходом развития событий, поскольку процесс был прерван вмешательством извне.

В частности, осознавая необходимость усиления экономических стимулов в целях повышения эффективности хозяйственной системы, Лукач предостерегал от придания им решающего значения, поскольку это, по его мнению, привело бы отнюдь не к преодолению социального отчуждения, порожденного бюрократизмом, а только к смене его форм, возврату тех из них, которые отошли в прошлое с ликвидацией капиталистических отношений. При том, что в 1968 г. и Чехословакия, и Венгрия проводили лишь первые робкие эксперименты по внедрению в плановую экономику предпринимательской инициативы снизу, тенденция коммерциализации культуры уже начала осознаваться частью интеллектуалов как одна из потенциальных опасностей на новом пути⁷⁹. Зная о том, что планы экономической реформы предполагают перевод части культурных учреждений на самофинансирование, Лукач указывал, что в результате может сложиться положение, когда главным критерием ценности станет прибыльность, и институты культуры, для того чтобы выжить, начнут приспособливаться к низшим вкусам⁸⁰.

Политические идеалы «пражской весны» также воспринимались Лукачем с известной долей критicismа (при том, что, не желая мешать реформам, он старался высказывать свою позицию, не прибегая к критике чехословацких реформаторов). Так, венгерский философ до конца жизни сохранил скептическое отношение к требованию многопартийности, видя в последней не более чем атрибут формальной демократии, отнюдь не гарантирующий реального выражения политической воли масс и приобщения их к практической реализации своих требований⁸¹.

Называя увлечение многопартийностью и западными демократическими моделями «искушением ложной альтернативой», марксист Лукач попытался выявить истинную альтернативу тому бюрократическому социализму, который реально сложился в СССР и странах Восточной Европы. Задаче нахождения *tertium datur* между двумя одинаково неприемлемыми для него общественными состояниями (условно говоря, между капитализмом и административно-бюрократическим социализмом) была посвящена его работа «Настоящее и будущее демократизации», написанная в течение осени 1968 г. и опубликованная при жизни философа лишь частично⁸². «Проблема, по сути дела, одна: или переход к подлинной социалистической демократии (демократии повседневной жизни), или перманентный кризис» — так сформулировал Лукач дилемму, стоявшую, по его мнению, перед обществами в странах реального социализма⁸³.

Стремясь понять, почему провозглашенная на XX съезде КПСС линия на радикальное преодоление сталинских методов так и не была воплощена в жизнь, венгерский философ обратился к осмыслению того периода в истории СССР, когда во главе партии и страны стоял Н. С. Хрущев. Вопреки декларированному разрыву с наследием предшествующей эпохи политическая мысль, определявшая официальный курс партии, так и не смогла освободиться от сталинского критерия примата тактики над стратегией (что в наиболее уродливой форме при Сталине проявилось в 1939 г., когда заключение пакта с Германией автоматически повлекло за собой отказ от принципиальных антифашистских установок). При Хрущеве сменявшие друг друга тактические лозунги типа «догнать и перегнать Америку» заслоняли стратегию развития, пока наконец, в противоречии со всеми объективными предпосылками, не провозглашается новый лозунг — о том, что живущее поколение успеет насладиться благами коммунизма. Одно из принципиально ошибочных представлений о сущности и содержании социализма и коммунизма, по Лукачу, заключалось в абсолютизации вопроса о ответственности, хотя обобществление средств производства само по себе

еще не способно изменить отношение человека к труду и не гарантирует преодоление отчуждения результатов человеческой деятельности от ее субъекта.

Задачи построения социализма, согласно позднему Лукачу, могут быть сколько-нибудь успешно решены лишь в том случае, если ликвидация капиталистической эксплуатации будет дополнена не только кардинальной демократизацией политической сферы, но и более глубинными преобразованиями основ повседневной человеческой жизнедеятельности. Социалистическая демократизация, по Лукачу, — это сознательно направляемый, длительный и противоречивый процесс, без которого невозможно преодолеть механически централизованную, бюрократившуюся практику прежнего планирования. Первым шагом на пути к ней «явился бы — с учетом развития общественных потребностей — выход «из подполья» по большей части «немного» общественного мнения, утверждение систематической практики открытости»⁸⁴. Вопросы о конкретных формах демократического волеизъявления масс в условиях подлинного, лишенного бюрократических наростов социализма философ также, конечно же, не мог обойти. По его мнению, исторический опыт социалистических революций (Парижской Коммуны 1871 г., Октябрьской революции в России, Венгерской советской республики 1919 г. и других) дал немало примеров спонтанного проявления политического творчества масс, породившего самые разные формы непосредственной демократии. Все это возникало в конкретных исторических условиях, и было бы большой ошибкой пытаться искусственно возродить те же формы в наши дни. Раскрытие «подпольных», задавленных бюрократией процессов народного волеизъявления едва ли примет, таким образом, вид былых, стихийно возникавших Советов, хотя в принципе возможно и обновление этой формы. Так или иначе, продолжал свои рассуждения Лукач, важна не конкретная форма, а принцип непосредственной демократии, охватывающей и пронизывающей все общество. Причем речь должна идти не просто о стихийном зарождении новых социальных и политических форм, а о внесении в исторический процесс организующего, сознательного, телеологического начала⁸⁵. Как и полвека назад, в период написания «Истории и классового сознания», в этой связи вставал вопрос о значении теории, адекватно отражающей социальную действительность, основные тенденции ее развития. Для Лукача он был неотделим от проблемы возрождения марксизма через последовательное отмежевание от сталинской традиции, приносившей стратегию в жертву тактике.

В июне 1967 г., принимая чехословацкого критика И. Гайека, венгерский философ говорил об огромной исторической ответственности коммунистической интеллигенции и ее обязанности оставаться верной своему общественному призванию. При всех объективных и субъективных препятствиях, мешающих воплощению социалистической идеи, и несмотря на весь негативный опыт, нельзя терять цели нашего движения, подчеркивал он, необходимо анализировать все до сих пор еще не осуществленные и не использованные возможности социализма⁸⁶. При этом надо искать не что-то среднее между сталинизмом и буржуазной демократией, а нечто качественно иное, поле возможностей отнюдь не сводится к выбору между двумя непосредственно данными в современной действительности альтернативами.

Лукач понимал, что стоящие на повестке дня задачи интенсификации экономики предполагают установление более гибких отношений между производством и потреблением, а это, в свою очередь, было немыслимо без оживления рыночных механизмов. Реформаторы, таким образом, оказывались перед соблазном механического перенесения на венгерскую почву моделей капиталистической экономики. Философ-марксист, довольно скептически оценивавший возможности коренного обновления капитализма по мере развития технического прогресса, полагал, что это может создать лишь видимость решения некоторых проблем реального социализма, по большей же части загонит проблемы внутрь. Коренной вопрос о том, как повысить эффективность социалистической экономики, избежав в то же время возникновения новых противоречий, неизбежно порождаемых рыночными отношениями, Лукач в своей работе обходил. Оставаясь на уровне абстракций, его построения не могли дать реформаторам конкретных рецептов исцеления больного организма, к чему философ, впрочем, и не стремился, видя своей задачей набросок общей перспективы развития социализма в соответствии с собственными представлениями.

Политическому аспекту реформ Лукач в своей работе уделил гораздо большее внимание, нежели экономическим сюжетам. Рассуждая о необходимости внесения в объективный процесс сознательного, телеологического начала, философ тем не менее с полной определенностью отвергал исторически сложившийся тип коммунистической партии, берущей на себя непосредственное руководство всем ходом общественного развития. Традиционное представление о руководящей роли партии должно измениться уже на начальной стадии реформ. Суть дела нельзя свести ни к углублению внутрипартийной демократии на основе разрешения свободных дискуссий, ни к переосмыслению реального

разделения сфер деятельности между государством и партией⁸⁷, ни к повышению роли профсоюзов и других общественных организаций. Настоящее и будущее демократизации, писал он, зависит прежде всего от скованных апатией и равнодушием граждан, от того, обретет ли голос загнанное в подполье общественное мнение.

Активизация масс, писал Лукач, не может быть столь же спонтанной, как в первые годы советской власти. Не только потому, что сталинизм, заменивший непосредственное участие масс в политике диктатурой бюрократии, прервал бюрократическим насилием определенную тенденцию общественного развития в эпоху, главное содержание которой составляет переход к социализму во всемирном масштабе. Формальное воскрешение великих традиций прошлого, простое их продолжение стало бы бесплодным, поскольку ситуация с тех пор коренным образом изменилась. Однако возможно обновление иного рода. «Речь идет о том, что мы должны... освободить, поднять на уровень сознания проявляющиеся в практике повседневной жизни силы, которые сегодня действуют, главным образом, в сфере личной жизни, в связях между отдельными людьми, т.е. — с общественной точки зрения — подспудно. Вызов их к жизни требует, в первую очередь, того, чтобы мы довели до сознания людей: всех касаются те огромные общественные задачи, которые спонтанным образом управляют чувствами, мыслями людей, хотя носители их, по большей части, этого не осознают»⁸⁸. Простой пропаганды для этого недостаточно. Массы на своем собственном положении постоянно должны ощущать, что наступил перелом, что и на практике происходит разрыв со сталинскими традициями, отчуждающими их от реального участия в общественной жизни. Создание действительно свободного, лишенного отчуждения общества, в основе которого лежит не право «замкнутой на себе личности», а сознательно принятый всеми гражданами общественный интерес, Лукач считал задачей на самую длительную перспективу. В беседах конца 1960-х годов, рисуя мрачную картину кризиса, переживаемого соцстранами, он говорил, что считает себя оптимистом лишь в том, что касается XXI в. Альтернативы этому пути философ не видел. «Если в стране, которую эпигоны Сталина вовлекли в экономический и общественный кризис, взяла бы верх как альтернатива буржуазная демократия, тогда — не желая быть пророками, но с большой долей вероятности — мы могли бы предсказать будущее: ЦРУ немедленно сделает из нее вторую Грецию (где как раз в 1968 г. был установлен режим «черных полковников» — А. С.)... Империализм и сегодня остается империализмом, и он останется им до тех пор, пока революция не разрешит его противоречия и не разрушит его основы»⁸⁹.

Опубликованная в полном объеме лишь в середине 1980-х годов работа «Настоящее и будущее демократизации» могла на короткий срок стать одним из теоретических манифестов горбачевской перестройки. Попытки использовать ее в этом качестве имели место не только в Венгрии, но отчасти и в СССР, где журнал «Коммунист» в 1990 г. опубликовал большой фрагмент из нее. Однако для выполнения этой роли работа была довольно слаба. Предельная абстрактность постановки политических проблем без прояснения конкретных механизмов их реализации, мифологизация ленинского периода советской истории (а Лукач связывал именно со «сталинским этапом» истощение стихийно-демократических начал, формализацию демократических институций, порожденных массовым народным движением 1917 г.⁹⁰), идеализация формы Советов применительно к СССР 1920-х годов — все это делало небольшую книгу Лукача весьма уязвимой для оппонентов. Стоящей ниже всякой критики назвал ее, например, один из видных учеников философа М. Вайда⁹¹. Наспех написанное по горячим следам «пражской весны» политическое завещание Лукача явилось прежде всего манифестацией сохраненной им веры в конечное торжество социалистических идеалов — вопреки ходу истории, в очередной раз заставлявшему приверженцев идеи коммунизма пролонгировать временные векселя своих ожиданий. Продолжая отстаивать свои прежние идеалы, философ шел наперекор тем тенденциям в развитии общественной мысли, которые стали доминирующими после подавления «пражской весны». Не сумев дать удовлетворительных ответов на вызовы времени, сочинение Лукача имело не столько теоретическое, сколько этическое значение как свидетельство духовного стоицизма в условиях, когда определенный виток исторического процесса отходил в прошлое, так и не подтвердив правоты того постижения смыслов истории, которое явилось результатом гигантской работы мысли, проделанной одним из крупнейших марксистов XX века на протяжении 50 лет творчества.

В год, когда 83-летний философ Д. Лукач все более занимался подведением итогов своего творческого пути, военное вмешательство пяти стран положило конец одному из наиболее интригующих социальных экспериментов второй половины XX в., по мнению наиболее оптимистических наблюдателей, открывавшему новые горизонты в осуществлении социалистической идеи. Шаг, предпринятый 21 августа 1968 г., оказался роковым для судеб советской системы и всего мирового социализма. Решив довольно краткосрочную по эффекту задачу сохранения своих геополитических преимуществ в Восточной Европе, руководство СССР в исторической перспективе утратило несравнимо боль-

шее — веру миллионов людей во всем мире в возможность реформирования социализма. Именно август 1968 г. положил начало тем необратимым процессам в духовной эволюции многих левых интеллектуалов как на Западе, так и на Востоке Европы, которые в конце концов привели к полному их отказу от социалистической идеи. Это касается и Венгрии. «60-е годы для нас были временем надежды и... иллюзий. Тогда нам показалось, что и при системе однопартийного государственного социализма... путем реформ можно создать социалистическое рыночное хозяйство, социалистическую демократию или демократический социализм. Нечто такое, что и не сталинизм, и не западный социализм. Эту иллюзию похоронила Пражская интервенция 1968 г.», — вспоминает лично знавший Лукача венгерский писатель и политик Дьердь Конрад, бывший одно время президентом Международного ПЕН-клуба⁹². А один из видных философов круга Лукача М. Вайда признал, что для венгерских интеллигентов его поколения чехословацкие события 1968 г. были даже важнее, чем собственный 1956 г.

К 1973–1974 гг. венгерская реформа была свернута — и не столько в результате внутренних трудностей и противоречий (а они тоже имели место⁹³), сколько вследствие непрекращавшегося давления. Тем самым мечты о демократическом обновлении социализма для подавляющего большинства венгров были похоронены уже окончательно.

Главным делом Лукача в последние годы жизни было, однако, не обобщение конкретного социально-исторического опыта «пражской весны» и даже не подведение итогов собственного творческого пути посредством многочисленных интервью, предисловий и послесловий к новым публикациям своих старых работ и т. д.⁹⁴, а воплощение грандиозного замысла, всецело относящегося к сфере высоких философских абстракций. Завершив к началу 1960-х годов «Своеобразие эстетического», Лукач собирался приступить к систематическому изложению этики с позиций марксизма, однако вскоре пришел к выводу, что эта задача не будет разрешима без предварительного построения онтологии общественного бытия, ибо в основе любой системы этических представлений должны лежать общая картина мира, определенное понимание объективных основ социальной жизни людей, а также взаимосвязи общественного бытия с общественным сознанием. Начатое Лукачем введение к задуманной «Этике», призванное очертить онтологические предпосылки его этического учения, в процессе работы сразу стало разрастаться до размеров большого самостоятельного сочинения. Вскоре отложив свой первоначальный замысел, Лукач сосредоточился на написании труда «Онтология общественного бытия». Однако и эта

задача оказалась куда более масштабной и трудноподъемной, чем представлялось вначале. Поняв, что создание целостной, завершенной онтологической философской системы требует многолетней работы, на которую едва ли будет отпущено время, 80-летний философ взялся за подготовку «Пролегомен к онтологии общественного бытия», претендовавших на изложение материалистической социальной теории в общем виде. Эта рукопись была относительно близка к завершению, когда философа не стало, и ее посмертная публикация стала заметным явлением философской жизни далеко за пределами Венгрии⁹⁵.

«Онтология» позднего Лукача содержала в себе элемент полемики как с классическим гегельянством, так и с некоторыми направлениями западной философии XX в. — «новой онтологией» Н. Гартмана, экзистенциалистскими концепциями М. Хайдеггера и др., онтологическими взглядами раннего Л. Витгенштейна, неопозитивистскими представлениями, в основе которых лежат отказ от рассмотрения основ миропорядка и сведение философии к проблемам методологии и гносеологии⁹⁶. Заслугу Гегеля Лукач видел в разработке им проблематики, предвосхитившей Маркса, — постановке вопросов о сути общественно-исторической практики, о сущности человеческого труда не только как духовной, но и как материальной деятельности. По мнению венгерского философа, у Гегеля было как бы две онтологии — наряду с объективно-идеалистической другая, в основе своей материалистическая, связанная со сферой свободного творчества, выражения существенных человеческих сил, выбора альтернативных возможностей.

С другой стороны, в «Онтологии» прочитывается и полемика Лукача с собственными прежними представлениями, нашедшими отражение, в частности, в «Истории и классовом сознании», где онтология и диалектика общественного бытия по сути дела подавляли и подчиняли себе онтологию и диалектику природы. Теперь философ, рассматривая законы природы в разнообразных телеологических взаимозависимостях с человеческой деятельностью, не только попытался усилить акцент на онтологической специфике природного бытия, на отличиях общества от природы, но и последовательно провел тезис о природном бытии как необходимой предпосылке общественного бытия — постольку, поскольку «человек в своем труде использует действующие в природе причинные связи в новом их аспекте — в рамках целенаправленной деятельности»⁹⁷.

Момент полемики с «Историей и классовым сознанием» проявился и в сознательном отказе от рассмотрения проблемы отчуждения как главной проблемы социальной теории, равно как и в изменении отно-

шения к принципу тотальности, в работе 1920-х годов иногда выступавшему в качестве средства подчинения категорий природного бытия социальным категориям, что в конечном итоге вело к абсолютизации внутренних связей общества в ущерб диалектике природы⁹⁸. При том, что роль субъективного фактора в общественном развитии оценивалась им по-прежнему высоко, Лукач теперь дистанцировался от собственных представлений 1920-х годов, которые вели к своего рода замыканию общества на себя, отрыву его от природы. Сохранялась, однако, и известная преемственность с «Историей и классовым сознанием» — так, проблема освобождения человека от давления господствующих над ним внешних сил оставалась одной из ключевых в творчестве Лукача-философа на протяжении всего его творческого пути.

Отход Лукача от многих прежних своих взглядов, подвергнутых в 1920-х — начале 1930-х годов критике с позиций набиравшей силу советской коммунистической ортодоксии, впрочем, не означал его примирения с вульгарным марксизмом. Poleмика с ним в «Онтологии» проявилась, в частности, в решительном неприятии иерархического характера материалистической картины мира, равно как и механистического разграничения в общественном бытии материальных и идеальных процессов. Приоритет бытия над сознанием означает, по Лукачу, лишь то, что существует бытие без сознания, но не наоборот. Это не дает, однако, оснований говорить о какой-либо иерархической подчиненности одного феномена другому. Общественное сознание встроено в общественное бытие как функциональный элемент, органическая часть последнего, это важнейшая сила, творящая общественное бытие изнутри. Так происходит в результате целеполагающего характера человеческого труда, благодаря активной роли субъекта исторического развития, делающего сознательный выбор, исходя из имеющихся альтернатив, превращающего определенные возможности в реальную действительность. Общественно-исторический процесс складывается из единичных движений действующего человека и является в определенной мере следствием его телеологических установок, однако в конечном итоге приобретает объективный характер, не зависящий от носителей сознания, способных в то же время, хотя бы в идеале, постигнуть в своей мыслительной деятельности ход общественного развития. Согласно Лукачу, именно признание приоритета бытия над сознанием создает возможность реального овладения бытием с помощью сознания.

Сосредоточившись на роли человеческого труда, общественной практики в социально-историческом процессе, на проблематике целеполагания, Лукач в своей «Онтологии», как и в «Эстетике», уделил боль-

шое внимание явлениям повседневной жизни, на этот раз сделал акцент на том, как преломляются общественные отношения в индивидуальном сознании.

Как и в период работы над «Историей и классовым сознанием», венгерский философ на склоне лет продолжал оставаться решительным противником фаталистического восприятия исторического процесса. В его позднейшем труде получила разработку идея многовариантности развития общества. Общественная практика неизменно альтернативна, каждая заданная ситуация объективно включает в себе различные, подчас противоположные возможности дальнейшей социальной эволюции, какая из них будет реализована, во многом зависит от выбора людьми путей развития. Мысль о том, что человек – творец истории, является одной из стержневых в работе Лукача. По мнению философа, наиболее емкое философское определение человеческой сущности сводится к тому, что человек – это существо, делающее выбор среди существующих альтернатив.

Результат человеческой деятельности, однако, не сводится к реализации сознательно избранной цели. При том, что все общественные взаимосвязи приходят в движение, претерпевают эволюцию не иначе, как вследствие целеполагания, при попытках осуществить некую цель, люди творят историю в условиях, которые заданы им объективно-исторически, выбор альтернатив возможен в определенных границах, меняющихся в зависимости от конкретной ситуации. Избирая путь движения к поставленной цели, человек отнюдь не оказывается в положении, когда возможен полный произвол. Выбор пути неотделим от познания исторически заданной необходимости.

С представлениями позднего Лукача об альтернативном характере человеческой деятельности тесно связано понимание им свободы. Будучи прежде всего возможностью выбора среди объективно существующих альтернатив и претворения избранной альтернативы в конкретной практике, свобода, по Лукачу, – это не просто познанная необходимость, а бытийно заданное поле деятельности, в пределах которого человек волен принимать решения. Направленность человеческих действий в значительной мере предопределяется давлением эпохи, объективно существующей в ту или иную эпоху системой общественных взаимосвязей. Роль индивида в процессе выбора пути и его практической реализации тем не менее достаточно велика, причем каждый раз именно в процессе общественной практики рождаются новые альтернативы для выбора. Выбирая альтернативы и реализуя их в своей деятельности, люди сами формируют условия своего существования.

Но формируют до известных пределов. Хотя по мере исторического прогресса степень свободы человека возрастает, все-таки он остается в определенном смысле рабом необходимости, неспособным властвовать над отчужденной от него в целом действительностью. Конфликт между свободой и необходимостью Лукач считал, таким образом, неразрешимым окончательно в обозримой исторической перспективе. В то же время человек не смиряется с необходимостью, стремясь к выявлению и созданию наиболее приемлемых для себя возможностей существования. В отличие от других живых существ он не просто приспосабливается к окружающей среде, но вносит в природу изменения, в известной мере задает направление протекающим в природе процессам.

Проблема выбора на уровне индивида, согласно Лукачу, – проблема в значительной мере этическая, предполагающая нравственную ответственность личности за сделанный выбор. Именно разработка Лукачем проблематики свободы выбора предвосхищала построение им собственной системы этических категорий (этот замысел венгерского философа так и остался нереализованным). Этический аспект онтологии Лукача включил в себя и проблематику отчуждения. Поскольку объективная социальная действительность не создает необходимых механизмов для преодоления отчуждения, такое преодоление возможно лишь на уровне индивида, оно связано с этическими мотивами выбора конкретной личностью путей достижения поставленной цели. Наряду с этическим онтология Лукача имела и политологический аспект: проблему создания необходимых условий для развертывания полноценной человеческой деятельности он тесно увязывал с проблемой демократии.

Онтологическая концепция Лукача в 1970-е – начале 1980-х годов вызывала критику ортодоксальной советской философии. Венгерского философа упрекали, в частности, в якобы гипертрофированном подчеркивании роли целеполагающего сознания в формировании общественного бытия, что, по мнению его оппонентов, оттесняет на задний план объективно-материальную основу трудовой деятельности, абсолютизирует активность личности⁹⁹. Не принималось и лукачевское понимание альтернативности, которое, согласно трактовке оппонентов, представляло движущей силой исторического развития субъективный фактор, а именно решения людей по поводу стоящих перед ними на каждом шагу альтернатив. Вызывала решительное несогласие и попытка позднего Лукача (надо сказать, довольно робкая), сохраняя определенную преемственность кругу идей «Истории и классового сознания», обозначить произошедший в русле марксистской традиции раскол на две онтологические линии – философию отражения и философию

практики. Трактовка Лукачем в «Онтологии» (также как и «Эстетике») проблемы отчуждения и роли в этой связи передового искусства как важнейшей дефетишизирующей силы также давала основания для отпора: венгерскому философу вменялся в вину якобы слишком широкий подход к проблеме социального фетиша, оттенок которого (как приписывали Лукачу некоторые его советские оппоненты) приобретает едва ли не всякая социальная необходимость. Заслугу Лукача советская философия предперестроечного времени готова была признать в предпринятых им усилиях связать общество с природой через посредство категории «труд», раскрыть онтологическую структуру трудовой деятельности, наметить на основе онтологии материи онтологическую проблематику практики и экономических ценностей¹⁰⁰.

Западная немарксистская мысль отреагировала на «Онтологию» в целом критически. Неудовлетворенность концепцией Лукача не скрывали и довольно далеко ушедшие с конца 1960-х годов от марксизма ученики философа А. Хеллер, Д. Маркуш и др., составившие все более влиятельную начиная с 1970-х годов так называемую «будапештскую школу» современной философии¹⁰¹. Лукача упрекали в неспособности выйти из замкнутого круга идей вульгаризированной в рамках социал-демократического, а затем коммунистического движения марксистской историософии, гипертрофирующей роль категорий «труд», «общественная практика», «материальное производство» и т. д. В сравнении с «Историей и классовым сознанием» «Онтология» по своему философскому потенциалу, глубине проработки поставленных проблем расценивалась как безусловный шаг назад даже в русле широко понимаемой марксистской традиции.

* * *

Умер Лукач 4 июня 1971 г. На его смерть венгерская пресса откликнулась серией некрологов¹⁰². В них отмечались верность усопшего коммунистической идее, приверженность реализму в эстетике, заслуги перед венгерским рабочим движением, в том числе и плодотворная деятельность в качестве одного из руководителей культурной политики в период Венгерской советской республики. Неизменно подчеркивался вклад покойного мыслителя в критику новейшей буржуазной философии, эстетики, литературоведения. Более осторожно — с оглядкой на Москву — говорилось об обогащении Лукачем марксист-

ской философской, эстетической мысли. Заслуги Лукача признавались и в довольно уважительном некрологе, опубликованном в советском журнале «Вопросы философии»¹⁰³. Впрочем, в СССР работы Лукача и дальше продолжали замалчиваться вплоть до середины 1980-х годов. Иной была ситуация в кадаровской Венгрии. Невзирая на довольно неприязненное отношение официальной Москвы к Д. Лукачу венгерское руководство активизировало публикацию его работ, пытаясь сделать наследие одного из крупнейших марксистов XX в. интегральной частью идеологии венгерской модели социализма. В 1972 г. журнал «Нью Хангэриэн Квартерли», своего рода витрина венгерской экономической и духовной жизни, призванная формировать о ней позитивное общественное мнение на Западе, опубликовал специальный лукачевский выпуск¹⁰⁴. 90-летие со дня рождения философа было отмечено конференцией Венгерской Академии наук¹⁰⁵. Ей предшествовал выход первой в Венгрии серьезной обобщающей монографии «Мир идей Дьердя Лукача»¹⁰⁶. Ее автор, ученик Лукача и один из идеологов кадаризма, академик И. Херманн в своих многочисленных работах пытался, соблюдая правила игры и отдавая, следовательно, дань апологетике режима, философски обосновать эволюцию реального социализма в направлении большей свободы личности. Основой для его построений служили среди прочего тексты позднего Лукача.

Довольно противоречивым оставалось отношение к Лукачу в ГДР. Смена жесткого режима В. Ульбрихта относительно более толерантным (по крайней мере в первой половине 1970-х годов) правлением Э. Хонеккера сопровождалась изменением господствующей концепции культурного наследия. Официально признанной становится точка зрения о том, что «освоение литературного наследия не является некоей постоянной величиной, но изменяется в соответствии с конкретными общественными условиями»¹⁰⁷. После дискуссий начала 70-х годов немецкий романтизм (прежде всего произведения Гофмана и Клейста) утверждается в качестве неотъемлемой части национальной культурной традиции. Эволюционировало и отношение к творчеству Гете, Шиллера, Лессинга, которое «перестало трактоваться в нормативном и назидательном смысле и стало осваиваться более творчески и критически»¹⁰⁸. Интерпретация литературных течений XX в., к которым ранее безразборно прикреплялся ярлык «модернизма», также становится более дифференцированным¹⁰⁹.

Понятно, что рационалистический пуританизм и ригоризм Лукача был не очень-то созвучен новым веяниям в культурной политике ГДР, где, как и в СССР, в 1970-е годы в рамках официальной парадигмы посте-

пенно происходил поворот к более широкому и свободному от идеологических предубеждений взгляду на культуру новейшего времени (тем более, что обратной стороной медали в этом процессе явилось то, против чего всегда решительно выступал Лукач, никогда не отождествлявший политическую терпимость с идейным компромиссом – размытость критериев реализма как метода отношения искусства к действительности, эклектика и произвол в интерпретации современного художественного процесса во всем его идейно-стилевом многообразии). С другой стороны, некоторые политические идеи позднего Лукача, в частности, о развитии форм непосредственной демократии в условиях реального социализма, давали восточногерманским идеологам основания по-прежнему обвинять его именно в правом ревизионизме. Все-таки примерно к 1975 г. фактический запрет на пропаганду наследия Лукача в ГДР снимается, выходят первые после долгого перерыва работы с более объективной оценкой его творческого пути¹¹⁰. Запоздалая «оттепель» в ГДР была совсем недолгой, сменившись в 1976 г. новым похолоданием, однако на отношении к Лукачу это почти не отразилось¹¹¹.

При всех довольно заметных различиях в отношении к Д. Лукачу в Венгрии, ГДР, СССР, Югославии или Польше существовал и общий момент. Политические, философские, эстетические, литературоведческие идеи одного из крупнейших марксистов новейшего времени принимались в той мере, в какой они не противоречили системам взглядов, определявшим собой специфику венгерской (кадаровской), советской (в эпоху Брежнева), восточногерманской, югославской или польской моделей социализма. Наследие мыслителя, таким образом, подвергалось большим или меньшим изъятиям, исследователи его жизненного пути также были вынуждены считаться с существовавшими табу (даже в более либеральной кадаровской Венгрии и речи, например, не могло быть об объективной оценке роли Лукача в событиях 1956 г.). Крах реального социализма во второй половине 1980-х годов, создав условия для плюрализма, снял какие бы то ни было политико-идеологические барьеры, стоявшие на пути изучения наследия Лукача во всей его полноте. Определение той ниши, которую занял этот неординарный философ в истории европейской мысли XX в., все более становится уделом исследователей, далеких от текущей политики. Было бы, однако, наверное, преждевременным говорить о том, что творчество Лукача представляет сегодня исключительно историко-философский и историко-литературный интерес. Судьба его учения в будущем неотделима от дальнейших судеб марксизма, пережившего глубокий кризис в последние десятилетия XX в. Наступает ли конец истории с повсеместным утверж-

дением либеральной системы ценностей, как считает японо-американский политолог Ф. Фукуяма, или же задача разрешения антиномий нового мирового порядка вновь поставит вопрос о социалистической альтернативе, покажет XXI век.

•

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На протяжении всех семи десятилетий своей творческой деятельности Дьердь Лукач никогда не уклонялся от ответа на вызовы времени. Свою миссию философа, интеллектуала он видел как раз в постоянном стремлении к разрешению сложных дилемм, неизбежно возникающих в процессе исторического развития на каждом новом его витке¹. Он не боялся делать выбор и с исключительной последовательностью доводил его до логического завершения: став марксистом на определенном этапе своей духовной эволюции, он изменяет своему привычному амплу кабинетного мыслителя, превращается во фронтового политкомиссара, способного отдать приказ о расстреле дезертиров, а затем и в профессионального революционера-подпольщика, преследуемого полицией.

Роль субъективного фактора в человеческой деятельности, ответственность субъекта за свои поступки, проблема выбора, альтернативности исторического процесса — эти темы проходят лейтмотивом через все философское, эстетическое, этическое, литературно-критическое, политико-публицистическое наследие Дьердя Лукача. Его своеобразный марксизм формировался в непримиримой духовной оппозиции детерминистским, фаталистическим, бернштейнианско-каутскианским интерпретациям учения Маркса. В противовес этим трактовкам марксизма Лукача, отраженный в книге «История и классовое сознание», стал философией действия, выбора, активного разума, практики, субъекта, это свое качество он до известной степени сохранил и при последующей эволюции к итоговому, более ортодоксальным, фундаментальным трудам 1950–1960-х годов.

Творческая судьба Дьердя Лукача, который в ответ на вызов времени избрал в 1918–1919 гг. леворадикальную идейно-политическую альтернативу, при всей своей уникальности и неповторимости отразила духовный путь не столь уж малочисленной части европейской интеллигенции, пришедшей к марксизму в результате жизненного опыта, приобретенного в эпоху войн и мировых революций, когда вся интеллектуальная элита Европы от О. Шпенглера на правом фланге до К. Корша или А. Грамши на левом осознавала кризисное состояние современной цивилизации, необходимость поиска выхода из ее тупиков.

По справедливому замечанию ближайшего единомышленника Д. Лукача Михаила Лифшица, «первоначальным историческим зарядом, первичным переживанием» духовного творчества Лукача явилась его оппозиция сытой, «ожиревшей», погрязшей в грехе Европе, «пере-

живавшей в начале века свою *belle époque*»². Бунт молодого Лукача против господствующего жизненного уклада (хорошо знакомого ему, сыну крупного буржуа) не выходил поначалу за сферу эстетики, имел некоторый романтический налет. Конец «прекрасной эпохи» положила невиданная до тех пор в мировой истории кровавая бойня 1914–1918 гг. На эти годы и пришлось обращение Лукача в новую веру.

Как заметил тот же М.Лифшиц, последовательная коммунистическая убежденность зрелого Лукача имела оттенок некоторого самоотречения. Оно проявилось и в эволюции его стиля – от утонченного, изысканного эссеизма начала 1910-х к аскетизму сухих абстракций «Истории и классового сознания», а затем и к не менее аскетическому, строго социально-историческому подходу к мировой литературной и философской классике в трудах 1930-х годов. «Самоотречение тонкой, благородной, образованной натуры, которая последовательно и даже с упоением отвергает собственную тонкость» во имя каких-то высших моральных ценностей, было, по Лифшицу, сродни толстовскому. «Я помню, с каким двойственным чувством рассказывал мне Лукач о своей гейдельбергской резиденции, полной драгоценных книг... Весь этот изысканный, совершенный, духовно тонкий быт он не задумываясь оставил, все отдал коммунистической партии, став простым солдатом революции»³. Произошло это в силу острой неудовлетворенности Лукача духовным, моральным, политическим, культурно-цивилизационным горизонтом своего времени, заставлявшей его искать пути прорыва к новым горизонтам. С каким-то наслаждением и даже мазохизмом он рассчитывался с собственным прошлым, порывал со своей средой, сжигал за собой все мосты, хотя в отличие от большинства его новых единоверцев ему было чем жертвовать и было что терять. Перспективе возвращения в прежнюю накатанную жизненную колею, к «буржуазному» быту, пресытившему его еще в молодости, он по чисто внутренним моральным мотивам предпочел любые испытания по другую сторону «исторического порога», хотя выбор иного пути был для него, ученика Георга Зиммеля и Макса Вебера, как ни для кого легок⁴.

Конечно, духовное «самоотречение» Лукача, о котором пишет М.Лифшиц, было весьма относительным и специфическим. Лукач был в числе тех, кто, прийдя в коммунистическое движение, сохранил высокую культуру мысли. Более того, он явился одним из интеллектуалов, благодаря кому марксистская традиция органично вписалась в контекст философских исканий XX в. Двигаясь в русле марксистской парадигмы, Лукач неизменно стремился прорваться к общечеловеческому содержанию, выявить те скрытые в учении Маркса потенции, которые направ-

лены на освобождение человеческой сущности из-под гнета экономической необходимости. Именно в соответствии с этими потенциями Лукач стремился развивать и свою эстетику.

В нашем московском общении, вспоминает М. Лифшиц, Лукач «с радостью открыл, что его принадлежность к наиболее тонкой артистически развитой европейской культуре не является помехой, чем-то лишним для исторического движения, к которому он примкнул»⁵. Теперь он как бы снова отрекался — но уже от прежнего своего самоотречения. Общение Лукача со своими собратьями по московскому окружению, которые, напротив, шли от массового движения эпохи к более высокому уровню духовности⁶, оказало огромное влияние на их интеллектуальное развитие, о чем с благодарностью вспоминают те, кто лично знал венгерского философа, прожившего более 10 лет в СССР⁷. Опосредованно Лукач воздействовал и на более широкий круг интеллигенции⁸. Журнал «Литературный критик», чья роль в отстаивании классического наследия в условиях натиска рабоче-крестьянской культуры и вульгарной социологии, была весьма велика, сформировал в советском обществе своеобразную интеллектуальную нишу, продолжавшую существовать десятилетия спустя. Духовное становление либералов-шестидесятников, сегодня в большинстве своем далеко ушедших от марксизма, немыслимо без журнала «Новый мир» А. Твардовского, чья преемственность с эстетическими и моральными традициями довоенного «Литературного критика» хорошо осознавалась и творцами журнала, и его недругами.

Сам Лукач, по свидетельству Лифшица и согласно собственным позднейшим отзывам, в 30-е годы ощущал свою принадлежность к московскому духовному «оазису» в большей мере, чем к какому-либо другому возможному месту применения своих творческих сил⁹.

Несомненно, что теория «большого реализма» Лукача-Лифшица, в целостном виде сформировавшаяся в 30-е годы в СССР, несла на себе отпечаток не только времени, но и места своего создания. Безусловно, Д. Лукач целиком и полностью разделял точку зрения не только всех коммунистов, но и значительной части европейской интеллигенции о глубочайшем кризисе капитализма. Свидетельствами кризиса были «великая депрессия» 1929–1933 гг. и в особенности наступление фашизма. Пути выхода из сложившегося положения Лукач однозначно связывал с социалистической перспективой. Став убежденным проводником идеи антифашистского Народного фронта, Лукач видел в нем прежде всего шаг на пути к созданию бесклассового общества в соответствии с учением Маркса.

Окончательно сделанный в пользу коммунистической идеологии выбор нередко ставил его перед непростой моральной дилеммой. В 30-е годы Лукач хорошо понимал, что опасность наступления гитлеровской Германии служит легитимизацией бесчеловечной политики сталинского режима. В этих условиях ему зачастую приходилось закрывать глаза на явные нарушения моральных норм вплоть до чудовищных сталинских беззаконий. Однако верность сделанному выбору он сохранял и в это время. Неизбежное раздвоение личности, внутренние противоречия, стремление сохранить в жерновах истории идею гуманного социализма вопреки любому давлению справа и слева, вынести и спасти ее для потомков — все это придавало особый драматизм духовной эволюции марксиста Лукача в 1930–1950-е годы. Еще более драматический и даже трагический оттенок привносило в его работы то обстоятельство, что на беду Лукача-человека и Лукача-теоретика его теория в противоборстве с модернизмом, авангардом, «буржуазной культурой» иной раз оказывалась созвучна и параллельна набиравшему силу официозу, сталинско-ждановской, а позднее брежневско-сусловской культурно-политической практике, хотя и была несравненно глубже¹⁰. Что же касается развития идей самого Лукача, то его отношение ко многим сложным, неоднозначным явлениям литературы и культуры XX в. со временем, как отмечалось, становилось более дифференцированным.

Примером верности однажды сделанному выбору, духовного стоицизма Лукача стали и его труды, созданные в послесталинскую эпоху, когда философ, сознательно избрав позицию критики реального социализма изнутри, прилагал огромные усилия для того, чтобы реанимировать идею Маркса, вдохнуть в нее свежие силы. В последние годы жизни Лукача, особенно после августа 1968 г., эта позиция уже все менее находила понимание европейской интеллектуальной элиты. Даже давний друг Д. Лукача Эрнст Блох в 60-е годы как-то сравнил его с деревом, переставшим плодоносить (при том, что каждый год все новые и новые работы Лукача приходили в то время к западному читателю). Зная, что леваческое бунтарство чревато тоской по жестким догмам, престарелый венгерский философ отмежевался от своих «духовных детей», устраивавших в мае 1968 г. потасовки на парижских улицах под знаменем идей, близких Лукачу в начале 1920-х годов. Но по иронии судьбы ни одна из его поздних работ не имела такого влияния на умы современников и потомков, как отвергнутая автором «История и классовое сознание», без которой невозможно себе представить ни Франкфуртской школы, ни интеллектуального движения «новых левых». И в этом тоже заключался своего рода трагический итог жизненного пути выдающегося философа.

Объективное место Лукача в венгерской культуре XX в. не удается оспорить и наиболее решительным из его ниспровергателей. «Марксизм в Венгрии никогда не принадлежал к кругу привлекательных идей и никогда бы не получил доминирующей роли, если бы его не навязывали силой», — заявлял в 1990 г. один из них, первый посткоммунистический премьер-министр Венгрии Йожеф Анталл¹¹. Но когда через несколько лет прошла научная конференция, цель которой заключалась в том, чтобы найти альтернативные лукачевской европейски значимые традиции в истории венгерской философии, вывод, к которому пришли участники, представители разных течений, говорит сам за себя: наиболее значительное явление немарксистской мысли в Венгрии — это ранний, домарксистский Лукач¹².

Бог истории, ее объективный разум, которому Лукач поклонялся на протяжении многих десятилетий и логику которого стремился выявить, разгадать силой своего незаурядного интеллекта, неоднократно насмеялся над философом. Так произошло, например, в 1930-е годы, когда развитие Германии не оправдало лукачевских ожиданий торжества разума над фашистским варварством. Точно также и в 1960-е годы поиски Лукачем демократической альтернативы сталинизму, казарменному социализму в рамках марксистской идеологии оказались безуспешными. Некоторые высказывания Лукача конца 1960-х годов, сделанные им не для широкой публики, дают основание предположить, что он вплотную подошел к мысли о неререформируемости социализма советского образца, о неудаче эксперимента, начатого в 1917 г. Но верность коммунистической идее и учению Маркса он продолжал сохранять до конца, отказ от них был бы для Лукача равносильен признанию бессмысленности всей гигантской работы духа, проделанной им в течение семи десятилетий творческого пути.

Думается, что духовный опыт ушедшего столетия останется неполным без учета философских исканий в русле марксистской традиции, наиболее значительным представителем которой в середине и второй половине XX в. был, наряду с менее ортодоксальными мыслителями Франкфуртской школы, венгерский философ, эстетик, литературный критик Дьердь Лукач.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

- ¹ *Mann Th.* Die Forderung des Tages. Berlin, 1930. S. 114. ·
- ² История творческих взаимоотношений Д. Лукача и Т. Манна – предмет самостоятельного исследования. См.: *Marcus J. Georg Lukács and Thomas Mann. A Study in the Sociology of Literature.* Amherst, 1987; *Novák Z.* Thomas Mann és a fiatal Lukács. A Leo-Naphta-rejtély megoldásához. Budapest (далее – Вр.), 1988.
- ³ Путь. Париж, 1935. № 48. С. 10. Цит. по: *Ландор М.* Собеседник на всю жизнь // Вопросы литературы. 1998. № 2. С. 196.
- ⁴ См. предисловие С. Зенкина к публикации работы Д. Лукача «Теория романа»: Новое литературное обозрение. М., 1994. № 9. С. 17.
- ⁵ *Lapointe F.H.* Georg Lukács and His Critics. An International Bibliography with Annotations (1910–1982). London, 1983.
- ⁶ Der junge Lukács im Spiegel der Kritik. Вр., 1988.
- ⁷ См. материалы дискуссии: Литературный критик. 1935. № 2; более подробно: Архив РАН. Ф. 355. Оп. 5. Д. 32–34. Статью «Роман как буржуазная эпопея» см.: Литературная энциклопедия. М., 1935. Т. 9. С. 795–832.
- ⁸ *Фейтö Ф. (Фейтö Ф.).* Венгерская трагедия, или антисоветская социалистическая революция. М., 1957 (для закрытого пользования). С. 101 (цитата дана в моей редакции. – А. С.).
- ⁹ См. следующие англоязычные издания работ Д. Лукача в 1960-е – первой половине 1970-х годов: *The historical novel.* London, 1962; *Goethe and his age.* London, 1963; *The meaning of contemporary realism.* London, 1963; *Realism in our time. Literature and the class struggle.* New York–Evanston, 1964; *Studies in European realism.* New York, 1964; *Essays on Thomas Mann.* New York, 1965; *Solzhenitsyn.* London, 1970; *The theory of novel.* London, 1971; *Tactics and ethics. Political essays. 1919–1929.* New York etc., 1972; *Political writings. 1919–1929.* London, 1972; *Writer and critic and other essays.* New York, 1974. Приоритет в издании работ Лукача на немецком языке (т. е., как правило, на языке оригинала) принадлежал издательствам «Лухтерханд» (Нойвид–Западный Берлин) и «Ровольт» (Гамбург). Первое из них в 1960-е годы предприняло выпуск 12-томного собрания сочинений философа. Множество изданий работы Лукача выдержали в 1960-е годы на итальянском языке, в издательствах, близких компартии (См. библиографию: *Lapointe F.H.* *Georg Lukács and His Critics.*).

- ¹⁰ См. наиболее значительные англоязычные работы о Лукаче, включая сборники статей: *Arato A., Breines P.* The young Lukács and the origins of Western Marxism. New York, 1979; *Bahr E.* Georg Lukács. New York, 1972; *Bernstein J. M.* The philosophy of novel. Lukács, marxism and the dialectics of form. Minneapolis, 1984; *Congdon L.* The young Lukács. Chapel Hill and London, 1983; *Demecs D. D.* A critical analysis of Georg Lukács' social philosophy of art. Ann Arbor (Mich.), 1976; *Feenberg A.* Lukács, Marx and the sources of critical theory. Oxford, 1981; Georg Lukács and his world: a reassessment. New York etc., 1987; Georg Lukács: the man, his works and his ideas. London, 1970; *Gluck M.* Georg Lukács and His Generation. 1900–1918. Cambridge (Mass.) and London, 1985; *Holzman M.* Lukács's road to God: the early criticism against its pre-marxist background. Washington, 1985; *Joos E.* Lukács's last autocriticism: the Ontologie. New York, 1983; *Kadarkay A.* Georg Lukács. Life, Thought and Politics. Cambridge (Mass.), 1991; *Kettler D.* Culture and Revolution: Lukács in the Hungarian Revolution of 1918/19 // Telos. № 10. 1971; *Kilminster R.* Praxis and method: a sociological dialogue with Lukács, Gramsci and the early Frankfurt School. London, 1979; *Királyfalvi B.* The aesthetics of Georg Lukács. Princeton–London, 1975; *Lichtheim G.* Lukács. London, 1970; *Löwy M.* Georg Lukács. From romanticism to bolshevism. London, 1979; Lukács Reappraised / Ed. by A. Heller. New York, 1983; Lukács revalued. Oxford, 1983; Lukács today. Essays in marxist philosophy. Reidel, 1988; *Lunn Eu.* Marxism and modernism. A historical study of Lukács, Brecht, Benjamin and Adorno. Berkeley–Los Angeles, 1984; *Maciness N.* The Western marxists. London, 1972; *Meszaros I.* Lukács's concept of dialectic. London, 1972; *Pike D.* Lukács and Brecht. Chapel Hill and London, 1983; *Tar Z.* Lukács and Weber. Utopia versus Realpolitik. Bochum, 1986; *Zitta V.* Georg Lukács's Marxism. Alienation, Dialectics, Revolution. A Study in Utopia and Ideology. The Hague, 1964. На русском языке см.: *Андерсон П.* Размышления о западном марксизме. М., 1991.
- ¹¹ Georg Lukács zum 70. Geburtstag. Berlin, 1955.
- ¹² См.: Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 5. Оп. 49. Д. 128. Л. 65–66 (запись беседы сотрудников посольства СССР Ю. Чернякова и В. Крючкова с зав. агитпропом ЦК ВСРП И. Сирмаи 5 мая 1959 г.).
- ¹³ Népszabadság. 1968. 27 IV.
- ¹⁴ *Urbán K.* Lukács és az MSzMP 1967/1968-ban // Magyar Nemzet. 1990. 2 IV.
- ¹⁵ Magázodva a marxizmussal. Hauser contra Lukács // 168 óra. 1993. № 29, 20–21 old.
- ¹⁶ См. очень интересный в этом смысле документ – письмо А. Дымшица в ЦК КПСС 14 октября 1968 г. в ответ на запрос об отношении к творчеству

- Д. Лукача (Российский государственный архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ). Ф. 2843. Оп. 1. Д. 652. Л. 69–80).
- ¹⁷ Там же. Л. 76.
- ¹⁸ *Лакиши В.* Воспоминания о Дьерде Лукаче // Иностранная литература. 1988. № 7.
- ¹⁹ См., например: *Гулыга А.* В мире антиэстетики // Литературная учеба. 1987. № 5.
- ²⁰ *Лукач Д.* Своеобразие эстетического. М., 1985–1987. Т. 1–4.; *Лукач Д.* Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества. М., 1987; *Лукач Д.* К онтологии общественного бытия. Прологомены. М., 1991. Среди других публикаций философа на русском языке, относящихся к 1970–1990-м годам, см.: *Георг Бюхнер – истинный и фальсифицированный на фашистский лад // Антифашизм – наш стиль.* М., 1971; *Ответственность пишущих (заметки о книге Дюлы Ййеша «Венгры») // Там же; Великий Октябрь 1917-го и современная литература // Иностранная литература.* 1988. № 6; *Ади, великий лирик венгерской трагедии // Писатели Венгрии. Очерки. Статьи. Эссе.* М., 1989; *Из эпистолярного наследия Д. Лукача // Философские науки.* 1989. № 6; *Ленин. Исследовательский очерк о взаимосвязи его идей.* М., 1990 (публиковалось также в журнале «Коммунист». 1987. № 6,7); *Демократическая альтернатива сталинизму // Коммунист.* 1990. № 14; *Что такое новизна в искусстве? // Вопросы литературы.* 1991. № 4; *Социалистический реализм сегодня // Там же; Философско-историческая обусловленность и значение романа // Вопросы философии.* 1993. № 4; *Теория романа // Новое литературное обозрение.* М., 1994. Вып. 9.
- ²¹ См. обзор новейшей венгерской литературы о Д. Лукаче: *Agárdi P. Lukács György tradíció és modernitás «keresztútjében» // Múltunk.* Бр., 1996. № 2.
- ²² Среди англоязычных работ: *Joos E. Lukács's last autocriticism: the Ontologie.* New York, 1983; *Királyfalvi B. The aesthetics of Georg Lukács.* Princeton–London, 1975; *Meszáros I. Lukács's concept of dialectic.* London, 1972; *Poszler Gy. The epic genres in the aesthetics of the young Lukács.* Бр., 1983.
- ²³ См., например: *Congdon L.* Op. cit.; *Gluck M.* Op. cit.; *Kadarkay A.* Op. cit.; *Fekete É., Karádi É. György Lukács. His life in pictures and documents.* Бр., 1981; *Sziklai L. After the proletarian revolution. György Lukács's marxist development. 1930–1945.* Бр., 1992. Среди наиболее значительных работ на венгерском языке: *Hermán I. Lukács György élete.* Бр., 1985; *Urbán K. Lukács György és a magyar munkásmozgalom.* Бр., 1985; *Krausz T., Mesterházi M. Mű és történelem. Viták Lukács György műveiről a húszas években.* Бр., 1985; *Zoltai D. Egy frástudó visszatér. Lukács György*

- 1945 utáni munkásságáról. Вр., 1985; *Mesterházi M.* A messianizmus történetfilozófusa – Lukács György munkássága a húszas években. Вр., 1987; *Bendl J.* Lukács György élete a századfordulótól 1918-ig. Вр., 1994.
- ²⁴ О достижениях венгерских литературоведов в изучении наследия Д. Лукача дает представление двухтомник на английском языке: *Hungarian Studies on György Lukács.* Вр., 1993. Vol. I–II.
- ²⁵ См. вступительные статьи либо послесловия к изданиям работ Д. Лукача: *Своеобразие эстетического.* Т. 4 (автор К.М. Долгов); *Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества* (автор М.А. Хевеши); *К онтологии общественного бытия. Прологомены* (авторы И.С. Нарский и М.А. Хевеши); *Ленин. Исследовательский очерк о взаимосвязи его идей* (автор С.Н. Земляной). См. также: *Бессонов Б.Н., Нарский И.С.* Дьердь Лукач. М., 1989; *Гайда А.В., Кутаев В.В.* Большевизм и «левый марксизм»: конфронтация или диалог? // *Марксизм и Россия.* М., 1990; *Долгов К.М.* Эстетика Дьердя Лукача. М., 1988; *Дмитриев А.Н.* Д. Лукач и леворадикальная идеология в Веймарской Германии (Франкфуртская школа). Рукопись дисс. на соискание... канд. ист. наук, защищенной в 1998 г. в С.-Петербургском ун-те; *Ойзерман Т.И.* Д. Лукач как исследователь философии Гегеля // *Вопросы философии.* 1985. № 11; *Он же.* Д. Лукач как критик буржуазной философии // *Вестник АН СССР.* 1985. № 11; *Орлов Б.В.* Субъект. Объект. Эстетика. Версии Бахтина, Гадамера, Лукача. Екатеринбург, 1992; *Поцелуев С.П.* Проблема «отчуждения» в философии молодого Д. Лукача. Рукопись дисс. на соискание... канд. филос. наук, защищенной в 1992 г. в Ин-те философии РАН; *Он же.* Дефетишизирующая миссия искусства в эстетике Д. Лукача // *Ценности культуры и современная эпоха.* М., 1990; *Он же.* Становление гегелевской концепции отчуждения и его трактовка у Д. Лукача и Ю. Хабермаса // *Историко-философский ежегодник.* 1993. М., 1994; *Он же.* «История и классовое сознание» Д. Лукача: теория «овеществления» и романтический антикапитализм // *Вопросы философии.* 1993. № 4; *Поцелуев С.П., Хевеши М.А.* Мессианско-утопическое восприятие Октябрьской революции у Д. Лукача // *От абсолюта свободы к романтике равенства (из истории политической философии).* М., 1994; *Хевеши М.А.* Из истории критики философских догм II Интернационала. М., 1977; *Она же.* Критика нечистого разума. Д. Лукач об идейных корнях фашизма // *Свободная мысль.* 1994. № 12–18; *Она же.* Дьердь Лукач и его критика сталинизма // *Социально-политические науки.* 1991. № 11.
- ²⁶ См., например, предисловие В. Середы к публикации двух работ Д. Лукача в журнале «Вопросы литературы» (1991. № 4), предисловие

- С. Зенкина к работе Д. Лукача «Теория романа» (Новое литературное обозрение. № 9. 1994). См. также наши работы о Д. Лукаче: *Стыкалин А.С.* Теория «высокого реализма» Д. Лукача в марксистской эстетической мысли 1930–1940-х годов // Знакомый незнакомец. Социалистический реализм как историко-культурная проблема. М., 1995. С. 39–63; *Он же.* Дьердь Лукач: ученый, мыслитель, политик // Свободная мысль. 1999. № 3. С. 91–106; *Он же.* Дёрдь Лукач (1885–1971). Биографический очерк // Беседы на Лубянке. Следственное дело Дёрдя Лукача. Материалы к биографии / Ред.-сост. и авторы коммент. В. Середа и А. Стыкалин при участии А. Дмитриева, Р. Мюллера, Я. Рокитянского. М., 1999. С. 179–244. (2-е изд., исправл. и доп. М., 2001. С. 166–227.)
- ²⁷ О встречах с Д. Лукачем (из воспоминаний Мих. Лифшица) // Философские науки. 1988. № 12; Из автобиографии идей. Беседы М.А. Лифшица / Обработка записей, введение и примечания А.А. Вишневого // Контекст. Литературно-теоретические исследования. 1987. М., 1988. См. также предисловие М. Ландора («Собеседник на всю жизнь») в: *Мотылева Т.* Вспоминая Лукача // Вопросы литературы. 1998. № 2. См. также другие публикации Т. Мотылевой о Д. Лукаче: В архиве Лукача // Там же. 1983. № 3; Литература, открытая миру // Там же. 1983. № 1; Два взгляда на Достоевского: М. Де Вогюз и Дьердь Лукач // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1988. Т. 8.
- ²⁸ См.: *Шарапов Ю.П.* Лицей в Сокольниках. Очерк истории ИФЛИ (1931–1941 гг.). М., 1995.
- ²⁹ *Мотылева Т.* Вспоминая Лукача. С. 208–209.
- ³⁰ Там же. С. 209.
- ³¹ *Фейто Ф. (Фейтё Ф.).* Указ. соч. С. 100.
- ³² Цит. по: *Бессонов Б.Н., Нарский И.С.* Указ. соч. С. 146.
- ³³ О том, что Лукач и в конце 1960-х годов упорно продолжал искать «третий путь» между государственно-бюрократическим социализмом и западной демократией, свидетельствует его работа «Настоящее и будущее демократизации» (1968), фрагмент из которой «Демократическая альтернатива сталинизму» см. на русском языке: *Коммунист.* 1990. № 14.
- ³⁴ Вопросы литературы. 1991. № 4. С. 89.

Глава 1

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 137. Д. 859. Л. 36. Из беседы посла СССР в Венг-

- рии Е. Киселева с генеральным секретарем Центрального Руководства (ЦР) Венгерской партии трудящихся (ВПТ) М. Ракоши. Донесение Е. Киселева министру иностранных дел СССР А.Я. Вышинскому от 25 июня 1952 г.
- ² *Lukács Gy. Megélt gondolkodás. Életrajz magnószalagon (Az interjúkat kész. Eörsi István és Vezér Erzsébet). Bp., 1989. 88–95 old.*
- ³ См. наиболее полное собрание небольших по объему ранних сочинений Лукача: *Lukács Gy. Ifjúkori művek / Szerk., jegyzeteket összeállította Tímár Á. Bp., 1977.*
- ⁴ *Lukács Gy. Megélt gondolkodás... 99 old.*
- ⁵ Előszó a «Magyar irodalom – Magyar kultúra» c. kötethez // *Lukács Gy. Curriculum vitae. Bp., 1982. 381 old.*
- ⁶ *Lukács Gy. Megélt gondolkodás... 101–103 old.*
- ⁷ *Katona F., Dénes T. A Thália története. 1904–1908. Bp., 1954; A Thália társaság (1904–1908). Levelek és dokumentumok. Válogatta, a jegyzeteket és az előszót írta Gábor Éva. Bp., 1988.*
- ⁸ Подробнее см.: *Bendl J. Lukács György élete a századfordulótól 1918-ig. Bp., 1994.*
- ⁹ См. рецензию М. Зусман в газете «Frankfurter Zeitung» (сентябрь 1912 г.): *Der junge Lukács im Spiegel der Kritik. Bp., 1988. S. 272–276.* Первое венгерское издание сборника «Душа и формы»: *Lukács Gy. A lélek és a formák. Kísérletek. Bp., 1910.* Первое немецкое издание: *Lukács G. Die Seele und die Formen. Essays. Berlin, 1911.*
- ¹⁰ Цит по: *Нипи Кр. Философская мысль в Австро-Венгрии. М., 1987. С. 131.*
- ¹¹ Цит. по: *Поцелуев С.П. Проблема «отчуждения» в философии молодого Д. Лукача. Рукопись дисс. на соискание... канд. филос. наук, защищенной в 1992 г. в Ин-те философии РАН. С. 92.*
- ¹² *Lukács Gy. Megélt gondolkodás... 114 old.* Публицистику Э. Ади см.: *Избранные произведения передовых венгерских мыслителей. Вторая половина XIX – начало XX в. М., 1984.* В тексте цитируется эссе «На полях неизвестного кодекса Корвина» (Там же. С. 170). Цитаты даны в авторской редакции.
- ¹³ См.: *Lukács Gy. Ifjúkori művek.*
- ¹⁴ Речь идет о статье «Пути разошлись»: *Az utak elváltak // Lukács Gy. Ifjúkori művek.* О взглядах молодого Лукача на проблемы развития изобразительных искусств см.: *Tímár Á. The young Lukács and the fine arts // Acta Historiae artium Academiae Scientiarum hungaricae. Bp., 1989. T. XXIV. F. 1–2.*

- ¹⁵ См.: Der junge Lukács im Spiegel der Kritik. Вр., 1988.
- ¹⁶ Lukács Gy. A modern dráma fejlődésének története, 1–2 kötet. Вр., 1911.
- ¹⁷ Lukács Gy. Curriculum vitae. 386 old.
- ¹⁸ Lukács Gy. A drámairás főbb irányai a múlt század utolsó negyedében. Lukács György hagyatékából / Sajtó alá rendezte Lendvai L. Ferenc. Вр., 1980; Lukács Gy. Ifjúkori művek...
- ¹⁹ Georg Lukács: Der Essayist // Goldmann L. Dialektische Untersuchungen. Neuwied–Berlin, 1966.
- ²⁰ См.: *Стыкалин А.С.* Теория «высокого реализма» Д. Лукача в марксистской эстетической мысли 1930–1940-х годов // Знакомый незнакомец. Социалистический реализм как историко-культурная проблема. М., 1995. С. 39–63.
- ²¹ Об отношениях Д. Лукача и И. Зайдлер см.: Lukács György és Seidler Irma // Heller Á. Portrévázlatok az etika történetéből. Вр., 1976. 385–422 old.
- ²² См.: Lukács Gy. Ifjúkori művek; A lelki szegénységről. Lukács György ifjúkori dialógusa // Heller Á. Portrévázlatok az etika történetéből. 423–432 old.
- ²³ Lukács Gy. Napló–Tagebuch (1910–1911). Das Gericht (1913) / Sajtó alá rendezte Lendvai L. F. Вр., 1981.
- ²⁴ Lukács G. Die Theorie des Romans. Ein geschichtsphilosophischer Versuch über die Formen der grossen Epik. Berlin, 1920. Первое, журнальное издание – 1916. На русском языке см.: Новое литературное обозрение. М., 1994. № 9.
- ²⁵ Цит. по: *Дмитриев А.Н.* Д. Лукач и леворадикальная идеология в Веймарской Германии (Франкфуртская школа). Рукопись дисс. на соискание... канд. ист. наук, защищенной в 1998 г. в С.-Петербургском ун-те.
- ²⁶ См.: Новое литературное обозрение. 1994. № 9. См. также другие заметки и фрагменты, относящиеся к неоконченной работе о Достоевском: Lukács G. Dostojewski – Notizen und Entwürfe. Aus dem Nachlass von Georg Lukács. Вр., 1985.
- ²⁷ Новое литературное обозрение. 1994. № 9. С. 14–18.
- ²⁸ См. предисловие С. Поцелуева к публикации фрагмента «Теории романа» Д. Лукача: Философско-историческая обусловленность и значение романа // Вопросы философии. 1993. № 4.
- ²⁹ Там же. С. 77.
- ³⁰ Новое литературное обозрение. 1994. № 9. С. 78.
- ³¹ Вопросы философии. 1993. № 4. С. 75.
- ³² Там же. С. 74.
- ³³ Новое литературное обозрение. 1994. № 9. С. 78.

³⁴ Там же.

³⁵ Среди работ, в которых поднимается эта проблема, на русском языке см.: Хевеши М.А. Молодой Лукач и его интерес к русской культуре // ДОХА. Philosophical Studies. Вр., 1985. № 4.

³⁶ Россиянов О.К. Творчество Эндре Ади (трагедия и романтика). М., 1967. С. 125.

³⁷ Избранные произведения передовых венгерских мыслителей. Вторая половина XIX – начало XX века / Отв. ред. и сост. М.А. Хевеши. М., 1984. С. 176.

³⁸ Автор выражает благодарность коллеге А.Н. Дмитриеву за сообщение результатов научных изысканий, пока не ставших предметом публикации.

³⁹ Lukács Gy. Magyar irodalom – magyar kultúra. Вр., 1970. 134 old.

⁴⁰ Подробнее см.: Хевеши М.А. Молодой Лукач...

⁴¹ Логос. М., 1912–1913. Кн. 1–2. С. 275–288.

Глава 2

¹ Причины воодушевления, охватившего немецких интеллектуалов с началом войны, Д. Лукач попытался осмыслить в статье «Немецкая интеллигенция и война», написанной в те годы для журнала «Archiv für Sozialwissenschaft», но опубликованной лишь в 1970-е годы: Text und Kritik. München, 1973. № 39–40; на венгерском языке: Valóság. 1974. № 11.

² Marianne Weber. Max Weber. A Biography. New York, 1975. P. 518–519.

³ См.: Fekete É. Lukács György az első világháború éveiben // Valóság. 1977. № 2. 33–44 old.

⁴ Lukács Gy. Megélt gondolkodás. Életrajz magnószalagon. (Az interjúkat kész. Eörsi István és Vezér Erzsébet). Вр., 1989. 127 old.

⁵ Цит. по: Поцелуев С.П. Проблема «отчуждения» в философии молодого Д. Лукача. С. 94.

⁶ Цит. по: Gluck M. George Lukács and his Generation. 1900–1918. Cambridge (Mass.) and London, 1985. P. 17.

⁷ Ibid. P. 15.

⁸ Előszó a «Regény Elmélete» c. kötetéhez // Lukács Gy. Curriculum vitae. Вр., 1982. 260 old.

⁹ Подробнее см.: Fekete É. Op. cit.; Novák Z. A Vasárnapi Társaság. Вр., 1979; A Vasárnapi Kör. Dokumentumok / Szerk. Karádi É. és Vezér E. Вр., 1980; Congdon L. The young Lukács. London, 1983.

¹⁰ История взаимоотношений Д. Лукача с М. Вебером, равно как и влияние на творчество Лукача знаменитых работ Вебера «Протестантская

этика и дух капитализма», «История хозяйства» и др., – предмет самостоятельного исследования. Среди имеющихся работ см.: *Beiersdörfer K.* Max Weber und Georg Lukacs: Über die Beziehung von Verstehender Soziologie u. Westlichem Marxismus. Frankfurt a. M., 1986. Здесь хотелось бы только заметить, что Макс Вебер, уделявший особое внимание изучению сложнейших взаимосвязей между хозяйственной, материальной жизнью общества, обусловленной разделением труда, социальной стратификацией, с одной стороны, и явлениями идеологическими (в частности, религиозным сознанием) – с другой, не мог не найти заинтересованного собеседника и читателя своих работ в Лукаче, еще до близкого знакомства и тесного общения с Вебером проявлявшего интерес к социальным аспектам возникновения и функционирования произведений культуры (достаточно напомнить о работе «История развития современной драмы»).

¹¹ Избранные произведения передовых венгерских мыслителей. Вторая половина XIX – начало XX века. М., 1984. С. 239, 241, 242.

¹² *Krúdy Gy.* Orosz hangok // Magyarország. 1919. 30. III.

¹³ Цит. по: *Дмитриев А. Н.* Д. Лукач и леворадикальная идеология в Веймарской Германии (Франкфуртская школа). Рукопись дисс. на соискание... канд. ист. наук, защищенной в 1998 г. в С.-Петербургском ун-те.

¹⁴ *Marxista fejlődésem: 1918–1930 // Lukács Gy.* Curriculum vitae. 289 old.

¹⁵ *Lukács G.* Gelebtes Denken // New Hungarian Quarterly. Вр., 1981. Vol. XXVIII. P. 76; *Lukács Gy.* Megélt gondolkodás...

¹⁶ *Marxista fejlődésem: 1918–1930; Útam Marxhoz // Lukács Gy.* Curriculum vitae. 99–103 old.; *Lukács Gy.* Megélt gondolkodás... Тексты статей Д. Лукача, относящихся к концу 1918–1919 гг., см. в сборнике: *Forgadalomban.* Вр., 1987. В целом удачную, на наш взгляд, попытку анализа духовной эволюции Д. Лукача под влиянием революции в России предпринял С.Н. Земляной: Книга Лукача в контексте старых и новых споров о ленинизме // Д. Лукач. Ленин. Исследовательский очерк о взаимосвязи его идей. М., 1990.

¹⁷ См.: *Lukács Gy.* Curriculum vitae; *Lukács Gy.* Megélt gondolkodás...

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 455. Оп. 199. Д. 181. Л. 47.

¹⁹ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 631. Оп. 12. Д. 177. Л. 6.

²⁰ См.: *Hauser A.* Találkozásaim Lukács Györggyel. Вр., 1978. 50 old.

²¹ *Beszélgetés Lesznai Annával. Kérdező: Vezér Erzsébet // Irodalmi Múzeum.* Emlékezések I. Вр., 1967. 4–15 old.

²² *Kassák L.* Az ember élete. Вр., е.н. 4 köt. 216 old.

- ²³ См. наиболее подробное собрание статей Лукача времен венгерской революции 1918–1919 г.: *Lukács Gy. Forradalomban*. Вр., 1987.
- ²⁴ См.: *Kettler D. Marxismus und Kultur: Lukács und Mannheim in den ungarischen Revolutionen 1918/1919*. Neuwied, 1967; *Kettler D. Culture and revolution: Lukacs in the Hungarian revolutions of 1918/1919* // *Telos*, 1971. № 10. См. также статью Б. Кепеци о деятельности Лукача в руководстве наркоматом просвещения Венгерской советской республики 1919 г.: *New Hungarian Quarterly*. Вр., 1975. Vol. XX. На русском языке о культурной политике и культурной жизни Венгерской советской республики см. среди прочего сборники статей советских и венгерских авторов: Великая Октябрьская социалистическая революция и венгерская литература. М., 1979; Великий Октябрь и Венгерская советская республика. М., 1983.
- ²⁵ *Lukács Gy. Felvilágosításul // Vörös Újság*. 1919. 19 IV.
- ²⁶ *Kosztolányi D. Mi tünik el? // Színházi élet*. 1919. 13 IV.
- ²⁷ *Lukács Gy. Megélt gondolkodás... 164–165 old.*
- ²⁸ Каройи, эмигрировавший к этому времени в Вену, писал в июле 1919 г.: «Только чисто социал-демократическое правительство сможет устоять перед все более напористым и решительным наступлением коммунистов, ибо коалиционное правительство (т. е. коалиция коммунистов и левых социал-демократов. – А. С.) стало нетерпимым для масс... Социал-демократическое правительство охотно поддержала бы и вся буржуазия» (Цит. по: *Чуканов М. Ю.* Первая мировая война и распад многонационального государства Венгрии. Рукопись дисс. на соискание... канд. ист. наук, защищенной в 1994 г. в Ин-те славяноведения и балканистики РАН. С. 184).

Глава 3

- ¹ Эту версию в общем не отрицал и сам Лукач, высказавший ее в беседах конца 1960-х годов с И. Эрши: См.: *Lukács Gy. Megélt gondolkodás. Életrajz magnószalagon. (Az interjúkat kész. Eörsi István és Vezér Erzsébet)*. Вр., 1989. 169–171 old.
- ² *Lukács György védelmében. Felhívás // Megváltó viharban. Az 1918–1919-es magyar forradalmak irodalmából*. Вр., 1979. 540–541 old.
- ³ *Ibid.* 542–543 old.
- ⁴ *Эренбург И.* Люди, годы, жизнь // *Эренбург И.* Собр. соч. М., 1966. Т. 8. С. 407.
- ⁵ По поводу статьи Д. Лукача «К вопросу о парламентаризме», опубликованной в 1920 г. в венском журнале «Коммунизм», В. Ленин

- писал: «Статья Г. Л. (Г. Лукача.– А. С.) очень левая и очень плохая. Марксизм в ней чисто словесный; различие «оборонительной» и «наступательной» тактики выдуманное; конкретного анализа точно определенных исторических ситуаций нет; самое существенное (необходимость завоевать и научиться завоевывать все области работы и учреждения, где проявляет свое влияние на массы буржуазия, и т. д.) не принято во внимание» (Ленин В.И. ПСС. Т. 41. С. 135–136).
- ⁶ Цит. по: *Дмитриев А.Н.* Д. Лукач и леворадикальная идеология в Веймарской Германии (Франкфуртская школа). Рукопись дисс. на соискание... канд. ист. наук, защищенной в 1998 г. в С.-Петербургском ун-те.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же. См. в этой работе глубокий анализ философского содержания и политического контекста «Истории и классового сознания».
- ⁹ Подробнее см.: *Поцелуев С.П.* «История и классовое сознание» Д. Лукача: теория «овеществления» и романтический антикапитализм // *Вопросы философии.* 1993. № 4.
- ¹⁰ См. там же.
- ¹¹ Там же. С. 61.
- ¹² Там же. С. 71.
- ¹³ См.: *Lukács Gy.* Curriculum vitae. Вр., 1982.
- ¹⁴ Новую ситуацию отразили решения V Конгресса Коминтерна (1924 г.). «Основное, что бросается в глаза при обозрении современной международной политической обстановки, это начало некоей демократическо-пацифистской полосы», – говорилось в проекте тезисов этого Конгресса. «На деле то, что происходит, отнюдь не является началом стабилизации капиталистического «порядка» на основе «демократии и мира». Напротив, привлечение социал-демократов к власти в некоторых странах «свидетельствует о неустойчивости буржуазного владычества и о том, что нынешние «нормальные» времена на самом деле таят в себе большие ненормальности для буржуазии и чреваты тяжелыми кризисами для нее». Фашизм и социал-демократия – это «правая и левая рука современного капитализма, надломленного первой империалистической войной и первыми боями трудящихся против капитализма». Прибегая к услугам социал-демократии, буржуазия стремится придать своему господству более или менее «народные» черты, создать видимость участия трудящихся в осуществлении власти. В то же время социал-демократические правительства (лейбористское правительство Р. Макдональда в Великобритании и др.) «могут являться шагом вперед в том смысле,

что они будут свидетельствовать о прогрессирующем распаде буржуазного строя, об отсутствии цельности в политике господствующих классов». При этом задача коммунистов заключается не в том, чтобы превозносить такие «рабочие» правительства, а в том, чтобы добиваться победы диктатуры пролетариата.

Как отмечалось в том же документе, «совершенно не исключено, что именно «демократическо-пацифистская» эра может ознаменоваться новыми трудностями для первого пролетарского государства. Нет никакого сомнения, что наиболее предательская часть «демократии» работает теперь над тем, чтобы создать в области международной политики единый фронт против СССР, дабы попытаться поставить победоносную пролетарскую революцию на колени». Отсюда извлекался следующий вывод: «чем затруднительнее и противоречивее становится положение международной буржуазии, тем более вероятной становится с ее стороны прямая военная авантюра против СССР. А соучастие социал-демократов в нынешних «демократических» правительствах только увеличивает опасность такой военной авантюры. Контрреволюционные вожди социал-демократии в их безграничной ненависти и злобе к советской власти решаются на военные авантюры скорее, чем некоторые откровенные буржуа». В этой обстановке на первый план выходит вопрос о степени организованности пролетарских рядов и их партий, способных выступить единым фронтом в защиту СССР. Необходимое условие его решения – беспощадная борьба с любыми – правыми и ультралевыми – уклонами в коммунистическом движении. «Важнейшей задачей современного периода деятельности Коминтерна, – резюмировали составители документа, – является большевизация секций Коминтерна» (РГАСПИ. Ф. 492. Оп. 1. Д. 12. Л. 55, 56, 58–59, 61–62, 63–64, 66, 80).

¹⁵ Lukács G. Chvostismus und Dialektik. Ausgabe der Zeitschrift Magyar Filozófiai Szemle (Herausgegeben von László Illés). Bp., 1996. См. также англоязычное издание: A Defence of History and Class Consciousness. Tailism and the Dialectic. London–New York, 2000. Критику А.М. Деборина см.: Деборин А. Г. Лукач и его критика Маркса. М., 1924. О ходе дискуссии вокруг книги «История и классовое сознание» см.: Хевеши М.А. Из истории критики философских догм II Интернационала. М., 1977.

¹⁶ Лукач Д. Ленин. Исследовательский очерк о взаимосвязи его идей. М., 1990.

¹⁷ См.: Земляной С. Книга Лукача в контексте старых и новых споров о ленинизме // Лукач Д. Ленин...

- ¹⁸ Возрождая в новых условиях марксизм, Ленин, согласно Лукачу, «осуществил не филологическое восстановление первоначального учения и не философскую систематизацию его подлинных принципов. Как и во всем остальном, он осуществил его дальнейшее развитие в область конкретного, его конкретизацию – в область актуально-практического» (Там же. С. 103).
- ¹⁹ Там же. С. 55.
- ²⁰ Там же. С. 125.
- ²¹ Как доказывает в своей содержательной работе С. Земляной, Лукач разглядел опасность догматизации ленинизма, начальную стадию того процесса, который привел к превращению «вульгарного ленинизма» в сталинизм (Там же. С. 33).
- ²² Подробно см.: *Lackó M. Politik, Kultur, Literatur. Beiträge zur publizischen Tätigkeit von Georg Lukács in der zweiten Hälfte der zwanziger Jahre // Etudes Historiques Hongroises 1980. II. Вр., 1980. S. 317–349.*
- ²³ Миклош Хорти (1868–1957) происходил из не очень знатного дворянского рода. Его биография в лучшие годы жизни мало чем отличалась от биографий множества офицеров, в юности присягнувших Габсбургам на долгую и верную службу. Человек отнюдь не лишенный способностей, но и не наделенный ими в выдающейся мере, Хорти не сумел сделать блистательной карьеры в годы, когда Австро-Венгрия, хотя и несколько утратила свое бывшее положение одной из великих европейских держав, но все еще занимала огромные территории – от Боснии до Силезии с юга на север, от Тироля до Буковины с запада на восток. Лишь в годы первой мировой войны он с удивительной быстротой сумел продвинуться по служебной лестнице, что помогло ему в 1920 г. получить регентские полномочия (Хорти оказался фигурой компромиссной, его кандидатура устраивала разные группировки в правом лагере Венгрии, равно как и Антанту). С точки зрения литературоведения примечателен, пожалуй, лишь один полулегендарный факт в биографии будущего регента, переплетающий его судьбу с судьбой одного из корифеев мировой литературы XX в. Согласно вполне правдоподобной легенде Хорти, в начале века служивший на Адриатике, вместе с несколькими другими австро-венгерскими морскими офицерами брал уроки английского языка у самого Джеймса Джойса, практиковавшего в Триесте в подобном качестве. Общение с Джойсом, впрочем, едва ли повлияло на литературные пристрастия будущего венгерского правителя – его вкусы в этой области оставались последовательно консервативными, как и вся система мировоззрения этого человека.

Добытые в результате долгих лет службы, отнюдь не доставшиеся даром адмиральские эполеты оставались для Хорти предметом гордости и впоследствии – он продолжал их носить и когда стал правителем Венгрии. В новых условиях, однако, водные просторы страны ограничивались озером Балатон. По иронии судьбы адмирал Хорти четверть века управлял государством, у которого не могло быть своего морского флота. Подробнее о жизненном пути М. Хорти см.: *Стькалин А.С. Адмирал Миклош Хорти. 1868–1957 // Пленники национальной идеи. Политические портреты лидеров Восточной Европы (первая треть XX в.). М., 1993. С. 33–56.*

²⁴ «В противовес интернационализму классовой борьбы мы выдвигаем национальную основу, смотрим на нацию как на единое целое. Национальная идея как осознание себя единой семьей... есть великий принцип сплочения, сила, способная оградить нас от разрушительных внешних воздействий, которые отрывают пролетарские слои от проявления таких наиболее естественных для человека чувств, как чувства отечества, родины, нации», – отмечал один из влиятельных идеологов хортизма епископ О. Прохазка (Prohászka O. *Összegyűjtött munkái. Bp., 1928–1929. XI köt. 287 old.*). Разгул белого террора после разгрома Венгерской советской республики (кстати, более сильный, нежели красный террор весны–лета 1919 г.) он пытался объяснить как естественную реакцию национального самосознания на веяния, подрывающие единство нации. «Это было проявление жизненных сил нации. Ему нельзя дать ослабнуть... Сила столь же необходима, сколь вера, мораль, право» (*Ibid.* XXII köt. 217 old.; XXV köt. 256 old.).

²⁵ Цит. по: *Krajkó A. Az ellenforradalmi rendszer irodalompolitikájának kialakulása. Szeged, 1969.*

²⁶ Цит. по: *Россиянов О.К. Творчество Эндре Ади (трагедия и романтика). М., 1967. С. 284–285.*

²⁷ *Лукач Д. Ади, великий лирик венгерской трагедии // Писатели Венгрии. Очерки. Статьи. Эссе. М., 1989. С. 76–97.*

²⁸ Идея превосходства венгров над своими славянскими и восточно-романскими соседями была неотъемлемым компонентом христианско-национальной идеологии во всех ее вариантах. При этом разные идеологи ставили разные акценты – иногда идея превосходства приобретала откровенно расистский оттенок, но чаще речь шла о том, что более длительная традиция своей государственности якобы дает венграм историческое право на доминирующее положение в дунайско-карпатском регионе. Одновременно утверждался тезис о культурном превосходстве венгров над славянскими народами (а также румынами) и в этой связи прокламировалась культуртрегерская миссия венгерской

нации на востоке Центральной Европы. Поскольку Венгрии не удалось сохранить за собой ведущую политическую роль в регионе, хортистские правительства пытались компенсировать крах своих политических амбиций утверждением культурной гегемонии Венгрии. Бессменный в 1920-е годы министр просвещения граф К. Клебельсберг не устал повторять, что развитие культуры – «это главное для нас поле боя», высокая культура – «единственное средство... способное искоренить опасный вирус революционной демагогии» и кроме того доказать всему миру несправедливость Трианона (*KleBELsberg K. Beszédei, cikkei és törvényjavaslatai. Bp., é.n. 638, 365 old.*).

В 1923 г. Клебельсберг выступил с крупномасштабной и вследствие экономических трудностей лишь частично осуществленной программой культурного строительства, которая была нацелена на создание мощной инфраструктуры в области элитарной культуры. В межвоенный период были созданы или заметно укреплены университеты в Дебрецене, Сегеде, Пече. Появился ряд новых больших музеев. Немалые средства выделялись на архитектуру и монументальное искусство. Предпринимая подобные шаги, консервативное правительство заботилось прежде всего о повышении своего международного престижа – неудивительно, что приоритет отдавался именно элитарной культуре, к которой миллионы венгров не имели реального доступа. Враждебное окружение стран так называемой «Малой Антанты» способствовало тому, что Венгрия в своей внешней политике ориентировалась на Италию Муссолини, а позже, в 30-е годы, на гитлеровскую Германию, также глубоко неудовлетворенную Версальской системой. Это сказывалось самым непосредственным образом и на культурных связях.

²⁹ Подробнее см.: *Стыкалин А. С.* Венгерская культура в середине XX в. (от Хорти и до Кадара). М., 1991. Гл. 1.

³⁰ *Sarló és Kalapács. 1931. № 9. 57 old.*

³¹ Об изучении Лукачем в годы эмиграции истории венгерской литературы см.: *Kenyeres Z.* Lukács's Hungarian studies before 1945 // *Hungarian studies on György Lukács. Bp., 1993. Vol. II.*

³² *Lukács Gy.* Magyarországnak választania kell a nemzeti és idegen érdekek között // *Hazatért szövegek. Magyar emigráns antifasiszták írásai 1919–1945. Bp., 1975.* Сходную аргументацию Лукачу приходилось развивать и в работах конца 1930-х годов на страницах журнала венгерской коммунистической эмиграции в СССР «Уй ханг». См.: *Lukács Gy.* Újra és újra: mi a magyar? // *Új Hang. 1940. № 7–8. 6–11 old.*

³³ *Lackó M.* Op. cit.

- ³⁴ *Lukács Gy. Balázs Béla és akiknek nem kell. Összegyűjtött tanulmányok.* Gyoma, 1918.
- ³⁵ Среди оппонентов Лукача был и известный поэт М. Бабич. Подробнее см.: *Congdon L. The young Lukács.* London, 1983.
- ³⁶ См.: Логос. М., 1912–1913. Кн. 1–2. С. 275–288.
- ³⁷ Лукач Г. Пути творчества Гергардта Гауптмана // Вестник иностранной литературы. 1928. № 4. С. 136–138.
- ³⁸ Разница в стиле и подходе к рассматриваемому произведению покажется тем большей, если статью 1928 г. сравнить с ранними публикациями Лукача о Гауптмане. Надо сказать, что Г. Гауптман, начиная с самых первых, юношеских рецензий Лукача, был в 1900 – начале 1910-х годов одним из наиболее часто упоминаемых в его работах современных европейских писателей. Две небольшие статьи были посвящены непосредственно творчеству Гауптмана (См.: *Az új Hauptmann // Lukács Gy. Ifjúkori művek (1902–1918).* Вр., 1977. 84–89 old.; *Hauptmann útja // Ibid.* 524–526 old.). Первая из них (1906) несла на себе отпечаток импрессионистической критики. Вторая, написанная в те же годы, что и «Метафизика трагедии», оценивала драмы Гауптмана прежде всего с точки зрения их соответствия тогдашним представлениям Лукача о трагическом.
- ³⁹ *Lukács Gy. Megélt gondolkodás...* 197 old.
- ⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 3. Д. 170. Л. 195–196, 103, 85–86.
- ⁴¹ См.: *Vita a «Blum-tezisék»-ről // Lukács Gy. Curriculum vitae.* 171–227 old.; *Lukács Gy. Megélt gondolkodás...* 186–195 old.
- ⁴² См. личное дело Лукача в документах комиссии по переводу членов зарубежных компартий в ВКП(б) за 1930–1931 гг.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 98.
- ⁴³ *Mann Th. Die Forderung des Tages.* Berlin, 1930. S. 114.
- ⁴⁴ См.: Мюллер Р., Рокитянский Я. Красный диссидент. Академик Рязанов – оппонент Ленина, жертва Сталина. Биографический очерк. Документы. М., 1996.
- ⁴⁵ Беседы на Лубянке. Следственное дело Дёрдя Лукача. Материалы к биографии. Ред.-сост. В. Середа и А. Стыкалин. М., 1999. С. 92–93. «Несмотря на склонность к марксизму и изучение его, ему не удалось все же в этот период соединить марксизм со своим миропониманием. Больше того, он все сильнее подпадал под влияние немецкого идеализма, главным образом, Гегеля», – так характеризовали духовную эволюцию Лукача в 1920-е годы авторы биографической справки о нем, подготовленной еще до приезда венгерского философа в Москву в Институте В. И. Ленина для составления примечаний и указателей к

томам собрания сочинений Ленина (Там же. С. 86). Документы, обнаруженные в фондах ИМЭЛ в РГАСПИ, вообще дают неплохое представление об обстановке доносов, притеснений и политических обвинений, в которой Лукач работал с первых недель своего пребывания в Москве. При этом надо иметь в виду, что Институт Маркса-Энгельса «был тогда местом, куда откомандировывали работников Коминтерна, которые по разным причинам не были желательны в своих партиях» (О встречах с Д. Лукачем (из воспоминаний Мих. Лифшица) // *Философские науки*. М., 1988. № 12. С. 76).

⁴⁶ См.: *Лифшиц М.* Очерки русской культуры: из неизданного. М., 1995.

⁴⁷ Эту мысль Лукач проводил и в предисловии к опубликованному в 1946 г. в Венгрии под его редакцией сборнику высказываний Маркса и Энгельса по вопросам литературы и искусства. Основой этого сборника явилась составленная Лифшицем известная книга «Маркс и Энгельс об искусстве» (1-е изд. – 1933), в 1940-е годы изъятая из советских библиотек ввиду несоответствия ее концепции утвердившимся в тот период стереотипам восприятия взглядов Маркса на отношения между художником и партией. Ориентация Лукача на книгу Лифшица, дававшую более полную и объективную реконструкцию эстетических воззрений Маркса и Энгельса, вызвала настоящее негодование в Институте философии АН СССР, куда МИД СССР в 1949 г. направил для заключения конспект ряда недавних статей Лукача. «Пропагандировать в демократической Венгрии М. Лифшица в качестве «выдающегося исследователя марксистской эстетики» в Советском Союзе может только такой путаник и эклектик, каким был и остался Дьердь Лукач», – говорилось в отзыве, подписанном директором института академиком Г.Ф. Александровым (Архив внешней политики МИД РФ (АВПР). Ф. 077. Оп. 29. П. 134. Д. 26. Л. 124).

⁴⁸ Архив Д. Лукача в Будапеште.

⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 3. Д. 41. Л. 196–197. См.: *Беседы на Лубянке...* М., 1999. С. 152–153.

⁵⁰ *Lukács G.* Chvostismus und Dialektik. Ausgabe der Zeitschrift Magyar Filozófiai Szemle (Herausgegeben von László Illés). Bp., 1996.

⁵¹ РГАСПИ. Ф. 374. Оп. 1. Д. 11. Л. 38. См.: *Беседы на Лубянке...* М., 1999. С. 92.

⁵² Об итогах дискуссии и очередных задачах марксистско-ленинской философии // *Правда*. 1931. 26 янв.

⁵³ *Митин М.Б.* Очередные задачи работы на философском фронте в связи с итогами дискуссии // *Под знаменем марксизма*. 1931. № 3. Вместе с тем полтора года пребывания в ИМЭ были памятли Лукачу не только

грубой травлей со стороны партийных инстанций, но и плодотворной работой над текстами классиков мировой философии. В это время им был написан ряд серьезных научных статей, прежде всего «Маркс и Энгельс в полемике с Лассалем по поводу «Зикингена»» (См.: Лукач Г. Литературные теории XIX века и марксизм. М., 1937; первую публикацию см.: «Литературное наследство». Т. 3. Маркс и Энгельс о литературе. М., 1932). Парадоксально свидетельство Лифшица: «Впоследствии Лукач мне говорил, что в сводчатом «погребке Рязанова» он провел лучшие дни своей жизни» (О встречах с Д. Лукачем. С. 76).

⁵⁴ См.: *Szikláti L. Lukács György a Moszkvai Szemlében // Irodalomtörténet. Vp., 1985. № 2.*

⁵⁵ См.: *Lackó M. Op. cit.*

⁵⁶ *Pike D. Lukács and Brecht. Chapel Hill and London. 1985.*

⁵⁷ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 20. Д. 930. Л. 27.

⁵⁸ См. библиографию: *Lapointe F.H. Georg Lukács and His Critics. An International Bibliography with Annotations (1910–1982). London, 1983.* Из русскоязычной литературы наиболее полное представление об этом периоде жизни и деятельности Д. Лукача дает работа А.Н. Дмитриева «Д. Лукач и леворадикальная идеология в Веймарской Германии (Франкфуртская школа)».

Глава 4

¹ Архив РАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 879. Л. 49–50.

² Необходимо упомянуть по крайней мере два самокритических выступления Лукача – автобиографическую статью 1933 г. «Мой путь к Марксу» (См.: *Lukács Gy. Curriculum vitae. Vp., 1982*) и доклад «Значение «Материализма и эмпириокритицизма» для большевизации коммунистических партий», прочитанный в Институте философии Коммунистической Академии в 1934 г. (См.: Под знаменем марксизма. 1934. № 4. С. 143–148). Впоследствии, в 1960-е годы, философ следующим образом откомментировал внутренние мотивы своего самобичевания 1933–1934 гг.: «По поводу моей пресловутой самокритики в связи с «Историей и классовым сознанием» я должен начать с признания, что по отношению к работам, которые я в духовном своем развитии перерос, на протяжении всей своей жизни я был в высшей степени безразличен» (*Lukács G. Geschichte und Klassenbewusstsein. Neuwied, 1968. S. 40*).

³ Следует, на наш взгляд, согласиться с С. Земляным, который не склонен видеть в адаптации Лукача к условиям жизни в СССР исключительно

результат действия внешних сил: «В качестве «вступительного взноса» за право участвовать в духовной жизни СССР Лукач вынужден был дистанцироваться от своих работ 20-х годов. Правда, не стоит сбрасывать со счетов и тот факт, что к пересмотру прежних философских позиций его побуждал мировоззренческий импульс, который он получил при изучении «Экономическо-философских рукописей 1844 года» К. Маркса, и помимо неизбежной в его ситуации прагматики свою роль играли причины духовного свойства» (*Земляной С.* Книга Лукача в контексте старых и новых споров о ленинизме // *Лукач Д.* Ленин. Исследовательский очерк о взаимосвязи его идей. М., 1990. С. 38–39).

⁴ См.: *Lukács G., Becher J.R., Wolf F.* u.a. Die Säuberung. Moskau 1936: Stenogramm einer geschlossenen Parteiversammlung (Herausgegeben von Reinhard Müller). Hamburg, 1991.

⁵ *Lukács György levéle Lesznai Annához* // *Élet és irodalom*. 1978. 23. XII. 8 old.

⁶ В СССР эта монография была опубликована лишь в журнальном варианте (Литературный критик. 1937. № 7, 9, 12; 1938. № 3, 7, 8, 12). Как следует из документов Иностранной Комиссии Союза советских писателей, рукопись объемом около 20 п. л. была подготовлена к печати в Гослитиздате (См.: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 12. Д. 83. Л. 31). В письме председателя немецкой секции ССП И. Бехера и членов бюро секции Г. Лукача и Ф. Эрпенбека руководителю ССП А. Фадееву от 28 марта 1939 г. говорилось: «Очень важная для всех писателей работа Георга Лукача «Исторический роман» – мы знаем, что проблема исторического романа стоит в центре писательских дискуссий за границей и о ней у нас уже неоднократно запрашивали – была снята с плана 1939 г., потому что только в конце 1939 г. должна выйти его книга «История реализма», которая уже больше года лежит в издательстве» (Там же. Л. 43. Речь идет о сборнике работ «К истории реализма». М., 1939.). По имеющимся сведениям, монографическое исследование «Исторический роман» было предложено также издательству «Советский писатель» (Там же. Оп. 14. Д. 438. Л. 31). Ни в одном из издательств книга так и не вышла. Думается, что в ее изъятии из издательских планов могли сыграть свою роль два фактора. Во-первых, с подписанием в августе 1939 г. советско-германского пакта в СССР ограничивается издание книг немецких писателей-антифашистов, живших в советской эмиграции. Во-вторых, на судьбу издания могла повлиять развернувшаяся в конце 1939 – начале 1940 г. дискуссия вокруг книги Лукача «К истории реализма» (1939), в ходе которой его взгляды были

подвергнуты критике за недооценку роли «передового» мировоззрения в художественном творчестве. Вероятно, по тем же причинам не вышли находившиеся в планах разных издательств книги Лукача «Реализм существенного и несущественного» и «Эстетика Шиллера» (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 12. Д. 83. Л. 31; Там же. Оп. 14. Д. 438. Л. 31). В книжном варианте работа «Исторический роман» впервые вышла лишь после второй мировой войны в Венгрии и Германии. См. на венгерском языке: *Lukács Gy. A történelmi regény*. Вр., 1947; первое книжное издание на немецком языке: *Lukács G. Der historische roman*. Berlin, 1955. См. также первое англоязычное издание: *Lukács G. The historical novel*. London, 1962.

⁷ См. библиографии работ Лукача, опубликованных в советский период его творчества: *Botká F. Magyar szocialista irodalom oroszul. 1921–1945. Bibliográfia*. Вр., 1972; *Hungarian Studies on György Lukács / Ed. by L. Illés, F. József, M. Szabolcsi, I. Szerdahelyi*. Вр., 1993. Vol. II.

⁸ См., в частности, вступительные статьи Г. Лукача к книгам: *Гейне Г.* Германия. М., 1934; *Гейне Г.* Полн. собр. соч. М., 1938. Т. 1; *Бальзак О. де.* Крестьяне. М., 1935; *Бальзак О. де.* Утраченные иллюзии. М.–Л., 1936; *Гете И.В.* Страдания молодого Вертера. М.–Л., 1937; *Гете И.В.* Переписка. М.–Л., 1937. Т. 1; статью «Шиллер как эстетик» (В кн.: *Шиллер Ф.* Статьи по эстетике. М.–Л., 1935); статью «Шиллер и Гете в их переписке» (В кн.: *И.В. Гете и Ф. Шиллер. Переписка (1794–1805)*. М.–Л., 1937). Некоторые из этих текстов вошли в книгу Г. Лукача «К истории реализма» (М., 1939).

⁹ См. материалы дискуссии: *Литературный критик*. 1935. № 2; более подробно: Архив РАН. Ф. 355. Оп. 5. Д. 32–34. О дискуссии вокруг статьи Д. Лукача «Роман как буржуазная эпопея» см.: *Tihanov G. The Novel, the Epic and Modernity: Lukács and the Moscow Debate About the Novel (1934–1935) // Germano-Slavica. A Canadian Journal of Germanic and Slavic Comparative and Interdisciplinary Studies*. 1998. Vol X. № 2.

¹⁰ См.: *Стыкалин А.С.* Концепции культурного наследия в послевоенной Венгрии (1945 – середина 1950-х годов) // Социокультурные процессы в странах Восточной Европы (после второй мировой войны). М., 1992. С. 170–239.

¹¹ О теории «большого реализма» Д. Лукача – М. Лифшица, составившей важный этап в развитии марксистской эстетики новейшего времени, см.: *Стыкалин А.С.* Теория «высокого реализма» Д. Лукача в марксистской эстетической мысли 1930–1940-х годов // Знакомый незнакомец. Социалистический реализм как историко-культурная проблема. М., 1995. С. 39–63.

- ¹² Лукач Д. Что такое новизна в искусстве? // Вопросы литературы. 1991. № 4. С. 48.
- ¹³ Там же. С. 54.
- ¹⁴ Lukács Gy. A realizmus problémái. Вр., 1948. 11–12 old.
- ¹⁵ Lukács Gy. Művészet és társadalom. Вр., 1968. 142 old.
- ¹⁶ Лукач Г. К истории реализма. М., 1939. С. 163.
- ¹⁷ Там же. С. 216.
- ¹⁸ Предисловие Д. Лукача к сборнику текстов Маркса и Энгельса, посвященных искусству и литературе (1946). См: Lukács Gy. Marx és Engels irodalomelmélete. Вр., 1949. Цит. по реферату, подготовленному посольством СССР в Венгрии в 1949 г. (См.: АВПР. Ф. 077. Оп. 29. П. 134. Д. 26).
- ¹⁹ О предложенной Лукачем концепции творчества Э. Ади дает представление его статья: Лукач Д. Ади, великий лирик венгерской трагедии // Писатели Венгрии. Очерки. Статьи. Эссе. М., 1989. С. 76–97.
- ²⁰ Лукач Д. Что такое новизна в искусстве... С. 45–46.
- ²¹ Там же.
- ²² Lukács Gy. Magyar irodalom – magyar kultúra. Вр., 1970. 540 old.
- ²³ Ibid. 486 old.
- ²⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Об искусстве. 3-е изд. М., 1976. Т. 1–2.
- ²⁵ Лукач Д. Что такое новизна в искусстве... С. 56.
- ²⁶ Там же. С. 57.
- ²⁷ Лукач Г. К истории реализма. С. 259.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ «Историческая обусловленность и значительность этих иллюзий имеют следствием то, что они не только не разрушили реалистической мощи Толстого, но были связаны (правда, в очень сложной и противоречивой форме) с пафосом, величием, глубиной его искусства», – писал Лукач (Там же. С. 260). «Мировоззрение Толстого глубоко пропитано реакционными предрассудками. Но эти предрассудки связаны с действительным характером здорового и растущего движения, перед которым лежит большое будущее» (Там же. С. 318).
- ³⁰ Lukács Gy. Új magyar kultúraért. Вр., 1948. 181 old.
- ³¹ Лукач Г. К истории реализма. С. 265.
- ³² Там же. С. 256.
- ³³ См., например, его попытку сопоставить эти течения, исторически проследить эволюцию от одного к другому: Лукач Г. «Величие и падение» экспрессионизма // Литературный критик. 1933. № 2.
- ³⁴ Лукач Г. Спор идет о реализме // Интернациональная литература. 1938. № 12. С. 177.

³⁵ Лукач Г. К истории реализма. С. 114.

³⁶ Lukács G. Die Zerstörung der Vernunft. Berlin, 1954.

³⁷ В данном случае нами процитирована более ранняя его статья об экспрессионизме: Лукач Г. «Величие и падение» экспрессионизма // Литературный критик. 1933. № 2. С. 54. Позицию Лукача в дискуссии 1937–1938 гг. отражает его статья: Спор идет о реализме (см.: Интернациональная литература. 1938. № 12.).

³⁸ Из литературы на русском языке о дискуссии об экспрессионизме см.: Пышиновская З.С. Немецкие деятели культуры в России в 20–30-е годы XX в. и дискуссия об экспрессионизме в журнале «Дас Ворт» // Немцы в России: историко-культурные аспекты. М., 1994. Позже, в июне 1961 г., возвращаясь в одном из писем к дискуссии четвертьвековой давности, Лукач продолжал быть уверенным в правоте своей позиции, противопоставлявшей заикленности на субъекте переживания отображение объективной действительности во всей ее многомерности. См.: Tertulian N. A lukácsi esztétika kritikusai és ellenzői // Társadalmi Szemle. 1994. № 12.

³⁹ Лукач Д. Социалистический реализм сегодня // Вопросы литературы. 1991. № 4. С. 89. Интересна проведенная Лукачем в одной из поздних работ параллель между Ф. Кафкой и Дж. Свифтом – каждый из этих писателей, прибегая к нетрадиционным для своей эпохи средствам, широко используя элементы фантастики, пытался отобразить негативные стороны современной ему действительности. Границы реализма Лукач в данном случае раздвигал довольно широко. См.: Tertulian N. Op. cit.

⁴⁰ Ibid.

⁴¹ Лукач Г. Спор идет о реализме. С. 177.

⁴² Lukács Gy. Irodalom és demokrácia. 2 kiad. Bp., 1948. 21 old.

⁴³ «С отчуждением я замечаю, что в длинных и авторитетно написанных статьях в «ИЛ» (речь идет о немецкоязычном варианте журнала «Интернациональная литература» – «Интернационале литератур. Дойче Бляттер». – А. С.) проявляется «литературное направление», которое чрезвычайно узко и формально определяет то понятие о социалистическом реализме, которое мы считаем нужным в нашей антифашистской борьбе», – заметил Б. Брехт в сентябре 1938 г. в переписке с И. Бехером (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 12. Д. 70. Л. 15–16).

⁴⁴ Одну из них Брехт видел в предпочтении Лукачем крупных жанровых форм. Кризисная полоса развития мировой литературы со второй половины XIX в. проявилась, с точки зрения Лукача, и в разрушении классической эпопеи, жанра, как он считал, наилучшим образом

способного отобразить действительность во всей целостности, максимальной полноте взаимосвязей (классическую эпопею философ связывал прежде всего с творчеством Бальзака, Диккенса, Толстого). Этот тезис вызывал немалые споры. Главный из оппонентов, Б. Брехт, писал, что в XX в., в условиях заметного усложнения социальных отношений по сравнению с предыдущими столетиями, художник уже не может «втиснуть» действительность в рамки прежних классических эпопей, требуются и поиски новых жанровых форм, и расширение границ художественной условности, и применение не характерных для традиционного реализма выразительных средств («потока сознания» и т.д.). См.: *Брехт Б.* О литературе. М., 1977. О позиции Брехта в полемике (чаще всего заочной) с Лукачем дают представление также его письма (Вопросы литературы. 1975. № 8). Следует сказать, что в 1960-е годы Лукач попытался изложить свою позицию по проблеме соотношения прозаических жанров более развернуто, в частности, в статье «Социалистический реализм сегодня» (См. главу 9).

Не соглашаясь со многими положениями эстетики Брехта, венгерский философ тем не менее высоко ценил его творчество, считая, что он внес заметный вклад в мировую социалистическую литературу. В августе 1956 г. Лукач, находившийся в то время в Берлине, почтил память Брехта в своем ярком выступлении перед гробом немецкого драматурга (*Hermann I. Lukács György élete.* Вр., 1985. 185 old.).

⁴⁵ Лукач Г. Спор идет о реализме. С. 177.

⁴⁶ Лукач Д. Что такое новизна в искусстве... С. 58.

⁴⁷ См. материалы дискуссии: *Книпович Е.* Книга о реализме // Литературная газета. 1939. 15 ноября; *Лифшиц М.* Надоело // Там же. 1940. 10 янв.; *Книпович Е.* Ничего не поделаешь // Там же. 1940. 15 янв.; *Кирпотин В.* Мировоззрение и художественная литература // Там же; *Александров В.* К спорам об истории реализма // Там же. 1940. 26 янв.; *Лукач Г.* Лондонский туман // Там же; *Гриб В.* Ближе к делу // Там же. 1940. 30 янв.; *Вильям-Вильмонт Н.* В защиту культурного наследия // Там же. 1940. 5 февр.; *Альтман И.* Горе-теоретики // Там же. 1940. 15 февр.; *Лифшиц М.* В чем сущность спора? // Там же; *Усиевич Е.* Авторитеты // Там же; *Гальперина Е.* Без тумана // Там же. 1940. 20 февр.; *Сахалтуев А.* Против схемы // Там же; *Анисимов И.* Еще раз о теориях Лукача // Там же. 1940. 1 марта; *Нович И.* Ирония судьбы // Там же; *Фрадкин И.* Вульгарные демократы // Там же; *Ермилов В. Г.* Лукач и советская культура // Там же. 1940. 5 марта; *Кирпотин В.* История и современность // Там же; *Лукач Г.* «Победа реализма» в освещении прогрессистов // Там же; *Вильям-Вильмонт Н.* О «словесном» марксизме // Там же. 1940.

- 15 марта; *Винер Н.* Путь парадоксам // Там же; *Ермилов В.* Литературные споры // Комсомольская правда. 1940. № 35; *Стеценко А.* О приемах полемики и о споре по существу // Литературный критик. 1940. № 2; О вредных взглядах «Литературного критика». Красная новь. 1940. № 4; *Рейх Б.* Уроки литературной дискуссии // Театр. 1940. № 6; *Вильям-Вильмонт Н.* Возведение на престол Освальда Шпенглера // Интернациональная литература. 1940. № 5–6. См. также несколько более раннюю публикацию В. Ермилова «О вредных взглядах «Литературного критика»» (Литературная газета. 1939. 10 сент.), в которой содержалась полемика со статьей Лукача «Художник и критик» (Литературный критик. 1939. № 7).
- ⁴⁸ *Лакиши В.* Воспоминания о Дьерде Лукаче // Иностранная литература. 1988. № 7. С. 231.
- ⁴⁹ См.: *Rákosi M.* Visszaemlékezések. 1940–1956. Budapest, 1997. I köt., 37 old.; *Димитров Г.* Дневник. 9 март 1933 – 6 февруари 1949. София, 1997. С. 240, 243.
- ⁵⁰ *Lukács Gy.* Megélt gondolkodás. Életrajz magnószalagon. (Az interjúkat kész. Eörsi István és Vezér Erzsébet). Bp., 1989.
- ⁵¹ См.: Беседы на Лубянке. Следственное дело Дёрдя Лукача. Материалы к биографии. Ред.-сост. В. Серeda и А. Стыкалин. М., 1999. (2-е изд., исправл. и доп. М., 2001.)
- ⁵² Громкие судебные процессы конца 1930-х годов Лукач, по собственному, более позднему признанию, считал в то время исторически закономерными, как и во времена Великой Французской революции, не придавая при этом решающего значения проблеме законности. Но его мнение основательно изменилось, когда выдвинули лозунг «троцкизм надо выдрать с корнями». Стало ясно, что результатом такой линии может быть лишь осуждение невинных людей. Однако главное, не уставал повторять Лукач, в условиях борьбы не на жизнь, а на смерть с фашизмом – нельзя было допускать никакого раскола в партии. См.: *Útam Marxhoz. Utóirat // Lukács Gy.* Curriculum vitae. 229–230 old.
- ⁵³ Относившаяся к кругу друзей Д. Лукача Т. Мотылева, в то время молодой литературовед, вспоминает: «Удивительно привлекательна была сама атмосфера этого дома, каждодневный систематический труд, полное пренебрежение ко всякой житейской суете, постоянное сотрудничество, можно сказать, сотворчество Дьердя Лукача и его преданной спутницы жизни, доброй, умной, чуткой Гертруд, разделявшей и его заботы, и его мысли» (*Мотылева Т.* Вспоминая Лукача // Вопросы литературы. 1998. № 2. С. 211). Позже, в 1942 г., когда речь зашла о возвращении в Москву из ташкентской эвакуации, Лукач просил в

Коминтерне специального разрешения, чтобы жена вернулась вместе с ним. При этом он ссылался на то, что без нее в качестве секретаря он как писатель «ни на что не годится» (Беседы на Лубянке... 1-е изд. С. 133). До получения квартиры от Союза писателей Лукач с семьей жил в плохих условиях в одном из флигелей здания Института философии на Волхонке. См. ходатайства немецкой секции Союза советских писателей об улучшении его жилищных условий (Там же. С. 112).

⁵⁴ Мотылева Т. Указ. соч. С. 206.

⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 199. Д. 181. Л. 16; Беседы на Лубянке... 1-е изд. С. 130. Письмо от 23 декабря 1941 года.

⁵⁶ 22 апреля 1942 г. он писал Ракоши: «Я прошу Вас, дорогой товарищ Ракоши, возможно еще раз поговорить с товарищем Димитровым и добиться того, чтобы большие способности товарища Лукача могли быть использованы здесь в Москве». РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 199. Д. 181. Л. 55; Беседы на Лубянке... 1-е изд. С. 132.

⁵⁷ Мотылева Т. Указ. соч. С. 202.

⁵⁸ Архив РАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 118. Л. 5.

⁵⁹ После войны Лукач предпринял попытку восстановить ее до некоторой степени по памяти. См.: *Lukács Gy. Goethe és kora*. Вр., 1946.

⁶⁰ См. на русском языке в сб.: «Антифашизм – наш стиль» (М., 1971).

⁶¹ См.: О недостатках и ошибках в освещении немецкой философии конца XVIII и начала XIX в. // *Большевик*. 1944. № 7–8.

⁶² См.: *Ойзерман Т.И.* Д. Лукач как исследователь философии Гегеля // *Вопросы философии*. 1985. № 11. См. также предисловие М.А. Хевеши к советскому изданию книги Лукача «Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества» (М., 1987).

⁶³ Подробнее см. в вышеназванных работах.

⁶⁴ Подробнее см.: Там же.

⁶⁵ См.: Там же.

⁶⁶ См.: Там же.

⁶⁷ См.: *Ойзерман Т.И.* Указ. соч.

⁶⁸ Лукач Г. Экономические взгляды Гегеля в иенский период // *Вопросы философии*. 1956. № 5.

⁶⁹ В последние годы войны Лукач отдавал также немало сил преподавательской работе в антифашистской школе для немецких военнопленных в Красногорске под Москвой. О большом воздействии его лекций на слушателей вспоминал впоследствии один из ведущих писателей ГДР Ф. Фюман. См.: *Fühmann F. Zweiundzwanzig Tage oder die Hälfte des Lebens*. Berlin, 1979. S. 151.

⁷⁰ Среди его статей: *Der deutsche Faschismus und Nietzsche* // *Internationale*

Literatur. Deutsche Blätter. 1943. № 12; Schicksalswende // Ibid. 1944. № 10; Fortschritt und Reaktion in der deutschen Literatur // Ibid. 1945. № 8–10.

Глава 5

- ¹ Характерно, что даже в инструкции для офицеров американской армии, которым предстояло весной 1945 г. вступить на Эльбе в контакт с советскими войсками, черным по белому отмечалось: за годы войны «мир начал признавать силу правительства и армии Советского Союза, высокий моральный уровень его народа и величину его вклада в наше общее дело» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 391. Л. 42).
- ² При этом показательно, что тенденция к разрыву с наследием предшествующей эпохи была характерна для настроений интеллигенции не только в странах с тоталитарным и авторитарным прошлым, но, к примеру, и в Чехословакии, чей политический режим 1920–1930-х годов по праву считался одной из наиболее развитых форм современной демократии (См.: *Стыкалин А.С.* Пропаганда советской культуры в послевоенной Чехословакии // Февраль 1948. Москва и Прага. Взгляд через полвека. М., 1998. С. 130–142).
- ³ *Lukács Gy.* Curriculum vitae. Вр., 1982. 230 old.
- ⁴ Szabad Nép. 1946. 3 VII.
- ⁵ См. книги и брошюры Лукача: «Balzac, Stendhal, Zola» (Вр., 1945); «Goethe és kora» (Вр., 1946); «Nagy orosz realisták» (Вр., 1946; следующие издания – 1949, 1951, 1952); «Az újabb német irodalom története» (Вр., 1946); «A polgár nyomában. A hetven éves Thomas Mann» (Вр., 1947); «A polgári filozófia válsága» (Вр., 1947; második kiadás – 1949); «A történelmi regény» (Вр., 1947); «A realizmus problémái» (Вр., 1948). См. также выступления Лукача тех лет по проблемам марксистской философии и эстетики: «A «giccs»-ról és a «proletkult»-ról» (Вр., 1947); «A marxista esztétika alapjai» (Вр., 1947); «Az irodalomtörténet revíziója és az irodalomtanítás» (Вр., 1948); «A marxista filozófiai feladatai az új demokráciában» (Вр., 1948); «A kapitalista kultúra csődje (A MDP Politikai Akademiáján 1948 december 15-en tartott előadás)» (Вр., 1949); «Marx és Engels irodalomelmélete» (Вр., 1949).
- ⁶ Писатель Ш. Гергей, побывавший в июне 1949 г. в Москве на торжествах по случаю 150-летия со дня рождения А.С. Пушкина, докладывал потом М. Ракоши о своих встречах с восточноевропейскими писателями. По его сведениям, и в Польше, и в Чехословакии Лукач был наиболее часто издаваемым венгерским автором. И. Бехер говорил Ш. Гергею о том, что произведения Лукача ходят в Германии по рукам не

только в восточной, но и в западных зонах (Magyar Országos Levéltár. 276 f. 65/332 б.е., 2–4 л. Письмо Ш. Гергея М. Ракоши от 4 июля 1949 г.). О влиянии идей Д. Лукача на польскую и чехословацкую марксистскую критику второй половины 1940-х годов см.: История литератур Восточной Европы после второй мировой войны. Том I. 1945–1960-е годы. М., 1995. С. 91, 181. На Западе (вне Германии) в первые послевоенные годы наибольший, хотя и далеко не однозначный отклик вызвали сборник статей Лукача по проблемам реализма, опубликованный в Лондоне (*Lukács G. Studies in European realism. London, 1950*), а также изданная в Париже работа с критикой философии экзистенциализма (*Lukács G. Existentialisme ou marxisme. Paris, 1948*). В фондах Иностранной Комиссии Союза советских писателей см. материалы об отклике на эти работы не только в Европе, но даже в Латинской Америке, в частности, в Мексике (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Д. 332. Л. 10–11; Д. 375а).

⁷ См. сборник статей Д. Лукача: «Új magyar kultúráért» (Вр., 1948). Отдельным изданием вышла работа об Э. Ади «Adu» (Вр., 1949). См. также сборники статей Д. Лукача по проблемам современной литературной жизни Венгрии: «Írástudók felelőssége (Tanulmányok)» (Вр., 1945); «Irodalom és demokrácia» (Вр., 1947; második kiadás – 1948).

⁸ См. сборник статей: «Lukács György és a magyar kultúra» (Вр., 1982).

⁹ См.: *Ambros J. «Return Home with Hopes» // Hungarian Studies on György Lukács / Ed. by L. Illés, F. József, M. Szabolcsi, I. Szerdahelyi. Вр., 1993. Vol. II. Кстати, попытки коммунистов добиться собственной кафедры для другого философа-марксиста, давнего оппонента Д. Лукача Ласло Рудаша, не увенчались в то время успехом.*

¹⁰ Ясперс считал, что тотальность недостижима, мир разбивается на куски. Лукач полагал, что тотальность существует, а на куски разбивается лишь человеческая рефлексия по поводу реальной действительности. Об участии Лукача в женеvском форуме см.: *Zoltai D. Lukács and the Geneva rencontres // New Hungarian quarterly. Вр., 1985. Vol. 26. № 98*. В первые послевоенные годы Лукач выступал и на ряде других представительных встреч европейских гуманитариев – в Италии, Германии, Польше.

¹¹ *Lukács Gy. Arisztokratikus és demokratikus világnézet // Forum. Вр., 1946. № 11. 214 old.*

¹² Парижский мирный договор 1947 г. с небольшой корректировкой (не в пользу Венгрии) подтвердил границы венгерского государства, установленные Трианоном.

¹³ *Lukács Gy. Irodalom és demokrácia. 2 kiad. Вр., 1948. 13 old.*

¹⁴ *Lukács Gy. Arisztokratikus és demokratikus világnézet. 214 old.*

¹⁵ *Lukács Gy. Irodalom és demokrácia. 12 old.*

- ¹⁶ Цит. по: *Urbán K. Lukács György és a magyar népi demokrácia // A felszabadulás utáni történetünkről. I köt. Bp., 1987. 268 old.*
- ¹⁷ *Lukács Gy. Irodalom és demokrácia. 23 old.* Свою позицию Лукач конкретизировал в предисловии к опубликованному в 1946 г. в Венгрии сборнику работ Маркса и Энгельса об искусстве: «Хотя в буржуазной демократии имеются внутренние противоречия капитализма, все же каждый реакционный режим создает эти тенденции в более острой, искажающей форме». Таким образом, даже частичное освобождение народа делает возможным, чтобы «как можно меньшее из античеловеческого характера капиталистической культуры проявляло себя во вред человеческой культуре, во вред истинному искусству» (Цит. по реферату, подготовленному посольством СССР в Венгрии в 1949 г.: См.: АВПР. Ф. 077. Оп. 29. П. 134. Д. 26). В то же время в своей публицистике второй половины 1940-х годов Лукач проводил тезис об объективной заинтересованности реакции в использовании институтов старой, формальной демократии в борьбе с силами, выступающими за политическое обновление общества.
- ¹⁸ См. главу 9.
- ¹⁹ *Lukács Gy. Irodalom és demokrácia. 26 old.*
- ²⁰ *Lukács Gy. Magyar irodalom – magyar kultúra. Bp., 1970. 307 old.*
- ²¹ *Lukács Gy. Irodalom és demokrácia. 14 old.*
- ²² См.: *Стыкалин А. С. Венгерская культура в середине XX века (от Хорти и до Кадара). М., 1991. Гл. 2; Он же. Концепции культурного наследия в послевоенной Венгрии (1945 – середина 1950-х годов) // Социокультурные процессы в странах Восточной Европы (после второй мировой войны). М., 1992. С. 170–239; Ständeisky É. A MKP irodalompolitikája. 1944–1948. Bp., 1987.*
- ²³ Позже эти статьи были опубликованы в Венгрии, в частности, в сборнике «Ответственность пишущих»: *Írástudók felelőssége (Tanulmányok). Bp., 1945.* См. также: *Lukács Gy. Magyar irodalom – magyar kultúra.*
- ²⁴ См.: *Molnár J. A szocialdemokrata párt művelődéspolitikája. 1944–1948. Bp., 1987.*
- ²⁵ См., в частности: *Népi írók a mérlegen (1946) // Lukács Gy. Magyar irodalom – magyar kultúra.* Из более новой литературы по теме см.: *Poszler Gy. Görbe tükör és forgatókönyv. Népiesek és urbánusok a marxista kritikában (1937–1943) // Társadalmi Szemle. Bp., 1993. № 2.*
- ²⁶ *Szabad Nép. 1945. 31 V.*
- ²⁷ *Vas I. Irodalom és marxizmus // Magyarok. 1946. Június. 305 old.*
- ²⁸ *Pártköltészet // Lukács Gy. Magyar irodalom – magyar kultúra.*
- ²⁹ *Ibid.*

³⁰ См.: *Standeisky É. A MKP irodalompolitikája.*

³¹ *Lukács Gy. Irodalom és demokrácia.* 26–27 old.

³² Лайош Кашшак (1887–1967), одна из центральных фигур венгерской художественной культуры XX в., был человеком удивительно разностороннего дарования. Поэт, прозаик, драматург, живописец, график, мастер театральных декораций, критик (литературный, художественный и кинематографический), искусствовед, историк культуры, педагог, журнальный редактор – таков, наверно неполный, перечень всех творческих амплуа, в которых приходилось выступать этому талантливейшему художнику. Считаясь на протяжении пяти десятилетий признанным мэтром авангарда в венгерском искусстве, Кашшак был известен не только у себя на родине. Дружеские отношения связывали его в разные годы с Мондрианом и Пикассо, Тцарой и Бретоном, а также многими немецкими писателями и художниками-экспрессионистами. Кашшака хорошо знали в художественных салонах и артистических кабаре Парижа, Вены и Берлина 20-х годов, а уже позже, в 60-е годы, когда на волне движения «новых левых» во всем мире вновь обострился интерес к авангарду сорокалетней давности, живописные полотна и графические композиции Кашшака с успехом выставлялись в целом ряде городов Западной Европы, Америки и даже Японии. Многогранное творчество Кашшака явилось одним из главных связующих звеньев венгерской художественной культуры с новейшими стилевыми исканиями западного «левого искусства». Но впитавший в себя с молодых лет воздух парижской артистической богемы Кашшак никогда не переставал считать себя пролетарским художником. Выходец из рабочей среды, сам еще в ранней юности освоивший несколько пролетарских профессий, он до конца дней сохранил в своем творчестве не только верность «рабочей» теме, но и приверженность своеобразно им воспринятым идеалам пролетарской революционности. Одним из ярких образов венгерской художественной прозы XX в. явился созданный натуралистическими и сюрреалистическими средствами кашшаковский образ родного Андялфёльда, одного из рабочих районов Будапешта с его трущобами и пустырями, дымными фабричными трубами и зловонными дворами-колодцами, мрачными кирпичными стенами и потерявшими всю надежду на лучшее будущее, ожесточившимися людьми, – района, будто бы ради насмешки названного «землей ангелов».

В 1910–1920-е годы, редактируя в Будапеште и Вене журнал «Ма» (главную трибуну венгерских авангардистов), Кашшак считал задачей своего журнала ознакомление венгерской читающей публики с новейшими достижениями литературы и искусства других стран. Немалый интерес он проявлял к

«левому искусству» в СССР – живописи, немому кино, архитектуре конструктивизма (См., например: *Kassák L. Új orosz filmek // Nyugat (válogatás). Вр., 1988*). После второй мировой войны Л. Кашшак редактировал журналы «Кортарш», выходявший под эгидой СДПВ, и «Алкоташ», орган Всевенгерского художественного совета. Как и подобает богато одаренной творческой индивидуальности, он не стоял на месте в своих эстетических пристрастиях. В 1940-е годы это не был уже тот воинствующий ниспровергатель традиций, каким его привыкли видеть поклонники 1910–1920-х годов, гораздо более спокойным и уважительным становится его отношение к классическому наследию минувших столетий. Но любовь к искусству новаторскому, экспериментальному он пронес с собой до конца жизни (См. одно из его позднейших выступлений: *Élet és irodalom. 1964. 6 VI.*).

В 1947–1948 гг. журнал «Кортарш» предпринял публикацию целой серии статей о развитии французского искусства, начиная от импрессионизма и кончая сюрреализмом и абстракционизмом (*Standeisky É. Művészetpolitikai elképzelések a szocialdemokrata pártban 1945–1948 között (Kassák, Justus, Fejtő) // Történelmi Szemle. 1986. № 2*). Социальные перемены, развернувшиеся в стране после освобождения от фашизма, требуют от художников поиска новых форм для своего выражения, полагал Кашшак (*Kassák L. Évfordulóra // Alkotás. 1948. № 1–2. 3 old.*), и потому весьма полезно овладение опытом творческих исканий французских мастеров живописи последних десятилетий. Считая себя пролетарским художником, Кашшак в то же время отнюдь не собирался лишать пролетариат плодов предшествующей, «буржуазной» культуры, его позиция была далека от пролеткультовской. Особого пролетарского искусства нет, писал он в эти годы, искусство пролетариата не требует для воплощения своих идеалов какой-то особой формы выражения, и вообще классовые задачи пролетариата не находятся в противоречии с общечеловеческими ценностями, идеи гуманизма, демократии не могут быть чужды пролетарской культуре (*Kassák L. Előljáró szavak // Szocializmus. 1945. № 1. 58–59 old.*). В этом взгляды Кашшака сходились со взглядами Лукача, при том, что начиная с 1919 г. отношения этих двух выдающихся мастеров венгерской культуры были весьма непросты. В 1947 г. Лукач счел необходимым откликнуться на 60-летие Кашшака, отметив его большой вклад в венгерское социалистическое искусство (*A 60-éves Kassák // Lukács Gy. Új magyar kultúráért. Вр., 1948*).

³³ Цит. по: *Гусев Ю.П.* Творческий путь Лайоша Кашшака. Рукопись дисс. на соискание... канд. филол. наук, защищенной в 1969 г. в ИМЛИ АН СССР. С. 94–95.

³⁴ *Lukács Gy. Irodalom és demokrácia. 7 old.*

³⁵ См.: *Ambrus J.* Op. cit. 421 old.

³⁶ О спорах, вызванных статьей Лукача «Венгерские теории абстрактного искусства» (*Forum.* 1947. № 9), см.: *Művészet.* 1983. № 9.

³⁷ См.: *Molnár J.* Op. cit.

³⁸ Творческим отношениям Д. Лукача и Т. Дери посвящена обширная литература. См.: *Ungvári T. Déry és Lukács // Kortárs.* 1982. № 5; *Pomogáts B. A vitától az egyetértésig. Lukács György és Déry Tibor // Új Forrás. Tatabánya,* 1985. № 3; *Bakonyi I. Lukács és Déry // Napjaink. Miskolc,* 1985. № 3; *Botka F. Fejezetek egy barátság történetéből // Világosság.* 1987. № 2.

³⁹ В статье, опубликованной в конце 1945 г., И. Бибо указал на опасность уничтожения пока еще слабых ростков демократии в Венгрии в результате давления сил, ориентированных на дальнейшее углубление революционного процесса. Дискуссия вокруг его работы стала едва ли не самым важным событием интеллектуальной жизни Венгрии первых послевоенных лет. См.: *Nagy E. A népfrontos népi demokrácia két alternatívája (Lukács és Bibó vitája 1946-ban a demokráciáról) // Ideológia és demokrácia. A Magyar Politika-tudomány Társaság évkönyv.* 1984. Bp., 1984.

⁴⁰ «Я наполняюсь лишь презрением к той сволочи, от Хонта до Шандора Гергея, от Реваи до Лукача, которая у нас дома держит под диктатом кино и литературу», – горько заметил в частном письме Б. Балаж (Балаш), когда-то собрат Лукача по «Воскресному обществу» (*Veresh Й. Идеалист и власть. Последние годы жизни Балаша – по письмам // Киноведческие записки. Вып. 25. М., 1995. С. 253*). В один ряд с Лукачем попали театральный режиссер коммунист Ф. Хонт, писатель-коммунист Ш. Гергей, печально известный своими крайними сектантскими, «рапповскими» взглядами на литературный процесс, а также главный идеолог ВКП Й. Ревай. Если Балаж, тяготевший к ВКП, не высказывал публично своих разногласий с Лукачем, то некоторые публицисты и критики вступали с ним, как уже отмечалось, в открытую полемику. Неоспоримо, однако, и немалое влияние Лукача в творческих кругах при всей неоднозначности отношения к нему. Один из главных в Москве 1940-х годов экспертов по венгерской культуре референт Всесоюзного общества культурных связей с заграницей (ВОКС) А. Краснова (псевдоним А. Кун, дочери репрессированного в 1938 г. Б. Куна и жены писателя А. Гидаша, известной переводчицы) была недалеко от истины, когда в 1947 г. в записке руководящим инстанциям отмечала: «Лукач особенно завоевал уважение и пустил корни в реальную почву венгерской культуры, его вряд ли могут считать просто перелетной птицей, которая наспех свила гнездо, выпустила быстроенько свои книги, заняла ветку и теперь чирикает. Нет, Лукач за это время

сумел занять свое собственное место, сумел создать себе имя, с ним считаются как с крупнейшим теоретиком марксистского течения в Венгрии». См.: Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5283. Оп. 17. Д. 126. Л. 209. Кстати, в той же записке содержалась резкая критика Лукача за нечеткость идейных позиций, недооценку современной советской литературы и особенно за «явно неудовлетворительную» линию журнала «Форум», фактически им редактировавшегося. Особое возмущение рецензента вызывала систематическая пропаганда в журнале творчества Т. Дери, в своей талантливой прозе глубоко и без прикрас отображавшего реалии послевоенной Венгрии. Опубликовав рассказ, в высокохудожественной (по признанию А. Кун) форме передающий животный страх венгерского обывателя перед Красной Армией, журнал, по ее мнению, занял враждебную позицию уже не только в области искусства, но и в области политики (Там же. Д. 129. Л. 65).

⁴¹ На русском языке см.: *Немет Л.* Венгры и Европа. Фрагменты книги / Перевод и предисловие Ю. Гусева // Иностранная литература. 1996. № 7.

⁴² См.: *Prológ vagy epilóg? Jegyzetek a magyar «népiesek» újabb fejlődéséről // Lukács Gy. Írástudók felelőssége.* Bp., 1945; *Lukács Gy. A magyar irodalom egysége // Forum.* 1946. № 1.

⁴³ Об основных тенденциях восприятия творчества Л. Немета в венгерской литературной критике после 1945 г. см.: *Monostori I. A Németh László-recepció történetének főbb kérdései 1945 után // Hítel.* 2000. Július.

⁴⁴ См. примечание 6 к главе 5.

⁴⁵ *Фейто Ф.* Венгерская трагедия, или антисоветская социалистическая революция. М., 1957 (для закрытого пользования). С. 100.

⁴⁶ См.: Сталин и холодная война / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М., Институт всеобщей истории РАН. 1998.

⁴⁷ *Horváth M. Lobogónk: Petőfi.* Bp., 1950. 215 old.

⁴⁸ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 188. Л. 148.

⁴⁹ АВПР. Ф. 077. Оп. 29. П. 137. Д. 56. Л. 32.

⁵⁰ См. материалы дискуссии: *A Lukács – vita.* Bp., 1985.

⁵¹ *Horváth M. A Lukács – vitáról // Szabad Nép.* 1949. 25 XII.

⁵² Осенью 1949 г. газета Советской военной администрации в Германии «Теглихерундschau» опубликовала статью В. Хариша с критикой Г. Лукача, незадолго до этого выступавшего в Веймаре на торжествах по случаю 200-летия со дня рождения И.В. Гете. Автор призывал не объявлять работы Лукача «альфой и омегой» марксистского литературоведения, а показывать ограниченность его взглядов, содержащих пережитки буржуазной идеологии. В своей трактовке творчества Гете как выразителя национального единства

Германии и единства немецкой культуры Лукач, по мнению Хариха, остался на позициях старого своего спора с профашистскими фальсификаторами Гете: тогда как сейчас на первый план выходит «не менее опасная» тенденция космополитической фальсификации Гете в духе американского империализма. Если марксист, выступая в 1949 г. с докладом о Гете, не разоблачает космополитизм, он забывает требование Гете к писателям жить заботами своего времени, говорил Харих (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Д. 544. Л. 166–167). Впрочем, и после критики 1949 г. работы Лукача продолжали активно издавать в Восточной Германии, видя в нем одного из очень немногих марксистов, способных на равных дискутировать с носителями иных мировоззрений.

Немалый резонанс критика Лукача вызвала и в Чехословакии. Писатель Ш. Гергей, встречавшийся со словацкими литераторами, докладывал М. Ракоши в апреле 1950 г.: развернувшаяся в Венгрии кампания критики Лукача получила в Чехословакии тем более сильный отклик, что в предшествующие годы работы Лукача активно издавались и пропагандировались кругами, близкими компартии. Теперь пришло время перестраиваться, соответствующие органы уже начали изымать книги Лукача из обращения (*Magyar Országos Levéltár*. 276 f., 65/332 5. e., 32 l.).

⁵³ Times. 1949. 2 IX. О комментариях Би-Би-Си в связи с критикой Лукача см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 269. Л. 37–38.

⁵⁴ Правда. 1950. 1 февр. Доклад А. Фадеева был перепечатан в «народно-демократических» странах, в частности в Польше (см.: История литератур Восточной Европы после второй мировой войны. Том I. С. 120).

⁵⁵ *Lukács Gy. Bírálólat és önbírálólat // Társadalmi Szemle*. Вр., 1949, № 8–9; *A Lukács – vita*. Вр., 1985.

⁵⁶ «Будучи ответственным за идеологическую работу в партии и в стране, Ревай упорно выдвигает профессора Лукача, считая его самым образованным и авторитетным марксистом в Венгрии», — отмечалось в одном из донесений посольства СССР за 1950 г. (РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 141. Л. 78). Министерство народного просвещения, возглавляемое Ревай, — говорилось в другом донесении 1950 г., — на словах провозглашает борьбу за социалистическую культуру, но практических результатов не показало, поскольку засорено последователями «троцкистствующего идеалиста» Д. Лукача, использующего недопустимую терпимость некоторых руководящих деятелей в целях протаскивания своих теорий (Там же. Ф. 17. Оп. 137. Д. 269. Л. 10–16). В процитированной выше записи беседы С. Заволжского с М. Ракоши и М. Фаркашем от 11 июля 1949 г. также говорилось, что в деле критики Лукача «на т. Ревай... мы положиться не можем» (Там же. Ф. 575. Оп. 1. Д. 188. Л. 148).

⁵⁷ Там же. Ф. 17. Оп. 137. Д. 859. Л. 36–37.

⁵⁸ Там же. Д. 859, 860.

Глава 6

¹ Révai J. Irodalmi tanulmányok. Bp., 1950. 308 old.

² Ibid. 309 old.

³ Szabad Nép. 1948. 7 III.

⁴ См.: Ständeisky É. A MKP irodalompolitikája. 1944–1948. Bp., 1987.

⁵ Kritika. Bp., 1975. № 11. 19 old. Эстетика социалистического реализма в период сталинского режима в СССР, ее влияние на литературно-художественный процесс в целом и на творчество отдельных художников стали с конца 1980-х годов предметом обширной литературы. Из многочисленных работ 1990-х годов хотелось бы выделить глубокие исследования Е. Добренко: «Метафора власти. Литература сталинской эпохи в историческом освещении» (München, 1993); «Формовка советского читателя. Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы» (СПб., 1997). См. также коллективный труд: «Соцреалистический канон / Под ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб., 2000. Однако при всем обилии работ, написанных на отечественном, советском материале, феномен, который можно условно назвать эстетикой сталинизма, не может быть изучен с максимальной полнотой без обращения к опыту типологически близких сталинскому и политически зависимых от него восточноевропейских режимов. Пробелы здесь в нашей науке довольно явные (Хотелось бы отметить статью, написанную на польском материале: А.В. Липатов. От «ублюдка Версальского договора» до «братской страны соцлагеря» (государственное искусство и идеологические стереотипы) // Поляки и русские в глазах друг друга. Отв. ред. В.А. Хорев. М., 2000).

⁶ Irodalmi Újság. 1950. 2 XI.

⁷ Szabad Nép. 1951. 28 IV.

⁸ Цит. по: Пути художественного прогресса. М., 1978. С. 119.

⁹ Цит. по: Laska L. A pseudókritikáról // Művészet. 1983. № 9, 15–16 old.; A magyar irodalom története. 1945–1975. 1 köt. Bp., 1981. 392 old.

¹⁰ Szabad Művészet. 1950. № 8. 2 old.

¹¹ Цит. по: A magyar irodalom története... 397 old.

¹² Цит. по: Király I. Az «ötvenes évek». Megjegyzések egy tanulmányhoz // Jelenkor. 1986. № 11. 1010 old.

¹³ Цит. по: A magyar irodalom története... 396 old.

¹⁴ Révai J. Megjegyzések egy regényhez // Társadalmi Szemle. 1952. № 8–9. 741–761 old.

¹⁵ Вот рецензия газеты «Сабад неп», главного органа ВПГ, на роман писателя И. Шаркади «Путь Яноша Гала» (Szabad Nép. 1951. 6 I.). Герой этого

романа – крестьянин, после долгих «исканий» принявший новую власть. Ортодоксальной эстетикой начала 1950-х годов в принципе не возбранялось показывать положительного героя не в уже сложившемся виде, а в процессе становления. Поэтому в выборе темы, фабуле романа Шаркади нет, казалось бы, противоречия с нормами социалистического реализма. И все-таки рецензент высказывает автору ряд упреков. Почему, например, герой романа очень долго испытывал какие-то сомнения, недоверие, все никак не решался встать на сторону пролетарской власти? «Писатель не обратил должного внимания на то, что это чувство скепсиса надо показать как недостаток Гала, как следствие его несознательности», в то время как у него оно предстает как «что-то закономерное». Почему так мало ярких образов коммунистов, всего один, и то под его воздействием Гал не сразу делает окончательный выбор? Почему автор прослеживает путь Гала только до порога «новой жизни» и в романе отсутствуют яркие картины современной действительности? Эти и многие другие вопросы рецензента свидетельствуют не только об узкой нормативности его исходных посылок в отношении художественного образа, но и о предельно упрощенном понимании им всей противоречивости процесса духовной эволюции человека в меняющихся социальных условиях. Так нормативная эстетика калечила здравый смысл, перечеркивала жизненный опыт людей, бывших свидетелями переломной эпохи во всей ее сложности и, конечно же, осознававших различие между реальной действительностью и тем искусственным, «парниковым» миром, который вставал со страниц произведений, выполненных по канонам социалистического реализма.

¹⁶ *Horváth M. Lobogónk: Petőfi. Vp., 1950. 215 old.* Задача искусства, по Хорвату, состоит не в чем ином, как только лишь в «создании конкретно-чувственной картины того», абстрактное понимание чего дает наука (*Ibid.* 216 old.). Из этого положения (отнюдь не оригинального, почерпнутого из учебников по эстетике, изданных в СССР в конце 1940-х годов) логически вытекало, что произведение, иллюстрирующее более передовую систему взглядов, не может не быть совершеннее, чем то, что отражает предрассудки автора. Свою в высшей степени упрощенческую точку зрения, не проводившую различий между иллюстративностью и художественностью, Хорват мотивировал еще и тем, что искусство, не владеющее методом «социалистического реализма», «мобилизует на борьбу лишь против некоторых грехов буржуазного общества», но не способно преодолеть своей классовой ограниченности и не может повести на борьбу против буржуазного общества в целом (*Ibid.*). Если Хорват абсолютизировал пропагандистскую функцию искусства, то Реваи, в большей мере

принимавший во внимание гносеологическую природу художественного творчества, видел в наследии минувших времен ценность постольку, поскольку познать настоящее «нельзя без знания прошлого... а откуда мы можем лучше узнать рухнувший мир, кроме как из классической литературы» (*Révai J. Irodalmi tanulmányok. 312 old.*). Способность искусства выражать общечеловеческое содержание, не сводимое только к отражению некоей системы социальных отношений (причем в случае с несоциалистическим искусством с «ненаучных», классово ограниченных позиций), Реваи в данном случае также мало учитывалась.

¹⁷ См.: *A magyar irodalom története... 476 old.*

¹⁸ Вот какие, к примеру, претензии предъявлялись журналом «Свободное искусство» художнику Сентивани, выполнившему портрет рабочего-стахановца Пожони: «Кто для нас товарищ Пожони и что сделал из него Сентивани?... Пожони наш герой. Почему же в его образе на картине нет героизма, почему он получился таким худым и хилым?... Почему его лицо, вид... совсем не выражают того, что мы должны построить 220 000 квартир, каждые пять месяцев сдать один завод, должны построить нашу свободную дорожную социалистическую родину... Товарищ Сентивани не прочувствовал особенностей стахановского метода» (*Szabad Művészet. 1952. № 2. 86 old.*).

¹⁹ Для того, чтобы художникам было легче изображать Сталина, им был показан специальный фильм о нем, где «отец народов» выступал в различных ипостасях: (ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 17. Д. 181. Л. 172).

²⁰ *Szabad Nép. 1951. 19 IV.*

²¹ *Horváth M. Megjegyzések egy képzőművészeti vitához. Bp., 1952.* Еще одним «недостатком», отмеченным Хорватом, было отсутствие красной полосы на предутреннем небе, символа торжества конечной цели восставших — требование к художникам использовать в пропагандистских целях подобного рода примитивную символику также было характерным для тогдашней критики.

²² Цит. по: *Póth P. A kollektivizálás szolgálatában álló kultúrpolitika // Tanulmányok a szocialista mezőgazdaság kialakulásáról. Bp., 1988. 527 old.*

²³ *Szabad Nép. 1951. 10 VI.*

²⁴ *Irodalmi Újság. 1950. 21 XII.*

²⁵ *Kritika. 1975. № 11. 19 old.*

²⁶ *Póth P. Op. cit.*

²⁷ *Csillag. 1948. № 3. 63 old.*

²⁸ *Forum. 1950. № 2. 141 old.*

²⁹ *Szabad Nép. 1951. 28 IV.*

³⁰ *Ibid. 1951. 18 IV.*

³¹ *Irodalmi Újság. 1950. 2 XI.*

³² См.: *Horváth M. Lobogónk: Pet5fi. 234 old.*

³³ *Ibid. 183 old.* Сходную позицию выразил Й. Реваи, выступая 15 октября 1951 г. на втором съезде Союза работников венгерского театра и кино: «Кино и театр должны обращаться к большим вопросам, волнующим народ, таким проблемам, которые являются основными проблемами государства, нации... и в этой области также нужно придерживаться планомерности. Это означает, что... при составлении репертуара театров, плана кинопроизводства нельзя отказываться от определенного круга тем, от планирования с ориентацией на эту тематику... У нас еще нет ни одного фильма, который был бы посвящен какому-либо значительному результату выполнения пятилетнего плана» (Цит. по: *Tom Л. Становление нового киноискусства Венгрии после Второй мировой войны // Современное венгерское искусство и литература. М., 1991. С. 58.*) Высказывалась также та точка зрения, что диктатура пролетариата применительно к искусству предполагает прежде всего гегемонию пролетарских тем над крестьянскими (*A magyar irodalom története... 397 old.*).

³⁴ *Horváth M. Lobogónk: Pet5fi. 183 old.*

³⁵ Цит. по: *Király I. Op. cit. 1010 old.*

³⁶ *Szabad Nép. 1951. 29 IV.*

³⁷ *Ibid. 1949. 2 X.*

³⁸ *Horváth M. Lobogónk: Pet5fi. 216 old.*

³⁹ *Szabad Nép. 1951. 13 I.*

⁴⁰ *Király I. Op. cit.*

⁴¹ Достаточно сказать, что в 1955 г. дети рабочих и крестьян составляли 60% учащихся высшей школы изобразительного искусства, тогда как до войны их там были единицы (См.: *Fels5oktatási Szemle. 1970. № 4. 259 old.*).

⁴² *Tom Л. Указ. соч. С. 60.*

⁴³ В целях поощрения деятелей культуры, угодных режиму, Ракоши перенимает у Сталина механизм премирования придворных художников. Так, венгерским аналогом Сталинских премий становятся премии имени Кошута. Формируется и международная система вознаграждения мастеров искусств за особые заслуги в деле пропаганды сталинского тоталитаризма – среди лауреатов Сталинской премии по литературе в 1951–1952 гг. оказалось несколько зарубежных, в том числе и венгерских, писателей. Следует заметить, что именно с лауреатами из Венгрии произошел наиболее серьезный «прокол». Оба они – авторы очень несовершенных в художественном отношении произведений, молодые прозаики Т. Ацел и Ш. Надь – были выдвинуты в Москве без согласования с руководителем культурной политики ВПТ Й. Реваи.

Присуждение им премии вызвало в Венгрии большое недоумение как в литературных кругах, так и со стороны партийного руководства (См. записи бесед сотрудников посольства СССР в Венгрии с венгерскими литераторами за 1952 г.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 859.). К этому можно добавить, что оба награжденных литератора и в дальнейшем не оправдали доверия тех, кто рекомендовал их на премию. III. Надь в 1960-е годы был привлечен Я. Кадаром к суду за создание нелегальной организации маоистского толка. Т. Ацел, в середине 1950-х годов ставший активистом оппозиционной, выступавшей за расширение творческих свобод, группировки в Союзе венгерских писателей, в декабре 1956 г. навсегда уехал из Венгрии – согласно распространенной в Венгрии легенде, впрочем, неправдоподобной, на личном автомобиле, купленном на Сталинскую премию.

⁴⁴ Révai J. Irodalmi tanulmányok. 304–305 old.

⁴⁵ Подробнее см.: *Kulcsár Szabó E.* From the Program of Literary Unity to the Defensive. György Lukács and the Forum // *Hungarian Studies on György Lukács.* Bp., 1993. Vol. II.

⁴⁶ Lukács Gy. A marxista kritika feladatai // *Forum.* 1949. № 3.

⁴⁷ См.: *Lukács Gy.* Világirodalom. Válogatott világirodalmi tanulmányok. Bp., 1969.

⁴⁸ Révai J. Megjegyzések egy regényhez // *Társadalmi Szemle.* 1952. № 8–9.

⁴⁹ Révai J. Irodalmi tanulmányok. 304–305 old.

⁵⁰ Horváth M. Lobogónk: Petőfi. 219 old.

⁵¹ Lukács Gy. Magyar irodalom – magyar kultúra. Bp., 1970. 341 old.

⁵² *Kritika.* 1975. № 11. 18–19 old.

⁵³ То же самое, конечно же, касалось и культуры США. Статья, посвященная современной американской литературе, например, гласила: «Такие писатели, как Стейнбек, Хемингуэй, С. Льюис, Э. Синклер, Колдуэлл... верно угождают вкусам и требованиям своих покровителей, но ничего значимого с литературной точки зрения не могли создать» (*Irodalmi Újság.* 1950. 14 XII.). Это утверждение, однако, вступало в острое противоречие с реальными фактами. В современной американской литературе признавались А. Мальц, М. Голд, Л. Хьюз, Г. Фаст, впоследствии порвавший с компартией, и ряд еще менее крупных писателей, как правило, близких рабочему или же негритянскому движению.

⁵⁴ Lukács Gy. *Irodalom és demokrácia.* 2 kiad. Bp., 1948; Lukács Gy. *Új magyar kultúráért.* Bp., 1948.

⁵⁵ Так назывался и сборник статей М. Хорвата по проблемам художественной литературы: *Horváth M. Lobogónk: Petőfi.*

⁵⁶ *Szabad Nép.* 1949. 2 X.

- ⁵⁷ Подробно см.: *Стыкалин А. С.* Русская культура в Венгрии во второй половине 1940-х годов. Новый этап в диалоге двух культур // Власть и интеллигенция. Вып. 3. Культурная политика в странах Центральной и Восточной Европы. 1920–1950-е годы. М., 1999. С. 121–160.
- ⁵⁸ См. там же; *Стыкалин А. С.* Советский фактор в развитии венгерской культуры (1945 – вторая половина 1950-х годов) // Власть и интеллигенция. Вып. 2. Из опыта послевоенного развития стран Восточной Европы. М., 1993. С. 8–41. Параллельно с резким повышением интенсивности советского культурного влияния столь же резко сужались масштабы воздействия иных, более традиционных для Венгрии культур. После 1948 г. был прекращен показ американских фильмов, из театральных репертуаров и книгоиздательских планов были исключены многие произведения западных авторов. При этом наряду с продукцией коммерческой культуры в «запретную зону» попадали большие ценности. О том, в каких масштабах происходило вытеснение мировой классики из духовной жизни Венгрии, лучше всего скажет следующий факт. Среди книг, подлежащих изъятию из библиотек согласно официальному распоряжению 1950 г. (через год, правда, частично пересмотренному), оказались «Калевала», произведения М. Сервантеса, А. Дюма, братьев Гримм, Г. Уэллса, С. Цвейга, ряда других крупных писателей разных времен и народов (*Varga S. A selejtlista: 1950 // Irodalomtörténet. 1983. № 2.*). В некоторых случаях (например в случае с «Дон Кихотом») основанием для изъятия книг явилась «контрреволюционная сущность» их составителей или авторов предисловий (эти книги вышли до 1948 г.), но в большинстве случаев речь шла о принципиальном неприятии того или иного явления с позиций сталинской эстетической ортодоксии.
- ⁵⁹ Эта тема многократно находила отражение и в донесениях советских эмиссаров из Будапешта. См., например: О состоянии искусства в Венгрии (письмо корреспондента ТАСС в Венгрии от 12 марта 1954 г.). Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 30. Д. 75. Л. 55–59.
- ⁶⁰ Szabad Nép. 1951. 28 IV.
- ⁶¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 860. Л. 108.
- ⁶² Там же. Л. 109.
- ⁶³ Там же. Д. 859. Л. 183.
- ⁶⁴ Там же.
- ⁶⁵ Там же. Л. 39.

Глава 7

- ¹ Одним из проявлений открытого недовольства явилась забастовка рабочих ряда цехов крупнейшего в Венгрии Чепельского комбината 1 июня 1953 г.
- ² Подробнее см. в разделе о литературной жизни Венгрии в 1948–1956 гг. в «Истории венгерской литературы»: *A magyar irodalom története. 1945–1975. Vp., 1985. Vol. I.*
- ³ Подробнее см.: *Стыкалин А.С.* Публицистика венгерской революции 1956 года. Часть 1. Канун восстания // Вестник МГУ. Сер. 10. Журналистика. 1998. № 3. С. 62–78; *Rainer M.J.* Az író helye. Viták a magyar irodalmi sajtóban. 1953–1956. Vp., 1990.
- ⁴ *Irodalmi Újság.* 1954. 23 X.
- ⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 17. Л. 84.
- ⁶ Цит. по: Оттепель 1953–1956. Страницы русской советской литературы. М., 1989. С. 431 (хроника событий литературной жизни СССР).
- ⁷ Там же. С. 436, 438.
- ⁸ Там же. С. 440–441. О немалом влиянии М. Лифшица на А. Твардовского лучше всего свидетельствуют дневники поэта, относящиеся к 1950-м годам. См.: *Твардовский А.* Из рабочих тетрадей (1953–1960) // Знамя. 1989. № 7–9.
- ⁹ Речь идет о работе Лукача «Особенное как эстетическая категория», опубликованной в 1957 г.: *Lukács Gy.* A különösség mint esztétikai kategória. Vp., 1957.
- ¹⁰ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 631. Оп. 26. Ед.хр. 1190.
- ¹¹ Свидетельство Т.М. Исламова.
- ¹² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Д. 535. Л. 70–71.
- ¹³ На письме Суркова имелась помета, видимо, сделанная в отделе культуры ЦК КПСС: «данный вопрос решения ЦК не требует».
- ¹⁴ *Georg Lukács zum 70. Geburtstag.* Berlin, 1955. Среди авторов этого международного сборника были Эрнст Блох, Ганс Эйслер, Анна Зегерс, Арнольд Цвейг, Анри Лефевр, лидер итальянских социалистов Пьетро Ненни.
- ¹⁵ См. письмо П.Н. Федосеева в ЦК КПСС с предложением перевести на русский язык и опубликовать в СССР ряд книг современных зарубежных марксистов (январь 1956 г.). РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Д. 24. Л. 13–17. По мнению П. Федосеева, «знакомство с книгами, характеризующими непоследовательность и ограниченность мировоззрения буржуазных ученых, дало бы нашим научным кадрам возможность вести работу в направлении оказания помощи этим ученым, что могло бы содействовать их переходу на позиции материализма» (Там же. Л. 17).

¹⁶ Там же. Оп. 17. Д. 537. Л. 54–56.

¹⁷ См. например: *Dérsi T. Tudós és forradalmár. Lukács György életútja // Új világ.* 1955. 21 IV.

¹⁸ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Д. 1202. Л. 57.

¹⁹ К этой дискуссии подключилась и советская театральная критика. 29 марта 1955 г. в газете «Советская культура» Л. Вендровская и А. Неймарк в статье «Венгерский театр сегодня» расценили постановку драмы Мадача как свидетельство художественного роста венгерского театра. После поражения революции 1848 г., писали авторы, «Мадач пытался своей трагедией ответить на вопрос: ради чего живет на земле человек? В ряде картин перед зрителем проходит как бы история человечества. Каждая картина – маленькая трагедия. Действие происходит в разные эпохи и в разных странах, но все эти картины объединены общей идеей: пусть герой гибнет, история движется вперед... Мужественное звучание пьесы, ее устремленность в будущее делают это выдающееся произведение венгерской классики близким современному зрителю».

За два дня до публикации «Советской культуры», 27 марта, в «Сабанднеп» появилась отрицательная рецензия на спектакль. В те же дни руководители ВПТ М. Ракоши и Э. Гере, беседуя с представителями отдела ЦК КПСС по связям с иностранными компартиями, выразили свое крайне негативное отношение к самому факту постановки. Зав. отделом Б.Н. Пономарев и его сотрудник В.И. Лесаков сообщали 1 апреля в Секретариат ЦК: «По мнению тт. Ракоши и Гере, спектакль «Трагедия человека» является глубоко порочной и вредной пьесой и наносит большой политический вред делу партии. Проникнутая зоологической ненавистью к человеку, пьеса в мистических и пессимистических тонах показывает, как Люцифер проводит Адама и Еву через все этапы человеческого развития. Особенно зловеще и в самых черных красках в спектакле показана социалистическая фаланга, где люди, в том числе и дети, одеты в одинаковые мрачные костюмы с квадратными капюшонами, где детей отбирают у матерей. В связи с тем, что спектакль пользуется большим успехом и что билеты на него проданы на несколько месяцев вперед, т. Ракоши считает, что сразу его снять нельзя, а путем сокращения количества спектаклей и помещения в печати отрицательных рецензий через некоторое время исключить из репертуара эту пьесу» (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 293. Л. 136. Автор благодарен своему коллеге В.Т. Серее за указание источника). В целях идеологической поддержки венгерских единомышленников «Правда» 29 апреля 1955 г. опубликовала статью своего собкора С. Крушинского «В театрах Будапешта». Постановка «Трагедии

человека» была охарактеризована в ней как творческая неудача Национального театра, сама же пьеса названа философски порочной и лживой.

²⁰ Szabad Nép. 1955. 24 III; 2 IV. Трагизм фигуры Мадача, по Лукачу, заключался в неразрешенном исторически обусловленном противоречии между его глубоким патриотизмом и консервативным мировоззрением, парализовавшим способность к действию во благо родины. При этом реалистическое начало у Мадача не смогло одержать победы над пессимизмом его философских построений из-за некоторой отвлеченности, схематичности его образов. Все-таки Лукач не мог не признать, что Мадачем было создано значительное художественное произведение, оставившее заметный след в истории венгерской литературы. Это признание вызвало неудовольствие референтов Иностранной комиссии СП СССР, писавших, что Лукач, желая «оправдать» Мадача, сконструировал умозрительную концепцию, свидетельствующую о непреодоленных им «объективистских и идеалистических» взглядах (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Д. 1305. Л. 1–11).

²¹ Magyar Országos Levéltár. 276 f. 333 ö. e.

²² Архив РАН. Ф. 579. Оп. 2. Д. 77а. Л. 6.

²³ Подробнее см.: *Середа В. Т., Стыкалин А. С.* Из истории одного противостояния: союз венгерских писателей в общественно-политической борьбе середины 50-х годов // Политические кризисы и конфликты 50–60-х годов в Восточной Европе. М., 1993. С. 93–145.

²⁴ Подробнее см.: *Стыкалин А. С.* В преддверии взрыва. Углубление политического кризиса в Венгрии и политика СССР (март–октябрь 1956 г.) // Конфликты в послевоенном развитии восточноевропейских стран. М., 1997. С. 38–68; *Он же.* Ситуация в Венгрии после XX съезда КПСС. Борьба в руководстве ВПТ и советская дипломатия (март–июль 1956 г.). Введение к разделу I // Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. Ред.-состав. *Орехова Е. Д., Середа В. Т., Стыкалин А. С.* М., 1998. С. 25–46.

²⁵ *Lukács Gy.* Curriculum vitae. Вр., 1982. 378 old.

²⁶ «Чтобы из XX съезда получилось что-нибудь реальное, должно пройти по крайней мере 20 лет», – говорил он ученикам весной 1956 г. (Свидетельство одного из учеников, академика ВАН И. Херманна). См.: *Hermán I.* Lukács György élete. Вр., 1985. 186 old.

²⁷ Об этом говорилось и в ходе беседы с секретарем Союза венгерских писателей А. Тамашем на заседании Иностранной комиссии Союза писателей СССР 16 апреля 1956 г. Участники заседания проявили живой интерес к деятельности Лукача, спрашивали о его новых работах. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Д. 1206.

²⁸ См.: *Hermán I.* Op. cit. 189–190 old.; *Kritika.* 1989. № 1.

- ²⁹ Параллели в работах Грамши и Лукача привлекали внимание исследователей разных стран. См.: *Kilminster R. Praxis and method: a sociological dialogue with Lukács, Gramsci and the early Frankfurt school.* London, 1979; *Tanulmányok Antonio Gramsciról és Lukács Györgyról.* Bp., 1988; *Ellenzélben. Gramsci és Lukács ma.* Szeged, 1993.
- ³⁰ *La letteratura sovietica.* Firenze, 1956.
- ³¹ См.: *Lapointe F.H. Georg Lukács and His Critics. An International Bibliography with Annotations (1910–1982).* London, 1983.
- ³² См. донесения посольства СССР за июнь 1956 г. // Советский Союз и венгерский кризис 1956 года... I раздел.
- ³³ Материалы дискуссии опубликованы: *A Pet5fi Kör vitái hiteles jegyz5könyvek alapján. II. Filozófusvita.* Bp., 1989. О философской дискуссии также см.: *Ripp Z. Filozófiai frontok. Az Évkönyv-vitától a Pet5fi Körig // Világosság.* 1989. № 3.
- ³⁴ *HegedCs B.A. Pet5fi Kör – a reformmozgalom foruma 1956-ban // Világosság.* 1989. № 1. 27 old.
- ³⁵ См.: *Стыкалин А.С. В преддверии взрыва...; Он же. A szovjet nagykövetség és az MDP-n belüli harc 1956 tavaszán – kora 5szén // Múltunk.* 1998. № 2. 23–49 old.
- ³⁶ «Людам свойственно ошибаться». Из воспоминаний М. Ракоши. Публикация, вводные статьи и комментарии В.Т. Середы и А.С. Стыкалина при участии А.Д. Чернева, А.А. Чернобаева, А.В. Короткова // Исторический архив. 1998. № 3. С. 3–59; № 5–6. С. 153–212; 1999. № 1. С. 3–84.
- ³⁷ См.: Исторический архив. 1999. № 1. С. 26–27. «Д. Лукач включился в коммунистическое движение будучи гегельянцем, и во всех, я повторяю, во всех тяжелых ситуациях у него проявлялось влияние Гегеля. Диалектический материализм никогда не был его плотью и кровью, и сколько бы раз мы ни заставляли его заниматься самокритикой в этой связи, при первом же случае вновь оказывалось, что ничего не изменилось. Я не был удивлен тому, что сейчас он встал на сторону довольно незрелой, но ясно выступающей против партии молодежи из Кружка Петефи», – резюмировал Ракоши свое отношение к Лукачу.
- ³⁸ 17 июня «Сабад неп» опубликовала статью И. Фелдеша «Философская дискуссия в кружке имени Петефи» с эпиграфом из выступления Лукача: «Мы вступили на порог нового расцвета марксизма». Отметив, что «в центре внимания дискуссии стоял вопрос о том, какие трудности препятствуют последовательному претворению в жизнь опыта XX съезда КПСС», автор статьи констатировал: «дискуссии, на которые не дают догматизм и сектантские воззрения, оказывают большое влияние на венгерскую интеллигенцию. Демократизация научных дискуссий увеличивает авторитет

марксизма». По мнению автора, «в нашей философской жизни, в первую очередь благодаря деятельности гг. Д. Лукача и Б. Фогараши, догматизм не был таким общим и чуть ли не исключительным направлением, как в области других общественных наук». Вместе с тем «развитию венгерской философии не содействует то ненормальное положение, что тов. Лукач по существу не имеет в Венгрии университетской кафедры...» (В начале 1950-х годов Лукач фактически перестал преподавать в университете, перейдя на основную работу в образованный Институт философии ВАН, однако вокруг него продолжали группироваться молодые философы, впоследствии составившие известную во всем мире школу Лукача, – А. Хеллер, Д. Маркуш и др.).³⁹ Архив внешней политики РФ (АВПР). Ф. 077. Оп. 36. П. 48. Д. 178. Л. 44. Третий секретарь и пресс-атташе посольства В.А. Крючков (будущий шеф КГБ и член Политбюро ЦК КПСС) в обзоре «Венгерская печать о работе кружка имени Ш. Петефи», подготовленном в июле 1956 г. (Там же. Л. 42–51), считал ненормальным, что «Сабад неп» одобрила диспуты кружка по таким вопросам, обсуждение которых, по его мнению, было бы более целесообразно по партийной линии или в рамках госучреждения. В статье центральной партийной газеты без комментария были приведены слова Лукача о том, что в Венгрии «нет еще марксистской логики, нет еще марксистской этики, эстетики, педагогики, психологии и т. д.», и это также вызвало осуждение Крюčkова. Другие газеты, отмечал далее пресс-атташе, в еще большей мере одобрили тот дух, который господствовал на дискуссиях Кружка Петефи. Главная молодежная газета «Сабад ифьюшаг» «создавала буквально ажиотаж вокруг деятельности Кружка Петефи. Она писала о переполненных залах, исключительном интересе к кружку, жажде молодежи к свободным дискуссиям, свободному изъяснению мнений и т. д. и т. п. Лукач охарактеризован как международно признанный философ-марксист... В выступлениях Лукача, Фогараши (и тех, кто их восхвалял) демагогический подход к оценке нынешнего состояния марксистской философской науки наиболее очевидно проявлялся в их несамокритичном отношении к своим ранее изданным статьям».

Выступление Лукача на философской дискуссии Кружка Петефи нашло отражение и в донесениях посла СССР в Венгрии Ю. Андропова. Так, в записке Президиуму ЦК КПСС от 29 августа он писал: «На состоявшейся недавно философской дискуссии выступил венгерский философ Лукач, который тенденциозно старался освещать состояние марксистско-ленинской науки в СССР, упирая почти исключительно на то, что советские философы являются догматистами и начетчиками» (Советский Союз и венгерский кризис 1956 года... С. 247–248).

⁴⁰ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Д. 1206 (беседа в иностранной комиссии Союза писателей СССР с секретарем СП Венгрии А. Тамашем 16 апреля 1956 г.).

- План приезда Лукача в СССР (см. ниже) предусматривал посещение Издательства иностранной литературы, где, согласно приводимому источнику, уже была начата подготовка к изданию ряда его работ (Архив РАН. Ф. 579. Оп. 1. Д. 355. Л. 5–7).
- ⁴¹ Лукач Г. Экономические взгляды Гегеля в иенский период. Вопросы философии. 1956. № 5.
- ⁴² Свидетельство С.Н. Земляного (Независимая газета. 1999. 28 янв.).
- ⁴³ Lukács G. Die Zerstörung der Vernunft. Der Weg des Irrationalismus von Schelling zu Hitler. Berlin, 1954. На венгерский язык работа была переведена как «Az ész tronfosztása» («Низложение разума»).
- ⁴⁴ РГАНИ. Письмо аналогичного содержания было направлено П.Н. Федосеевым 5 мая и в Президиум АН СССР: Архив РАН. Ф. 579. Оп. 1. Д. 355. Л. 3.
- ⁴⁵ Там же. Л. 2. Одновременно зам. директора Института философии А.Ф. Окулов представил в Иностранный отдел АН СССР справку с биографическими сведениями о Д. Лукаче, коммунисте с 1918 г., нарком Венгерской советской республики 1919 г. Предполагалось, что Д. Лукач посетит Москву в октябре сроком на две-три недели (Там же. Л. 4). Уже был составлен план пребывания Лукача в Москве и Ленинграде (Там же. Л. 5–7), который предусматривал встречи с коллегами в Институте философии и других учреждениях, ряд лекций, участие в конференции по Гегелю. После включения предстоящего приезда Лукача в планы международного сотрудничества АН СССР приглашительное письмо венгерскому философу было направлено и от имени и.о. главного ученого секретаря Президиума АН СССР Н.М. Сисакяна (Там же. Л. 8).
- ⁴⁶ Речь идет о научной работе «Проблема эстетического отражения», одной из предварительных публикаций, предшествовавших выходу фундаментального труда «Своеобразие эстетического». См.: Az esztétikai visszatükrözés problémája // MTA Társadalom-Történeti Tudományok Osztályának Közleményei. Bp., 1955.
- ⁴⁷ Имеется в виду «Своеобразие эстетического».
- ⁴⁸ Архив РАН. Ф. 579. Оп. 1. Д. 355. Л. 9 (перевод); Л. 11 (оригинал на немецком языке).
- ⁴⁹ Об этом свидетельствует составленная, вероятно, в Иностранном отделе АН СССР, относящаяся к лету 1957 г. рукописная записка с неразборчивой подписью: «в беседе с т. Шиклошем (начальником иностранного отдела ВАН. – А. С.) договорились о том, что дело Лукача будет вновь рассмотрено, когда т. Шиклош переговорит о нем в ЦК ВСРП и ВАН. Пока считать в силе прошлогоднее приглашение Лукача с супругой» (Там же. Л. 1).
- ⁵⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 17. Л. 53–62.

⁵¹ Ю.В. Андропов, видевший в деятельности кружка исключительно угрозу монополии ВПТ, докладывал в конце июня в Москву, что редактор газеты М. Хорват проявляет колебания, «теряет правильный курс в ряде вопросов, впадает в панику, предоставляет страницы партийной газеты для опубликования статей, в которых нередко протаскиваются чуждые партии взгляды» (Советский Союз и венгерский кризис 1956 года... С. 121). Сходная характеристика содержится и в обзоре выступлений венгерской печати о Кружке Петефи, подготовленном В.А. Крючковым: АВПР. Ф. 077. Оп. 36. П. 48. Д. 178. Л. 42–51. По мнению Крючкова, венгерская пресса «допускала неоправданные восхваления» деятельности кружка и тем самым создавала почву для антипартийных выступлений, «сбивала с толку многих честных товарищей». Это объяснялось тем, что Центральное Руководство ВПТ «не направляло должным образом работу печати, не осуществляло необходимого контроля за ней».

⁵² Kapu. Különszám. Bp., 1989. 17 old.

⁵³ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года... С. 125. Информацию о дискуссии 27 июня советское посольство получило от непосредственных свидетелей, один из которых в беседе с дипломатом отмечал, что никто из выступавших и не помышлял о свержении «народно-демократической» власти, что речь шла лишь о необходимости найти более гуманный вариант продвижения к социализму, и с такой же энергией, с какой устраивалась овация при упоминании Имре Надя, аудитория кричала «Да здравствует партия!» (Там же). Эти уверения, однако, мало успокоили Андропова, расценившего дискуссии как симптом дальнейшего усиления тенденций, ведущих к подрыву диктатуры ВПТ, а следовательно, угрожающих советским интересам в Венгрии. В очередном донесении в Москву его выводы вполне определены: органы государственной безопасности Венгрии «не проявляют должной решительности в борьбе против контрреволюционных элементов, которые стали вести себя недопустимо нагло» (Там же. С. 122). Подобной оценке дискуссии о печати суждено было стать доминирующей на долгие годы. Характерно, что на протяжении трех десятилетий официозная венгерская и советская историография рассматривала эту дискуссии как главную в те месяцы «ревизионистскую вылазку», важное звено в идеологической подготовке «октябрьского путча».

⁵⁴ Lukács Gy. A haladás és reakció harca a mai kultúrában (Előadás). Bp., 1956 (лекция была опубликована в 1956 г. как отдельной брошюрой, так и на страницах главного теоретического органа партии журнала «Таршалми семле», № 6–7). Еще одним июньским событием с участием Лукача стала дискуссия об историческом значении его «тезисов Блюма» (1929), состоявшаяся в Институте истории партии при ЦР ВПТ (См.

главу 3. Выступление Лукача на дискуссии см.: *Lukács Gy. Curriculum vitae.* 171–227 old.).

- ⁵⁵ Поскольку «всемирно-исторические истины марксизма осуществляются диалектически», «какой-нибудь совершенно неизбежный тактический ход может находиться в диалектическом противоречии с общими всемирно-историческими теориями», – отмечал в этой связи Лукач (*Lukács Gy. A haladás és reakció harca a mai kultúrában (Előadás)*, Вр., 1956.
- ⁵⁶ «Бесчисленное количество тяжелых стратегических ошибок, совершенных нашими партиями, объясняется тем, что истины революционного периода 1917 г. и непосредственно следующих за 1917 г. лет, родившиеся во время борьбы за власть в Советском Союзе между буржуазией и пролетариатом, во время интервенции и так далее – эти истины мы безо всякой критики и без анализа новой ситуации перенесли прямо в период, основной стратегической проблемой которого являлась не непосредственная борьба за социализм, а состязание фашизма и антифашизма». Так, Сталин назвал социал-демократов близнецами фашистов, что явилось препятствием в политике создания единого фронта вплоть до VII Конгресса Коминтерна. Для того, чтобы избежать новых сектантских ошибок, надо осознать, в какой конкретно-исторической форме проявляются сегодня основные противоречия всемирной истории. Это тем более важно, продолжал Лукач, поскольку реакция старается отвлечь внимание от конкретных противоречий, пытается всякий актуальный вопрос политической практики упростить до всемирно-исторического антагонизма между капитализмом и социализмом. Так поступала в свое время пропаганда Гитлера, а после войны крайне консервативные силы в США. В Венгрии на парламентских выборах 1945 г. партия мелких сельских хозяев также всячески обнажала в своей агитации выбор между капитализмом и социализмом. Цель подобной тактики для убежденного коммуниста Лукача была предельно ясна: враг хочет спровоцировать решительное столкновение между капитализмом и социализмом в условиях еще неблагоприятных для сил социализма (*Ibid.*).
- ⁵⁷ К счастью, Сталин, добавил Лукач, «не делал выводов из этой теории с полной решительностью и ввиду этого в его политике были также и элементы признания новой эпохи. Но только лишь элементы, и действительно последовательная политика в этом направлении могла начаться лишь после смерти Сталина...» (*Ibid.*).
- ⁵⁸ Согласно учению Маркса, рассуждал Лукач, диалектика законов капитализма неминуемо ведет к социализму (это вовсе не означает, добавил он, что надо вмешиваться в жизнь капиталистических государств – каждый народ сам устраивает свою судьбу). Если бы мы полагали, что третья мировая война принесет большей части земного

шара социализм, то могли бы, конечно, спокойно препоручить распространение социализма мировой войне, положившись на превосходство своего оружия. Однако последствия этого оказались бы роковыми. Если же мы убеждены, что стоим перед длительным периодом мирного развития и что всякое буржуазное государство приведет к социализму диалектика его собственного внутреннего развития, из этого следует, что мы, коммунисты, можем влиять на это развитие только идеологически (Ibid.).

⁵⁹ Никогда не отрицавший за революционной властью права на насильственную экспроприацию собственности коммунист Лукач сделал при этом существенную для понимания его позиции оговорку: «Я имею в виду не маленькую группу капиталистов-империалистов; для них экспроприация всегда будет ужасом, пугалом» (Ibid.).

⁶⁰ Как отмечал Лукач, в последнее время наметились возможности сближения духовенства и Ватикана с силами прогресса и эти возможности особенно хорошо используются коммунистами в Италии, где «рабочее движение носит менее сектантский характер». Политический союз, по мнению философа, отнюдь не означает прекращения идеологической полемики. Философ подчеркнул необходимость открытых диалогов и дискуссий с представителями церкви и религиозного мировоззрения (Ibid.).

⁶¹ Кризис официальной идеологии стран советского блока осознавался и многими западными марксистами. В этой связи представляют интерес замечания одного зарубежного марксиста по поводу участия советских философов в Международном философском конгрессе в Цюрихе в 1954 г. Члены советской делегации, как правило, уклонялись от ведения дискуссий, «болтали свое», мало слушая других, не придерживались поставленной темы. Не надо преподавать идейным противникам элементарный марксизм, конгресс не место для этого, заметил в своем письме зарубежный марксист. По его мнению, участниками конгресса плохо воспринималось и слишком частое упоминание советскими философами классиков своего учения. Неуместные поучения ораторов из СССР в адрес весьма подготовленной в профессиональном отношении аудитории производили более чем странное впечатление. «Делегация не учла тот факт, что буржуазный Цюрих – это не социалистическая Москва, а Цюрихский конгресс не является аудиторией Московского университета», а тем более собранием колхозников. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 70. Л. 124–127.

⁶² Для преодоления подобной негативной практики, для радикальной ликвидации сектантства и догматизма результаты XX съезда, которые

западная пропаганда старается ограничить плоскостью сенсаций и разоблачений, могли бы иметь поистине большое значение, заметил в этой связи Лукач. Речь идет не просто об исправлении ошибок, а о новом взгляде на мир, уяснении сложных, неоднозначных процессов, происходящих, в частности, и в буржуазном лагере. И одна из предпосылок необратимости перемен – в осознании того факта, что полное развитие демократии укрепляет, а не подрывает диктатуру пролетариата. Пока мы находимся у самых истоков того процесса, который может повести к коренному обновлению социализма, но его возможности огромны, подчеркнул философ. Для того, чтобы закрепить поступательное движение, необходимо дальнейшее развертывание дискуссий (не только в рамках коммунистического движения, но и за его пределами). Успех во многом зависит и от того, «когда мы выступим со скромными, может быть, поначалу, но реальными результатами новых методов новой эпохи, когда мы не только простым фактом существования социализма, но и конкретным его развитием в новом направлении сможем влиять на происходящее в мире идеологическое брожение и даже ускорять его». Наш первоочередной долг, резюмировал Лукач свои рассуждения, состоит в том, чтобы решительно рассчитаться с отходящей ныне в прошлое сталинской эпохой. См.: *Lukács Gy. A haladás és reakció harca...*

⁶³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 138. Л. 45.

⁶⁴ АВПР. Ф. 077. Оп. 37. П. 187. Д. 6. Л. 134–137. Свою статью от 24 июня, в которой восхвалялась деятельность Кружка Петефи, газета «Сабад неп» признала ошибочной. С аналогичной самокритикой выступили «Непсава» и «Иродалми уйшаг».

⁶⁵ О положении в литературной жизни Венгрии подробнее см.: *Середа В. Т., Стыкалин А. С. Из истории одного противостояния...*

⁶⁶ Что касается докладных Ю.В. Андропова из Венгрии, то ими начисто опровергается сложившийся в перестроечной публицистике конца 1980-х годов (вероятно, с легкой руки Ф.М. Бурлацкого) миф об Андропове как о стороннике далеко идущих реформ в рамках социалистического выбора. Скорее, наоборот, венгерский опыт лишь укрепил в нем антилибералистский и антиреформаторский синдром. Показательно, что донесения более высокопоставленных эмиссаров, выезжавших летом 1956 г. в Венгрию (не только слывшего наибольшим либералом в пост-сталинском «коллективном руководстве» А.И. Микояна, но также М.А. Суслова), отличались, как правило, большей умеренностью в оценке политической ситуации в стране и перспектив разрешения кризиса, хотя конечно, здесь надо учитывать, что члены Президиума ЦК КПСС обладали значительно большей свободой суждений, чем посол, сильно

связанный установками, поступавшими из центра. В своих донесениях Андропов достаточно адекватно передавал остроту ситуации, но единственный выход из нее видел в дальнейшем усилении прессы, проведении репрессий. Склонность посла к предельной драматизации венгерских событий, нагнетанию обеспокоенности Москвы положением дел в Венгрии, слабой реакцией руководства ВПТ на происки «враждебных элементов» была на протяжении всех месяцев кризиса той постоянной величиной, которую необходимо учитывать при рассмотрении факторов, определявших советскую политику в Венгрии.

⁶⁷ О конкретных обстоятельствах см.: *Стыкалин А.С.* В преддверии взрыва...; *Он же.* Ситуация в Венгрии после XX съезда КПСС...

⁶⁸ Исторический архив. 1993. № 4. С. 117.

⁶⁹ Речь идет о Французской коммунистической партии.

⁷⁰ В 1955–1956 гг. в условиях заметного улучшения отношений между СССР и ФНРЮ югославская пропаганда воздерживалась от прежних привычных выпадов в адрес «сектантских» и «догматических» тенденций в деятельности КПСС и других компартий.

⁷¹ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года... С. 179–180.

⁷² АВПР. Ф. 077. Оп. 37. П. 188. Д. 10. Л. 72–73. Беседа советского дипломата с секретарем Союза венгерских писателей Л. Эрдецем 21 августа 1956 г. Эрдеш говорил, что венгерские литераторы и, в частности, он могли бы сделать ряд критических замечаний в связи с некоторыми выступлениями советской прессы. Так, в 1955 г. в советской печати появилась статья, в которой давалась отрицательная оценка творчества Лукача в СССР в 1930-е гг. «Такая оценка не соответствует действительности и произвела на венгерских писателей неблагоприятное впечатление». Возможно, у Лукача есть ряд неправильных положений, но это в Венгрии наиболее выдающийся философ и эстетик, заметил Эрдеш. Нам неизвестно, о какой конкретной статье шла в данном случае речь.

⁷³ См.: *Стыкалин А.С.* В преддверии взрыва...; *Середа В.Т., Стыкалин А.С.* Углубление внутривластного кризиса после июльского пленума ЦР ВПТ (июль – октябрь 1956 г.). Введение к разделу II // Советский Союз и венгерский кризис 1956 года...

⁷⁴ См.: *Середа В.Т., Стыкалин А.С.* Из истории одного противостояния...

⁷⁵ РГАН. Ф. 5. Оп. 36. Д. 13. С. 82. В «Правде» в это время готовилась статья с положительной оценкой ситуации в Венгрии. Ее публикации, однако, воспрепятствовали ЦК КПСС и МИД СССР. Как говорилось в записке МИДа, такая статья может создать у советского читателя впечатление, что после XX съезда события развиваются в наиболее

- правильном направлении в Венгрии и Польше, что не соответствует действительности, поскольку именно в этих странах «антисоветски настроенные» писатели не только получили свободу слова, но и захватывают в газетах и журналах руководящее положение (АВПР. Ф. 077. Оп. 36. П. 48. Д. 14. Л. 91).
- ⁷⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 394. Л. 249–253.
- ⁷⁷ АВПР. Ф. 077. Оп. 37. П. 188. Д. 10. Л. 162.
- ⁷⁸ Югославская модель социализма (так называемый самоуправленческий социализм) действительно служила в 1956 г. образцом и ориентиром для многих коммунистов-реформаторов в Венгрии и других восточноевропейских странах. При этом она подвергалась явной идеализации.
- ⁷⁹ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года... С. 262. Трактовка высказываний П. Тольятти об истоках культа личности здесь искажена. На самом деле ни Тольятти в своем известном интервью журналу «Нуови аргументи», ни Лукач, при всей относительной радикальности их антисталинской критики, старались не выводить напрямую культ личности из самой природы советского общественного строя. Основной причиной этого явления они называли тенденцию к централизации и бюрократизации партийно-государственного аппарата в СССР после смерти Ленина.
- ⁸⁰ Там же. С. 278.
- ⁸¹ Irodalmi Újság. 1956. 22 IX.
- ⁸² См.: Долматовский Е. «Я из-за тебя ночь не спал...» // Родина. 1992. № 3.
- ⁸³ Irodalmi Újság. 1956. 29 IX.
- ⁸⁴ Крючков В. Личное дело. М., 1996. Ч. 1. С. 51.
- ⁸⁵ Magyar Nemzet. 1956. 10 X.
- ⁸⁶ Лукач сослался здесь на то, что эта тенденция к бюрократизации вызывала немалую обеспокоенность Ленина в последние годы его жизни.
- ⁸⁷ При этом Лукач сделал ссылку на уже упоминавшееся интервью П. Тольятти журналу «Нуови аргументи». Одновременно философ высказал свое принципиальное мнение о том, что критика системы взглядов и методов Сталина не исключает признания его правоты в некоторых конкретных вопросах, например, о возможности построения социализма в одной стране.
- ⁸⁸ Лукач назвал здесь фамилии критиков, литературоведов, искусствоведов немарксистских направлений, которые в годы режима Ракоши были вытеснены на периферию культурной жизни Венгрии – П. Игнотуса, М. Бенедека, А. Карпати, Б. Саболчи, Л. Фюлепа.
- ⁸⁹ При этом Лукач отмежевался от статьи И. Кеси о социалистическом реализме, опубликованной в «Иродалми уйшаг» 6 октября. Высказав-

шись за свободу искусства, поиски новых форм, Кеси обошел стороной требование реализма, принципиально важное для Лукача. Понятие «социалистический реализм» Кеси считал слишком узким для того, чтобы выразить наивысшие возможности социалистической литературы. По его мнению, это понятие было способно лишь укрепить ограничительные тенденции в литературе.

⁹⁰ См.: *Rainer M.J. Az író helye...*

⁹¹ Еще один вопрос, заданный Лукачу, касался его отношения к одной из стержневых формул официальной эстетики социалистического реализма – о социалистическом содержании и национальной форме произведений, созданных в соответствии с требованиями этого метода. Как раз перед этим в венгерской литературной периодике развернулась дискуссия по данному вопросу, начало которой положил ученик Лукача И. Месарош. По мнению Месароша, с которым солидаризировался и Лукач, национальный характер художественных произведений проявляется не только в их форме, но и в содержании. Как заметил Лукач, реальность строящегося социализма заключает в себе диалектику национального и социалистического содержания. Если искусству удастся выразить ее, то в такой форме, где в сложной диалектической взаимосвязи находятся социалистические и национальные черты.

⁹² Советский Союз и венгерский кризис 1956 года... С. 339. В середине октября в прессе с давно уже невиданной остротой поднимались проблемы материального положения трудящихся. «На средства, сэкономленные недоением рабочих», содержатся многочисленные показательные учреждения, «не делающие абсолютно ничего полезного», говорилось в одной из статей. Андропов, увидев в этой публикации «прямой призыв к выражению недовольства», назвал тон подобных статей, написанных представителями оппозиции, «явно угрожающим», а методы написания «провокационными» (Там же. С. 341).

⁹³ См.: *Орехов А.М. События 1956 года в Польше и кризис польско-советских отношений // Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945–1985). Новое прочтение / Отв. ред. Л.Н. Нежинский. М., 1995. С. 217–240.*

⁹⁴ Подписанный в феврале 1947 г. мирный договор с Венгрией сохранял за СССР право держать на территории страны только воинские части, необходимые для поддержания коммуникационных связей с советской зоной оккупации в Австрии. В мае 1955 г. был подписан договор четырех великих держав с Австрией, определявший ее международный статус. В соответствии с этим договором части Советской Армии покинули Австрию. Подписанный в те же дни Варшавский договор не мог стать

должной, отвечающей нормам международного права юридической основой для пребывания в Венгрии советских войск, поскольку военное присутствие СССР в восточноевропейских странах этим договором никак не предусматривалось. Тем не менее в Венгрии продолжали оставаться советские войска, составлявшие с сентября 1955 г. Особый корпус, подчинявшийся непосредственно министру обороны СССР Г.К. Жукову.

⁹⁵ См.: *Серета В. Т., Стыкалин А. С.* Из истории одного противостояния...

⁹⁶ *Крючков В.* Личное дело. С. 52. Вечером 23 октября демонстранты заняли также здание газеты «Сабад неп» с тем, чтобы опубликовать в ней свою программу в полном виде.

⁹⁷ Новое время. 1991. № 35. С. 31.

⁹⁸ См.: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года... С. 356–366.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Там же. С. 416.

¹⁰¹ 1956 sajtója. Október 23 – November 4. Válogatás. Bp., 1989. 67–68 old.

¹⁰² Для того, чтобы в полной мере оценить поворот в позиции премьер-министра, достаточно сопоставить два его выступления по радио, между которыми лежали всего три дня. Если 25 октября Надь говорил о том, что «горстка подстрекателей-контрреволюционеров предприняла вооруженное выступление против строя нашей народной республики, которое поддержала часть трудящихся Будапешта, доведенных до отчаяния положением в стране» (Советский Союз и венгерский кризис 1956 года... С. 383), то в его выступлении от 28 октября звучали уже совсем другие ноты: «Правительство осуждает взгляды, в соответствии с которыми нынешнее грандиозное народное движение рассматривается как контрреволюция... Это движение поставило своей целью обеспечить нашу национальную независимость, самостоятельность и суверенитет, развернуть процесс демократизации нашей общественной, экономической, политической жизни, поскольку только это может быть основой социализма в нашей стране» (Там же. С. 441). Заявлению по радио, фактически признавшему победу народного восстания, предшествовало выступление И. Надь на заседании ЦР ВПТ 27–28 октября, во многом раскрывающее ту логику мысли, которая побудила его к пересмотру позиций: «Если движение, опирающееся на широкую базу, мы будем считать контрреволюцией, как мы и оценивали его поначалу, то не остается другой возможности, как подавить его с помощью оружия, танков и артиллерии. Это трагедия. Теперь нам уже ясно, что это не наш путь... Нужно встать во главе тех огромных, мощных народных сил, которые пришли в движение» (Там же. С. 426).

28 октября по указанию партийного руководства «Сабад неп» опубликовала статью «В соответствии с истиной». «Мы не согласны с

теми, кто события прошедших дней огульно квалифицирует как попытку контрреволюционного, фашистского путча... Следует наконец признать, что в нашей стране развилось охватывающее весь народ и сплывающее его воедино национальное демократическое движение, которому произвол прошедших лет не давал вырваться на поверхность и которое только в последние месяцы при первом дуновении свободы воспыало ярким огнем». По мнению газеты, для партии было бы честью встать во главе этого движения, «ведущего страну к социализму по венгерскому и демократическому пути». Обращаясь к событиям 23 октября, газета не конкретизировала, в силу каких обстоятельств и по чьей вине демонстрация переросла в кровопролитие. Вместе с тем «Сабад неп» замечала, что народ должен знать правду: «подавляющее большинство повстанцев составляют рабочая молодежь и студенты из тех же рабочих, крестьян и интеллигенции, которых нельзя считать врагами народной демократии». Они, а отнюдь не люмпены и не злонамеренные элементы из бывших эксплуататорских классов, также вышедшие на поверхность, определяли, по мнению газеты, главную тенденцию событий. «Вызванные к жизни крепнувшим духом демократизма», в разных уголках страны образуются самодеятельные народные органы. Именно они должны стать опорой правительства и обновляющейся партии.

Позже, в одной из бесед, Лукач, пытаясь определить характер событий 1956 г., говорил о том, что в стране произошло восстание, «которое отличалось от революции и контрреволюции именно тем, что не имело ясно сформулированной цели, что в нем присутствовали идеи как революции, так и контрреволюции» (Цит. по: Венгерские новости. Будапешт. 1989. № 4. С. 4).

¹⁰³ Достаточно назвать классическое стихотворение Дюлы Ийеша «Одной фразой о тирании». Подробнее см.: *Середа В. Т.* Венгерская литература в событиях 1956 г. // Новые проблемы, новые решения. Актуальные аспекты изучения современных литератур Румынии и других стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1992.

¹⁰⁴ См.: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года... С. 506.

¹⁰⁵ Там же. С. 511.

¹⁰⁶ Речь идет о реформе, ликвидировавшей остатки феодального землепользования (в частности, крупные помещичьи латифундии), а не о последующих попытках кооперирования венгерского сельского хозяйства.

¹⁰⁷ 1956 sajtója... 242 old.

¹⁰⁸ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года... С. 487–490. Ср. со словами известного публициста М. Гимеша, опубликованными в те же дни в газете «Мадьяр Сабадшаг»: основой нашего демократического строя станут три «важнейших, непреходящих достижения последних

- 12 лет: то, что земля принадлежит крестьянам, заводы – рабочим, право на образование – всем» (Там же. С. 452). Подробнее см.: *Стыкалин А. С.* Публицистика венгерской революции 1956 года. Часть 2. 12 дней «будапештской осени» (23 октября – 3 ноября) // Вестник МГУ. Сер. 10. Журналистика. 1999. № 1. С. 75–92.
- ¹⁰⁹ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года... Раздел III. Венгерское восстание и решения Кремля (23 октября – 3 ноября 1956 г.).
- ¹¹⁰ Там же. С. 437, 459.
- ¹¹¹ Там же. С. 479.
- ¹¹² *Ворошильский В.* Венгерский дневник // Искусство кино. 1992. № 4. С. 133.
- ¹¹³ Лукач мог иметь в виду выступления лидеров новой партии И. Надя и Я. Кадара, прозвучавшие вечером 1 ноября по радио. Речь Кадара была подготовлена как программное заявление ВСРП (См.: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года... С. 502–505). Между тем, в момент трансляции своей речи Кадар уже находился в расположении советских войск, чтобы утром следующего дня отбыть в Москву для участия в формировании нового правительства (Там же. С. 515–521, 542–547, 549–554).
- ¹¹⁴ *Ворошильский В.* Венгерский дневник. С. 135.
- ¹¹⁵ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года... С. 498–501.
- ¹¹⁶ *Hajdu T.* 1956 nemzetközi háttére // Társadalmi Szemle. 1989. № 8–9.
- ¹¹⁷ *Bossányi K.* Szólampróba. Beszélgetések az alternatív mozgalmakról. Bp., 1989. 270 old.
- ¹¹⁸ Подробнее о международном аспекте событий см.: *Середа В. Т., Стыкалин А. С.* Венгерское восстание и решения Кремля (23 октября – 3 ноября 1956 г.). Введение к разделу III // Советский Союз и венгерский кризис 1956 года... С. 321–338.
- ¹¹⁹ *Ember J.* Menedékjog – 1956. A Nagy Imre-csoport elrablása. Bp., 1989. 89 old.

Глава 8

- ¹ См.: *Tertulian N.* A lukácsi esztétika kritikusai és ellenzői // Társadalmi Szemle. 1994. № 12.
- ² См. интервью Лукача И. Эрши и Э. Везер (1971): *Ember J.* Menedékjog – 1956. A Nagy Imre-csoport elrablása. Bp., 1989. 79–87 old.
- ³ Как вспоминал Хрущев впоследствии в своих широко известных мемуарах, на о. Бриони он ожидал выдержать твердую атаку со стороны Тито. См.: Воспоминания Никиты Сергеевича Хрущева // Вопросы истории. 1994. № 5.
- ⁴ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы / Ред.-состав. *Орехова Е. Д., Середа В. Т., Стыкалин А. С. М.*, 1998. С. 623. Подробнее см.: *Стыкалин А. С.* Советско-югославская полемика вокруг судьбы «группы И. Надя» и позиция румынского руководства (ноябрь–декабрь 1956 года) // Славяноведение. 2000. № 1. С. 70–81.

- ⁵ Часть документов опубликована. См.: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года...; Top secret. Magyar-jugoszláv kapcsolatok 1956. Dokumentumok / Az iratokat gyűjtötte, válogatta, szerkesztette és a bevezető tanulmányt írta: Kiss J., Ripp Z., Vida I. Bp., 1995.
- ⁶ Top secret. Magyar-jugoszláv kapcsolatok 1956... 161 old.
- ⁷ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года... С. 619.
- ⁸ Там же. С. 588.
- ⁹ См. письмо руководства ФНРЮ Н.С. Хрущеву от 5 ноября: Там же. С. 595–596.
- ¹⁰ Там же. С. 595.
- ¹¹ Там же. С. 608–610.
- ¹² Там же. С. 622–625.
- ¹³ Top secret. Magyar-jugoszláv kapcsolatok 1956... 161–163 old.
- ¹⁴ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года... С. 626–627.
- ¹⁵ Там же. С. 628.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Телеграмма М.А. Сулова и А.Б. Аристова в ЦК КПСС из Будапешта от 12 ноября. См.: Там же. С. 643.
- ¹⁸ Подробнее см.: *Стыкалин А.С.* Советско-югославская полемика...
- ¹⁹ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года... С. 643.
- ²⁰ Там же. С. 660.
- ²¹ Там же. С. 659.
- ²² Там же. С. 656–657.
- ²³ Там же. С. 657–661.
- ²⁴ Там же. С. 657.
- ²⁵ Нота госсекретариата ФНРЮ посольству СССР от 24 ноября. См.: Там же. С. 679–683.
- ²⁶ Там же. С. 669.
- ²⁷ Там же. С. 676. О том, как была осуществлена эта акция, см.: *Стыкалин А.С.* Советско-югославская полемика...
- ²⁸ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года... С. 679–683. Сам Д. Лукач вспоминал об этом эпизоде в беседе с И. Эрши и Э. Везер в 1971 г.: *Ember J.* Op. cit. 79–87 old.
- ²⁹ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года... С. 704.
- ³⁰ Там же. С. 701.
- ³¹ Видный югославский политик и публицист М. Джилас, выступивший в защиту венгерского восстания, был арестован в ноябре 1956 г.
- ³² Советский Союз и венгерский кризис 1956 года... С. 743. Заявив, что переправка группы Надя в Румынию совершена на основании договоренности между венгерским и румынским правительствами и в силу

этого якобы делает беспочвенными какие-либо претензии югославских лидеров к советским военным властям, осуществившим эту акцию, Деж затем откровенно поделился своими мыслями о будущем. Мы «не думаем Надь Имре и его группу всю жизнь держать в Румынии; как только (в Венгрии. – А. С.) окрепнет народно-демократическая власть... мы передадим Надь Имре венгерским товарищам и уверены, что он за его преступление будет повешен не за шею, а за язык» (Там же. С. 743). Таким образом, еще задолго до того, как венгерские лидеры открыто поставили вопрос о привлечении Надя к судебной ответственности, румынский руководитель предсказывал суровую расправу над бывшим премьер-министром Венгрии.

³³ См. интервью Лукача И. Эрши и Э. Везер (1971): *Ember J. Op. cit.* 79–87 old.

³⁴ Свидетельство одного из лидеров ВСРП Д. Марошана, побывавшего в Румынии. Телеграмма сотрудника ЦК КПСС В.С. Байкова из Будапешта от 28 декабря 1956 г. с информацией Я. Кадара для ЦК КПСС по вопросу о совещании представителей ЦК КПСС, РРП и ВСРП относительно группы Надя. Архив Президента Российской Федерации. Ф. 3. Оп. 64. Д. 490. Л. 76–77.

³⁵ *Ember J. Op. cit.* 43 old.

³⁶ *Ibid.* 71 old.

³⁷ Советский Союз и венгерский кризис 1956 г... С. 738–740.

³⁸ На популярность Лукача среди части интеллигенции обращалось внимание в ряде дипломатических донесений. См., например: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 479. Л. 163. Есть, однако, свидетельства иного отношения к Лукачу. Так, на одном из заседаний революционного комитета Венгерской Академии наук, созданного в конце октября, а после интервенции 4 ноября некоторое время действовавшего в подполье, кто-то высказал предложение исключить Лукача из состава ВАН... за антипатриотическую статью о драме Мадача (См. главу 7). См.: *Hermán I. Lukács György élete.* Вр., 1985. 193 old.

³⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 479. Л. 105–109. «Многие ученые-коммунисты, сказал Яноши, думают, что в президенты Академии никто из коммунистов, кроме Дьердя Лукача, не пройдет. Лукач – старый коммунист, пользуется высоким авторитетом ученого. Он является, пожалуй, самой подходящей фигурой для избрания в президенты Академии и для пресечения явно реакционных стремлений большей части ученых. Нам неизвестно, добавил Яноши, то, по какой причине «Лукач укрылся в югославском посольстве при повторном вступлении советских войск в Будапешт, а затем уехал в Румынию. Но от этого он не стал реакционером и не изменил своим взглядам ученого-коммуниста» (Там же. Л. 106–107).

⁴⁰ *A MSzMP ideiglenes vezető testületeinek jegyzőkönyvei / Szerk. Neméthné Vagy K. és Urbán K.* Вр., 1993. II. köt. 78 old.

- ⁴¹ См. письмо Б.Н. Пономарева в ЦК КПСС от 12 марта 1957 г.: Исторический архив. 1993. № 6. С. 138–140. Письма Лукача в высшие органы ВСРП, относящиеся к этому времени, см.: *Aczél Gy. A megélt történelem. A Lukács György emlékévé tapasztalataiból // Jövőt mutató elődök.* Вр., 1986. Некоторые опасения, что к Лукачу по приезде в Венгрию «будут липнуть журналисты, студенты и т. д.», Кадар все же высказывал на заседании пленума Временного ЦК ВСРП 26 февраля. См.: *Kalmár M. Lukács és a koegzisztencia (1956–1960) // Beszélő.* Вр., 1997. № 7.
- ⁴² *Ember J.* Ор. cit. 74 old.
- ⁴³ Поначалу даже возникла идея о том, что Лукач не сразу вернется на свою прежнюю квартиру. Затем от этой идеи отказались. См.: *Kalmár M.* Ор. cit.
- ⁴⁴ Один из интересных источников – мемуары ученика Д. Лукача И. Эрши: *Eörsi I. Emlékezés a régi szép időkre.* Вр., 1988.
- ⁴⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 479.
- ⁴⁶ Архив Лукача в Будапеште.
- ⁴⁷ См.: *Kalmár M.* Ор. cit.
- ⁴⁸ См., например: *Lukács Gy. A kritikai realizmus jelentősége ma.* Вр., 1985. 6, 7 old.
- ⁴⁹ При решении вопроса об отношении к Лукачу что-то должно было перевесить: отказ философа поддержать идею Надя о выходе Венгрии из Организации Варшавского Договора либо его выступления на Кружке Петефи, бегство в югославское посольство. Кстати, особая позиция Лукача в вопросе о выходе страны из ОВД оставалась в это время тайной для широкой общественности.
- ⁵⁰ См.: *Kalmár M.* Ор. cit.
- ⁵¹ *Lukács Gy. Adalékok az ifjú Marx filozófiai fejlődéséhez (1840–1844) // Magyar Filozófiai Szemle.* 1957. № 1. Первоначально в 1954 г. статья была опубликована в Берлине на немецком языке.
- ⁵² *Lukács Gy. A különösség mint esztétikai kategória.* Вр., 1957.
- ⁵³ *Lukács Gy. Adalékok az esztétika történetéhez.* Вр., 1953.
- ⁵⁴ *Lukács Gy. Útam Marxhoz. Utóirat // Lukács Gy. Curriculum vitae.* Вр., 1982. 228–229 old. Первая публикация: *Nuovi Argomenti.* 1958. № 33.
- ⁵⁵ *Шнайдер Р.* Лукач и восстание в Будапеште // Страна и мир. Мюнхен, 1986. № 11. С. 53.
- ⁵⁶ За два дня до начала венгерской революции, 21 октября, газета «Зоннтаг» опубликовала статью Д. Хая «Свободное слово в народной демократии», отражавшую оптимизм автора в связи с обновлением руководства Союза венгерских писателей. Впоследствии это дало властям ГДР новый повод заговорить о «разлагающем влиянии» венгерских литераторов на интеллигенцию Восточной Германии.

- ⁵⁷ Записка посла СССР в ГДР Г. Пушкина «О положении в Союзе немецких писателей» от 27 июля 1957 г. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 24. Л. 82. В записке говорилось, что при активном участии В. Хариха, Г. Майера и др. взгляды Лукача пропагандировались в литературных и философских журналах («Зинн унд форм», «Нойе дойче литератур»), а также в высших учебных заведениях; издательство «Ауфбау» выпустило большое количество его работ, широко было отмечено 70-летие Лукача.
- ⁵⁸ См. записку Г. Пушкина от 27 июля 1957 г. (Там же. Оп. 33. Д. 24. Л. 83).
- ⁵⁹ См. воспоминания В. Янки: *Janka W. Schwierigkeiten mit der Wahrheit*. Berlin, 1989. На венгерском языке интервью с В. Янкой см.: 168 óra. 1990. № 11, 22 old.
- ⁶⁰ *Pártköltészet // Lukács Gy. Magyar irodalom – magyar kultúra*. Bp., 1970.
- ⁶¹ Сигети впервые отмежевался от Лукача еще во время кампании 1949–1950 гг. В июне 1956 г. на философской дискуссии Кружка Петефи он осудил себя за малодушие тех лет, заверив участников обсуждения в своей непоколебимой приверженности идеям учителя. Но с изменением политической конъюнктуры Сигети вновь обрушился на Лукача, по ходу дела задев также двух его талантливых учеников – философа Агнеш Хеллер и литературного критика Иштвана Месароша, покинувшего Венгрию в конце 1956 г. См. об этом: *Алексеев В.* Венгрия 56: прорыв цепи. М., 1996. С. 217–220.
- ⁶² Критика философских абстракций Лукача и Фогараши, оторванных от «практических нужд социалистического строительства», звучала также в 1953 г. в связи с выходом первого выпуска венгерского философского ежегодника. См.: *Ripp Z. Filozófiai frontok. Az Évkönyv-vitától a Petőfi Körig // Világosság*. 1989. № 3.
- ⁶³ См. основные статьи Фогараши с критикой «ревизионизма» Лукача: *Tudomány – világnézet – Ideológia // Magyar Filozófiai Szemle*, 1957. № 2–4; *A marxizmus és revizionizmus harca a tudományban // Magyar Filozófiai Szemle*, 1958. № 3–4; *Lukács György filozófiai koncepcióiról // A béke és a szocializmus kérdesei*. Bp., 1959. Ср. с более ранним выступлением, относящимся к юбилейному 1955 г., когда критика идей Лукача не была актуальна: *Lukács György – a filozófia marxista története // MTA II. Osztályának Közleményei. VII köt., 1956, № 2.* О жизненном пути Б. Фогараши см.: *Karádi E. Fogarasi Béla – egy értelmiségi életpálya a XX században // Medvetánc*. Bp., 1983/4–1984/1.
- ⁶⁴ *Wider den missverstandenen Realismus*. Hamburg, 1958. В этой брошюре проводилась мысль о социалистическом реализме как о критическом реализме современной эпохи. Основные ее положения были развиты Лукачем в 1960-е годы (см. гл. 9). См. материалы об отклике на эту работу на Западе: *Lukács-recepció Nyugat-Európában (1956–1963)*. Archivumi Füzetek III / Szerk. Tallár F. Bp., 1983.
- ⁶⁵ См. мемуары И. Эрши: *Eörsi I. Emlékezés a régi szép időkre*. Bp., 1968.

- ⁶⁶ См. прим. 3 к главе 4.
- ⁶⁷ Критику взглядов Хеллер см.: Magyar Filozófiai Szemle. 1957. № 1; 1960, № 2.
- ⁶⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 58. Л. 52–53.
- ⁶⁹ Эльсберг Я. Об ошибочных взглядах Лукача // Литературная газета. 1958 г. 9 авг.
- ⁷⁰ См.: Егоров А. Против ревизионизма в эстетике // Вопросы философии. 1958. № 9 (статья была перепечатана в Венгрии: Társadalmi Szemle. 1958. № 11); Эльсберг Я. Проблемы реализма и задачи литературоведения // Вопросы литературы. 1958. № 11. См. также статью Б. Сучкова (Знамя. 1958. № 11). Несколько выделяется более глубоким знанием предмета выступление М. Хевеши, впоследствии ставшей наиболее видным советским лукачеведом: Хевеши М. А. К критике воззрений Г. Лукача // Вопросы философии. 1958. № 6.
- ⁷¹ См. сноску 49 к главе 7.
- ⁷² Цит. по: Sziklai L. Az «utolsó» kollektív ítélet. Lukács-bírálat: 1958/1959 / Világosság. 1988. № 4.
- ⁷³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 198. Л. 67 Записка в ЦК КПСС, подготовленная в секторе Венгрии отдела по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран, май 1959 г. См. также: Kalmár M. Op. cit. Еще в конце февраля 1959 г. ВСРП приняла постановление о политике в области литературы. Теоретическая деятельность Лукача получила в нем осуждение, хотя и в самом общем виде. Вместе с тем ответственность за «извращения» в литературной политике предшествующего периода решили разделить между «ревизионистом» Лукачем и «сектантами» Ревая и др.
- ⁷⁴ См.: Csizmadia E. A magyar demokratikus ellenzék (1968–1988). Bp., 1995. 29 old.
- ⁷⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 95. Л. 116. О влиянии Лукача на часть немецких литераторов говорилось и в других документах Союза писателей. Так, в справке о положении в литературной жизни ГДР, подготовленной Иностранной Комиссией Союза писателей СССР (1960 г.), указывалось, что «широкое хождение среди писателей ГДР получили ревизионистские взгляды венгерского литературоведа Лукача, отрицавшего по существу классовый характер искусства и литературы, ведущую роль партии в вопросах культуры и умалявшего значение метода социалистического реализма» (Там же. Д. 123. Л. 179).
- ⁷⁶ Часть этих работ см.: Lukács Gy. Curriculum vitae.
- ⁷⁷ См.: Kalmár M. Op. cit.
- ⁷⁸ См.: Georg Lukács und der Revisionismus. Eine Sammlung von Aufsätzen. Hrsg. v. Hans Koch. Berlin, 1960. Среди других программных выступлений идеологов СЕПГ, направленных против Лукача, см. статьи А. Абуша, например: Lukacs' revisionistischer Kampf gegen die sozialistische Literatur // Abusch A. Kulturelle Probleme des sozialistischen Humanismus. Berlin, 1962.

- ⁷⁹ Georg Lukács zum 70. Geburtstag. Berlin, 1955.
- ⁸⁰ См. подготовленный Архивом Лукача в Будапеште сборник статей западных авторов о Лукаче: Lukács-recepció Nyugat-Európában (1956–1963). Вр., 1983.
- ⁸¹ См. об этом: Pike D. Lukács and Brecht. Chapel Hill and London (North Carolina), 1985. Стидлившую апологетику ГУЛАГа в работе Лукача Пайк называет платой за его духовную капитуляцию перед сталинизмом (Ibid. P. 186).
- ⁸² См.: Lukács-recepció Nyugat-Európában...
- ⁸³ Тезисы были обсуждены на партийно-идеологическом активе 19 мая 1960 г. См.: Molnár L. A kommunista filozófus-aktíva vitájáról // Magyar Filozófiai Szemle. 1960. № 3.
- ⁸⁴ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года... С. 476–477.
- ⁸⁵ Одна из его статей так и называлась – «Иродалми уйшаг».
- ⁸⁶ Итальянская коммунистическая партия. VIII съезд. М., 1957.
- ⁸⁷ Kritika. Вр., 1983. № 1; на русском языке см.: Философские науки. 1989. № 6.
- ⁸⁸ В это время философ получил приглашение из Великобритании занять кафедру в Манчестерском университете: *Hermán I.* Op. cit. 201 old.

Глава 9

- ¹ Ворошильский В. Венгерский дневник // Искусство кино. 1992. № 4. С. 145–146.
- ² Гати Ч. Москва и Янош Кадар после 1956 года (Обзор) // Мост. Будапешт, 1992. № 1–2. С. 72.
- ³ Подробно см.: *Стыкалин А. С.* «Пражская весна» 1968 года и позиция Венгрии // Славяноведение. 1998. № 5. С. 68–80.
- ⁴ См.: *Aczél Gy.* Kulturális politikánk néhány kérdése. Вр., 1970; *Idem.* Eszmenk erejével. Вр., 1970; *Idem.* Folytatás és megújulás. Вр., 1980.
- ⁵ На это обстоятельство не могли не обратить внимание западные наблюдатели, ожидавшие подвижек в отношении к Лукачу. См.: *Hanák T.* Miért nem rehabilitáljak Lukács Györgyöt? // Új Látóhatár. 1964. № 4.
- ⁶ См.: Д. Лукач. Своеобразии эстетического. М., 1985–1987. Т. 1–4. Анализ итогового эстетического сочинения Лукача см.: *Долгов К. М.* Диалектика эстетического (Послесловие) // *Лукач Д.* Своеобразии эстетического. Т. 4. С. 514–562; *Долгов К. М.* Эстетика Д. Лукача. М., 1988; *Золташ Д.* Эстетический синтез идей позднего Лукача: катарсис и мимезис // Философские науки. М., 1985. № 6.
- ⁷ *Золташ Д.* Указ. соч. С. 117. «Эстетике» Лукач придавал большое значение – характерен отзыв 1966 г.: «Свой подлинный труд жизни я начал писать в семьдесят лет» (Там же. С. 116).
- ⁸ Подробнее см.: *Долгов К. М.* Указ. соч.

- ⁹ Цит. по: *Золтаи Д.* Указ. соч. С. 121.
- ¹⁰ *Lukács Gy.* A különösség mint esztétikai kategória. Вр., 1957.
- ¹¹ *Золтаи Д.* Указ. соч. С. 123.
- ¹² См., например, одну из первых рецензий на «Эстетику» Лукача, принадлежащую Дж. Штайнеру: *Times Literary Supplement.* 1964. June.
- ¹³ См.: *Tertulian N.* A lukácsi esztétika kritikusai és ellenzői // *Társadalmi Szemle.* 1994. № 12.
- ¹⁴ См., в частности: *Kritika.* 1964. № 9.
- ¹⁵ *Lukács Gy.* Minna von Barnhelm // *Kortárs.* 1964. № 5.
- ¹⁶ См.: *Kritika.* 1965. № 4; *Új Írás.* 1965. № 4; *Élet és Irodalom.* 1965. № 15. Юбилейные статьи были опубликованы также в журналах «Надьвилаг» и др. Среди авторов юбилейных статей – М. Алмаши, З. Кеньереш.
- ¹⁷ См. отклики на «Своеобразие эстетического» в венгерских изданиях: *Világosság.* 1965. № 10; *Kortárs.* 1965. № 11, 12; *Társadalmi Szemle.* 1968. № 2. (И. Херманн); *Valóság.* 1968. № 4; *Kritika.* 1970. № 4; *Magyar Filozófiai Szemle.* 1971. № 3–4. Особенно выделялся отзыв ученицы Лукача А. Хеллер, опубликованный как на венгерском, так и на английском языке: *Kortárs.* 1967. № 9; *New Hungarian Quarterly.* 1966. № 24.
- ¹⁸ *Kritika.* 1965. № 4.
- ¹⁹ *Kritika.* 1965. № 3.
- ²⁰ Цит. по: История литератур Восточной Европы после второй мировой войны. Том первый. 1945–1960-е годы / Отв. ред. В.А. Хорев. М., 1995. С. 137.
- ²¹ В записи беседы советского дипломата с кандидатом в члены Политбюро ЦК СЕПГ, известным в свое время немецким литератором-антифашистом А. Куреллой (февраль 1959 г.) читаем: «Говоря о положении театрального искусства в республике, Курелла подчеркнул, что основные трудности они испытывают с берлинскими театрами. Во всех областях театральной жизни в Берлине засели эпигоны Брехта – крупного художника, но буржуазного. Именно поэтому Брехт имеет такой большой успех на Западе. Но театр Брехта – это не наша дорога. Вот почему настало время вступить в борьбу с людьми, пользующимися именем Брехта для протаскивания буржуазных идей и нравов в театры ГДР» (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 86. Л. 68–69).
- ²² Книжевност. Београд, 1954. № 11. С. 361. С Видмаром в 1950-е годы много полемицировал М. Лифшиц. См. его работы: По поводу статьи И. Видмара «Из дневника» // *Новый мир.* 1957. № 9; «Философия жизни» И. Видмара // Там же. 1958. № 12.
- ²³ См. русское издание: *Лукач Д.* К онтологии общественного бытия. Прологомены. М., 1991.
- ²⁴ *Лукач Д.* Социалистический реализм сегодня // *Вопросы литературы.* 1991. № 4. С. 91.

²⁵ Там же. С. 70–71.

²⁶ И роман, и драма при всем различии своих жанровых конструкций одинаково ориентированы, по мнению Лукача, на тотальное отображение существенных жизненных явлений в диалектической взаимосвязи частного и общего. Лукачевская трактовка тотальности восходила к работе «История и классовое сознание», в «Своеобразии эстетического» философ конкретизировал свое понимание тотальности применительно к эстетической сфере сознания.

²⁷ Лукач Д. Социалистический реализм сегодня. С. 70.

²⁸ В статье «Социалистический реализм сегодня» Лукач попытался проиллюстрировать этот тезис на примере творчества крупного швейцарского немецкоязычного прозаика XIX в. Г. Келлера, творчеством которого много занимался и в статьях 1930-х годов (См., например: Лукач Г. Готфрид Келлер // Литературный критик. 1940. № 11–12). Думается, что Лукач сам в некоторой мере осознавал неполноту своего подхода к различению специфики романа и новеллы: «выдвинутая здесь... альтернатива – «еще не» или «уже не» – ни в коем случае не исчерпывает исторических взаимосвязей романа и новеллы», – заметил он в той же статье (Лукач Д. Социалистический реализм сегодня. С. 71).

²⁹ Там же. С. 73.

³⁰ См.: Lukács G. Solzhenitsyn. London, 1970.

³¹ Лукач ссылался здесь на «Тихий Дон» М. Шолохова, произведения М. Горького, А. Макаренки, А.Н. Толстого, А. Фадеева.

³² Лукач Д. Социалистический реализм сегодня. С. 73. Лукач заметил при этом, что любая попытка подлинно реалистического изображения недавнего прошлого наталкивается на ожесточенное сопротивление сектантов-бюрократов, призывающих не копать в прошлом.

³³ Там же. С. 79.

³⁴ Там же. С. 74, 78.

³⁵ См., например, выступление А. Фадеева на пленуме Союза советских писателей (Правда. 1950. 1 февр.).

³⁶ А. Платонов печатался в них под псевдонимами в качестве критика.

³⁷ Лукач Д. Социалистический реализм сегодня. С. 84, 75, 77.

³⁸ Там же. С. 76. Об отношении Д. Лукача и его ближайшего единомышленника М. Лифшица к творчеству Солженицына чаще всего стараются умолчать те, кто, подобно видным философам А. Гульге и М. Кагану, некорректно пытается поставить знак равенства между теорией «высокого реализма» и мертвящим официозом сталинско-брежневской эстетической ортодоксии. См., например: Гульга А. В мире антиэстетики // Литературная учеба. 1987. № 5; см. также дискуссию с участием М. Кагана (Философские науки. 1986. № 5); несостоятельность некоторых обвинений в адрес эстетики Лукача–

- Лифшица убедительно показывает В. Арсланов. См.: *Арсланов В.* За что казнил Михаил Булгаков Михаила Александровича Берлиоза? (о литературно-критическом процессе 30–40-х годов) // *Вопросы литературы.* 1989. № 8.
- ³⁹ *Лукач Д.* Социалистический реализм сегодня. С. 73.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Там же. С. 74.
- ⁴² Там же. С. 88.
- ⁴³ Там же. С. 91.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Там же. С. 81.
- ⁴⁶ Там же. С. 89. «Те же, пусть самые честные и самые талантливые, кто... следуя в хвосте западных направлений, тщится создать нечто «необычное», – со временем, с развитием пока скрытых, пока что грядущих сил будут выглядеть как заурядные эпигоны» (Там же. С. 90). «Речь здесь идет лишь о том, что если разочарование в социализме встретится со стилевыми формами западного скепсиса, то из этого в конечном счете родится лишь эпигонство», – резюмировал философ (Там же). Примечательно, однако, и другое высказывание из той же статьи Лукача, проясняющее его отношение не только к литературному авангарду, но и к некоторым явлениям современной западной литературы, отнюдь не вписывающимся в понятие «авангард»: «У меня нет намерения снова поднимать вопрос об авангардизме. Мы знаем, что такие писатели, как Брехт, поздний Томас Вулф, Эльза Моранте, Генрих Белль и другие создали важные, своеобразные и, насколько можно судить, долговечные произведения» (Там же).
- ⁴⁷ *Urbán K.* Lukács és az MSzMP 1967/68-ban // *Magyar Nemzet.* 1990. 2 IV; *Népszabadság.* 1988. 19 IX.
- ⁴⁸ Наиболее непосредственный носитель этих традиций – И. Сац, бывший в начале 1930-х годов секретарем А.В. Луначарского, позже сотрудником журнала «Литературный критик», а в 1960-е годы членом редколлегии «Нового мира» А. Твардовского.
- ⁴⁹ *Лакшин В.Я.* Воспоминания о Дьерде Лукаче // *Иностранная литература.* 1988. № 7. С. 231.
- ⁵⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 150. Л. 47.
- ⁵¹ *New Hungarian Quarterly.* 1965 № 18.
- ⁵² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 150. Л. 47.
- ⁵³ В одной из бесед конца 1960-х годов Лукач провел неожиданную параллель между Кадаром и собой. Получив воспитание в более чем обеспеченной буржуазной семье, я вполне пресытился богатством еще в детстве и позже никогда не ставил во главу угла идеалы сытости и материального комфорта, заметил философ. Подобно тому, как я знаю изнутри крупную буржуазию,

Кадар как, пожалуй, никто другой из крупных венгерских политиков знает изнутри рабочий класс, а потому не идеализирует его, не считает каждого пролетария потенциальным революционером, знает, что большинство рабочих никогда не променяет относительного материального благополучия сегодняшнего дня на несбыточные утопии (*Shawcross W. Crime and Compromise. János Kádár and the Politics of Hungary since Revolution. London, 1974. 269 p.*). В этом замечании Лукача о Кадаре как нельзя лучше отразился итог его собственной духовной эволюции от мессианского утопизма начала 1920-х годов к политическому реализму и даже прагматизму 1950–1960-х годов, заставлявшему философа в начале ноября 1956 г. выступать против выхода Венгрии из Организации Варшавского договора, а в 1968 г. предостерегать чехословацких реформаторов от скороспелых, непродуманных акций, способных только сорвать поступательное осуществление реформы.

⁵⁴ *Urbán K. Op. cit.*

⁵⁵ В доверительных беседах с единомышленниками философ довольно сдержанно оценивал перспективы глубоких реформ системы. Во-первых, кадаровская программа реформ, сосредоточившись на экономике, слишком мало внимания уделяла перестройке политической сферы. Во-вторых, ВСРП, как и другие восточноевропейские компартии, очень бюрократизирована, отчуждена от масс, преодолеть сопротивление длительных бюрократических традиций, мешающих подлинному народному волеизъявлению, будет нелегко даже при самом искреннем настрое реформаторов. В-третьих, и сам народ после всего пережитого (эпоха Ракоши, события 1956 г.) в значительной своей части удовлетворен существующим положением, у него нет желания что-либо принципиально менять (*Shawcross W. Op. cit. P. 269, 276–278*).

⁵⁶ Некоторые вопросы послевоенной мировой политики, роли СССР на международной арене были затронуты Лукачем в интервью, опубликованном на страницах журнала «Надьвилаг» (*Nagyvilág. 1969. № 10*). Главный венгерский литературный журнал «Кортарш» перепечатал в мае 1968 г. интервью Лукача по проблемам мирного сосуществования государств с различным общественным строем, до этого опубликованное на Западе (*Kortárs. 1968. № 5; New Hungarian Quarterly. 1968. № 32*). Несколько бесед было посвящено личности Ленина, которого Лукач до конца жизни ценил не только как выдающегося политического практика, но и как неординарного мыслителя (См.: *Nagyvilág. 1970. № 5; Új Írás. 1971. № 8; Népszabadság. 1971. № 135; New Hungarian Quarterly. 1970. № 40*). В целом ряде интервью, частью опубликованных посмертно, Лукач обращался к событиям 1919 г., вспоминал о Венгерской советской республике, размышлял о ее культурной политике, к которой был причастен самым непосредственным образом (*Magyar Zene.*

1969. № 2; *Élet és Irodalom*. 1970. № 12; *Ibid.* 1975. № 11). Биографический характер имел фильм-интервью, подготовленный венгерскими кинодокументалистами (литературная запись опубликована в 1975 г. в нескольких номерах еженедельника «Элет эш иродалом»: *Élet és Irodalom*. 1975. № 15, 18, 31 etc.). В то же время одно из интервью Лукача было посвящено проблемам прогнозирования будущего, футурологии как науке (*Valóság*. 1971. № 11). Немалый отклик вызвали организованные в 1969 г. венгерским радио беседы Д. Лукача со своим соратником по «Воскресному обществу» 1910-х годов известным эстетиком А. Хаузером, в то время жившим в Великобритании. См.: *Hauser A. Találkozásaim Lukács Györggyel*. Вр., 1978. Список интервью Лукача как венгерским, так и иностранным журналистам можно продолжать долго.

⁵⁷ См., например, интервью Лукача, в котором он излагал свой подход к периодизации венгерской литературы: *Irodalomtörténet*. 1969. № 2.

⁵⁸ См.: *Filmkultúra*. 1968. № 3; 1971. № 1; 1981. № 3 (интервью по проблемам экранизации литературной классики); *Kritika*. 1972. № 5.

⁵⁹ См. на английском языке: *New Hungarian Quarterly*. 1974. № 54.

⁶⁰ Проблемы кинематографической образности поднимались Лукачем и в переписке с известным итальянским киноведом Г. Аристарко: *Filmvilág*. 1989. № 8.

⁶¹ В это время вновь актуализируется критика 1958–1959 гг. См., в частности: *Lukács' revisionistischer Kampf gegen die Sozialistische Literatur* (1958) // *Abusch A. Kulturelle Probleme des sozialistischen Humanismus*. Berlin, 1967, S. 323–335.

⁶² РГАЛИ. Ф. 2843. Оп. 1. Д. 652. Л. 72. Записка А. Дымшица в ЦК КПСС от 14 октября 1968 г. (Там же. Л. 69–80) была составлена по просьбе идеологических органов КПСС, заинтересовавшихся позицией Лукача в связи с чехословацкими событиями 1968 г.

⁶³ См.: *Стыжалин А. С.* Указ. соч. С. 68–80. По точному замечанию историка В. Мусатова, вынужденный компромисс Кадара был свидетельством неблагоприятных условий и объективных исторических лимитов, в которых реализовывалась реформаторская программа кадаризма. См.: *Мусатов В. Л.* Янош Кадар и эпоха реформ в Венгрии // *Новая и новейшая история*. 1990. № 3; *Он же.* Предвестники бури. Политические кризисы в Восточной Европе (1956–1981). М., 1996. Глава II.

⁶⁴ Цит. по: *Якубова Н. О.* Венгерский «альтернативный театр»: 60–80-е годы // *Власть и интеллигенция (из опыта послевоенного развития стран Восточной Европы)*. Вып. 2. М., 1993. С. 83.

⁶⁵ «От правды никуда не уйдешь...» Новые документы о событиях в Чехословакии в 1968 г. / Публикация А. Д. Чернева // *Кентавр*. 1993. № 4. С. 83.

- ⁶⁶ *Gespräche mit Georg Lukács. Hamburg, 1967.*
- ⁶⁷ См. мемуары Агнеш Хеллер: *Heller Á. Bicikliző majom. Élet- és korrajz. Kőbányai János interjúregénye. 2 kiad. Bp., 1999.*
- ⁶⁸ *Urbán K. Op. cit.*
- ⁶⁹ *Aczél Gy. Eszmenk eréjével. 20 old.*
- ⁷⁰ См. прим. 56 к 9 главе.
- ⁷¹ *Lukács Gy. Megélt gondolkodás. Életrajz magnószalagon. Bp., 1989. 304 old.* «Как теоретик я считаю, что вправе выражать свои взгляды, я не хочу принимать участие в истерике, но хотел бы внести ясность в возникающие теоретические вопросы», – заметил Лукач в частном письме от 3 октября 1968 г. (Архив Д. Лукача в Будапеште).
- ⁷² Полный текст письма см.: *A magyar demokratikus ellenzék (1968–1988). Dokumentumok / Szerk. Csizmadia E. Bp., 1995.*
- ⁷³ Однако если мы откажемся участвовать, рассуждал Кадар, это создаст еще большую напряженность, нервозность, еще более осложнит ситуацию, сделает ее непредсказуемой. К тому же, если Венгрия останется в стороне, она лишит себя возможности влиять на дальнейшее развитие событий. Речь, таким образом, идет о печальной необходимости. Политбюро, приняв к сведению эти доводы, санкционировало решение своего шефа (*Nyers R. Feljegyzések 1968-ból, a csehszlovákiai intervencióról // História. 1993. № 9/10. 49 old.; Янош Кадар о «пражской весне» // Коммунист. 1990. № 7*). Все руководство партии искренне сожалело, что наши усилия закончились безуспешно, вспоминал Кадар в 1989 г. (Янош Кадар о «пражской весне». С. 102).
- ⁷⁴ Подробно см.: *Латыши М.В. «Пражская весна» 1968 года и реакция Кремля. М., 1998.*
- ⁷⁵ *Nyers R. Op. cit. 50 old.*
- ⁷⁶ См.: *Heller Á. Op. cit.; Csizmadia E. A magyar demokratikus ellenzék (1968–1988). Bp., 1995; Tőkés R. A kialakított forradalom. Gazdasági reform, társadalmi átalakulás és politikai hatalomutódlás 1957–1990. Bp., 1998* (см. также англоязычное издание – прим. 93 к главе 9).
- ⁷⁷ См.: *Файон М.Я. Проблемы становления политического и идеологического плюрализма (на примере Венгрии 1960–1970-х годов). Рукопись дисс. на соискание... канд. ист. наук, защищенной в 1991 г. в Ин-те славяноведения и балканистики РАН.*
- ⁷⁸ Подробно см.: *Латыши М.В. Указ. соч.*
- ⁷⁹ Кинорежиссер Э. Шорм, один из представителей новой волны в чехословацком кино 1960-х годов, еще до августа 1968 г. говорил в интервью французскому киноведческому журналу: «Национализация нашего кино была попыткой выгнать торговцев из храма. Боюсь, что теперь они начинают

туда возвращаться. С тех пор как мы приступили к экономической реформе и начался приток валюты, сборы кинозалов снова стали играть важную роль; заговорили о рентабельности, о коммерческом успехе. Так что режиссерам будет все труднее работать, и особенно тем, которые экспериментируют, ищут новые средства выражения. Начнется бойкот так называемых «некоммерческих» фильмов. Мы оказались на крутом повороте, это тяжелый момент для чехословацкого кино» (Искусство кино. 1992. № 4. С. 148).

⁸⁰ См. его выступление в журнале «Кортарш» (1969. № 4).

⁸¹ В попытках некоторых идеологов осуществить фундаментальную реформу реального социализма на основе многопартийной системы Лукач видел не более чем некритическое заимствование элементов неприемлемой для него буржуазной демократии. В этой связи философ предостерегал своих собеседников от идеализации первой Чехословацкой республики, возрождения в атмосфере «пражской весны» культа Т.Г. Масарика. Надо сказать, что у народного комиссара Венгерской советской республики были свои счеты с основателем нового чехословацкого государства: в 1919 г. венгерский коммунистический режим столкнулся с молодой Чехословацкой республикой из-за Словакии, на которую претендовали оба государства, Лукач же в это время был политкомиссаром именно на северном фронте. При этом следует иметь в виду, что Масарик вообще крайне негативно отнесся к венгерской коммунистической диктатуре, боясь распространения революции на свою страну.

⁸² *Lukács Gy. A demokratizálódás jelene és jövője. Bp., 1988.* Венгерскому изданию предшествовало немецкоязычное, также подготовленное и осуществленное в Будапеште: *Lukács G. Demokratisierung heute und morgen. Bp., 1985.* Один из фрагментов этой книги под заголовком «Ленин и проблемы переходного периода» впервые увидел свет еще в 1970 г. в сборнике работ Лукача о Ленине (*Lukács Gy. Lenin. Bp., 1970*). На русском языке опубликована часть работы Лукача «Настоящее и будущее демократизации»: *Лукач Д. Демократическая альтернатива сталинизму // Коммунист. 1990. № 14.* Первоначально Лукач собирался писать работу о проблемах демократии в буржуазном обществе, но под влиянием событий «пражской весны» захотел дополнить ее разделом о социалистической демократии, ее возможностях и перспективах. Завершена работа была к концу ноября 1968 г. Об обстоятельствах подготовки этого труда см. послесловие Л. Сиклаи к венгерскому изданию 1988 г.

⁸³ *Lukács Gy. Curriculum vitae. Bp., 1982. 39 old.* Лукач писал, что социалистическая демократия является не просто «расширением» демократии в сравнении с буржуазной. Она должна быть «не идеалистической надстройкой над стихийным материализмом буржуазного общества, а материальным

движущим фактором самого общественного мира... Ее задача заключается в том, чтобы реально пронизать всю материальную жизнь всех людей, выразить их социальность как продукт собственной деятельности всех людей, начиная с повседневных дел и кончая решающими для общества вопросами» (Здесь и далее цит. по несовершенному переводу журнала «Коммунист». 1990. № 14. С. 43).

⁸⁴ *Lukács Gy. A demokratizálódás jelene és jövője. 172 old.*

⁸⁵ «Социализм (а тем более коммунизм) является формацией, в которой общественное целое и его развитие все сильнее подчиняются единому телеологическому управлению и все больше утрачивают ту свойственную капитализму структуру, при наличии которой из приобретающих все большую общественную концентрацию стихийных полаганий подобного рода должна в конце концов получаться нормально функционирующая причинность целого», – писал Д. Лукач (Коммунист. 1990. № 14. С. 40). При этом он подчеркивал, что речь идет о «сознательной постановке экономического развития на службу более высоким родовым интересам» (Там же). Философ апеллировал к поздним работам Ленина, пытаясь показать, что с точки зрения основателя советского государства социализм есть «социально осознанная (доведенная до осознания) общность всех трудящихся, необходимая для того, чтобы благодаря их собственному труду, благодаря их собственному опыту поднять их материальное и духовное существование до социальной осмысленности разумного взаимодействия» (Там же. С. 41).

⁸⁶ *Népszabadság. 1988. 19 IX.* Большое значение в этой связи Лукач придавал проблеме традиции. «Правила человеческого общежития и сотрудничества, которые характеризуют социалистическую демократию», надо рассматривать «не как радикально новые... принципы, а как элементарные, тысячелетиями действовавшие силы, которые, правда, могли обрести социальную всеобщность лишь при социализме». Речь идет об «органичном соединении признания преемственности определенных исторических тенденций развития и необходимого изменения их функций во время великих революционных переходов и переворотов». «В глубочайшем согласии с человеческой сущностью не никогда не существовавшее доселе должно вступить в мир, а наоборот, на все общество должны распространиться, стать всеобщими «лишь» определенные человеческие установки, формы поведения и т. п., которые доселе могли реализовываться только в порядке «исключений»» (Коммунист. 1990. № 14. С. 45).

⁸⁷ В области более узко взятой экономической реформы, по мнению Лукача, ведущую роль призваны играть демократизирующиеся государственные институты, а также массовые организации (профсоюзы), в то время как при распространении реформы на внеэкономические сферы перед

демократически обновляющейся партией открывается чрезвычайно важное поле работы. Во всех областях человеческой деятельности решающее значение приобретут непосредственные начинания масс, которые найдут свое проявление в бесконечном многообразии конкретных форм, сегодня зачастую непредсказуемых.

⁸⁸ *Lukács Gy. A demokratizálódás jelene és jövője.* 192–193 old.

⁸⁹ *Ibid.* 58–59 old.

⁹⁰ Все-таки Лукач не мог не признать: «Ленин должен был не только смотреть со стороны, а подчас помогать и способствовать тому, что в гражданскую войну непосредственные безотлагательные задачи, прежде всего военные, а потом, в силу их практического верховенства, также идущие с ними рука об руку гражданские все больше приобретали бюрократические формы». «После победоносного окончания периода гражданской войны одной из главных его забот был, – по мнению Лукача, – демонтаж этих форм при возвращении к нормальной жизни общества. Яснее всего эта тенденция выразилась в дилеммах дискуссии о профсоюзах» (Коммунист. 1990. № 14. С. 42).

⁹¹ Из выступления М. Вайды на конференции, посвященной Д. Лукачу, в Сегеде в ноябре 1989 г. *Vajda M. A filozófus és a politika: Lukács és Heidegger // Miért Lukács? A szegedi Lukács-szimpozion anyaga.* Вр., 1990. 27–37 old.

⁹² *Известия.* 1990. 28 июня.

⁹³ См.: *Tőkés R.L. Hungary's negotiated revolution. Economic reform, social change and political succession, 1957–1990.* Cambridge, 1996, 1998.

⁹⁴ См.: *Lukács Gy. Curriculum vitae; Idem. Megélt gondolkodás...*

⁹⁵ См. русскоязычное издание: *Лукач Д. К онтологии общественного бытия...* (сокращенное немецкоязычное издание — 1971–1973 г., венгерское издание — 1976, полное немецкое издание — 1984–1986; польское издание — 1982–1985; и т. д.).

⁹⁶ Подробнее см.: *Хевеши М.А.* Онтологическая интерпретация марксизма. Работа Д. Лукача «К онтологии общественного бытия» // Историко-философский ежегодник. М., 1989; *Нарский И.С., Хевеши М.А.* Построение социальной онтологии марксизма (Последнее теоретическое сочинение Д. Лукача) // *Лукач Д. К онтологии общественного бытия...* Излагая философское содержание поздней работы Д. Лукача, автор особенно широко опирался на статью М.А. Хевеши.

⁹⁷ Цит. по: *Алмаши М.* К оценке книги «Онтология общественного бытия» Дьердя Лукача // *Философские науки.* 1985. № 3. С. 135.

⁹⁸ См.: *Нарский И.С.* «Онтология общественного бытия» Д. Лукача и «двойная» онтология Гегеля // *Философские науки.* 1985. № 3. См. также ряд статей венгерских философов об онтологии Лукача: *Magyar Filozófiai Szemle.* 1979. № 3–4.

- ⁹⁹ Нарский И.С. Указ. соч. С. 125–31.
- ¹⁰⁰ Там же.
- ¹⁰¹ См. мемуары А. Хеллер: *Heller Á. Bicikliző majom. Élet- és korrajz...*
- ¹⁰² См., например: *Népszabadság*. 1971. № 132; *Népszava*. 1971. № 132; *Élet és Irodalom*. 1971. № 24; *Irodalomtörténeti Közlemények*. 1971. № 4; *Kortárs*. 1971. № 8; *Kritika*. 1971. № 7; *Magyar Tudomány*. 1971. № 7–8; *Magyar Zene*. 1971. № 3; *Nagyvilág*. 1971. № 8; *Új Írás*. 1971. № 8.
- ¹⁰³ Вопросы философии. 1971. № 11.
- ¹⁰⁴ *New Hungarian Quarterly*. 1972. № 47.
- ¹⁰⁵ См. материалы конференции: МТА *Filozófiai és Történettudományi Osztály Közlemények*. Вр., 1976. № 1.
- ¹⁰⁶ *Hermán I. Lukács György gondolatvilága*. Вр., 1974.
- ¹⁰⁷ Слова видного литературоведа В. Миттенцвая, опубликованные в 1970 г. Цит. по: *Гугнин А. Литература ГДР в 70–80-е годы и проблемы культурного наследия // Литература европейских социалистических стран в 70–80-е годы*. М., 1988. С. 136.
- ¹⁰⁸ Там же. С. 137.
- ¹⁰⁹ Там же. Главный идеолог СЕПГ К. Хагер на VI Пленуме ЦК СЕПГ по вопросам культуры впервые на высшем партийном форуме заметил: 1) в субъективных позициях многих модернистов «кроется позиция протеста против капиталистического мира»; 2) «в общей борьбе против империализма они – возможные партнеры» и союзники революционного рабочего движения. От «буржуазного» модерна постепенно стали отделять художников, которые политически перешли на позиции, близкие компартиям. И в творчестве многих из тех, кто не продвинулся в политическом плане настолько далеко, стали искать и обнаруживать гуманистические намерения и потенции. В 1970-е годы в ГДР были изданы произведения М. Пруста, А. Жида, Дж. Джойса, Дж. Дос Пассоса, которые ранее однозначно причислялись к антиреализму и не получали распространения.
- ¹¹⁰ *Dialog und Kontroverse mit Georg Lukács / Hrsg. von W. Mittenzwei*. Leipzig, 1975.
- ¹¹¹ В конце 1970-х — 1980-е годы идеологи СЕПГ актуализировали творчество позднего Лукача прежде всего как критика современной буржуазной философии. См. например, выступление представителя ГДР на большой юбилейной конференции в Будапеште весной 1985 г.: *Buhr M. Lukács György és a jelenkor polgári ideológiája // Az élő Lukács*. Вр., 1985. 51–59 old. См. на русском языке: *Бур М. Д. Лукач и современная буржуазная идеология // Философские науки*. 1986. № 2.

Заключение

- ¹ «Каждый философ, не в узко академическом понимании этого слова, а тот, кто действительно достоин называться философом, в своем мышлении глубоко вторгается в решающие конфликты своей эпохи, выискивает пути достижения конечной цели борьбы, вырабатывает принципы доведения борьбы до конца и, тем самым, придает борьбе более определенную направленность», – писал Лукач в одной из позднейших своих работ (*Lukács Gy. A társadalmi lét ontológiáról. Vp., 1976. II köt. 526–527 old.*).
- ² О встречах с Д. Лукачем (из воспоминаний Мих. Лифшица) / Публикация А.А. Вишневого // *Философские науки. 1988. № 12. С. 77.*
- ³ Там же.
- ⁴ См. размышления об этом М. Лифшица (там же).
- ⁵ Там же. С. 78.
- ⁶ Там же.
- ⁷ См.: *Мотылева Т. Вспоминая Лукача / Ландор М. Собеседник на всю жизнь (предисловие) // Вопросы литературы. 1998. № 2.*
- ⁸ О влиянии теории «большого реализма» Лукача – Лифшица на студенческую молодежь 1930-х годов, в частности на студентов ИФЛИ, вспоминает Ю.П. Шарапов. См.: *Шарапов Ю.П. Лицей в Сокольниках. Очерк истории ИФЛИ (1931–1941 гг.). М., 1995.*
- ⁹ О встречах с Д. Лукачем (из воспоминаний Мих. Лифшица). С. 79.
- ¹⁰ См.: *Илеш Л. Смена парадигмы и тоталитарные диктатуры (Очерк о 30-х годах) // Власть и интеллигенция. Вып. 3. Культурная политика в странах Центральной и Восточной Европы. 1920–1950-е годы / Ред.-состав. А.С. Стыкалин. М., 1999. С. 21–45.*
- ¹¹ *Лукьянов Ф. Венгрия вырывается из сталинского социализма // Союз. 1990. № 46.*
- ¹² *Hagyományébredés. Filozófiatörténeti konferencia Miskolcon // Népszabadság. 1996. 25 I.*

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Agárdi Péter – 260
Ambrus János – 284, 288
Arató A. – 258
Bahr E. – 259
Bakonyi I. – 288
Bendl Júlia – 261, 263
Bernstein J.M. – 259
Beiersdörfer K. – 266
Bossányi K. – 312
Botká Ferenc – 277, 288
Breines P. – 258
Congdon Lee – 259, 260, 265, 273
Csizmadia Ervin – 317, 324
Demecs D.D. – 259
Dénes T. – 263
Dersi Tamás – 298
Ember Judit – 312–315
Feenberg A. – 259
Fekete Éva – 260, 265
Gábor É. – 263
Gluck Mary – 259, 260, 265
Hajdu Tibor – 312
Hanák Tibor – 318
Hegedűs B. András – 300
Holzman M. – 259
Joos E. – 259, 260
Justus Pál – 287
Kadarkay Árpád – 259, 260
Kalmár Melinda – 315, 317
Karádi Éva – 260, 265, 316
Katona F. – 263
Kilminster R. – 259, 300
Királyfalvi B. – 259, 260
Kiss József – 313
Köbányai János – 324
Krajkó A. – 271
Krausz Tamás – 260

- Kulcsár Szabó Ernő – 295
Lapointe F.H. – 258, 275, 300
Laská L. – 291
Lendvai L. Ferenc – 264
Lichtheim G. – 259
Lőwy M. – 259
Lunn Eu. – 259
Maciness N. – 259
Márcus J. – 258
Mesterházi Miklós – 260, 261
Molnár János – 285, 288
Molnár L. – 318
Monostori Imre – 289
Nagy Endre – 288
Nemétné Vágyi K. – 314
Novák Zoltán – 258, 265
Nyiri J.C. –
Pomogáts Béla – 288
Poszler György – 260, 285
Póth Piroska – 293
Rainer M.János – 297, 309
Ripp Zoltán – 300, 313, 316
Shawcross W. – 322
Standeisky Éva – 285–287, 291
Szerdahelyi István – 277, 284
Tallár Ferenc – 316
Tar Z. – 259
Tertulian N. – 279, 312, 319
Tihanov Galin – 277
Timár Árpád – 263
Tőkés Rudolf – 324, 327
Ungvári Tamás – 288
Urbán Károly – 259, 260, 285, 314, 321, 322, 324
Varga S. – 296
Vida István – 313
Weber Marianne – 265
Wolf Friedrich – 276

- Абендрот (Abendroth) Вольфганг – 235
Абрамов Ф.А. – 144
Абуш (Abusch) А. – 197, 317, 323
Агапов Б.Н. – 144
Ади (Ady) Эндре – 30, 31, 38, 42, 66, 68, 72, 88, 109, 229, 260, 263, 278, 284
Адоратский В.В. – 79
Адорно (Adorno) Теодор – 36, 58, 205, 234, 259
Ажаев В. Н. – 126, 128
Александров В.Б. – 280
Александров Г.Ф. – 274
Алексеев В. – 316
Алмаши (Almási) Миклош – 201, 319, 327
Альтман И.Л. – 280
Андерсон (Anderson) Перри – 259
Андропов Ю.В. – 161, 165, 166, 171, 187, 301, 303, 306, 309
Анисимов И.И. – 280
Ансерме (Ansermet) Эрнест – 110
Анталл (Antall) Йожеф – 257
Антуан (Antoine) Андре – 26
Аполлинер (Apollinaire) Гийом – 41
Арагон (Aragon) Луи – 156
Арань (Arany) Янош – 109
Аристарко (Aristarco) Гуидо – 323
Аристов А.Б. – 189, 190, 313
Аристотель Стагирит – 158, 217
Арсланов В.Г. – 321
Асмус В.Ф. – 99, 101
Ахматова А.А. – 199
Ацел (Aczél) Дьердь – 10, 206, 212, 213, 233, 235, 315, 318, 324
Ацел (Aczél) Тамаш – 140, 294, 295,
Бабаевский С.П. – 126
Бабич (Babits) Михай – 32, 42, 52, 67, 68, 115, 138, 273
Байков В.С. – 314
Балаж, Балаш (Balázs) Бела – 27, 42, 43, 52, 56, 67, 69, 70, 273, 288
Бальзак (Balzac) Оноре де – 19, 84–90, 222–224, 226, 277, 279, 283
Банг (Bang) Герман – 24
Баноци (Bánóczy) Ласло – 27
Барт (Barthes) Ролан – 36, 37
Барта (Barta) Шандор – 67
Барток (Bartók) Бела – 27, 30, 52, 67, 69

- Бауэр (Bauer) Бруно – 79
Бахтин М.М. – 3, 261
Белль (Böll) Генрих – 321
Бенедек (Benedek) Марцел – 24, 26, 308
Бенедек (Benedek) Элек – 24
Бенке (Benke) Валерия – 200
Беньямин (Benjamin) Вальтер – 36, 259
Бергсон (Bergson) Анри – 41, 58, 79
Бердяев Н. А. – 3
Берия Л.П. – 98, 232
Бессонов Б.Н. – 13, 14, 261, 262
Бехер (Becher) Иоганнес – 8, 99, 196, 197, 276, 279, 283
Бибо (Bibó) Иштван – 117, 288
Биро (Biró) Лайош – 67
Бир-Хоффман (Beer-Hofmann) Рихард – 32
Блок А.А. – 52
Блох (Bloch) Эрнст – 28, 38, 55, 256, 297
Богданов Ю.В. – 21
Бокаччо (Boccaccio) Джованни – 223
Борис Годунов – 212
Боркенау (Borkenau) Франц – 57
Бортник (Bortnik) Шандор – 67
Бортштибер Гертруд см.: Лукач (Бортштибер) Гертруд
Брам (Brahm) Отто – 26
Бредель (Bredel) Вилли – 197
Брежнев Л.И. – 251
Бретон (Breton) Андре – 286
Брехт (Brecht) Бертольд – 5, 82, 85, 93, 137, 220, 259, 279, 280, 318, 319, 321
Брик О.М. и Л.Ю. – 39
Броди (Bródy) Шандор – 26
Бубер (Buber) Мартин – 22
Булгаков М.А. – 321
Бур (Buhr) Манфред – 328
Бурлацкий Ф.М. – 306
Бюхнер (Büchner) Георг – 100, 260
Вайда (Vajda) Михай – 201, 243, 244, 327
Варга Е.С. – 67, 198
Василевский (Wasilewski) Анджей – 220
Ваш (Vas) Золтан – 189, 193

- Ваш (Vas) Иштван – 135, 285
Вебер (Weber) Макс – 3, 28, 33, 36, 40, 41, 44, 57, 58, 74, 254, 259, 265, 266
Везер (Vezér) Эржебет – 263, 265–267, 281, 312–314
Вендровская Л. – 298
Вереш (Veres) Й. – 288
Вереш (Veres) Петер – 125, 135, 140
Вёреш (Weöres) Шандор – 135
Вертхаймер (Wertheimer), Лукач Адель – 23
Верхарн (Verhaeren) Эмиль – 88
Вигнер (Wigner) Ене (Эуген, Юджин) – 24
Видмар (Vidmar) Иосип – 220, 319
Вильям-Вильмонт Н.Н. – 280, 281
Виндельбанд (Windelband) Вильгельм – 40
Винер Н. – 281
Виноградов И.И. – 13, 228
Витгенштейн (Wittgenstein) Людвиг – 245
Вишневский А.А. – 262, 329
Вогюэ (Vogüé) Эжен Мелькиор де – 262
Ворошилов К.Е. – 110
Ворошильский (Woroszylski) Виктор – 180, 181, 210, 312, 318
Вулф (Wolfe) Томас – 321
Вышинский А.Я. – 121, 263
Габор (Gábor) Андор – 67
Габсбурги (Habsburger) – 46, 51, 63, 65, 66, 68
Гадамер (Gadamer) Ханс Георг – 217, 261
Гайда А.В. – 15, 261
Гайек (Hayek) Иржи – 228, 241
Гальперина Е.Л. – 280
Гароди (Garaudy) Роже – 16, 229
Гартман (Hartmann) Николай – 217, 245
Гати (Gáti) Чарлз – 318
Гауптман (Hauptmann) Герхарт – 24, 26, 72–74, 273
Геббельс (Goebbels) Йозеф – 204
Гегель (Hegel) Георг Вильгельм Фридрих – 13, 23, 36, 42, 45, 49, 58, 78, 79, 83, 96, 99–106, 155, 158, 245, 250, 260, 273, 277, 282, 300, 302, 327
Гейне (Heine) Генрих – 84, 87, 129, 277
Геллерт (Gellert) Эндре – 149
Гёнци (Göncz) Арпад – 173
Георге (George) Стефан – 32, 44
Георгиу-Деж (Gheorghiu-Dej) Георге – 188, 190, 191, 314

- Гергей (Gergely) Шандор – 283, 284, 288, 290
Гере (Gerő) Эрне – 162, 163, 173, 209, 298
Гете (Goethe) Иоган Вольфганг – 19, 23, 39, 51, 84, 86, 87, 89, 96, 100, 106, 129, 224, 282, 283, 289, 290
Гидаш (Hidas) Антал – 67, 288
Гимеш (Gimes) Миклош – 311
Гитлер (Hitler) Адольф – 20, 81, 96, 107, 302, 304
Голд (Gold) Майкл – 295
Гольдманн (Goldmann) Люсьен – 34, 205, 264
Гольц (Goltz) Ганс-Гейнц – 235
Гомер – 37
Гомулка (Gomułka) Владислав – 172, 210, 232
Гончаров И.А. – 39
Горький Максим – 26, 52, 168, 225, 320
Готше (Gotsche) Отто – 82
Гофман (Hoffmann) Эрнст Теодор Амадей – 87, 88, 250
Грабенко Е. – 38, 39
Грамши (Gramsci) Антонио – 153, 253, 259, 300
Гриб В. Р. – 84, 280
Гримм (Grimm) Якоб и Вильгельм – 296
Громыко А.А. – 166
Гугнин А.А. – 328
Гулыга А.В. – 260, 320
Гусев Ю.П. – 21, 287, 289
Гуссерль (Husserl) Эдмунд – 45, 79, 218
Гюнтер (Günter) Х. – 291
Даллес (Dulles) Джон Фостер – 182
Данте Алигьери (Dante Alighieri) – 37
Деборин А.М. – 60, 79, 80, 269
Дери (Déry) Тибор – 67, 68, 117, 125, 135, 137, 140, 142, 143, 156, 159, 161, 162, 166, 168, 169, 177, 192, 230, 288, 289
Деркович (Derkovits) Дюла – 138
Джентиле (Gentile) Джованни – 100
Джилас Милован – 191, 313
Джойс (Joyce) Джеймс – 92, 94, 169, 270, 328
Ди Витторио (Di Vittorio) Джузеппе – 207
Диккенс (Dickens) Чарлз – 280
Дильтей (Dilthey) Вильгельм – 28, 36, 52
Димитров Георгий – 98, 281, 282
Дмитриев А.Н. – 15, 20, 39, 57, 261, 262, 264–266, 268, 275

- Добренко Е. – 291
Дожа (Dózsa) Дьердь – 127
Дойчер (Deutscher) Исаак – 210
Долгов К.М. – 14, 261, 318
Долматовский Е.А. – 308
Донат (Donáth) Ференц – 180
Дорати (Dogati) Антал – 24
Дос Пассос (Dos Passos) Джон – 328
Достоевский Ф.М. – 19, 36–39, 44, 45, 70, 224, 262, 264
Дубчек (Dubček) Александр – 233
Дудинцев В.Д. – 167
Дымшиц А.Л. – 13, 231, 259, 323
Дьюи (Dewey) Джон – 217
Дюма (Dumas) Александр – 296
Дюркгейм (Durkheim) Эмиль – 41
Дягилев С. П. – 30
Егоров А.Г. – 202, 317
Ермилов В.В. – 95, 280, 281
Жданов А.А. – 123, 199
Жид (Gide) Андре – 328
Жуков Г.К. – 179, 310
Заволжский С. – 120, 290
Зайдлер (Seidler) Ирма – 34, 35, 264
Залаи (Zalai) Бела – 42, 54
Зегерс (Seghers) Анна – 197, 297
Зелк (Zelk) Золтан – 166, 192, 230
Земляной С.Н. – 15, 261, 266, 269, 270, 275, 276, 301
Зенкин С. – 36, 258, 262
Зиммель (Simmel) Георг – 3, 27, 28, 30, 41, 52, 254
Золтаи (Zoltai) Денеш – 201, 214, 260, 284, 318, 319
Золя (Zola) Эмиль – 91, 93, 223, 283
Зусман (Zusman) М. – 263
Ибсен (Ibsen) Генрик – 26, 33, 34
Игнотус (Ignotus) Пал – 308
Ийеш (Illyés) Дюла – 67, 68, 119, 135, 260, 311
Иллеш (Illés) Ласло – 20, 269, 274, 277, 284, 329
Иллеш (Illés) Бела – 67, 124, 130, 144
Иллеш (Illés) Эндре – 135
Ильенков Э.В. – 106, 155, 202
Ингарден (Ingarden) Роман – 217, 218

- Исламов Т.М. – 21, 297
Йекели (Jekely) Золтан – 135
Йожеф (József) Аттила – 67, 68, 109, 138, 198, 229
Йожеф (József) Фаркаш – 51, 197, 277, 284
Каган М.С. – 320
Кадар (Kádár) Янош – 10, 180, 184–192, 194, 203, 204, 208–213, 230, 232–234, 236, 272, 285, 312, 314, 315, 318, 321–324
Кадар (Kádár) Д. – 127
Каллаи (Kállai) Дюла – 191, 193, 194, 201
Кальман (Kálmán) Имре – 24
Кант (Kant) Иммануил – 49, 102, 106
Кардош (Kardos) Ласло – 174
Каринти (Karinthy) Фридеш – 67, 138
Карл Габсбург (Habsburg) – 63, 64
Каройи (Károlyi) Михай – 46, 48, 50, 51, 53, 267
Карпати (Kárpáti) Аурел – 308
Каснер (Kassner) Рудольф – 32
Катона (Katona) Йожеф – 128
Кафка (Kafka) Франц – 92, 94, 169, 183, 279
Кашшак (Kassák) Лайош – 43, 50, 67, 116, 134, 266, 286, 287
Келлер (Keller) Готфрид – 320
Кеньереш (Kenyeres) Золтан – 272, 319
Кеpeci (Köpeczi) Бела – 51, 267
Керр (Kerr) Альфред – 24, 55
Кертес, Кертис (Kertész, Curtiz) Майкл (Михай) – 67
Кеси (Keszi) Имре – 308, 309
Кетли (Kéthly) Анна – 177
Кеттлер (Kettler) Дэйвид – 51, 259, 267
Киплинг (Kipling) Джозеф Редьярд – 90
Кирай (Király) Иштван – 132, 234, 291, 294
Кирпотин В.Я. – 280
Киселев Е.Д. – 121, 263
Китаев В.В. – 15, 261
Кишфалуди Штробль (Kisfaludi Stróbl) Жигмонд – 28, 127
Кланицаи (Klaniczay) Тибор – 150
Клебельсберг (Kleibelsberg) Куно – 68, 69, 272
Клейст (Kleist) Генрих фон – 250
Книпович Е.Ф. – 280
Ковач (Kovács) Бела – 176
Кодай (Kodály) Золтан – 27, 30, 52

- Колдуэлл (Caldwell) Эрскин – 295
Комор (Komor) Имре – 165
Комьят (Komját) Аладар – 67
Конечны (Konecsny) Д. – 127
Конрад (Conrad) Джозеф – 224
Конрад (Konrád) Дьердь – 244
Коня (Kónya) Лайош – 164
Корвин (Korvin) Отто – 54
Корда (Korda) Шандор – 67
Коротков А.В. – 300
Корш (Korsch) Карл – 253
Костка Чонтвари (Kosztka Csontvári) Тивадар – 30, 138
Костолани (Kosztolányi) Деже – 42, 52, 67, 68, 138, 267
Кофлер (Kofler) Лео – 205, 235
Кох (Koch) Ганс – 197, 317
Коштоянц Х.С. – 193
Кошут (Kossuth) Лайош – 64, 147, 294
Кравченко В. – 204
Краснова А. (Кун Агнесса) – 288
Кроче (Croce) Бенедетто – 217
Круди (Krúdy) Дюла – 46, 67, 138, 256
Крушинский С.К. – 298
Крючков В.А. – 154, 259, 301, 303, 308, 310
Куба (Kuba; он же Бартель Курт) – 197
Кун (Kun) Бела – 54, 56, 75, 288, 289
Кунфи (Kunfi) Жигмонд – 51
Курелла (Kurella) Альфред – 319
Куренная Н.М. – 20
Кьеркегор (Kierkegaard) Серен – 28
Лакшин В.Я. – 13, 95, 228, 260, 281, 321
Ландлер (Landler) Ене – 56
Ландор М.Б. – 258, 262, 329
Ласк (Lask) Эмиль – 42
Лассаль (Lassalle) Фердинанд – 84, 275
Латыш М.В. – 324
Лацко (Lackó) Миклош – 69, 270, 272, 275
Лежнев И.Г. – 144
Лендьел (Lengyel) Йожеф – 67
Ленин В.И. – 55, 61, 62, 77–80, 120, 131, 148, 154, 169, 260, 267, 268, 270, 276, 322, 325–327

- Лесаков В.И. – 298
Леснаи (Lesznai) Анна – 49, 84, 276
Лессинг (Lessing) Готхольд Эфраим – 218, 250
Лефевр (Lefebvre) Анри – 156, 297
Либкнехт (Liebknecht) Карл – 55
Липатов А.В. – 291
Лифшиц М.А. – 13, 15, 78, 79, 83, 84, 95, 144–146, 225, 253–255, 262, 274, 275, 277, 280, 297, 308, 319–321, 329
Лосский Н.О. – 40
Лошонци (Losonczy) Геза – 164, 171, 180, 193
Лукач (Lukács) Анна – 201
Лукач (Lukács) Мария – 38
Лукач (Lukács) Янош – 23
Лукач (Бортштибер; Bortstieber) Гертруд – 39, 183, 189, 193, 201, 281
Лукач (Левингер; Löwinger) Йозеф – 22, 23
Лукьянов Ф.Е. – 329
Луначарский А.В. – 83, 321
Льюис (Lewis) Синклер – 295
Люксембург (Luxemburg) Роза – 55
Мадач (Madách) Имре – 149, 298, 299, 314
Майер (Mayer) Г. – 316
Майор (Major) Отто – 167
Макаренко А.С. – 134, 320
Макдональд (Macdonald) Джеймс Рамсей – 268
Маленков Г.М. – 146, 183, 184, 189, 190
Мальц (Maltz) Альберт – 295
Манди (Mándy) Иван – 135
Манн (Mann) Генрих – 55
Манн (Mann) Томас – 3, 7, 36, 41, 55, 77, 89, 94, 106, 107, 117, 138, 159, 168, 180, 258, 273, 283
Манхейм, Маннхейм (Mannheim) Карл (Карой) – 43, 52, 67, 267
Мараи (Márai) Шандор – 67
Маркс (Marx) Карл – 4, 49, 57, 58, 61, 77, 78, 87, 100, 105, 166, 195, 196, 206, 245, 253–257, 259, 269, 274–276, 278, 283, 285, 304
Маркузе (Marcuse) Герберт – 234
Маркуш (Márkus) Дьердь – 11, 201, 237, 249, 301
Марошан (Marosán) Дьердь – 198, 209, 314
Мартен-дю-Гар (Martin du Gard) Роже – 93
Масарик (Masaryk) Томаш Гарриг – 325
Мах (Mach) Эрнст – 52

- Маяковский В.В. – 39
Меднянски (Mednyánszky) Ласло – 30, 138
Мезе (Mező) Имре – 176
Мерло-Понти (Merleau-Ponty) Морис – 5, 111
Месарош (Mészáros) Иштван – 201, 259, 260, 309, 316
Месей (Mészöj) Миклош – 135
Микеланджело Буонарроти (Michelangelo Buonarroti) – 149
Микоян А.И. – 162, 174, 306
Мииндсенти (Mindszenty) Йожеф – 176
Митин М.Б. – 80, 274
Миттенцвай (Mittenzwei) В. – 328
Мичунович Велько – 185
Молотов В.М. – 96
Мольер (Molière) Жан Батист – 89, 128
Мольнар (Molnár) Ференц – 67
Мондриан (Mondrian) Пит – 286
Мопассан (Maupassant) Ги де – 91, 223
Моранте (Morante) Эльза – 321
Мориц (Móricz) Жигмонд – 42, 52, 67, 68
Мотрошилова Н.В. – 202
Мотылева Т.Л. – 15, 99, 262, 281, 282
Мохой-Надь (Moholy-Nagy) Ласло – 67
Мукаржовский (Mukařovský) Ян – 156
Мусатов В.Л. – 323
Муссолини (Mussolini) Бенито – 100, 272
Мюллер (Müller) Рейнхард – 262, 273, 276
Надь (Nagy) Имре – 6, 16, 142, 143, 146, 150, 151, 157, 167, 168, 171, 174–176, 179, 180, 182–193, 195, 199–202, 204, 207, 211, 233, 303, 310, 312–315
Надь (Nagy) Лайош – 135
Надь (Nagy) Шандор – 294, 295
Нарский И.С. – 13, 15, 261, 262, 327, 328
Нежинский Л.Н. – 309
Нейман (Neumann) Я. фон – 24
Неймарк А. – 298
Нексе (Андерсен-Нексе; Andersen Nexø) Мартин – 168
Немет (Neméth) Ласло – 67, 114, 118, 119, 135, 178, 289
Немеш Надь (Neméth Nagy) Агнеш – 135
Ненни (Nenni) Пьетро – 297
Нехотин В.В. – 20

- Николаев В.Ф. – 190
Нири (Nyíri) Криштоф – 263
Ницше (Nietzsche) Фридрих – 6, 84
Новалис (Novalis) – 28, 32
Нович И.С. – 280
Новопашин Ю.С. – 21
Ньерш (Nyers) Реже – 237, 324
Ойзерман Т.И. – 14, 261, 282
Окулов А.Ф. – 302
Орехов А.М. – 309
Орехова Е.Д. – 299, 312
Орлов Б.В. – 261
Оттвальт (Ottwalt) Э. – 82
Оттлик (Ottlik) Геза – 135
Паал (Pál) Иштван – 234
Пайк (Pike) Дэйвид – 275, 318
Панди (Pándi) Пал – 234
Паскевич И.Ф. – 42
Пастернак Б.Л. – 110
Переверзев В.Ф. – 4
Петефи (Petőfi) Шандор* – 64–66, 109, 138, 292, 294, 295
Пикассо (Picasso) Пабло – 286
Пилински (Pilinszky) Янош – 135
Платонов А.П. – 225
Пожони (Pozsonyi) – 293
Покровский М.Н. – 81
Полани (Polányi) Карой – 67
Полани (Polányi) Михай – 67
Полевой Б.Н. – 148
Померанцев В.М. – 144
Пономарев Б.Н. – 148, 193, 298, 315
Пономарева Е.В. – 21
Поппер (Popper) Лео – 34
Пор (Pór) Берталан – 67
Поцелуев С. П. – 15, 58, 261, 263, 265, 268
Прохазка (Prohászka) Отгокар – 271
Пруст (Proust) Марсель – 92, 94, 328

* Кроме тех упоминаний фамилии Петефи, где речь идет о названном в честь него Кружке Петефи.

- Пушкин А.С. – 129, 283
Пушкин Г.М. – 196, 316
Пышновская З.С. – 279
Райк (Rajk) Ласло – 120, 128, 132, 167
Ракоци (Rákóczi) Ференц – 64, 69
Ракоши (Rákosi) Матьяш – 98, 99, 119–121, 123, 126–130, 132, 134, 143, 145, 146, 151, 154, 161–164, 172, 194, 209, 263, 281–284, 290, 294, 298, 300, 322
Рассел (Russel) Бертран – 193
Реваи (Révai) Йожеф – 63, 114, 121, 123, 125, 127, 129, 130, 133, 135, 139, 199, 203, 206, 288, 290–295, 317
Рейнхардт (Reinhardt) Макс – 30
Рейх Б. – 281
Риббентроп (Ribbentrop) Иоахим – 96
Рикардо (Ricardo) Давид – 102
Риккерт (Rickert) Генрих – 40
Риппл-Ронаи (Rippl-Rónai) Йожеф – 30, 138
Розенберг (Rosenberg) Альфред – 6
Рокитянский Я.Г. – 262, 273
Роялан (Rolland) Ромен – 93
Россиянов О.К. – 265, 271
Рудаш (Rudas) Ласло – 121, 199, 284
Румянцев А.М. – 148
Рюриков Б.С. – 145
Рязанов Д.Б. – 77, 79, 273, 275
Сабо (Szabó) Иштван – 231
Сабо (Szabó) Миклош –
Сабо (Szabó) Леринц – 135
Саболчи (Szabolcsi) Бенце – 308
Саболчи (Szabolcsi) Миклош – 234, 277, 284
Самарин Р.М. – 149, 150
Санто (Szántó) Золтан – 189, 193
Сартр (Sartre) Жан Поль – 5
Сахалтуев А. – 280
Сац И.А. – 13, 84, 144, 145, 321
Свифт (Swift) Джонатан – 279
Сезанн (Cézanne) Поль – 31
Сентивани (Szentiványi) – 293
Сервантес (Cervantes) де Сааведра Мигель – 86, 296
Серета В.Т. – 17, 20, 261, 262, 273, 281, 298–300, 306, 307, 310–312

- Серов И.А. – 190
Сигети (Szigeti) Йозеф – 198, 199, 316
Сиклаи (Sziklai) Ласло – 260, 275, 317, 325
Синеи Мерше (Szinyeyi Merse) Пал – 138
Синклер (Sinclair) Эптон – 295
Сирмаи (Szirmái) Иштван – 259
Сисакян Н.М. – 302
Смит (Smith) Адам – 102
Солдатич Далибор – 184, 185, 187
Солженицын А.И. – 7, 224–226, 228, 258, 320
Соловьев В.С. – 39, 40
Спенсер (Spencer) Герберт – 31
Сталин И.В. – 8, 93, 97, 119, 126, 127, 134, 144, 153, 154, 160, 161, 166, 169, 173, 183, 195, 239, 242, 289, 293, 294, 304
Стейнбек (Steinbeck) Джон – 295
Стендаль (Stendhal) – 223, 226, 283
Степун Ф.А. – 40
Стерн (Sterne) Лоренс – 28
Стеценко А. – 281
Стриндберг (Strindberg) Юхан Август – 26
Стыкалин А.С. – 262, 264, 271–273, 277, 281, 283, 285, 295–297, 299, 300, 306, 307, 310, 312, 313, 318, 323, 329
Сурков А.А. – 145, 297
Сулов М.А. – 165, 174, 189, 190, 306, 313
Сучков Б.Л. – 317
Тамаш (Tamás) Аладар – 301
Тамашаи (Tamási) Арон – 67, 135, 299
Тардош (Tardos) Тибор – 152, 161
Тарнопольский Ю. – 31
Твардовский А.Т. – 13, 145, 255, 297, 321
Текеи (Tökei) Ференц – 201
Тертуллиан Квинт Септимий Флоренс – 47
Тершански (Tersánszky) Йожи Ене – 135
Тимар (Timár) Иштван – 97
Тинеманн (Tinemann) Тивадар – 110
Тиса (Tisza) Иштван – 22, 66
Тито (Броз Тито) Йосип – 183, 184, 188, 191, 312
Толстой А.Н. – 226, 320
Толстой Л.Н. – 19, 37, 39, 86, 89, 222, 224, 278, 280
Тольятти (Togliatti) Пальмиро – 153, 162, 166, 207, 308

- Топчиев А.В. – 193
Тот (Tóth) Арпад – 67
Тот Л. (Tóth) – 132, 294
Тцара (Tzara) Гростан – 286
Уайлд (Wilde) Оскар – 91
Уитц (Uitz) Бела – 67
Уйхейи (Újhelyi) Силард – 182
Ульбрихт (Ulbricht) Вальтер – 8, 196, 232, 250
Усиевич Е.Ф. – 280
Уэллс (Wells) Герберт – 296
Фабри (Fábrí) Золтан – 231
Фадеев А.А. – 121, 148, 226, 276, 290, 320
Файон М.Я. – 324
Фаркаш (Farkas) Михай – 120, 290
Фаст (Fast) Говард – 295
Федосеев П.Н. – 147, 155, 297, 302
Фейте (Fejtő) Ференц (он же Фейто Франсуа) – 5, 18, 19, 119, 258, 262, 287, 289
Фелдеша (Földesi) Иштван – 300
Фехер (Fehér) Ференц – 201
Фихте (Fichte) Иоганн Готлиб – 37, 102
Фишер (Fischer) Эрнст – 16
Флобер (Flaubert) Гюстав – 91, 223
Фогараша (Fogarasi) Бела – 198, 199, 203, 206, 301, 316
Фрадкин И.М. – 280
Франк Бруно – 55
Франс (France) Анатолий – 93
Франц Иосиф Габсбург (Habsburg) – 24, 63
Фрейд (Freud) Зигмунд – 41
Фукуяма (Fukuyama) Фрэнсис – 252
Фюлеп (Fülep) Лайош – 40, 45, 308
Фюман (Fühmann) Франц – 282
Фюшт (Füst) Милан – 135
Хабермас (Habermas) Юрген – 261
Хагер (Hager) К. – 328
Хай (Háy) Дюла – 67, 151, 152, 163, 165, 166, 192, 315
Хайдеггер (Heidegger) Мартин – 217, 245, 327
Хамваш (Hamvas) Бела – 135
Хараста (Haraszti) Шандор – 171, 181
Харих (Haruch) В. – 289, 290, 316

- Хатар (Hatar) Дьезо – 135
Хаузер (Hauser) Арнольд – 12, 32, 43, 49, 52, 67, 256, 259, 323
Хеббель (Hebbel) Кристиан Фридрих – 48
Хевеши М.А. – 14, 261, 265, 269, 282, 317, 327
Хевеши (Hevesi) Шандор – 26
Хегедюш (Hegedüs) Андраш – 162
Хеллер (Heller) Агнеш – 11, 134, 201, 213, 235, 237, 249, 259, 264, 301, 316, 317, 319, 324, 328
Хемингуэй (Hemingway) Эрнест – 224, 295
Херманн (Hermann) Иштван – 201, 250, 260, 280, 299, 314, 318, 319, 328
Херцль (Herzl) Теодор – 24
Ходжа (Hoxha) Энвер – 162
Хонеккер (Honecker) Эрих – 250
Хонт (Hont) Ференц – 288
Хорват (Horgváth) Мартон – 114, 115, 120, 121, 124, 126–130, 136, 138, 171, 199, 289, 292–295, 302
Хорев В.А. – 21, 291, 319
Хоркхаймер (Horkheimer) Макс – 58, 234
Хорти (Horthy) Миклош – 55, 63, 126, 127, 270–272, 285
Хрущев Н.С. – 153, 160, 161, 167, 171, 172, 180, 183, 184, 187, 239, 312, 313
Хусарик (Huszárik) Иштван – 231
Хьюз (Hughes) Ленгстон – 295
Цвейг (Zweig) Арнольд – 297
Цвейг (Zweig) Стефан – 296
Чаушеску (Ceaușescu) Николае – 212
Чернев А.Д. – 300, 323
Чернобаев А.А. – 300
Черняков Ю.Д. – 259
Чехов А.П. – 26, 223
Чонтвари (см.: Костка Чонтвари Тивадар)
Чубарьян А.О. – 289
Чуканов М.Ю. – 267
Шагинян М.С. – 78, 144
Шарапов Ю.П. – 262, 329
Шаркади (Sarkadi) Имре – 137, 291, 292
Шекспир (Shakespeare) Уильям – 51, 70, 79, 86, 89
Шеллинг (Schelling) Фридрих Вильгельм Йозеф – 302
Шепилов Д.Т. – 185
Шерлаимова С.А. – 21
Шетер (Sötér) Иштван – 234

- Шиклош (Siklós) Т. – 302
Шиллер (Schiller) Фридрих – 33, 39, 84, 87, 106, 250, 277
Шкловский В.Б. – 5
Шнайдер (Schneider) Рольф – 196, 315
Шолохов М.А. – 126, 134, 159, 168, 225, 226, 320
Шомло (Somló) Бодог – 27
Шопенгауэр (Schopenhauer) Артур – 6, 28
Шорм (Šorm) Э. – 324
Шпенглер (Spengler) Освальд – 79, 253, 281
Шпет Г.Г. – 79
Штайнер (Steiner) Дж. – 319
Щеглов М.А. – 144
Щербина В.Р. – 149, 150
Эйзенхауэр (Eisenhower) Дуайт Дэйвид – 182
Эйзенштейн С.М. – 159
Эйслер (Eisler) Ганс – 297
Эк (Ék) Шандор – 165
Эльсберг Я.Е. – 201, 317
Элюар (Eluard) Поль – 134, 137
Энгельс (Engels) Фридрих – 78, 89, 137, 177, 274, 278, 283, 285
Эрдеш (Erdős) Ласло – 307
Эренбург И.Г. – 55, 97, 110, 267
Эркень (Örkény) Иштван – 125, 135, 137
Эрнст (Ernst) Поль – 42, 55
Эрпенбек (Erpenbeck) Фриц – 276
Эрши (Eörsi) Иштван – 25, 42, 201, 229, 265, 267, 281, 312–316, 263
Юдин П.Ф. – 79
Юзовский Ю. – 145
Юхас (Juhász) Дюла – 42, 65, 67
Юхас (Juhász) Ференц – 137
Якубова Н.О. – 323
Янка (Janka) Вальтер – 8, 197, 316
Яношши (Jánossy) Ференц – 201
Яношши (Яноши; Jánossy) Лайош – 192, 201, 314
Янчо (Jancsó) Миклош – 231
Яси (Jászi) Оскар – 29, 31, 42, 67
Ясперс (Jaspers) Карл – 5, 111, 284

SUMMARY

Gyorgy Lukács (1885–1971) is an internationally well-known Hungarian philosopher, essayist and literary critic. His early essays were influenced by Georg Simmel and Max Weber, who were his teachers in the best universities of Germany. Later he moved to the political Left and joined the Hungarian communist party in late 1918. An active politician for many decades, he was responsible for the cultural policy in Hungary during the communist experiment of 1919 and later, in the days of the revolution of 1956, he was the minister of culture in the government of Imre Nagy. But above all he was a philosopher, not a politician.

Lukács's main work, 'History and Class Consciousness', published in 1923 in Berlin, became one of the sources of the Frankfurt School, while also influencing other trends of modern European thought. In the early 1930s, before the Nazis came to power, Lukács was an important figure in the public life of Germany and actively worked with the political left wing. After 1933, having emigrated to the USSR, he published some essays inspiring discussions and attracting the attention of many Soviet intellectuals. After 1945 in the post-war Hungary he wrote a lot of books and essays including his late Marxist syntheses of aesthetics and social ontology. During the seven decades of his literary and political activities, Lukács was often criticized by both liberals and communists, but his every new book was of interest among the intellectuals in many countries.

The international bibliography on Lukács and his critics numbers several thousand publications. But many facts of his life and activities are still unknown by scholars. Particularly little information exists concerning his arrest in Moscow in 1941 as well as some episodes of his life in 1950s. Almost unstudied has likewise been the response to Lukács's works in the USSR by both intellectuals and the communist ideological structures.

To answer some of these questions the author used a lot of unpublished documents from Russian and Hungarian archives.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Начало творческого пути (1902–1914)	22
Глава 2. Духовная эволюция Д. Лукача в годы первой мировой войны и революций в Австро-Венгрии (1914–1919)	41
Глава 3. Вена–Москва–Берлин (сентябрь 1919 – март 1933)	54
Глава 4. Дьердь Лукач в СССР (1933–1945)	83
Глава 5. Дьердь Лукач в литературно-общественной жизни Венгрии второй половины 1940-х годов	108
Глава 6. Эстетика соцреализма в Венгрии начала 1950-х годов и позиция Д. Лукача	123
Глава 7. XX съезд КПСС и несостоявшийся ренессанс марксизма в Венгрии. Д. Лукач в революции 1956 г.	142
Глава 8. Консолидация кадаровского режима и «проблема Лукача» (конец 1956–1962)	183
Глава 9. Последние годы жизни (1963–1971)	210
Заключение	253
Примечания	258
Именной указатель	330
Summary	347

85601
RU

А.С. СТЫКАЛИН. ДЪРДЪ ЛУКАЧ – МЫСЛИТЕЛЬ И ПОЛИТИК